

ISSN 2500–3682

СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

ПОЗНАНИЕ
№ 4 2022 (АПРЕЛЬ)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор
Д.К. Кирнарская
Выпускающий редактор
Ю.Б. Миндлин
Верстка
Н.Н. Лаптева

Подписной индекс издания в каталоге агентства
«Пресса России» — 43288

В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука: актуальные проблемы
теории и практики» обязательна!

Журнал отпечатан в типографии ООО «КОПИ-ПРИНТ»
тел./факс: +7 (495) 973-8296

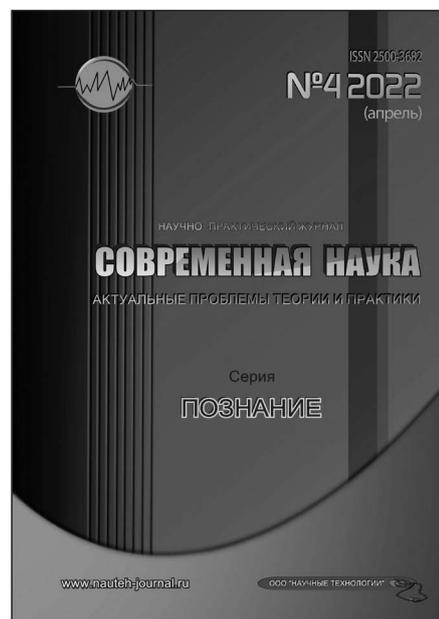
Подписано в печать 22.04.2022 г. Формат 84x108 1/16
Печать цифровая
Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

Серия: Познание №4 (апрель) 2022 г

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

(ВАК - 09.00.00, 19.00.00, 24.00.00)

В НОМЕРЕ:

КУЛЬТУРОЛОГИЯ
ПСИХОЛОГИЯ
ФИЛОСОФИЯ

Издатель:
Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:
109443, Москва,
Волгоградский пр-т, 116-1-10 Тел/факс: 8(495) 142-8681
e-mail: redaktor@nauteh.ru
<http://www.nauteh-journal.ru>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-65429 от 04.05.2016 г.

ISSN 2500-3682

9 772500 368003 >

Редакционный совет

Кирнарская Дина Константиновна — доктор искусствоведения, д.псх.н., профессор Российской академии музыки им. Гнесиных

Миндлин Юрий Борисович — к.э.н., доцент, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии им. К.И. Скрябина

Бурлина Елена Яковлевна — д.филол.н., профессор, Самарский государственный медицинский университет

Вислова Аминат Даняловна — д.псх.н., Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований, в.н.с.

Воронина Наталья Ивановна — д.филол.н., профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева

Злотникова Татьяна Семеновна — д. искусствоведения, профессор, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского

Иконникова Светлана Николаевна — д.филол.н., профессор, Санкт-Петербургский государственный институт культуры

Кибальченко Ирина Александровна — д.псх.н., профессор, Южный федеральный университет

Кириллова Наталья Борисовна — д. культурологии, профессор, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина

Комиссаренко Светлана Сергеевна — д. культурологии, доцент, Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов

Корнилова Ольга Алексеевна — д.псх.н., доцент, Самарский государственный институт культуры

Коротких Вячеслав Иванович — д.филол.н., профессор, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина

Кургузов Владимир Лукич — д. культурологии, к.и.н., профессор, Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления

Куруленко Элеонора Александровна — д. культурологии, Самарский государственный институт культуры

Листвина Евгения Викторовна — д.филол.н., профессор, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

Махаматов Таир Махаматович — д. филол.н., профессор, Финансовый университет при Правительстве РФ

Морозова Ирина Станиславовна — д.псх.н., профессор, Кемеровский государственный университет

Никольский Сергей Анатольевич — д.филол.н., Институт философии РАН, зав. сектором

Овсяник Ольга Александровна — д.псх.н., доцент, Российский экономический университет им. В.Г. Плеханова

Паршукова Галина Борисовна — д. культурологии, к.пед.н., доцент, Новосибирский государственный технический университет

Пономарева Галина Михайловна — д.филол.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Разлогов Кирилл Эмильевич — д. искусствоведения, профессор, ВГИК

Садохин Александр Петрович — д. культурологии, доцент, РАНХиГС при Президенте РФ

Сгибнева Ольга Ивановна — д.филол.н., профессор, Волгоградский государственный университет

Серов Николай Викторович — д. культурологии, Оптическое общество им. Д.С. Рождественского, действительный член

Синягин Юрий Викторович — д.псх.н., профессор, РАНХиГС при Президенте РФ, заместитель директора «Высшая школа государственного управления»

Сиюхова Аминет Магаметовна — д. культурологии, доцент, Майкопский государственный технологический университет

Соловьева Светлана Владимировна — д.филол.н., доцент, Самарский государственный институт культуры

Тихонова Анна Юрьевна — д. культурологии, доцент, Ульяновский государственный педагогический университет им И.Н. Ульянова

Фадеева Ирина Евгеньевна — д. культурологии, профессор, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина

Хренов Николай Андреевич — д.филол.н., профессор, Государственный институт искусствознания Министерства культуры РФ, профессор, Всероссийский государственный институт кинематографии имени С. А. Герасимова

Черноризов Александр Михайлович — д.псх.н., профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова

Экштут Семён Аркадьевич — д.филол.н., профессор, Институт всеобщей истории РАН, руководитель Центра истории искусств и культуры

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Культурология

- Алиева С.А.** – Воплощение женского вопроса в культурных моделях
Aliyeva S. – Culturological approach to women in cultural concepts 6
- Арефьев М.А., Зыкин А.В.** – Методология культурологического подхода в исследовании этнокультурных феноменов
Arefyev M., Zykin A. – Methodology of the culturological approach in the study of ethnocultural phenomena 12
- Кашлатова Л.В.** – Женские демонические персонажи в обско-угорском фольклоре
Kashlatova L. – Female demonic characters in the Ob-Ugric folklore 17
- Кравченко П.Н.** – Регион как субъект функционирования художественной культуры
Kravchenko P. – Region as a subject of the functioning of artistic culture 21
- Петров И.Ф., Петрова С.И.** – Об определяющих факторах социально-культурных изменений
Petrov I., Petrova S. – On the determining factors of socio-cultural changes 25
- Скопа В.А., Ан С.А.** – Вторая жизнь народной культуры в новом социально-художественном пространстве
Skopa V., An S. – The second life of folk culture in the new socio-artistic space 30
- Софиев Х.** – Парадигмы глобализации международного культурологического мышления
Sofiyev Kh. – Globalization paradigms of international cultural thinking 33

Психология

- Гусенцова Н.А.** – Теорема аналитического поля
Gusentsova N. – Theorem of analytic field 38
- Дыбова А.В., Рагулина М.В.** – Психосемантический анализ метафоры «внутренняя опора» на основе контент-анализа
Dybova A., Ragulina M. – Psychosemantic analysis of the metaphor "internal support" on the basis of the content-analysis 42
- Жарук И.А.** – Посттравматический стресс у детей, находящихся на медицинском лечении, и представление родителей о его выраженности у детей
Zharuk I. – Post-traumatic stress in children undergoing medical treatment and parent's impression of its severity in children 47
- Зекерьяев Р.И.** – Стандартизация опросника «ценностно-смысловая сфера личности в интернет-пространстве»
Zekeryaev R. – Standardization of the questionnaire "value-semantic sphere of personality in the internet space" 53
- Каяшева О.И.** – Дисфункции во взаимоотношениях у партнеров нарциссического и мазохистического типов личности (на примере анализа современного фэнтези)
Kayasheva O. – Dysfunctions in relationships between partners of narcissistic and masochistic personality types (by the example of the analysis of modern fantasy) 59
- Козлова Л.В., Костригин А.А.** – Коммуникативные особенности молодежи, предпочитающей положительные и отрицательные эмоджи в интернет-коммуникации
Kozlova L., Kostrigin A. – Communication peculiarities of youth preferring positive and negative emoji in internet communications 64

- Маркман Е.В.** – Теоретико-методологическое исследование понятия «самоотношения» у беременных женщин и женщин, переживших перинатальную потерю
Markman E. – Theoretical and methodological study of the concept of "self-relationship" in pregnant women and women who have experienced perinatal loss..... 70
- Набиуллина М.Р.** – Особенности содержания общения с родителями юношей и девушек в процессе жизненного самоопределения
Nabiullina M. – Peculiarities of the content of communication with the parents of boys and girls in the process of life self-determination 77
- Папышева Е.М.** – Эскапизм - плацебо депрессивных расстройств современного общества
Papysheva E. – Escapism – placebo of depressive disorders of modern society 82
- Платонова З.Н.** – Об особенностях развития творческого потенциала личности младших школьников
Platonova Z. – On the features of the development of the creative potential of the personality of junior schoolchildren 85
- Симакова Т.А.** – Киберонтологический подход: ценности и структура учебной деятельности как факторы развития киберустойчивости субъектов образования
Simakova T. – Cyber ontological approach: values and structure of learning activities as factors in the development of cyber resilience of subjects of education 90
- Федяй Д.С., Пирлик Ю.И., Шошина В.О.** – Рефлексивный и нерефлексивный способы выражения чувств в самопознании
Fedyai D., Pirlik Yu., Shoshina V. – Reflexive and non-reflexive ways to express one's feelings in a self-knowledge 95
- Холов Р.М.** – Психология школьников в старших классах
Kholov R. – Psychology of high school students. ... 101
- Шевцова Ю.В., Варшавер Н.В., Плотнова С.В.** – Взаимодействие между студентами из городов и сельской местности как вид межкультурной коммуникации
Shevtsova Yu., Varshaver N., Plotnova S. – Interaction between students from cities and rural areas as a type of intercultural communication..... 105
- Шматова Е.В.** – Влияние мотивации к успеху и мотивации избегания неудач на целостную самореализацию личности
Shmatova E. – Influence of motivation to success and motivation to avoid failures on the integral self-realization of the personality 109
- Янчиков В.Н.** – Метод эмоциональной десенсибилизации аллергии и причин их возникновения: доказательность
Yanchikov V. – Method of emotional desensitization of allergies and their causes: evidence 114
- Философия
- Арутюнян М.П., Подольская О.С.** – Идея «языковых игр»: методологические истоки и эволюция
Arutyunyan M., Podolskaya O. – The idea of "language games": methodological origins and evolution 118
- Латышева Н.А.** – Символы и образы киноискусства как инструменты трансгуманизма в конструировании будущего
Latysheva N. – Symbols and images of cinema as tools of transhumanism in designing the future 122
- Лолаев Т.П., Моуравов А.Л.** – Определение понятия объективного времени: его теоретическое и экспериментальное обоснование
Lolaev T., Mouravov A. – Definition of the concept of objective time: its theoretical and experimental justification 127
- Лолаев Т.П., Моуравов А.Л.** – Почему трудности, связанные с определением времени не препятствуют адекватной дефиниции объективного времени
Lolaev T., Mouravov A. – Why difficulties associated with the determination of time do not obstruct the adequate definition of objective time. 135

Младенов В.И., Гаврилова Ю.В. – Современные проблемы реализации концепции государственно-конфессиональных отношений в Российской Федерации

Mladenov V., Gavrilova Yu. – Contemporary problems of the implementation of the concept of state-confessional relations in the Russian Federation. . . 140

Пухир В.М. – Культурный релятивизм как важная детерминанта межкультурной коммуникации

Puhir V. – Cultural relativism as an important determinant of intercultural communication. 145

Скопа В.А. – Динамичность субъекта в концептуальных воззрениях Локка: историко-философский анализ

Skopa V. – Dynamism of the subject in the conceptual views of Locke: historical and philosophical analysis. 149

Торубарова Т.В. – Идеологический разум в контексте его метафизических детерминаций (историко-философский аспект)

Torubarova T. – Ideological mind in the context of its metaphysical determinations (historical and philosophical aspect) 153

Чернышева М.М. – Экзистенциальная психология: топика самоидентичности

Chernysheva M. – Existential psychology: the topic of self-identity 159

Чугунов С.В. – Проблема становления демократии в отечественной философии начала 20 века

Chugunov S. – The problem of formation of democracy in Russian philosophy of the early 20th century 164

Информация

Наши авторы. Our Authors. 169

Требования к оформлению рукописей и статей для публикации в журнале 171

ВОПЛОЩЕНИЕ ЖЕНСКОГО ВОПРОСА В КУЛЬТУРНЫХ МОДЕЛЯХ

Алиева Садагат Агасафар кызы

*Д. философии по культурологическим наукам, доцент,
Азербайджанский Государственный Университет
Культуры и Искусства (г. Баку)
sadagat-aliyeva@mail.ru*

CULTUROLOGICAL APPROACH TO WOMEN IN CULTURAL CONCEPTS

S. Aliyeva

Summary: This article examines these aspects of the female phenomenon in cultural models. Social phenomena are also accepted as facts of culture, since culture encompasses human activity and the products of this activity. The phenomenon of women as a leading force in society is one of the main issues studied in cultural studies. In particular, attention to the women's issue has always been a priority in cultural models that have formed in different historical periods. In these cultural models, the various qualities of the female phenomenon are embodied. For example, the embodiment of female shyness and resentment as one of these qualities in the cultural models of different societies is of interest. The censoring aspects of shyness find their theoretical confirmation in cultural concepts.

Keywords: culture, model, repressed women, feminist, cultural models, society.

Аннотация: В данной статье исследуются означенные аспекты женского феномена в культурных моделях. Общественные явления принимаются также как факты культуры, поскольку культура охватывает человеческую деятельность и продукты этой деятельности. Феномен женщины как ведущей силы в обществе – один из основных вопросов, изучаемых в культурологии. В особенности, внимание к женскому вопросу всегда имело приоритетное значение в культурных моделях, сформировавшихся в разные исторические периоды. В этих культурных моделях нашли свое воплощение разнообразные качества женского феномена. Например, вызывает интерес воплощение в культурных моделях разных обществ женской застенчивости, обидчивости как одного из подобных качеств. Цензурные аспекты застенчивости находят свое теоретическое подтверждение в культурных концепциях.

Ключевые слова: культура, модель, репрессированные женщины, феминистка, культурные модели, общество.

Известные трактовки культуры не позволяют проводить различие между нею и обществом. Хотя слово «общество» отличается от концепта «культура» в смысле человеческого социума, существует вопрос, не позволяющий их различить: есть ли в культуре события, которых нет в обществе? Невозможно дать отрицательный ответ на данный вопрос, если исходить из традиционного раскрытия значения понятия «культура». Поскольку получается, что культура и общество пребывают в единой реальности.

Но сформулируем вопрос по-иному: есть ли в обществе события, которых нет в культуре? На этот вопрос нельзя ответить отрицательно. Как уже говорилось выше, в обществе происходят события, которые в какие-то периоды, эпохи не включаются в культуру (например, впечатления женщин-путешественниц). Поэтому следует отметить, что культура и общество, говоря математическим языком, не равнообъемные множества, хотя и не пересекающиеся множества. Просто общество включает в себя культуру в качестве более малого множества. Потому что в обществе есть вещи, которые могут остаться вне культуры, пусть даже временно.

Многие правила культуры, особенно застенчивость, не позволяют ей включать в себя значительные общественные явления. Существуют, например, запреты на

некоторые виды поведения, относящиеся мужчинам и детям. Но, к сожалению, случаи застенчивости действуют с особой жестокостью по отношению к девушкам и женщинам. По словам одной феминистки, пьяный мужчина не вызывает такое возмущение в культуре, как пьяная женщина [7, с. 225]. В исламском мире, если мужчина уличен в прелюбодеянии с женщиной, их обоих забивают камнями. Однако в том случае, если не удавалось раскрыть личность женщины, с которой мужчина прелюбодействовал, то он не осуждался и не пристыжался. Тогда как в аналогичной ситуации женщина считалась обесчещенной. Следует добавить, что сигэ в шиизме (форма временного брака) значительно смягчило эту суровость по отношению к женщинам, поскольку «легализовало» внебрачные связи [1, с. 101].

В этом контексте, то есть в контексте установленных ограничений на расширение культурных границ, цензура приобретает новое значение. Согласно Эриху Фромму, эффективная цензура - это такая цензура, которая не допускает опасные сознания приблизиться к культуре [7, с. 228-242].

По сути, нормы морали в обществе действительно создают в человеке внутреннюю «цензуру». Следовательно, нам необходимо уточнить, как отличить внутреннюю цензуру ради приличия от внутренней цензуры,

которая имеет власть над другими и служит интересам отдельного субъекта? Поэтому мы должны подчеркнуть, что подобная метафоризация цензуры больше связана с политическими взглядами и отношением к власти. В обычных случаях же мораль заставляет многих подтянуться в социальной жизни и контролировать свою речь и действия по принципу «самоцензурирования».

Поэтому во многих обществах женщины вынуждены ограничивать себя внутренней цензурой. Психологический коррелят приличия – застенчивость, и еще в XIX веке Дарвин обнаружил, что это чувство сильнее проявляется у женщин. Даже взрослые женщины смущаются чаще, чем мужчины [20, с. 39].

Поскольку чувство застенчивости превратили женщин в замкнутое существо в обществе, они в культурном плане проявили себя в меньшей степени, чем мужчины. Поэтому, конкретизируя, можно утверждать, что психологический мир женщин в азербайджанской литературе, потаенные аспекты их внутреннего мира недостаточно прояснены. Восхищение матерью, воспевание женщины как возлюбленной предстают в качестве повторяющихся мотивов и картину в азербайджанской поэзии.

При выявлении ограничений пределов культуры цензурой, обидой и застенчивостью, выражение «расширение», связанное с культурой, приобретает право на гражданство. Тот факт, что все, что происходит в обществе, происходит и в культуре, обесмысливает идею ее расширения. Именно тогда, когда культура и общество различаются по определенному аспекту, факт расширения культуры становится проблемой. Раскроем данное утверждение на примерах. Например, когда феминистки с особым вниманием приступили к разработке феномена женщины, они включили в культуру много обстоятельств, связанные с женщинами, которые оставались за рамками и границами предыдущей культуры.

Карен Хорни, знаменитая студентка Фрейда по женской психологии, обнаружила ситуацию, неожиданную даже для Запада. Она писала, что во многих примитивных обществах женщины были окутаны тайной. Мужчины боялись их и думали, что у них есть тайная связь с духами; благодаря этой связи они могли заполучить мужчин. В результате у мужчин возникло желание держать в повиновении женщин, чтобы защитить себя. Вот почему в Восточной Ватавеле мужчины скрывали от женщин технику добывания огня, чтобы они не становились сильнее. У калифорнийских индейцев существовали особые ритуалы для запугивания и подчинения женщин.

Рассказав об этом, Карен Хорни добавляет: «В наше время женщины все еще не знают, что мужчины втайне боятся их». Ученый также наблюдает этот страх у позвоночных. Связи между животными показывают, что сам-

цы обладают своеобразными особенностями. Высокие побуждения у самца отсутствуют у самок, в этом смысле самец больше зависит от самки во время сношения [11, с.82].

Таким образом, этот «новый материал», привнесенный в культуру Карен Хорни, не остался пассивным и стал пульсировать в новых научных идеях. Например, феминистки использовали этот факт, чтобы подкрепить свою идеологию новым аргументом. Из статьи Дона Карри и Валери Роул становится ясным, что, по мнению феминисток, в основе желаний утвердить свою власть над кем-либо лежит страх. А страх, как правило, рождается неопределенностью. В этом контексте следует учесть, что на протяжении тысячелетий женщины оставались для мужчин загадочными, неизвестными существами. По мнению феминисток, именно эта причинно-следственная цепочка заставляла мужчин бояться женщин и пытаться подчинить их своей воле. Тот факт, что женщина является источником жизни, также вызывал в мужчине смешанные чувства – страх, восхищение и т.д. [11, с.38].

Если бы не некоторые хадисы пророка Мухаммеда о женщинах, мы так подробно не сосредоточились бы на наблюдениях Карен Хорни и более поздних феминисток относительно страха перед женщиной. В этих хадисах Пророк, неоднократно упоминая об увиденном во сне обитателей ада, утверждал, что большинство из них были женщинами [14, с. 215]. Эти слова могут быть истолкованы как ненависть к женщинам в исламе. Одна из причин такой интерпретации заключается в том, что европейские феминистки превратили ненависть к женщинам в патриархальных религиях в принципиальное обвинение, изображая при этом святого Павла в качестве воплощения ненависти к женщинам. На самом деле, есть высказывания этого христианского святого, в которых женщина действительно преподносится как опасное существо, и выискиваются способы для «нейтрализации» ее [19, с. 54].

Обвинение феминисток вызвало широкий резонанс и привело к формированию мысли, что ненависть к женщинам встречается в большинстве религий. Именно в этой ситуации рассуждения Карен Хорни помогают нам понять хадисы Пророка, упомянутые выше, объясняя их не как ненависть к женщинам, а как предупреждение об опасных последствиях страха перед женщинами. В отличие от обычных людей Посланник Аллаха обнаружил, что женщины имеют сильное влияние на мужчин из-за этого страха. Поучительное же значение хадисов состоит в том, что они не позволяют женщинам злоупотреблять своими возможностями перед угрозой ада.

Вышесказанное относится к разным тонкостям в отношениях между мужчинами и женщинами; нетрудно заметить, что указанные обстоятельства после известных

толкований психоанализа и хадисов становятся очевидными в культуре. Иными словами, они расширяют границы культуры.

А теперь давайте обратим внимание на следующий факт о женщинах. Согласно Абрахаму Маслоу, одним из наиболее распространенных клинических явлений является то, что многие умные женщины бессознательно приравнивают интеллект к мужскому мышлению и поэтому чувствуют неловкость из-за своих умственных способностей. Мужчинам также кажется, что интерес к истине, ведение исследований портят женственность женщины [8]. В свое время эти наблюдения Маслоу представляли новшество для культуры. Потому что в прошлом ни наука, ни литература не знали, что женщины опасаются выглядеть умными.

Если перейдем с Запада на историю Кавказа, то увидим, что взгляды Шафига Эфендизаде, которая в начале XX века активно выступала о проблемах женщин в СМИ, богаты исчерпывающей информацией. До этого в бытности и истории Азербайджана женщины как личности были предметом разговоров в дихотомиях «хорошие – плохие», «ленивые – трудолюбивые», «красивые – уродливые». Однако Шафига ханум оповестила наше общество о новом разделении и утверждала, что азербайджанские женщины делятся на два типа: на образованных и невежественных. Образованные женщины, учившиеся на иностранных языках, живут в Баку и других городах,

Следует добавить, что в то время в журнале «Дирилик», в котором активно выступала Шафига ханум, существовала рубрика «Знаменитые женщины». Материалы, размещенные под этой рубрикой, несомненно, внося новый вклад в азербайджанскую культуру, расширили ее границы [15, с. 27].

Все эти приведенные нами факты требуют от нас глубоко задуматься над проблемой «культура и общества» в свете понятия модели, добавить некоторые дополнительные черты к концепту «культура», чтобы различать их. Конечно, культура охватывает человеческую деятельность и продукты этой деятельности. В этом смысле все в обществе кажется культурным фактом. Однако в обществе есть слои, которые отстранены от культуры, а не от общества. Мы имеем в виду бессознательный коллективный дух. Известный психолог К. Юнг назвал это «коллективным бессознательным духом» или «коллективным бессознательным». Юнг показал, что сознание – это узкий круг души, и что вне этого круга имеется огромная подсознательная сфера души [13, с. 176-178]. Именно эта сфера не может быть включена напрямую в культуру.

К событиям, которые не могут проникнуть в культуру

из общества, мы должны также отнести глубокие пласты национального менталитета, скрытые закономерности экономических отношений и синергетические процессы в социальном пространстве. Учитывая, что до сих пор даже профессионалы не могли внятно объяснить особенности нашего национального менталитета, неудивительно, что мы не включаем эти особенности в культуру.

Долгое время скрытые формы домашнего насилия в отношении женщин, нарушения прав человека также не были включены в культуру. Эта ситуация в Азербайджане изменилась за последние 10-15 лет, то есть право, являющейся частью культуры, выявило эти скрытые случаи [16, с. 127].

В обществе существует огромное количество событий, которые остаются вне рефлексии, то есть вне цели размышлений. Теперь, принимая во внимание такие факты, мы можем сказать, что культура – это совокупность человеческой деятельности и ее продуктов, прошедшая через рефлексию, очевидности сознанию. Известный медиевист А.Я. Гуревич показал, что в культуре нового периода личные отношения отодвинуты «за кулисы». Тогда как в средние века многие члены семьи обычно спали в одной постели. Отношения между родителями не скрывались от детей [4, с. 27].

Следовательно, все эти упомянутые сцены не рефлексировались в новую эпоху, поскольку остаются неочевидными и не превращаются в факт культуры. Только после того, как ученые обратили свое внимание на отношения между мужчинами и женщинами и в фильмах XX века значительная часть этих отношений стали очевидными, произошло в некотором смысле их возвращение в культуру (что вызвало немало скандалов). Точно так же, ругань, хотя и использовалась в Европе в течение долгого времени, находилась вне культурного поля, и только культурологический анализ ненормативной лексики культурологизировав, сделал ее целью для рефлексии.

Кстати, в науке был изобретен термин для усвоения, в свете сознания, фактов общества (ругань, грубые шутки), не являющихся частью культуры. Это термин «неформальная культура». Используя его, Михаил Бахтин объединил большое количество событий, описываемые такими понятиями, как «карнавальная эстетика», «гротескные тела», в рамках концепта «неформальная культура» [17, с. 174-175].

Таким образом, мы увидели, что наш вывод о том, что культуру не следует отождествлять с обществом, что ее следует мыслить в ритме расширения и сжатия (как будто дышит), небезоснователен. Неожиданное употребление в истории культурологии, наряду с категорией «культура», термина «неформальная культура», и на основе последнего изучение многих явлений античности

и средневековья, было связано с потребностью проникновения из общественной сферы во многие слои «неформальной культуры». Подобное проникновение было бы невозможным, если бы исходило лишь только из понятия «культура». Именно этот метод позволил высветить «контркультурное» поведение дервишей в мусульманском мире и «юродивых» в русском мире [6, с. 45].

Наконец, хотелось бы отметить методологическую важность рассмотрения нами культуры в динамике «расширения и сужения» на основе отделения культуры от общества. Культурную историю и культурные этапы также можно определить в параметрах возможности или невозможности достижения обстоятельства. Установленные в тоталитарных режимах границы смеха и пародии также являются границами культуры. Фраза «в СССР нет разврата» на первой советско-американской телеконференции фактически означала, что эта тема не была очевидной в советской культуре и искусстве. Когда мы выдвигаем идею характеристики культурного этапа с точки зрения того, что он охватывает, мы стремимся рефлексировать подобные случаи в теоретической модели.

Подход к культуре из параметров «расширение-сжатие» предьявляет новый ракурс в отношении женщин и детей: какие обстоятельства и перспективы создает экспансия культуры для женщин и детей, а также для гендерных отношений, и, наоборот, к чему приводят ограничительные рамки культуры? В этом контексте глобализация, эпоха Интернета позволяет нам изучать культуру в плане «широкой культуры» и поднимает вопрос: наступила ли эра культуры без границ, или такого периода никогда не будет, иначе говоря, культура всегда будет устанавливать для себя границы?

Отвечив на вопросы: какую модель представляет культура, какие культурные модели являются теориями, и, внося ясность на некоторые научные выводы, мы можем сказать, что феминистская идеология произвела совершенно новые культурные модели, чтобы оправдать себя и обосновать свое «негодование». Одна из таких моделей пыталась доказать, что патриархат ведет к особому типу культуры. Другая модель стремилась утверждать, что после падения патриархата межличностная справедливость в культуре будет восстановлена. В свою очередь, исследования, которые предоставляют различные теоретические модели культуры с точки зрения отношений между мужчинами и женщинами, дискутируют, как патриархальные и матриархальные культуры раскрывают мир в различных моделях.

Чтобы глубоко задуматься над всеми этими проблемами, давайте возьмем дихотомические пары понятий из философии и на их основании порассуждаем. Когда Парменид ввел в философию бинарную оппозицию Единичности (*hens*) и Множественности (*polla*). Позднее,

в диалоге Платона о Пармениде, эти два понятия приобрели более высокое философское содержание. Со временем монотеистические религии в значительной степени теологизировали эти понятия, связав Единичность с идеей Бога, единобожием, а Множественность – с разнообразием в мире [10, с. 419].

Именно благодаря когнитивной силе своеобразного «электрического» напряжения, создаваемого полюсами, обозначенными этими бинарными концептами, культура нашего века «пульсирует» в моделях как Единичности, так и Множественности. В первой модели Единичность предстает в единой центральной ипостаси, приводя в концентрическое движение окружение и «собирая вокруг себя». Таким образом, в культуре или в каком-нибудь ее важном секторе (в религии, искусстве, политике) существует вихревое движение – окружающая среда, вращаясь вокруг центра, стремится быть поглощенным, раствориться и исчезнуть в нем.

Или же Множественность побуждает и поддерживает центробежные процессы. Она «отворачивается» от центра и стремится избавиться от его влияния [9, с. 91-92]. Таким образом, культура или ее сферы и фрагменты раскрываются нам в двух противоречащих друг другу моделях. Одна модель создает центростремительные ускорения в концентрической структуре, и ее главный принцип заключается в сведении воедино. Другая модель, стимулируя центробежный процесс, вызывает умножение, что-то вроде постоянно расширяющегося Вселенного после Большого взрыва, в результате которого полюса Единичности и Множественности образуют самые разные конфигурации. Таким образом, концентрация на мужчинах или идее мужчины придает определенный вектор, стройность этим действиям. В случае, если дети или же детская идея трансформируются в организующее ядро, образуется другое строение, форма. Разумеется, что женская идея создает в культуре иные конфигурации.

Адорно утверждает, что концепт (понятие) состоит в том, чтобы свести множественность в единичное, поэтому содержит в себе числовое соотношение, арифметическую операцию (действительно, понятие «человек» включает в себя ряд конкретных людей). Далее Адорно, развивая свою мысль, пишет: в каждом акте понимания загружается множественность, поскольку, когда разнообразие сводится под одно понимание, теряет свою существенную особенность. Превращение разнородной множественности в единичность означает подчинение множества единице, репрессию [5, с. 156].

Фокусируясь на службе акта идентификации знающим, можно сказать, что в этом смысле национальная идентичность является национальным самосознанием, поскольку определяет нацию на основе ассоциирования ее с некоторыми историческими событиями, героя-

ми, духовными качествами [18, с. 110-130]. Отто Вейнингер, которого Гитлер считал единственным «хорошим евреем», определил свою национальную принадлежность следующим образом: евреи живут вместе, привязавшиеся друг к другу так же легко, как и женщины. Хотя настоящего общения между ними никогда не бывает. Типичному иудаизму недостает внутренней благородности, поэтому нет еврейской аристократии [3, с. 27-29].

Как и женщины, евреи стремятся за славой и репутацией. Еврей гордится ложей в театре, где сидит, своими христианскими друзьями. У азиатов сильна идея отождествления себя с предками. Еврей же смотрит в прошлое своей нации лишь для того, чтобы получить стимул для будущего.

У евреев, как и у женщин, нет величия. Среди них отсутствуют как нравственные герои, так и аморальные идеи. Настоящий еврей, как и настоящая женщина, думает не об индивидуе, а о продолжении рода. Поэтому нет лучшего семьянина, чем еврей [3, с. 381]. В духе европейской патриархальной культуры Отто Вейнингер относился к женщинам уничижительно. Поэтому, когда он отождествлял еврейскую идентичность с женской природой, он не просто стремился раскрыть эту идентичность, но и объяснить ее пренебрежительным образом (разумеется, симпатии Гитлера к нему были связаны с подобным отношением к евреям).

Как видно, если мы воспринимаем идентификацию как начало, а все остальное – как акт понимания на основании отождествления с нею, то можем утверждать, что любой факт культуры, оказавшийся в центре и собравший вокруг себя множество, стремится отождествить его собой, тем самым способствуя наделению им сущности, соответствующей этой частности. И тогда начинается подавление тех, кто находится вокруг центра, потому что, объединяя их, он уменьшает их разнообразие и, как мы уже сказали, заставляет их исчезнуть.

Как нами уже сказано, второй обратный процесс или обратная модель – центробежная. В этом случае окружающая множественность отказывается идентифицировать себя с центром, испытывая отвращение к нему. В результате акт идентификации обесценивается. Этот процесс поясняется двумя философско-культурологическими изречениями. Ж. Деррида говорит, что метафизика любого желания, мечты – это метафизика бес-

конечного деления. Примером «бесконечного деления» является рост клеток путем деления. В этом изречении «метафизика» связывает процесс деления с глобальными принципами, изучаемыми на философском уровне. Другое изречение принадлежит Тейяру де Шардену. Этот мыслитель сказал, что жизнь может развиваться, продвигаться, умножаясь [12, с. 155]. Размножение клеток путем деления может вновь открыть это утверждение. Вспомним также о важности «человеческого потомства» для жизни. «Ева» на семитских языках означает жизнь. Это связано с тем, что Ева как женщина родила ребенка.

Углубив наши знания о двух – центростремительной и центробежной – моделях в культурологии на основании «единичности и множественности», мы можем теперь утверждать, что гендерные исследования прошлого века обнаружили «неоспоримую» истину. До XIX века мужчина и мужской мир создавал парадигму изучения культуры как на Западе, так и на Востоке. В этой парадигме для большинства ценностей решающее значение имели мужские критерии (или отождествление с мужчинами). Хейзинга раскрывает интересный факт: при обстоятельном рассмотрении истории можно заметить, что в прошлом мужская одежда менялась чаще, чем женская. Это различие стало еще более очевидным в XV и XVII веках. Только в XVIII веке женская одежда превратилась в предмет моды и стала часто меняться.

Мы привыкли приписывать женщинам элегантную, модную одежду. Тогда как на европейском материале Хейзинга показывает, что в течение долгого времени то, как одевался мужчина, находилось в большей степени в центре внимания культуры. К этому тезису можно добавить, что, как и во всех основных ценностях, женская одежда была продиктована мужчинами. Эти одежды должны были учитывать восприятие, ревность или восхищение мужчин. Таким образом, несмотря на то, что позже женщины перехватили инициативу в вопросе одежды, вначале критерий «как выглядеть мужчинам» играл решающую роль. И это было естественно. В обществах, где мужчины являются главными действующими лицами (актерами), его одевание также становится основной одеждой, в то время как женская одежда «специализируется» на привлечении внимания мужчин. Данное утверждение раскрывает мир одежды таким образом, что в нем идея мужчины находится в центре, а различная одежда сосредоточена вокруг него.

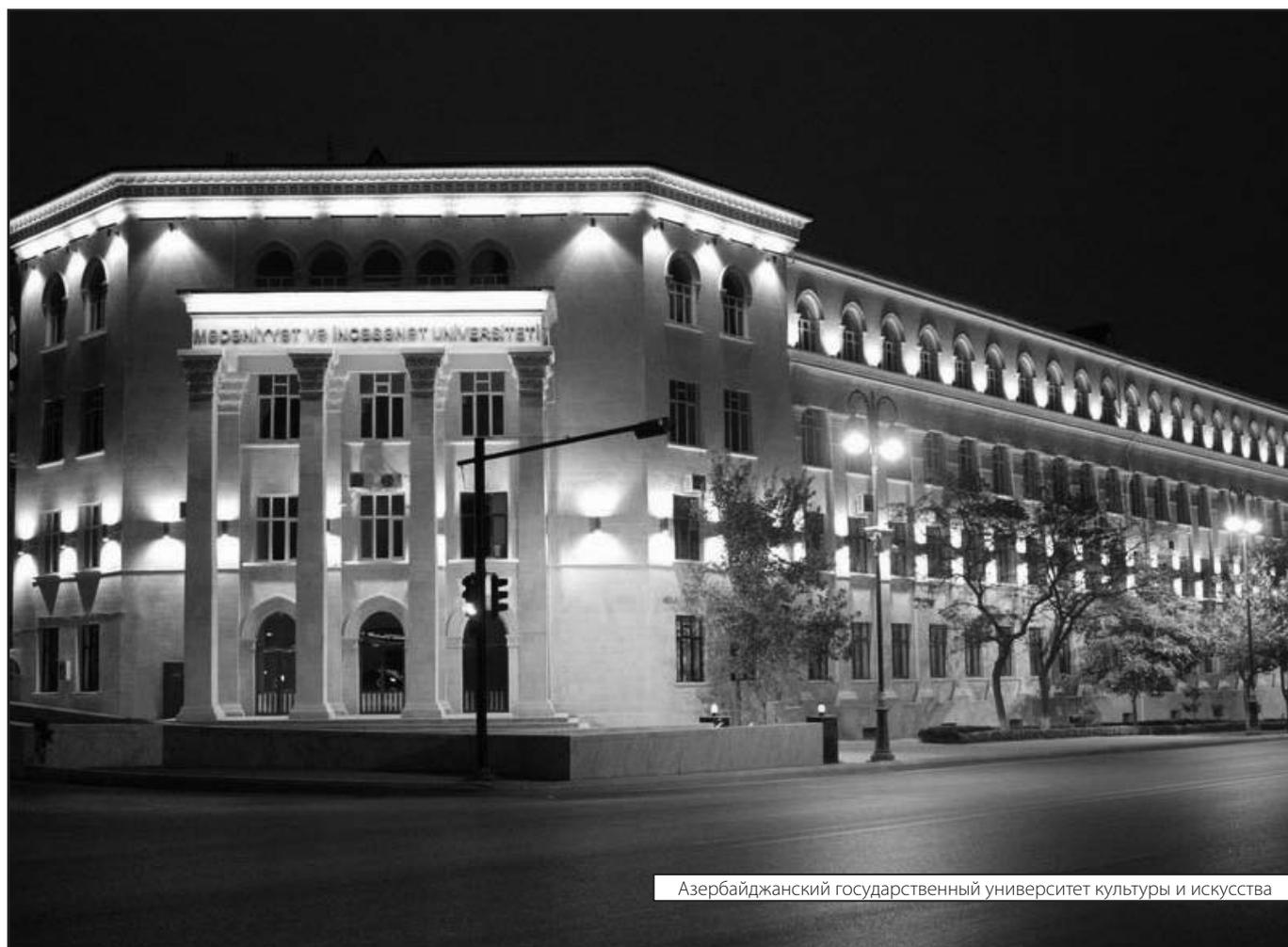
ЛИТЕРАТУРА

1. Агаев А.А. Женщина по исламу и в исламе // Азербайджан в мире. – 2006. – №4. Октябрь. – с. 98-108
2. Андеграунд [Электронный ресурс]. – URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/red/chupr/book/andegr12.html> (дата обращения 12.05.2020)
3. Вейнингер О. Пол и характер. – СПб.: Кигоиздательство «Посев», 1909. – 428 с.
4. Гуревич А.Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. – М.: Искусство, 1990. – 311 с.

5. Давыдов Ю.Н. Критика социально-философских воззрений Франкфуртской школы. – М.: Наука, 1977. – 319 с.
6. Лихачев Д.С., Панченко А.М. "Смеховой мир" Древней Руси. – Ленинград: Наука, 1976. – 204 с.
7. Маркова О.Ю. Гендерные измерения современного общества // Отчуждение человека в перспективе глобализации мира: сб. науч. ст. – СПб.: Петрополис, 2001. – с.223-240
8. Маслоу А.Х. Мотивация и личность. – СПб.: Питер, 2008. – 352 с.
9. Мехти Н.Н. Средневековая мусульманская культура: эстетика проявленного и философия сокрытого. – Баку: Ганун, 1996. – 192 с.
10. Платон. Сочинения в трех томах, т.2. – М.: Мысль, 1970. – 611 с.
11. Хорни К. Женская психология. – СПб.: Издательство Восточно-Европейского института психоанализа, 1993. – 222 с.
12. Шарден П.Т. Феномен человека. Преджизнь. Жизнь. Мысль. Сверхжизнь. – М.: Наука, 1987. – 240 с.
13. Юнг К.Г. Аналитическая психология. – М.: Мартис, 1995. – 399 с.
14. Abdul-Latif-əz-Zəbidi Z.Ə. Səhih əl-Buxari. (ərəb dilindən tərc. ed. Ə.Musayev). – Bakı: Şərq-Qərb, 2009. – 973 s.
15. Ağaoğlu Ə.H. İslama görə və İslamda qadın // Ulduz. – 1990. – №3. – s. 68-80
16. Azərbaycan seksizmi vətəndaş dirləmələrində. Qaçqınlara qarşı ayırı seçkilik haralarda və nələrdə. – Bakı: Qanun, 2007. – 188 s.
17. Baxtin M.M. Dostoyevski poetikasının problemləri. – Bakı: Kitab aləmi, 2005. – 384 s.
18. Əfəndiyeva H. Milli özünüdərk. – Bakı: Ozan, 2006. – 130 s.
19. Gage M.J. Woman, Church and State: A historical account of the status of woman through the christian ages with reminiscences of the matriarchate. – Chicago: Arno Press Inc, 1893. – 570 p.
20. İvanova.V.M. Shame and guilt: Sociology as a Poietic System. – Uppsala University, Department of Sociology, 2000. – 358 p.
21. Məmmədli Z.Ə. A-dan Z-yə qədər tələxəbər. – Bakı: Yeni Nəsil, 2009. – 322 s.
22. Tağıyeva R. Milli identifikasiya qloballaşmaya qarşı // Simurq. – 2010. – №2. – s.27-29

© Алиева Садакат Агасафар кзы (sadagat-aliyeva@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Азербайджанский государственный университет культуры и искусства

МЕТОДОЛОГИЯ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА В ИССЛЕДОВАНИИ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ФЕНОМЕНОВ

METHODOLOGY OF THE CULTUROLOGICAL APPROACH IN THE STUDY OF ETHNOCULTURAL PHENOMENA

*M. Arefyev
A. Zykin*

Summary: The present work is devoted to the analysis of the culturological approach methodology and the axiological paradigm, which are used to analyze the cultural, economic, household and educational activities of the Spiritual missions of the Russian Orthodox Church. It is noted that this approach is the leading one for the theoretical and methodological development of the cultural analysis problem of the Russian ethnic cultures phenomena on the example of the Siberian region, this approach is based on a set of methodological techniques that are applicable to the study of any sphere of spiritual, material and artistic culture through the prism of fundamental concepts of cultural studies ("culture", "norms and values of culture", "cultural activity", "ethnic and national cultures").

Keywords: culturological approach, Spiritual mission, method, methodology, missionary activity.

Арефьев Михаил Анатольевич

*Д.ф.н., профессор, Санкт-Петербургский
государственный аграрный университет
(г. Санкт-Петербург)
ant-daga@mail.ru*

Зыкин Алексей Владимирович

*Д.культурологии, доцент, Санкт-Петербургский
государственный аграрный университет
zykinalex@mail.ru*

Аннотация: Настоящая работа посвящена анализу методологии культурологического подхода и аксиологической парадигмы, которая применяется для анализа культуротворческой, хозяйственно-бытовой и образовательной деятельности Духовных миссий Русской Православной Церкви. Отмечается, что данный подход является ведущим для теоретико-методологической разработки проблемы культурологического анализа феноменов российских этнических культур на примере Сибирского региона, в основе данного подхода лежит совокупность методологических приемов, которые применимы к исследованию любой сферы духовной, материальной и художественной культуры через призму фундаментальных понятий культурологии («культура», «нормы и ценности культуры», «культурная деятельность», «этнические и национальные культуры»).

Ключевые слова: культурологический подход, Духовная миссия, метод, методология, миссионерская деятельность.

В семидесятых годах прошлого столетия в рамках господства советской философии как единства диалектического и исторического материализма было издано энциклопедическое сочинение по логике Н.И. Кондакова. «Изюминкой» этой работы известного советского логика было то, что она излагала законы и правила традиционной логики, «элементарные основы математической логики» и краткую историю основных логических учений от логики Аристотеля до современной матлогики, но без обязательного в то историческое время «идеологического» сопровождения. Касалось это и характеристик одних из важнейших в истории философской мысли понятий «метод» и «методология». Кондаков пишет, что метод – это «подход к явлениям природы и общества; путь, способ достижения цели, прием теоретического исследования или практического осуществления чего-нибудь, исходящий из знания наиболее общих закономерностей развития объективной действительности и специфических закономерностей исследуемого предмета, явления, процесса. Так, формальная логика есть метод получения нового знания на основе применения законов правильного логического мышления» [7, с. 301]. Для нас в рамках данной исследовательской задачи выявления основ методологии культурологического подхода ключевым является тезис о

«специфических закономерностях» такого явления как этнические культуры России.

Современное энциклопедическое издание также дает определение понятий «метод» и «методология», но уже с определенными интонациями, направленными на особенности общественно-исторической и культурной обусловленности методологии. А.А. Грицанов пишет: «В развитии современной методологии все большее место занимают вопросы, связанные с динамикой познавательных проблем, культурно-исторической природой познавательных средств, изменчивостью категорий и понятий, формированием новых познавательных установок» [2, с. 629]. Поэтому с его точки зрения не состоятельны претензии на существование одной единственной научной методологии, а можно говорить и обосновывать наличие разных исследовательских методологий. В нашей работе это методология культурологического подхода.

В основе данного подхода лежит совокупность методологических приемов, что дают возможность проведения анализа в качестве общенаучного метода, который применим к исследованию любой сферы духовной, материальной и художественной культуры через призму

фундаментальных понятий культурологии («культура», «нормы и ценности культуры», «культурная деятельность», «этнические и национальные культуры»). Культурологический подход, как отмечает Г.И. Гайсина, придает культуре системообразный смысл, поскольку выявляет роль и значение в духовной культуре его ядра как национального сознания, которое аккумулирует национальное самосознание, позволяет установить связь поколений в существовании и развитии этноса [1].

Каковы же эти познавательные установки, позволяющие в своей совокупности говорить о качественной основе культурологического подхода как одного из видов конкретно-научной методологии? Во-первых, это принцип научности, что предполагает проведение соответствующих сфере исследования научных изысканий. Во-вторых, принцип системности, который исходит из представления о культуре как феномене многоуровневом и исключительно сложном. В-третьих, принцип аксиологичности (ценностной ориентации), который ориентирован на удовлетворение как личностных, так и национально-этнических культурных потребностей человека и т.д. Как пишет В.Е. Мочулаев «методологические подходы, гармонично сочетающиеся с культурологическим подходом, могут служить в качестве его основных принципов, которые составляют его сущностную основу» [16, с. 96].

Разумеется данная методология культурологического подхода не свободна от целого ряда теоретических и практических проблем. Об этом пишет коллектив авторов Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств под руководством С.И. Иконниковой. Каковы же эти проблемы: во-первых, это касается установления границ между историей социума и историей культуры; во-вторых: это проблема культурного наследия и возможностями его трансляций как относительно отдельного индивида, так и общества в целом; в-третьих: соотношение культурных универсалий и своеобразием истории и практики этнических культур [20]. Данную теоретико-практическую проблему мы рассмотрим на примере деятельности русских Духовных миссий Российского государства.

Миссионерская работа как феномен духовной жизни общества выступает необходимым и обязательным условием успешной деятельности любой церковной организации. В полной мере это применимо к социальному и духовному творчеству Русской православной церкви, в котором социальная концепция РПЦ занимает достойное место. Сам феномен миссионерства в деятельности РПЦ связан с моментом формирования православной церкви на Древней Руси. Дальнейшее становление и свое естественное развитие он получил в условиях Руси средневековой, но превратился в интеграционный фактор жизни российского общества в позапрошлом – девятнадцатом веке. Этот период можно охарактеризовать

как «золотой век» православного миссионерства, что напрямую связано было с культуротворческой деятельностью православных Духовных миссий в инокультурной среде многочисленных этносов нашего Отечества. Энциклопедический словарь в связи с этим подчеркивает, что «в конце 18 – начале 19 вв. происходит радикальная перестройка миссионерской деятельности РПЦ. Если просветительская деятельность Стефана Пермского (14 в.) и Иннокентия Иркутского (середина 18 в.) была лишь счастливым исключением, то теперь она осуществляется стационарно действующими миссиями (кавказской, сибирской, алтайской, забайкальской и др.). За 1814-1823 гг. богослужения и книги Нового Завета были переведены на татарский, чувашский, мордовский, калмыцкий, карельский и др. языки. Одновременно миссии выполняли важную общекультурную функцию... Миссионерство способствовало социально-культурной и политической интеграции вошедших в состав Российского государства народов, создавало духовно-идеологические предпосылки к укреплению российского многонационального общества» [3, с. 374-375].

Деятельность Духовных миссий РПЦ по своему содержанию была социально-ориентирована, чрезвычайно многообразна и насыщена культуротворческими началами. С учетом природно-географических условий Духовные миссии способствовали налаживанию основ оседлой жизни у кочевых народов на окраинах России, учили основам огородничества и ведению домашнего животноводства у коренных этносов. Другими словами вели многообразную социальную работу в области культуры материальной. Образовательная работа миссионеров по отношению к детям крещенных выходцев из многочисленных коренных этносов в основном заключалась в открытии школ, где обучение велось на национальных языках, что в значительной мере способствовало сохранению и развитию этнических культур страны. Общеизвестно, что язык есть основа духовной культуры этноса, смысл «духа народа» (Гердер). Вместе с тем преподавание и обучение русскому языку детей коренных этносов многонациональной России придавало ему статус языка межнационального общения и вело к возможности обучающихся приобщаться к ценностям русской и мировой культуры. Показательным примером может послужить деятельность Алтайской Духовной миссии среди этносов Западной Сибири (алтайцы, шорцы).

Для шорского этноса наиболее значимым элементом культуротворческой работы Алтайской Духовной миссии в XIX столетии стало широкое распространение грамотности среди инородческого населения. Главным инструментом, который способствовал этому культурному явлению, являлась деятельность миссионерских школ, при которых обязательным моментом была организация библиотечного фонда. Учительство миссионеров-педагогов в конечном счете привело к тому, что из числа местного населения стали формироваться первые

шорские просветители, появились основы шорской национальной интеллигенции как культурного феномена.

Естественно центр культурной деятельности Духовной миссии был направлен на сферу духовности, в данном случае на просвещение в христианско-религиозном смысле, на приобщение к вероучению Русской православной церкви. Миссионер и просветитель Василий Вербицкий с помощью воспитанников миссионерских школ в вероучительной работе среди шорского населения использовал в первую очередь практическую основу православного учения: культовые обряды (крещение, исповедь, брак и др.), а также психологическую и эстетическую стороны православно-церковного богослужения. Храмовая деятельность – важнейшая часть пропаганды христианского учения, вероятно наиболее доступная массовому сознанию и привлекательная своей грандиозной эстетикой. Напомним с этой связи, что важнейшим моментом, который привел к православию Великую княгиню Киевскую Ольгу, была именно эстетика христианского богослужения в Константинополе. А затем все это отразилось и на принятии православной религии Древнерусским государством.

Для большинства новообращенных шорцев сущность христианского учения оставалась непонятной. Так, например, ведущим богом для шорцев считался не Иисус Христос, а Никола Угодник. Христианство, встраиваясь в традиционные представления и верования шорцев, наслаиваясь на них, что формировало своеобразную картину религиозного синкретизма. В мифологии шорцев начинают появляться сюжеты и персонажи из библейских сказаний – Адам, Ноев ковчег и т.д. У новокрещеных шорцев появляется христианская атрибутика: нательные и надмогильные кресты, иконы на деревьях как перед улусами, так и в домах. Однако миссионерам так и не удалось полностью искоренить шаманские верования и обряды. Традиционно шаманы занимали важное место в общественной и культовой жизни, особенно у мрасских шорцев. Одновременно с шаманством существовали прежние дошаманистские родовые промысловые и домашние культы.

Миссионерская работа привела к тому, что новообращенные шорцы часто приурочивали ряд традиционных языческих праздников с характерными для них обрядами к праздникам церковно-православным. Например, в костюмах участников рождественских ряжений были берестяные маски, подобные маскам коча (антропоморфная маска, вырезанная из куска бересты с отверстиями для глаз, рта и носа) или чертей. Одна из фотографий начала XX века запечатлела участника обряда в берестяной маске на лице и в вывернутой наизнанку – наверх мехом – шубе. Точно так же, как это делали русские при колядовании. Весенний праздник испрашивания плодородия гармонично сочетался у шорцев с православной Троицей – одной из центральных фигур которой явля-

лась традиционно почитаемая шорцами береза.

Православная религия и богослужebная деятельность переосмысливались шорцами через призму их восприятия русскими, которые до переселения в Сибирь приурочили ряд своих языческих праздников к христианским. Усть-Анзасскими шорцами, например, живущими на богатой рыбой реке Мрас-Су, очень почитаем Петров день, как и у северорусских рыбаков, которые считали апостола Петра покровителем рыбаков. По свидетельству В.В. Радлова, шорцы христианами были лишь по названию, а «...о христианской вере им было известно лишь то, что надо креститься, осенять себя крестным знаменем, а когда приезжает к ним священник, он дает им всегда причастие кызыл аракы – красную водку» [17].

Наконец, значительное место в миссионерской социально-ориентированной деятельности занимала благотворительная работа, создание приютов для больных и увеченных, организация основ медицинского обслуживания населения. Все это убедительно свидетельствовало в пользу понимания феномена деятельности Духовных миссий как деятельности многогранной. Как пишет академик В.С. Стёпин «деятельность универсальна, в ней могут преобразовываться любые объекты – фрагменты природы, социальные институты, индивиды и состояния их сознания, знаковые объекты, фиксирующие те или иные феномены духовной жизни общества. Различая виды деятельности по их предметам и результатам (продуктам), выделяют материальную (практика) и духовную деятельность... Многообразие проявлений общественной жизни предполагает многообразие видов деятельности» [19, с. 92].

Материальный вид деятельности не менее существенен для жизни социума чем деятельность духовная. И этот аспект также находит свое воплощение в практике Духовных миссий РПЦ. Особенно он значим для второй половины позапрошлого века – времени Александровской модернизации России. Отмена крепостного права в 1861 году и ряд других реформ Александра Освободителя (административная, правовая, земская и др.) привели к стремительной трансформации как отечественной культуры в целом, так и ее локальных форм, касающихся культуры этносов нашей родины. В целом реформы 1860-х годов заложили фундамент рыночных отношений в стране, привели к ее социально-экономической модернизации и вызвали к жизни насущную потребность в технико-производственной сфере. А это в свою очередь привело к освоению новых территорий России, прежде бывших вне поля интересов российской экономики. И здесь деятельность Духовных миссий пересеклась с отечественными модернизационными проектами, способствующими переходу от России аграрной к стране индустриального социума. Подтверждением данного положения может служить география распространения Духовных миссий, которая в значительной мере совпа-

дала с востребованными в производственном и экономическом отношениях российскими территориями (Алтайская Духовная миссия и рудные запасы Западной Сибири; Чукотская Духовная миссия на Крайнем Северо-Востоке и потребности меновой торговли; Иркутская Духовная миссия в Восточной Сибири и разработка горнотехнического сырья и т.д.).

Затрагивала деятельность Духовных миссий и решение вопросов сугубо политических, развитие политической и правовой культуры народов Российских окраин. Показательна в этом отношении культурная практика миссий среди народов Кавказа, позволившая покончить с вековой родовой традицией «кровной мести».

Деятельностный метод как один из принципов методологии культурологического подхода к феноменам социальной и культурной жизни наряду с аксиологической (ценностной) парадигмой сегодня является ведущим в социально-философском и культурологическом знании. Он значим так же как основополагающий в культурфилософском плане современных научных исследований [5; 6; 9-13; 15]. Кроме того, он достаточно широко распространен в российской теоретико-социологической мысли. Деятельностный принцип подразумевает положение о том, что в основе человеческого бытия заложена деятельность – целенаправленная, орудийная и продуктивная активность. Орудийный характер означает, что лишь только человек способен превращать природные явления и вещи в систематическое орудие или средство достижения практических целей. Активность продуктивная, в свою очередь, состоит в достижении совершенно новых, творческих результатов в ходе преобразования природы. Все бытие человека, таким образом, есть многообразие форм деятельности. Культура же – это особый способ (технология) деятельности человека. «Понятие технологии в данном случае применяется... в общетеоретическом, обозначая исторически изменяющуюся совокупность приемов, процедур, норм, которые характеризуют уровень и направленность человеческой деятельности в конкретном обществе» [8, с. 181-182]. В качестве примера одного из классических определений культуры в рамках деятельностной методологии приведем формулировку Э.С. Маркаряна, подытоживающую эти рассуждения. По его мнению, культура представляет собой «специфический способ человеческой деятельности, включающий в себя чрезвычайно сложную и многогранную систему внебиологически выработанных механизмов, благодаря которым стимулируется, программируется, координируется и реализуется активность людей в обществе» [14, с. 85]. А эвристический потенциал культурологического подхода к феноменам этнических культур в изучении практической работы

Духовных миссий обладает интегративным качеством, преодолевающим барьеры монодисциплинарных методик и подходов. Задача последних состоит в изучении отдельных явлений, сторон, объектов и форм культуры, поэтому в полной мере к ним применимо определение как методик и техник научного исследования, цель которых «разработка набора процедур, обеспечивающих получение единообразного и достоверного эмпирического (подчеркнуто нами – авт.) материала и его первичную обработку» [21, с. 146].

Лишь в рамках методологии культурологического подхода и использованию ценностной парадигмы, проблемы культуры как совокупности материальных, духовных и художественных ценностей получают не просто междисциплинарное, а интегративное объяснение. Они становятся ключевыми для понимания самого человека – носителя культуры, его жизнедеятельности и сознания, внутреннего духовного мира и мировоззрения [4, с. 157-168]. Человек как высшая социальная ценность представляет собой с одной стороны – продукт культуры и общественных отношений, а, с другой стороны выступает носителем и более того – творцом культуры. Такое понимание человека аксиоматично для культурной антропологии, в полной мере оно разделяется авторами данной работы.

В определении сущности феномена ценностей мы придерживаемся дефиниции профессора П.И. Смирнова. Он пишет: «Слово ценность будет употребляться в его «аристотелевском» смысле, а именно как любое материальное или идеальное явление, **имеющее значение** (выделено нами – авт.) для человека, ради которого он прилагает усилия (т.е. чтобы обладать им, сохранять его и т.д.)» [18, с. 67]. Ценности как материального, так и духовного характера выступают важнейшими стимулами человеческой деятельности. Они характеризуют социальное бытие в целом, а аксиологический принцип есть важнейшее основание методологии культурологического подхода.

В заключении отметим, что в настоящей работе методология культурологического подхода и аксиологическая парадигма используются для, во-первых, выполнения заявленной цели – анализу культуротворческой, хозяйственно-бытовой и образовательной деятельности Духовных миссий РПЦ¹ на территории Российской Империи периода российских модернизационных проектов восемнадцатого, девятнадцатого и начала двадцатого столетий; во-вторых, в качестве теоретико-методологической разработки проблемы культурологического анализа феноменов российских этнических культур на примере Сибирского региона.

1 В работе использованы материалы из Православной Энциклопедии под редакцией Патриарха Московского и всея Руси Кирилла <https://www.pravenc.ru/>

ЛИТЕРАТУРА

1. Гайсина Г.И. Культурологический подход в теории и практике педагогического образования: автореф. ... дисс. докт. пед. наук: 13.00.08. – М., МПГУ, 2002. – 37 с.
2. Грицанов А.А. Методология / Новейший философский словарь: 3-е изд., исправл. – Минск: Книжный дом, 2003. – С. 628-629.
3. Зув Ю.П. Русская православная церковь / Российская цивилизация : Этнокультурные и духовные аспекты: Энци. словарь / Ред. кол.: Мчедлов М.П. и др. – М.: Республика, 2001. – С. 371-376.
4. Зыкин А.В., Арефьев М.А., Бондарев А.В. Интегративный потенциал культурологического подхода в изучении этноязыковых процессов в Южной Сибири // Культура и цивилизация. 2020. Том 10. № 3А. – С. 157-168.
5. Каган М.С. Философия культуры / М.С. Каган. – Санкт-Петербург: Петрополис, 1996. – 414 с.
6. Каган М.С. Философская теория ценности / М.С. Каган. – Санкт-Петербург: Петрополис, 1997. – 204 с.
7. Кондаков Н.И. Логический словарь. – М.: Наука, 1971. – 656 с.
8. Курбатов В.П. Деятельностный подход в культурологии // Вестник КрасГАУ. 2010. № 7 (46). – С. 180-185.
9. Маркарян Э.С. Вопросы системного исследования общества / Э.С. Маркарян. д-р филос. наук. – Москва : Знание, 1972. – 62 с.
10. Маркарян Э.С. Избранное. Наука о культуре и императивы эпохи / Э.С. Маркарян. – Санкт-Петербург : Центр гуманитарных инициатив, 2014. – 656 с.
11. Маркарян Э.С. О генезисе человеческой деятельности и культуры / Э.С. Маркарян. – Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1973. – 143 с.
12. Маркарян Э.С. О концепции локальных цивилизаций / Э.С. Маркарян. – Ереван: Изд-во Акад. наук Арм. ССР, 1962. – 177 с.
13. Маркарян Э.С. Очерки теории культуры / Э.С. Маркарян. – Ереван : Изд-во АН Арм. ССР, 1969. – 228 с.
14. Маркарян Э.С. Системное исследование человеческой деятельности // Вопр. философии. – 1972. – № 10. – С. 77-86.
15. Маркарян Э.С. Теория культуры и современная наука : (Логико-методол. анализ) / Э.С. Маркарян. – Москва : Мысль, 1983. – 284 с.
16. Мочулаев В.Е. Понятие и принципы культурологического подхода к проектированию и обновлению программ дополнительного образования детей // Евразийский Союз Ученых (ЕСУ), №7 (16), 2015. – С. 94-97.
17. Русское географическое общество [Электронный ресурс] / В. Кимеев. – Режим доступа: <http://www.rgo-sib.ru/science/78.htm> Загл. с экрана. (Дата обращения: 10.02.2022)
18. Смирнов П.И. Слово о России: Беседы о российской цивилизации. – СПб.: Химиздат, 2004. – 324 с.
19. Стёпин В.С. Программирующие функции культуры в человеческой жизнедеятельности / Культурогенез и культурное наследие / Науч. ред. и сост. А.В. Бондарев. – М.; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2014. – С. 91-121.
20. Теория культуры. Под. ред. С.Н. Иконниковой, В.П. Большакова. – СПб.: Издательство «Питер», 2008. – 592 с.
21. Юдин Э.Г. Системный подход и принцип деятельности. – М.: Издательство «Наука», 1978. – 378 с.

© Арефьев Михаил Анатольевич (ant-daga@mail.ru), Зыкин Алексей Владимирович (zykinalex@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЖЕНСКИЕ ДЕМОНИЧЕСКИЕ ПЕРСОНАЖИ В ОБСКО-УГОРСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

Кашлатова Любовь Васильевна

*К.культурологии, БУ «Обско-угорский институт
прикладных исследований и разработок», пгт. Берёзово,
kashlatovalv@mail.ru*

FEMALE DEMONIC CHARACTERS IN THE OB-UGRIC FOLKLORE

L. Kashlatova

Summary: In many folklore texts, the acting characters are mythological supernatural beings who, according to the ideas of many peoples (including the Ob Ugrians), live in heaven, on earth, underground, in forests and in water. Together they make up an invisible world in which each deity consists of groups that differ in characteristics and influence on a person. These texts have their own popular plots, their favorite images of heroes, you can meet interesting characters, including evil ones that harm a person. The article examines fairy-tale characters that refer to evil, their habitats, appearance and attitude to a person.

Keywords: higher deities, supernatural beings, demons, Drink Hot-Imi, Tapar-Pai-Imi, Ton-Verty-Imi, Kirp-Net-Imi.

Аннотация: Во многих фольклорных текстах действующими персонажами являются мифологические сверхъестественные существа, которые, по представлениям многих народов (в том числе и обских угров), живут на небе, на земле, под землей, в лесах и в воде. Вместе они составляют невидимый мир, в котором каждое божество состоит в различных по характеристикам и влиянию на человека группах. В данных текстах есть свои популярные сюжеты, свои любимые образы героев, можно встретить интереснейшие персонажи, в том числе злые, которые приносят вред человеку. В статье рассматриваются сказочные персонажи, относящиеся к злым, их места обитания, внешний вид и отношение к человеку.

Ключевые слова: высшие божества, сверхъестественные существа, демоны, Пейт-Хот-Ими, Тапар-Пай-Ими, Тон-Верты-Ими, Кирп-Нёт-Ими.

В эпоху зарождения мифических представлений, женские божества рассматривались как источник жизненной силы и бессмертия, они покровительствовали природе, земле, космосу, культуре, участвовали в творении мира, магически способствовали умножению растительного и животного мира и продлению человеческого рода. В мифологических традициях практически всех народов мира сохранились указания на важную роль женщины в жизни древнего общества. В мифах женщинам приписывается изобретение ритуалов, обладание первыми священными предметами, использование магической силы и многое другое, что указывает на их былое и утраченное могущество, следы которого мы обнаруживаем при исследовании фольклорных источников. Божества имеют много имен, эпитетов, соответственно множество функций, от них зависит благополучие каждого человека. По этому поводу К.Ф. Карьялайнен писал: «Современный мир духов остяков очень богат, настолько богат, что, наверно, никогда никому не удастся выявить число и имен этих духов, являющихся в этих странах предметом почитания и страха» [4, 6].

Наряду с высшими божествами большой популярностью пользуются и низшие, сверхъестественные существа, демоны. В своей работе [5] автор вывела женский пантеон богов и духов, где описала каждую из групп. В отличие от всех известных ученых, которые описывали патриархальный мужской пантеон, автор начала описывать с низших существ, и как считает З.П. Соколова «в Нижнем мире обитают враждебные существа-антаго-

нисты и души умерших» [15, 173]. По мнению автора, у обских угров, существовала вера в первоначальное абстрактное божество, мир был наполнен духами злыми и добрыми, с которыми надо было иметь дело. В повседневной жизни человек постоянно ощущал их присутствие и зависимость от них [5, 25]. В статье сделан анализ фольклорных текстов, касающихся женских сказочных персонажей, которые утратили свое сакральное происхождение.

В настоящей работе продолжается исследование одного из аспектов традиционной культуры обских угров – мифологические представления о женских сказочных персонажах. В зоне данного исследования анализировались сказки обских угров, где встречаются сверхъестественные существа, которые занимают нижнюю ступень в классификации [4, 170-275; 8, 44; 3, 40, 49; 10, 30; 16, 97]. Их бесчисленное множество, они характеризуются как вредоносные человеку, что проявлялось в физическом уничтожении, пожирании людей. Нередко в легендах отражены реальные события и факты. Все они человекоподобные, они наделены физической силой, выносливостью, у них есть семьи, причем в их семейном укладе преобладает матриархальные черты, так как во главе стоит везде женщина, при этом в семейном укладе не просматриваются мужские лица.

Данные существа чаще всего встречаются в легендах, сказках, быличках, простых рассказах и в преданиях. Характерные особенности предания состоят в том, что оно

может быть любым по размеру, не имеет структурного канона и в его основании лежит яркий исторический эпизод [7, 140]. Довольно много рассказов о контактах живых с миром мертвых, о встрече с душой умершего, различного рода рассказы о злых женщинах. Их бесчисленно множество: это низшие сверхъестественные существа – полу божественные создания природы, лесные существа, водные чудовища, сказочные персонажи *Пор-Нэ, Мось-Нэ* (о них автор уже публиковала свой материал), разные злые духи *вусыу-карыу, Хинтау-Ими, Карыу-Ими*. Их можно сравнивать с Бабой ягой из русских сказок [11, 78]. К данной категории сказок можно отнести фольклорные тексты о *Кирп-Нёт-Ими* 'Женщина с коростой на носу', *Тон-Верты-Ими* 'Сухожилия делающая женщина', *Тапар-Пай-Ими* 'Мусорной кучи женщина', *Пейт-Хот-Ими* (досл.) 'Женщина дома, где парятся', о которых сегодня пойдет речь. Вниманию читателей будут представлены четыре сказочных персонажа с разными сюжетами и действиями.

Начнем с любимого автором персонажа *Пейт-Хот-Ими* (досл. *пейт, пейта* 'париться', *хот* 'дом', а *ими* 'женщина') 'Женщина дома, где парятся' (соответствует русскому слову баня, банная женщина). Рассказ о *Пейт-Хот-Ими* автор слышала в детстве от своей бабушки по материнской линии Евдокии Афанасьевны Ендыревой, 1910 г.р. Скорее всего, это была быличка, где «излагается событие, происшедшее с какими-либо конкретными лицами» [8, 50]. Но так как автор слышала в детстве, что-то могла упустить, или сконцентрировать внимание на том, что она представляла страшный рассказ. Мы постоянно переспрашивали бабушку об отдельных эпизодах или просили рассказать вновь самые страшные части. «В деревню поздно ночью приехал мужчина. Дело было зимой, стояли морозы, и он сильно замерз. Остановился у знакомых, которые как раз в этот день топили баню. Он сразу же собрался в баню, чтоб погреться. Хозяйка не пустила его, говорила, что поздно, что в такое время всегда моется хозяйка бани Пейт-Хот-Ими. Он отмахнулся от неё, ответил, что все это басни. И ушел в баню.

Придя в баню, он разделся и собрался париться. В это время дверь распахнулась и в бане оказалась женщина. Она вела себя очень агрессивно, проявляла недовольство: с грохотом поставила таз для себя, опрокинула таз с водой у мужчины, вылила почти всю воду из бочки на пол. Мужчина как был голым, так и выскочил из бани и не помнит, вообще, как выскочил. Домой ворвался, глаза блестя от страха, стал кричать на хозяйку, что это она специально наворожила. С тех пор он поздно в бане больше не моется».

Быличка эта запомнилась особенно, наверно потому, что нам в детстве постоянно напоминали о *Пейт-Хот-Ими* в бане. Нам внушали, что в бане нельзя пить воду с открытыми глазами, иначе мы можем увидеть её отра-

жение в воде и напугаемся. Последний моющийся должен оставить воду для банной женщины, чтоб она могла помыться и со словами: «Я оставила тебе и воду, и жар, мойся и не сердись на моих маленьких и глупых детей», уходили из бани. Если вода не оставалась, она могла рассердиться. Нельзя поздно мыться в бане, якобы в это время она моется [5, 46-47]. Местом проживания *Пейт-Хот-Ими* является баня, где человек не живет, здесь противопоставляется место обитания двух миров – человека и сверхъестественного существа. В традиционной жизни обские угры понимали, что это мир чужой для человека и он не должен нарушать обычаи. Более рассказов или сказок о *Пейт-Хот-Ими* автор не нашла.

Следующий сказочный персонаж это *Тапар-Пай-Ими*. Данный персонаж зафиксировали многие исследователи на разных территориях [1, 176; 3, 48; 2, 17; 13, 174]. По представлениям обских угров *Тапар-Пай-Ими* со своими детьми жила в кучах мусора или *тутьюх пай*, где *тутьюх* 'дрова', *пай* 'куча', (поленница дров, поставленная конусом, в виде чума). В детстве бабушки часто пугали своих внуков *Тапар-Пай-Ими*. Это было излюбленное место для игр деревенской детворы, но опасное для жизни. Скорее всего, взрослые боялись, что дети во время игры могут уронить дрова, тогда их могло придавить или поранить. Могли также разжечь костер, что тоже могло привести к беде. Поэтому пугали детей, говорили, что *Тапар-Пай-Ими* заберёт их (детей) и унесет к своим детям, которые находятся в куче мусора [5, 46].

Чаще всего в сказках *Тапар-Пай-Ими* является объектом злых замыслов героев. Например, в сказке «Мощь ху» живут сестра с братом *Мощь ху* одни в деревне. Задумал *Мощь ху* заиметь жену, сделал чучело из дерева и посадил в полог, представляя, что она превратится в женщину. Но сестра, узнав об этом, обхитрила его и выбросила это чучело в кучу мусора и зарыла, а сама села в полог, подменив её собой. В дальнейшем *Мощь ху* женится и начинает жить с сестрой вместе, у них рождается сын. Сын вырос и стал бегать и играть на улице. Мать предупреждает, чтоб не приближался к куче мусора, там якобы живет Баба Яга. Но его стрела невольно падает именно в кучу мусора, где появляется страшная женщина в виде чучела и грозит, что съест его. Узнав истину, *Мощь ху* убивает сестру и ребенка и говорит, что «не должно быть, чтоб брат с сестрой жили и у них были дети» [ПМА, 1998]. То есть, брак с близкородственными людьми запрещен, о котором знает брат. В сказке присутствует мотив инцеста.

В других сказках у *Тапар-Пай-Ими* есть дети и она, пугая героев, обещает утащить их к своим детям, или гоняется вместе со своими детьми за детьми героев, появляясь из кучи мусора. Ханты усть-казымские Приобья считают, что «на улице мусор в одну кучу нельзя высыпать, что в них может поселиться *Тапара-Пай-Ими*. А ког-

да она вселяется в эти кучи, то делает домики для себя и своих детей, вечером эти кучи светятся маленькими огоньками. Их нельзя разрушать, так как они будут вредить хозяевам» [13,174]. Таким образом *Танар-Пай-Ими* проживает в куче мусора, её место обитание — это граница между живыми и мертвыми, то есть существует на краю человеческого мира, на границе мира потустороннего. Облик её человекоподобный, но действия её намерены на уничтожения людей.

На одной из территорий проживания хантов зафиксировано другое её имя *Намнар-Пай-Ими*. Здесь её образ в сказке представлен ленивой, завидной, неряшливой. Живет она со своей дочерью, имеют свой дом, но шить красиво узоры не умеют, ходят обе с дочерью в грязной, рванной одежде. Зависть к женщине-рукодельнице заставляет украсть её дочь-мастерицу, которая прекрасно шила орнаменты. Мать с дочерью обманном путем выманили дочь-рукодельницу и пригрозили ей: «Ты должна нашить нам платья, иначе мы тебя съедим». Пришлось девочке-рукодельнице до позднего вечера шить им одежду. Мать долго искала её, пока однажды не узнала шов своей дочери на платьях *Намнар-Пай-Ими*. Вызволили дочь, а *Намнар-Пай-Ими* со своей дочерью за это прогнали из деревни [ПМ Сатиной С.М., 2015]. В этой сказке хоть и живет она в доме, но жилище её примитивное, и действия её также направлены против человека. Присутствие жилища в сказке говорит о позднем происхождении фольклорного текста, в архаичное время жилища у героинь отсутствовали, жили они в кучах мусора.

В древности *Танар-Пай-Ими* являлась объектом почитания, отголоски которого дошли до настоящего времени. В одной из сказок *Мис-нэ* нашла в куче мусора деревянную куклу *акань*, которая затем оживет..., станет общей матерью на земле..., будет людям помогать, ... [1, 179-180]. Образ сказочного персонажа со временем трансформировался, тем самым утратил сакральный смысл. Почитание в народе этой героини не существует, она встречается только в фольклорных текстах.

Не менее популярна ещё одна героиня сказок – это *Тон-Верты-Ими* (хант.), *Тан-Варум-Эква* (ман.) 'Женщина, выделяющая жилы', которая также относится к категории злых персонажей. По хантыйскому обычаю нельзя работать с наступлением темноты. Хорошо известной всем сказке «Тон-Верты-Ими» говорится о том, как она наказала непослушную невестку, которая по вечерам выделяла жилы. Очередной раз, как только невестка села выделять жилы, к ней пришла *Тон-Верты-Ими* и предложила соревноваться, кто больше сделает жилы. Поняла невестка, что так просто не обхитрить *Тон-Верты-Ими* и она поджигает её дом. Убежала *Тон-Верты-Ими* спасать своих детей, а невестка обмазала себя и детей жиром тем самым спаслась от злой женщины. Но *Тон-Верты-Ими* решила ей отомстить. Однажды зимой,

когда плясали медведя, она обманном путем украла её сына, в отместку за это люди подожгли её дом. Тогда *Тон-Верты-Ими* говорит невестке: «Из-за одного ребёнка ты ведь семь лесных духов сожгла. Когда-нибудь, когда человеческий век наступит, пусть ни одной искры от этой деревни не останется». Сейчас действительно та деревня Варкум исчезла [14, 55-57]. В отличие от людей *Тон-Верты-Ими* делает жилы из собачьих сухожилий [14, 55; 12, 288]. В одноименной мансийской сказке *Тан-Варум-Эква* заходит в дом с собакой, и у этой собаки выдирает спинные жилы, затем предлагает делать жилы [6, 80-81]. В сказках о *Тон-Верты-Ими* выступает как мстительница, она наказывает женщин, которые шьют допоздна или выдывают жилы.

И последний персонаж из низших сверхъестественных существ это *Кирп-Нюлум-Ими* (хант.), *Турп-Нёлп-Эква* (манс.) (букв.): 'Женщина с коростой на носу', она же *Кар-Нёт-Ими* 'Женщина с железным носом', – очень популярная злодейка в фольклоре, она встречается во многих сказках. Её изображают сопливой, с коростой на носу, или имеющий очень длинный и большой нос, который сравнивают с носом утки-шилохвоста. В мифологии и верованиях хантов это злая колдунья-людоедка, лесная ведьма. В сказках о ней она убивает и съедает героев, например, в сказке «Кирп-Нюлум-Ими» она съедает двух братьев, не послушавших отца и своих товарищей и только третий брат спасает их, проткнув горячим шомполом живот *Кирп-Нюлум-Ими* и тем самым спася и сам от злой людоедки [9, 209-210]. В другой сказке *Кирп-Нюлум-Ими* (их в этой сказке шесть) съедают своих детей, а кости подбрасывают нормальной женщине, которая обманом путем их же и накормила этими костями. От жадности они расхватили эти кости, жуют и говорят: «Что-то нашей кровью пахнет», т.е. они узнали запах своей крови. Но когда мужья возвращаются с охоты, их обман выходит наружу, они вместо нормальных детей подсунили деревянных кукол, мужья расправляются с людоедками и дают напутствие новому поколению «чтоб, когда ещё поколение будет меняться, то не появлялись бы на свет такие коварные люди» [9, 209].

В мансийской сказке «Эква-пыгрись и женщина с кузовом» людоедка предстает в образе *Хинт-Ими* 'Женщина с кузовом'. В противоборство со злой ведьмой вступает смекалистый *Эква-пыгрись*. Попав в злые руки женщины, он сначала расправляется с её дочерьми, а в конце сказки обманом путем побеждает злую людоедку, бросив с дерева горячий лом прямо ей в рот [9, 373-376]. Есть сказки, где *Кирп-Нёт-Ими* жестоко расправляется с двумя братьями и только третий, младший брат уничтожает её и оживляет затем своих старших братьев [9, 462-463]. Злая, кровожадная *Кирп-Нёт-Ими* (*Кирп-Нёлп-Эква*) чаще всего встречается в сказках, которые бытуют на всех территориях проживания обских угров.

Тем не менее *Кирп-Нёлп-Эква* встречается и в сакральных мифологических сказаниях о сотворении Земли. Здесь её дочь будет женой *Мир-Сусне-Хума* 'За Миром Наблюдающего Человека' седьмого сына *Нуми Торума* [9, 266, 530-531]. В другой версии *Кирп-Нёлп-Эква* хотела, чтобы её дочь была *Нуми-Торума* женой. Наколдовала она, и её средняя дочь стала похожей на *Этнос-Ай* 'Дочь Месяца' и с *Нуми-Торумом* осталась. Вскоре этот обман раскрывает *Нуми-Торум* и сбрасывает жену *Кирп-Нёлп-Эква* на землю. В итоге, как была *Кирп-Нёт-Ими* злой колдуньей, так и осталось, почитания в народе она не получила.

Таким образом, из выше проведенного анализа фольклорных текстов мы рассмотрели четыре сказочных персонажа, которые все относятся к категории злых существ, людоедки, пожирающие людей, не спящими ночью. Представления о них остались повсеместно на всех

территориях проживания хантов и манси, они являются героями во многих фольклорных текстах – сказаниях, легендах, бывальщинах, быличках, рассказах. Особенно они опасны для тех, кто не слушается старших (как в сказке о *Кирп-Нёт-Ими*), для женщин, которые шьют допоздна (как в сказке о *Тон-Верты-Ими*), или поздно ночью моются в бане (как в рассказе о *Пейт-Хот-Ими*). Как видно из приведенных примеров, в фольклорных произведениях обских угров женские сказочные существа относятся к иному, потустороннему миру, всячески подчеркивается их ущербность, тем самым восходят к самой глубокой древности. Деятельность злых существ направлена как правило против людей, на их уничтожение. В работе дается их описание, особенно распространенных на территории проживания обских угров, память о которых сохранилась до наших дней. Они встречаются как по данным известных, так и выявленных вновь самим автором фольклорных источников.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гемуев И.Н. Вина демиурга / И.Н. Гемуев. // Обские угры (ханты и манси) (Материалы к серии «Народы и культуры»). – М., 1991. – С. 175-180.
2. Земля Кошачьего Локотка. Кань Куш Отанг / Перевод с хантыйского языка, составление, предисловие, примечание Тимофея Молданова. – Томск: Изд-во Том. ун-та. 2001. – 245 с.
3. Зенько А.М. Представления о сверхъестественном в традиционном мировоззрении обских угров / А.М. Зенько. – Новосибирск, 1997, – 160 с.
4. Карьялайнен К.Ф. Религия югорских народов. Т.2. / Перевод с немец. Н.В. Лукиной. – Томск: Изд-во Том. ун-та. 1995, – 282 с.
5. Кашлатова Л.В. Женский пантеон обских угров. Монография / Л.В. Кашлатова. – Тюмень: ООО «Формат», 2017. – 158 с.: ил.
6. Кумаева М.В. Женские образы в мансийском фольклоре (на примере мифов и сказок) / М.В. Кумаева. // Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока: традиции и инновации: Материалы дистанционной научно-практической конференции X Югорские чтения (20.12.2011г., г. Х-Мансийск) – Х-Мансийск, ОАО «Информационно-издательский центр», 2012. – С. 75-87.
7. Куприянова, З.Н. К вопросу о жанровом составе фольклора угро-самодийских народностей / З.Н. Куприянова. // Проблемы изучения финно-угорского фольклора. Саранск: Мордовское кн. Изд-во, 1972. – С. 138-146.
8. Лукина Н.В. Предисловие к «Мифам, преданиям, сказкам... / Сост., пред. и примеч. Н.В. Лукиной. М: Наука, 1990. – С. 4-58.
9. Мифы, предания, сказки хантов и манси / Сост., пред. и примеч. Н.В. Лукиной. – М.: Наука, 1990. – 568 с.
10. Попова С.А. Обряды перехода в традиционной культуре манси / С.А. Попова. Томск, изд-во Том. ун-та, 2003. – 180 с.
11. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. / В.Я. Пропп. – Изд-во Ленинградского ун-та. – Л., 1986. – 361 с.
12. Перевалова Е.В. Северные ханты: этническая история / Е.В. Перевалова. – Екатеринбург: УрО РАН, 2004. – 414 с.
13. Пятникова Т.Р. История развития жилища хантов усть-казымского Приобья. / Т.Р. Пятникова. // Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока: традиции и инновации: Материалы дистанционной научно-практической конференции X Югорские чтения (20.12.2011г., г. Х-Мансийск) – Х-Мансийск, ОАО «Информационно-издательский центр», 2012. – С. 164-177.
14. Сказки народа ханты: Ханты ёх моньшат: Книга для чтения в младших и средних классах (казымский диалект) - / Сост. Е.К. Ковган, Н.В. Кошкарева, В.Н. Соловар: Под ред. Е.А. Нёмсовой, Е.К. Скрибник. – СПб.: ТОО «Алфавит», 1995. – 143 с. : ил.
15. Соколова З.П. Ханты и манси : взгляд из XXI в. / З.П. Соколова. – М. : Издательство «Наука», 2009. – 756 с.
16. Успенская С.С. Наземные сверхъестественные существа в прозаическом фольклоре казымских хантов / С.С. Успенская. // Материалы III Югорских чтений (Ханты-Мансийск, 26-27 апреля 2000 г.) / Под ред. Н.В. Лукиной. – Томск; Изд-во Том. ун-та, 2001. – С. 97-103.
17. Полевые материалы автора 1997-2007 гг., по Октябрьскому и Березовскому районам (информанты: Лыскова Анна Никитична 1915-2000 гг., д. Мулигорт; Отшамова Анастасия Васильевна 1930-2016 гг., п. Березово)
18. Полевые материалы Сатиной Светланы Матвеевны, 2015 г. по Березовскому району (информант: Тунгусова Марина Семеновна, 1956 г.р., п. Березово)

© Кашлатова Любовь Васильевна (kashlatovalv@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РЕГИОН КАК СУБЪЕКТ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

Кравченко Петр Николаевич

Аспирант, Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
petroru@mail.ru

REGION AS A SUBJECT OF THE FUNCTIONING OF ARTISTIC CULTURE

P. Kravchenko

Summary: The article considers the regional artistic culture as a system that includes a number of important components. The region as a subject of the functioning of artistic culture affects all its components, including: cultural policy, regional art education, education and development of potential recipients of artistic products, amateur art, art criticism, museums, libraries, theaters, cinemas, concert halls, art magazines, printing publishers, video recording studios, local radio and television, IT studios. This system includes traditional and innovative components, the development of each of which becomes the task of a particular region.

Keywords: culture, artistic culture, cultural policy, museum, region.

Аннотация: В статье рассмотрена региональная художественная культура как система, включающая ряд важнейших составляющих. Регион, будучи субъектом функционирования художественной культуры влияет на все её компоненты, такие как культурная политика, региональное художественное образование, воспитание и развитие потенциальных адресатов продуктов художественного творчества, самостоятельное художественное творчество, художественная критика, музеи, библиотеки, театры, кинотеатры, концертные залы, художественные и литературно-художественные журналы, полиграфические издательства, студии видеозаписи, местное радио и телевидение, IT-студии. Данная система включает традиционные и инновационные составляющие, развитие каждой из которых становится задачей конкретного региона, обеспечивающего таким образом собственное стабильное культурное развитие.

Ключевые слова: культура, художественная культура, культурная политика, музей, регион.

Хорошо развитая, продолжающая традиции и допускающая инновации культура является одним из важнейших условий существования современного общества. Основное предназначение культуры – «быть полем реализации человеческих потребностей, ценностно-нормативных основ жизнедеятельности» [2, с. 4], обеспечивать гуманитарные запросы людей, независимо от места их проживания. Культура представляет собой сложное образование, включающее, в числе прочего, такое звено, как художественная культура. Художественная культура определяется в терминологическом словаре как «одна из сфер культуры общества, основу которой составляет искусство» [6, с. 641]; она предполагает две составляющие: «творчество художника и со-творчество публики (читателя, зрителя, слушателя)» [Там же, с. 642]. Исследования современной художественной культуры России ведутся в различных направлениях. Нам представляется особенно важным рассмотреть художественную культуру в её региональном преломлении. Анализом художественной культуры разных регионов занимаются Е.В. Александрова [1], Т.Ф. Дедкова [3], Л.В. Ивойлова [4], В.А. Саркисов [5] и другие исследователи, однако необходим системный, комплексный подход как к самому понятию локальной художественной культуры, к роли региона в её формировании.

Цель статьи – рассмотреть функционирование художественной культуры в рамках регионов Российской Федерации, выявить составляющие системы региональ-

ной художественной культуры.

В настоящий момент региональная культура является полем сохранения русской и, шире, российской культуры, которое позволяет ей не утратить собственной идентичности, существовать в вариативности, обеспечивающей единство и создающей условия для динамики. Художественная культура – одна из важнейших сфер любой региональной культуры, во многом определяющая её лицо, поскольку именно с художественным творчеством какого-то автора часто ассоциируется определённый регион (Тульская область – с творчеством Василия Polenova, Елабуга – с живописью Ивана Шишкина, Красноярск – с творчеством Василия Сурикова и т.д.).

Системный характер художественной культуры не вызывает сомнений; она понимается как «сложная система, которая обеспечивает процесс создания и функционирования в обществе художественных ценностей» [6, с. 642]. Из данного определения видно, что система включает звенья, связанные как с созданием художественных произведений, так и с их дальнейшей жизнью в течение десятилетий и даже веков. От содержания и качества каждого из компонентов данной системы зависит успешность её функционирования. Рассмотрим компоненты данной системы.

Функционирование региональной художественной культуры во многом определяет культурная политика,

которая представляет собой «систему практических мероприятий, финансируемых, регулируемых и в значительной мере осуществляемых государством (наряду с частными лицами), направленных на сохранение, развитие и приумножение культурного наследия нации» [6, с. 342-343]. Региональная культурная политика должна быть приспособлена к особенностям и запросам каждого конкретного региона и одновременно реализовать в регионе общегосударственную культурную политику, её основополагающие принципы. Правильно организованная локальная культурная политика «не только предопределяет спрос на те или иные виды художественной продукции, но повлияет на общий культурно-интеллектуальный облик региона» [7, с. 118], то есть будет работать на перспективное развитие региона, определять его процветание в будущем.

Второй ключевой фактор развития художественной культуры региона – организация регионального художественного образования. Оно состоит из нескольких ступеней: детская художественная школа, художественное училище, вуз, каждая из которых имеет свои цели и выполняет определённые функции. Если художественная школа призвана выявить талантливых детей и способствовать развитию их индивидуальности, то более высокие ступени направлены уже на формирование профессиональных компетенций будущих деятелей культурной жизни региона. Региональные вузы культуры функционируют как «многопрофильные и опорные центры культурно-просветительного направления сохранения и передачи этнонациональных традиций и ценностей» [8, с. 7]. Важно сохранить те школы художественного образования, которые традиционно (в досоветском и советском образовательном пространстве) формировались в региональных образовательных организациях и своей специфичностью обеспечивали и продолжают обеспечивать разнообразие российской художественной культуры.

Третий фактор развития региональной художественной культуры – художественное воспитание и развитие её потенциальных адресатов – потребителей художественного творчества. Организация такого воспитания во многом зависит от усилий региональных образовательных и культурных организаций – общеобразовательных и художественных школ, кружков и секций художественного творчества. Современные исследователи отмечают действие в культурном пространстве регионов негативных процессов, таких как «утрата духовно-нравственных ориентиров, отчуждение от культуры и искусства подростков и взрослых» [4, с. 522-523]. В этих условиях воспитание юного жителя региона как объекта художественного воздействия становится особенно актуальной задачей, вклад в решение которой должны внести самые разные персоналии и организации региона. Один из способов такого воспитания и одновременно привлечения детей и подростков к художественной жизни региона является расширение информационного

пространства путем цифровой репрезентации лучших образцов региональной художественной культуры на современных технологических площадках в сети интернет.

Нельзя игнорировать и такую важную составляющую региональной художественной культуры, как самодеятельное творчество, представляющее собой непрофессиональное создание произведений художественного искусства детьми и взрослыми. Е.В. Александрова характеризует самодеятельное художественное творчество как фактор формирования социального опыта личности [1], однако в первую очередь оно способствует расширению регионального художественного пространства. Участвуя в художественном процессе региона, самодеятельный автор не обязательно демонстрирует образцы творчества, обладающие исключительной художественной ценностью, однако он делает культуру более разнообразной и свободной, более связанной с конкретными жителями региона, отражающей локальные реалии, близкой людям.

Ещё один компонент региональной художественной культуры – художественная критика, целью которой является «изучение современного ей процесса и результатов художественного творчества» [6, с. 264]. Критическому осмыслению должны подвергаться как традиционные произведения местных художников, так и их новые творения, а также выставки художественного творчества, выпущенные художниками буклеты, их авторские сайты, на которых выставляются художественные работы, проведённые ими творческие встречи, деятельность образовательных организаций художественной направленности и т.д. Большой опасностью для региональной критики является превращение в исключительно хвалебное описание художественной деятельности и её продуктов, которое может быть связано как с недостаточной квалификацией региональных критиков, так и с их нежеланием провоцировать конфликт в довольно узком региональном художественном сообществе. Ещё одна опасность – наоборот, отвергать и жёстко критиковать то новое и необычное, что появляется в региональном художественном пространстве. Нельзя забывать, что критика должна быть конструктивной, основанной на научных принципах, при необходимости острой, но обязательно справедливой.

Кроме того, нельзя не остановиться на целом комплексе составляющих региональной художественной жизни, которые должны способствовать информированию жителей региона о происходящих в нём художественных событиях и процессах, тем самым служа популяризации региональной художественной культуры. К составляющим данного комплекса относятся музеи, библиотеки, театры, кинотеатры, концертные залы, художественные журналы, полиграфические издательства, студии видеозаписи, местное радио и телевидение, IT-студии.

Региональные художественные музеи в обязательном порядке должны иметь экспозиции местных художников, сопровождаемые интересными и познавательными экскурсиями, а также регулярными встречами со здравствующими авторами произведений. Музеи могут организовывать не только постоянные или временные экспозиции в своих стенах, но и передвижные выставки, которые нацелены на знакомство с аспектами и результатами художественной жизни региона широких масс людей, живущих в малых городах и сёлах. Региональный художественный музей выступает как субъект социальной коммуникации, кроме того, каждый из региональных музеев – уникальное явление, полноценный субъект культурной политики, участвующий в «осуществлении социальных инвестиций в доступной только ему форме усиления ценности сохраняемого им культурного наследия региона» [5, с. 140]. Содействовать популяризации художественного творчества местных художников могут музеи и иной направленности (исторические, краеведческие и др.), организуя на своей базе временные экспозиции.

Региональные библиотеки, театры, кинотеатры, концертные залы представляют собой значимые субъекты региональной культурной жизни. Основная форма их участия в популяризации творчества местных художников – организация выставок (как обычных экспозиций, так и выставок-продаж) их работ в собственных стенах – в фойе, основных залах и других помещениях, а также на открытых площадках. Кроме того, данные учреждения могут стать инициаторами встреч региональных мастеров художественного творчества с детьми и подростками, с учителями и представителями других профессий. Такие встречи можно приурочить к юбилею художника или круглой дате его художественного творчества. Необходимо помнить, что мероприятие может быть посвящено и памяти уже ушедшего из жизни регионального мастера, с приглашением его родных, друзей, коллег и т.п. Любые творческие встречи в идеале также сопровождаются выставками работ художника.

Подобные мероприятия придают художественной жизни региона динамичность, делают её живой, активно развивающейся, нацеленной не на узкий круг культурной элиты конкретного региона, а на широкие народные массы.

Составляющими культурной жизни региона являются также художественные и литературно-художественные журналы. Как отмечает Т.Ф. Дедкова, такие издания могут вывести художественную жизнь региона «за пределы провинциальности и изолированности» [3, с. 251]. Целью системы региональных художественных журналов должно сегодня стать не только сохранение богатых традиций изданий такого рода, но и их осовременивание, например, издание электронных и частных журналов. Несомненно, публикация литературно-художественных журналов в российских регионах требует внимания и

разнообразной адресной помощи со стороны государства, заинтересованного в культурном развитии своих граждан. Большой вклад в их стимулирование должны вносить и региональные власти, осуществляя собственную культурную политику.

Различными технологическими инструментами популяризации региональной художественной культуры являются полиграфические издательства, студии видеозаписи, местное радио и телевидение, IT-компании. Данные механизмы включают традиционную и инновационную составляющие. Наиболее традиционными являются полиграфические издательства, местное радио и телевидение. В современных условиях они существуют уже в новых форматах, развиваются с использованием IT-технологий. Цифровая составляющая должна всё шире проникать в систему репрезентации населению региона информации культурного содержания. Специализированные сайты, группы в социальных сетях, электронные рассылки, виртуальные музейные выставки, постепенная оцифровка художественных шедевров регионального и федерального значения – состав инструментов популяризации регионального художественного продукта, основанных на IT-технологиях, должен постоянно увеличиваться.

Итак, успешное региональное бытие художественного творчества является основой сохранения традиций русской художественной культуры. Регион становится той площадкой, которая обеспечивает художественной жизни самобытность, разнообразие, связь с реальными потребителями культурной продукции, постоянное расширение аудитории. Региональная культура выступает в данном случае как охранительный феномен, посредством которого в российской культуре сохраняет традиционное и развивается инновационное. Регион можно назвать полноценным субъектом функционирования художественной культуры, поскольку от деятельности региональных властей, от продуманности региональной культурной политики во многом зависит состояние и развитие художественной жизни региона.

Региональная художественная культура является системой, все компоненты которой (культурная политика, художественное образование и воспитание, деятельность музеев, библиотек, театров и других учреждений культуры, деятельность различных организаций по популяризации культуры), сочетая традиционное и инновационное, служат движущими силами развития художественного творчества в регионе.

Перспективы исследования могут заключаться в более глубоком анализе каждой из составляющих региональной художественной культуры, а также в выявлении возможностей их функционирования как региональных кластеров.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александрова Е.В. Самодеятельное художественное творчество как фактор формирования социального опыта личности // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2010. Т. 16. № 4. С. 146-148.
2. Бетехтин А.В. Художественная культура: предпочтения и запросы аудитории и деятельность системы учреждений искусства: автореф. дис. . . . канд. культурологии: 24.00.01. Челябинск, 2012. 24 с.
3. Дедкова Т.Ф. За пределы провинциальности и изолированности. Региональные литературно-художественные журналы 2010 годов // Вопросы теории и практики журналистики. 2015. Т. 4. № 3. С. 251-261.
4. Ивойлова Л.В. К вопросу о проблеме приобщения подростков к региональной народной художественной культуре // Евразийство: теоретический потенциал и практические приложения. 2014. № 7. С. 522-527.
5. Саркисов В.А. Региональный художественный музей как субъект социальной коммуникации // Наследие веков. 2020. № 2 (22). С. 140-145.
6. Терминологический словарь по культурологии / сост. В.Л. Бенин, Е.Д. Жукова. М.: Флинта, 2017. 743 с.
7. Цукерман В.С., Павлова А.Ю. Художественная культура и культурная политика: региональный срез // Социум и власть. 2018. № 5 (73). С. 109-120.
8. Юсупов Р.Р. Еще раз о вузах культуры: национально-региональные особенности и роль в системе российского художественного образования // Культурная жизнь Юга России. 2018. № 1 (68). С. 7-10.

© Кравченко Петр Николаевич (petroru@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

ОБ ОПРЕДЕЛЯЮЩИХ ФАКТОРАХ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

Петров Игорь Федорович

Академия маркетинга и социально-информационных технологий, г. Краснодар
IgorPetroff@yandex.ru

Петрова Софья Игоревна

Академия маркетинга и социально-информационных технологий, г. Краснодар
Sofya8888@yandex.ru

ON THE DETERMINING FACTORS OF SOCIO-CULTURAL CHANGES

**I. Petrov
S. Petrova**

Summary: The article shows that society, as a self-organizing system, constantly changes regimes, implements variability at different social levels. At the moments of bifurcations, random social factors prevail, ensuring the multivariance of social development. Socio-cultural changes occur in society when the previous ordering of social ties does not guarantee the effectiveness of the functioning of the system. Socio-cultural changes lead to the transformation of society in its morphology, the creation of social forms and structures. Their determinants are mass actions of people. The interpretation of the socio-cultural process reflects the evolution of socio-philosophical thinking. In most approaches, researchers were based on the belief that the laws of the social world are similar to the laws of nature, that society dominates the individual. One of the main features of socio-cultural processes, since they belong to a wide class of self-organization processes, is that they do not have a permanent structure over time and that the changes occurring in them are mostly spontaneous and only partially depend on external influences.

Keywords: socio-cultural process, factors, society, changes, determinants, system.

Аннотация: В статье показывается, что общество, как самоорганизующаяся система, постоянно меняет режимы, реализует изменчивость на разных социальных уровнях. В моменты бифуркаций преобладают случайные социальные факторы, обеспечивающие многовариантность социального развития. Социально-культурные изменения возникают в обществе, когда прежнее упорядочение социальных связей не гарантирует эффективности функционирования системы. Социально-культурные изменения приводят к трансформации общества в его морфологии, созданию социальных форм и структур. Их детерминантами являются массовые действия людей. Интерпретация социально-культурного процесса отражает эволюцию социально-философского мышления. В большинстве подходов исследователи основывались на убеждении, что законы социального мира аналогичны законам природы, что общество доминирует над индивидуальностью. Одна из основных особенностей социально-культурных процессов, поскольку они относятся к широкому классу процессов самоорганизации, заключается в том, что они не имеют постоянной структуры во времени и что происходящие в них изменения в основном спонтанны и лишь частично зависят от внешних воздействий.

Ключевые слова: социально-культурный процесс, факторы, общество, изменения, детерминанты, система.

Современный взгляд на культуру исходит из эмпирически очевидного факта многообразия национальных культур, их качественных различий и оригинальности. На первый план выходит принцип эволюционизма, тезис об органическом прорастании новых ценностей и новых социальных форм из существующих социальных отношений с учетом сложившегося, на протяжении веков, национального архетипа, менталитета и образа жизни. На формирование новой парадигмы социокультурного процесса напрямую влияет переход от «классического» стиля мышления в философии к «пост-модерну».

Так, такие основные черты «классического стиля мышления», как придание приоритета и исключительной важности социальной реальности; вера в существование неизменных законов развития общества (ведущих его по восходящей линии); уверенность в том, что общество доминирует над личностью и развивается подобно природе по объективным законам, независимым

от людей, приходят новые концептуальные парадигмы, предполагающие более гибкие и многогранные взаимодействия объекта и субъекта (общества и личности), в которых сама социокультурная реальность предстает как субъект - объектная реальность, а личностный фактор общественной жизни опосредуется влиянием прошлого опыта, а прогресс общества определяется большим набором факторов (в том числе тех, которые оказываются случайными). Убежденность в целостности мира, единого мирового исторического процесса (монохолизме), сменяется идеей многообразной системе культур.

Это предполагает определенный подход к постижению социокультурных парадигм и их детерминанты, включая институциональные преобразования. Исследование социального процесса было традиционно важным предметом философского, социального и культурологического анализа. Усилиями представителей разных научных школ были выработаны принципиальные подходы к решению этой проблемы. Следует отметить, что как

самостоятельный объект исследования социально-культурный процесс выделялся лишь в немногочисленных случаях. Начиная с общей постановки проблемы в теории Огюста Конта, каждое последующее исследование обозначало новые грани в этой теме. Особенно важной была заложенная М. Вебером традиция, обозначающая методологические подходы к анализу проблемы социальных изменений, которые основывались на духовных параметрах и стандартах. Методологический аспект концепции социальных изменений М. Вебера ценен тем, что он показывает социологический способ вычленения из окружающей среды движущие силы, преобразующие общество, а также определение основного фактора, обобщая их в плоскости идеальных типичных конструкций. Применение этого метода позволяет некоторым факторам придавать универсальный статус независимо от их дифференциации. Поскольку задача, по М. Веберу, «состоит в установлении общих правил событий к пространственно-временному определению этих событий, то идеальные типы здесь должны быть более общими и, в отличие от генетических, могут быть названы «чистыми идеальными типами»...» [4, с. 11]. Вебер нашел способ применить этот метод в переориентации предмета социологии в направлении объяснения социальных явлений через толкование, разъяснение смыслов в деятельности людей, благодаря которым они приобретают социальное значение. Социология (в смысле этого столь неоднозначного слова, которое здесь понимается), — отмечает М. Вебер, — это наука, стремящаяся посредством интерпретации понять социальное действие. Мы называем действие человека «действием» (независимо от того, является ли оно внешним или внутренним, равносильно ли оно невмешательству или принятию), если действующий индивид или индивиды ассоциируют с ним субъективное значение. Мы называем «социальным» действие, которое по предполагаемому действующим лицом или действующими лицами смыслу соотносится с действием других людей и ориентируется на него» [3, с. 602-603]. В зависимости от значения социальные действия делятся на целерациональные; ценностно-рациональные; аффективные и традиционные. М. Вебер находит высшую форму целерационального социального действия в отношении протестантов к труду, в котором они видят свое призвание, свою судьбу, и именно в результате этого отношения изменилось само лицо западного общества. Исходя из этого, изучая экономику мировых религий, он раскрывает место религиозных и этических идей в меняющихся структурах общественной жизни и отводит особое место в экономике этике протестантизма. Один из компонентов капиталистического духа, — отмечает М. Вебер, — и не только его, но и всей культуры в целом, — «рациональное жизненное поведение на основе идеи профессионального призвания — возник ... из духа христианской аскезы... По мере того, как аскеза перемещалась из монашеской кельи в профессиональную жизнь и приобретала господство над мирской нрав-

ственностью, она начинала играть определенную роль в создании того грандиозного космоса современного хозяйственного устройства, связанного с техническими и экономическими предпосылками механического машинного производства, который в наше время подвергается неодолимому принуждению каждого отдельного человека ...» [3, с. 205-206]. На основе этого М. Вебер связывает возможность преобразования общества с природой хозяйственной религиозной этики.

Отметим, что хотя понимание социальных изменений в других исследованиях не представлено как система взглядов на явление, тем не менее, они присутствует в них как основа, исходная предпосылка для интерпретации особенностей различных аспектов предмета исследования. К ним относятся учения Э. Шильза о «центр-периферии», В. Парето о смене элит, теория конфликта Р. Дарендорфа, Г. Эммеля о формах «социализации», Дж. Мида о «зеркальном отображении Я и некоторых других.

Исходя из того, что изменения в социальных системах затрагивают не только определенные сферы общества, но и самого индивида, остановимся на учении Дж. Мида, осмыслившего роль субъективных факторов в изменении структуры личности и общества в целом и полагавшего, что человек предстает не как структура, а как процесс. Отсюда Дж. Мид уделяет внимание не устойчивой сущности человека, а процессу его становления и влияющим на него факторам. По его мысли структура общества и индивидуальности приобретая форму организованности общественной жизни, формируются в «...процессе межличностных взаимодействий, то есть эти структуры зависят от способности индивидов сотрудничать с группой индивидов и воспринимать их «Я-образы» [1, с. 119].

Значительное влияние на понимание проблемы социокультурного процесса оказали концепции П. Штомпки («историческая социология»), С. Хантингтона («столкновения цивилизаций»), И. Валлерштейна («система-мир»), Ф. Фукуямы («конец истории») и некоторые другие. Их теоретические изыскания в значительной степени основаны на социокультурном опыте существующих цивилизаций с преобладающей ролью соперничества и борьбы за ресурсы. Так, концепция С. Хантингтона, основанная на понимании проблем, с которыми сталкиваются современные общества, показывает, что сегодня эти общества стремятся, насколько это возможно, объединиться на основе общих культур и цивилизаций, чтобы найти адекватный ответ на вызовы современного мира. По словам С. Хантингтона, объединение нескольких обществ, которые ранее имели место на основе идеологических установок, начинают терять свою прежнюю привлекательность для современных обществ. Следовательно, необходимо изучать современные трансформационные

процессы через понимание природы изменений, происходящих в балансе сил между цивилизациями. Постепенно происходят и неизбежные и фундаментальные изменения в балансе сил между цивилизациями, - отмечает С. Хантингтон, - и мощь Запада в отличие от других цивилизаций будет продолжать уменьшаться. Когда превосходство Запада исчезнет, большая часть его мощи просто испарится, а остальная часть рассеется по региональным линиям между различными основными цивилизациями и их центральными государствами. Наиболее значительное «...усиление могущества приходится на долю азиатских цивилизаций... Эти сдвиги в соотношении власти между цивилизациями ведут и будут вести к возрождению и росту культурной уверенности в себе незападных обществ, а также к возрастающему отторжению западной культуры» [9, с. 117]. Это считает ученый, один из возможных вариантов конкуренции цивилизаций за расширение своих зон влияния. Развитие этого процесса не будет протекать мирно и, скорее всего, будет сопровождаться конфликтными ситуациями. «Под влиянием модернизации, глобальная политика сейчас выстраивается по-новому, в соответствии с направлением развития культуры... Культурные сообщества приходят на смену блокам времен «холодной войны» [9, с. 185].

Ф. Фукуяма рассуждая о будущем западной цивилизации считает, что ее мировому господству во многом способствовала привлекательность ценностей предлагаемой идеологии, которая сумела объединить различные цивилизации и культуры. Его исследование посвящено анализу характера социальных изменений, происходящих в современном мире, перед которыми нормы и ценности, проповедуемые идеологией либерализма, преобладают над другими идеологиями. В этом Ф. Фукуяма видит признаки наступления «конца истории». «То чему мы, вероятно, свидетели, - не просто конец холодной войны... завершение идеологической эволюции человечества и универсализации западной либеральной демократии как окончательной формы правления» [7, с. 134]. Однако если показать историю как изменения общества, то мы выходим на новый виток перемен в жизни общества. Этот виток изменений Ф. Фукуяма называет «Большой разрыв», который многие развитые страны постепенно переживают в виде деградации общих ценностей, вытекающих из идеологии либерализма. Социокультурные изменения сегодня характеризуются стремлением заново перестроить социальные связи, связывающие разные социумы. И тут важное место уделяется политическим, религиозным, природным и самоорганизующимся факторам.

Причины социокультурных изменений в настоящее время Ф. Фукуяма, видит в культуре, а не в политике и религии. «Религия частично способствует этому процессу... Возвращение к религиозности примет более мягкую децентрализованную форму, в которой религиозная

вера окажется не столько приверженностью к догмам, сколько движением существующих в обществе норм и стремлением к порядку» [8, с.15; 378].

И. Валлерштейн в своей концепции «система-мир» ставит под сомнение толкование одного из векторов социокультурных изменений - прогресса в научной мысли. По его мнению, источниками изменений являются различные контакты между социальными формациями. Он предлагает отказаться от устоявшегося толкования прогресса, как перехода от менее совершенного к более совершенному. Так как в истории отдельных обществ бывает, что социальные процессы иногда поворачиваются назад, замедляются и часто останавливаются навсегда. Он считает сомнительным однозначное признание более поздних этапов развития человеческой истории лучше предыдущих этапов. По мнению И. Валлерштейна, наднациональные системы и структуры все чаще становятся главными факторами динамики социокультурных процессов в современном мире [2].

Проанализировав процессы социальных изменений, П. Штомпка пришел к выводу, что их детерминантами являются массовые действия людей. Общество не существует в постоянном состоянии, считает он, но всегда находится в процессе «становления». Деятельность людей творческая, конструктивная. В постоянно меняющемся обществе, управляемом активными и творческими людьми, реализуется эмансипативный социотехнический план, предоставляющий возможности для свободной деятельности и высвобождении социальной энергии [10]. Людям удастся иметь возможность влиять на ход исторических процессов, приобретая те качества, которые считаются критерием исключительности в соответствующих областях. Наряду с этим действия индивида должны быть созвучны вызовам эпохи, чтобы они могли включить большую массу людей для достижения своей замыслов. «Исторические изменения возможны, когда в них включены большие массы людей, — пишет П. Штомпка. — Никто в одиночку, лишь собственными руками не в состоянии изменить историю. Великая личность должна быть способна подвигнуть к действию других людей, мобилизовать их или сопротивляться им, вести за собой, утрашивать силой или характером, соблазнять идеями» [6, с. 52].

Интерпретация социального процесса отражает эволюцию социально-философского мышления. В большинстве подходов исследования основывались на убеждении, что законы социального мира аналогичны законам природы, что общество доминирует над индивидуальностью.

Так, Т. Парсонс подходит к проблеме социальных изменений с позиции анализа систем, разработанного классической кибернетикой. Исходя из того, что обще-

ство, как система, обладает стабильностью, способностью к самовоспроизводству проявляющуюся в постоянстве и устойчивости его основных структурных элементов. Если в результате каких-либо действий нарушается баланс сил, поддерживающий равновесие, то он называет этот тип изменений «изменением равновесия». Его отличительной особенностью является то, что социальная система в целом, ее основные структурные элементы остаются неизменными и благодаря этому восстанавливают исходное равновесие. Адаптация системы к изменяющимся условиям осуществляется за счет внутренних резервов, она интегрирует в себя новые образования, оставаясь в целом неизменной. Второй вид социальных изменений - «структурные изменения», когда давление на систему изнутри и извне становится настолько сильным, что она не в состоянии восстановить утраченное равновесие, чтобы сохранить целостность общества, повысить его адаптивность, трансформировать его важные структурные элементы. В этом случае изменяются целые подсистемы (экономическая, политическая социальная и др.).

Появление понятия самоорганизации позволило прояснить некоторые подходы, которые выработались в период классической социально-философской мысли. В литературе *postmodernism*, существует идея, что социальная система в историческом процессе достигает упорядоченности структур социального времени и социального пространства, баланса социальных сил, социальных институтов, типов социального взаимодействия, с помощью переходного состояния общества, характеризующегося беспорядком и дисбалансом в отдельных сферах их взаимодействия. Прежде чем достичь состояния равновесия, каждая подсистема общества или ее индивидуальный элемент проводит структурную перестройку, определяя оптимальный режим деятельности. Именно эти процессы характерны для самоорганизующихся систем, к которым принадлежит общество [5]. При этом наблюдается активный и рефлексивный характер действия социального субъекта, что представляет определенный прогресс по сравнению с «классическим» периодом, согласно которому социальное поведение рассматривалось как результат сил, которые человек не контролирует и не понимает.

Одна из основных особенностей социально-культурных процессов, поскольку они относятся к широкому классу процессов самоорганизации, заключается в том, что они не имеют постоянной структуры во времени и что происходящие в них изменения в основном спонтанны и лишь частично зависят от внешних воздействий. Последние лишь активизируют структурный механизм, действие которого определяется внутренним характером социальной системы. Деятельность субъекта в процессах трансформации социальных систем подразумевается самой самоорганизующейся системой. Считается,

что самоорганизация относится к процессам упорядочения, происходящим в системе вследствие действия ее компонентов.

Самоорганизация обеспечивается взаимодействиями внутри системы, находящейся в «возбужденном», неравновесном состоянии, ее перемещением из потенциального состояния в реальное состояние. Разница между реальной структурой, проявляющейся в пространстве и времени, и потенциальной структурой, не обладающей пространственно-временными свойствами, непосредственно не наблюдается, но оказывает влияние на общий процесс, он преодолевается в социальном действии субъектов, в социальных изменениях, которые они порождают. Основным свойством потенциальной структуры является чередование, то есть наличие взаимоисключающих состояний. Выбор между ними происходит в процессе преднамеренного действия действующего субъекта. При определенных условиях одна из этих альтернатив приобретает стабильность и реализуется, заменяя прежнее состояние, которое стало нестабильным, происходит своего рода обмен стабильностью, который может быть связан с рождением новых альтернатив или исчезновением ряда предыдущих альтернатив. Эти альтернативы определяют, во что может превратиться эта система при определенных условиях. Следует отметить, что эти альтернативы содержат не только инновации, но и прошлый опыт системы, как недавний, так и далекий во времени.

Когда мы рассматриваем общество в его статическом состоянии, выделяется морфология общества, то есть его структурные образования, включающие систему социальных институтов, виды взаимодействия и социальной стратификации. Социальная динамика раскрывается, когда мы наблюдаем изменения в одной, нескольких или комплексе структурных единиц этносоциокультурного образования. Таким образом, социальные процессы могут иметь характер преобразований: в структуре институтов, их функциях, в социальном поведении, в видах взаимодействия, в социальных действиях, в социальной стратификации. Институциональные изменения или преобразования в системе выполняют особую функцию в формировании социального, пространственного и временного устройства новых социальных структур. Этот процесс называется морфогенезом в постмодернистской литературе.

Теория институциональных изменений основана на следующих положениях: – все институциональные секторы претерпевают изменения, но темпы и формы преобразований автономны; – в разных социальных институтах «нет единого рычага переключения»; – институциональные изменения коррелируются с изменениями в системе социальной стратификации и в системе социальных взаимодействий, но не имеют жесткой связи.

Общество, как самоорганизующаяся система, постоянно меняет режимы, реализует изменчивость на разных социальных уровнях. В моменты бифуркаций преобладают случайные социальные факторы, обеспечивающие многовариантность социального развития. В переходных состояниях общества необходимо учитывать наличие особого диапазона значений параметров, при которых небольшие внешние воздействия на систему могут вызвать в ней значительные изменения, в том числе структурные. Значения параметров в этой области называются критическими. Отметим неопределенность поведения системы при критических значениях параметров. Система или процесс имеют внутреннюю свободу, которая позволяет им спонтанно, как бы без внешней причины, формировать свои новые состояния.

Социально-культурные процессы, протекающие в

обществе, представляют сложную самоорганизующуюся систему. Социально-культурные изменения возникают в нем, когда прежнее упорядочение социальных связей не гарантирует эффективности функционирования системы. Социально-культурные изменения приводят к формированию нового порядка в рамках системы - ее переход к устойчивому развитию. Особое значение имеет социальный процесс, то есть трансформация общества в его морфологии, созданию социальных форм и структур. Исторический опыт показал, что новый этап социальной системы не может быть результатом полностью разрушенного старого общества. Вместо этого возникает идея о необходимости «прорастания» новых ценностей из предпосылок, которые развились в недрах общества, что обусловило переход от телеологического детерминизма к осознанию недетерминированной многомерности социально-культурного процесса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беккер Г., Босков А. Современная социологическая теория в ее преемственности и изменении. М.: Иностранная литература. 1961. 896 с.
2. Валлерстайн И. Социальное изменение вечно: Ничто никогда не меняется // Социс. №1.1997. С. 7-8.
3. Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс. 1990. 808 с.
4. Гаиденко П.П. Социология Макса Вебера // М. Вебер. Избранные произведения. М.: Прогресс. 1990. 808 с.
5. Петров Л.И. Потребность как предмет социокультурной рефлексии // Омский научный вестник. 2012. № 3 (109). С. 238-242.
6. Психология и психоанализ власти: Хрестоматия. Самара: Бахрах. 1999. 607 с.
7. Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. №3. 1990. с. 134.
8. Фукуяма Ф. Великий Разрыв. М.: АСТ. 2003. 474 с.
9. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ. 2003. 603 с.
10. Штомпка П. Социология социальных изменений. М.: Аспект-пресс. 1996. 414 с.

© Петров Игорь Федорович (IgorPetroff@yandex.ru), Петрова Софья Игоревна (Sofya8888@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВТОРАЯ ЖИЗНЬ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ В НОВОМ СОЦИАЛЬНО-ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОСТРАНСТВЕ

THE SECOND LIFE OF FOLK CULTURE IN THE NEW SOCIO-ARTISTIC SPACE

V. Skopa
S. An

Summary: Folk culture is one of the basic ways of being of mankind. It goes back to the origins of the very existence of mankind and the beginnings of philosophical knowledge. In modern reality, a transformation of culture is taking place, since those elements of cultures are introduced into the cultural system that are incomprehensible under other conditions and can be distorted. Today, under the influence of pop culture, philosophical content is being replaced with its imitating forms. The mass artistic culture of our time, embellished with folk elements, has become to a large extent a spectacular technology of pleasure and entertainment. The proportion of the ratio of high and low cultures was broken. Mass culture is a typically grassroots culture, enhanced by the latest means of audiovisual reproduction.

Keywords: artistic culture, spiritual values, mass culture, elite culture, folk art.

Скопа Виталий Александрович

Д.и.н., профессор, Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул
sverhtitan@rambler.ru

Ан Светлана Андреевна

Д.ф.н., профессор, Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул

Аннотация: Народная культура – одна из базовых форм бытия человечества. Она восходит к истокам существования сущности человека и началам философского знания. В современной действительности происходит трансформация культуры, поскольку в культурную систему привносятся те элементы культур, которые в других условиях непонятны и могут искажаться. Сегодня под влиянием поп-культуры происходит подмена философского содержания культурных ценностей с их имитирующими формами. Массовая художественная культура современности, приукрашенная народными элементами, стала в значительном объеме зрелищной технологией удовольствий и развлечений. Нарушилась пропорция соотношений высокой и низкой культур. Массовая культура – это типично низовая культура, усиленная новейшими средствами аудиовизуального репродуцирования.

Ключевые слова: художественная культура, духовные ценности, массовая культура, элитарная культура, народное творчество.

Современные социально-экономические и политические процессы оказывают существенное влияние на все институты. Глобализация экономики, а вместе с тем и социальной сферы, размывают границы исконной самобытности в культурном пространстве. Человечество теряет свою «самость», как первоочередную категорию его бытийного существования. В прошлое уходит «народность» как базовая категория культуры. Как отмечает Н.В. Солодовникова, в народной художественной культуре современной России, переживающей один из сложных и противоречивых этапов своей многовековой истории, очевидны, два взаимодополняющих слоя – традиционные и инновационные образования во всей многоликости их жанровых, стилевых и функциональных элементов [11].

Несмотря на разносторонние подходы к анализу и научной интерпретации народная художественная культура недостаточно полно осмыслена в культурологическом и философском аспектах. До сих пор исследования в области художественной самодеятельности, фольклора субкультур, неофольклора слабо взаимосвязаны [3, 4, 6]. Многого теряется и уходит, стирается в небытие. В этой связи, весьма актуальным представляется возможность, основываясь на философско-культурологический и историко-философский подходы, рассмотреть про-

цесс трансформации народной культуры в современных условиях; попытаться увидеть перерождение народной культуры в современном социально-художественном пространстве.

Теоретическим базисом для раскрытия заявленной проблемы стали работы выдающихся ученых, к числу которых можно отнести А.Л. Гуревича, В.Е. Гусева, Ю.М. Лотмана [3].

Целью заявленной статьи является анализ трансформации народной культуры в условиях глобализации социально-экономических и политических систем.

Народная культура – одна из базовых форм бытия человечества. Она восходит к истокам самого существования человечества и началам философского знания. Пройдя через мысли древнегреческой философии, Средневековья, Нового времени и коснувшись научных постулатов Гегеля, она основательно развивается в изысканиях русских философов, писателей, культурологов – в XIX в.: А.С. Пушкин, В.В. Стасов, Л.Н. Толстой, славянофилы; в начале XX в.: Н.А. Бердяев, И.А. Ильин, В.В. Розанов; в конце XX – начале XXI вв.: М. М. Бахтин, В.С. Библер, А.С. Запесоцкий, Д.С. Лихачев. Каждый этап уникален и, имеет свои особенности и специфику, что находило отражение в сознании людей, их деятельности и творении.

Вопросы современного состояния народной культуры перманентно обсуждаются на регулярных международных Лихачевских чтениях, конференциях и симпозиумах. В новых социальных условиях и новых формах художественного творчества уточняются понятия культуры вообще и народной культуры в частности. Так в 2012 г. В.В. Миронов предложил в новых условиях изменяющегося глобализирующегося общества уточнить само понимание культуры и способы её функционирования. Культуру он определил, как тип деятельности по созданию материальных и природных ценностей, которых не было в природе и которые составляют именно специфику разумной человеческой деятельности. Причём было замечено, что духовные ценности в меньшей степени подвержены изменениям по сравнению с материальными, которые вынуждены все более активно выработать средства адаптации к социокультурным обстоятельствам/ Акцент он сделал на коммуникацию как стержень современной культуры, которая сегодня формирует особенности восприятия информации, оказывает влияние на механизмы смыслообразования [5, с. 175].

По сути, на сегодняшний день, происходит трансформация культуры, поскольку в культурную систему приносятся элементы культур, которые в других условиях непонятны и могут искажаться, видоизменяться [12]. В действительности под влиянием поп-культуры происходит подмена философского содержания культуры и культурных ценностей имитирующими формами. В качестве примера можно привести празднования Масленицы, где вместо символа уходящей зимы, очень часто сжигают жизнеутверждающий символ наступающей весны.

Добавим к этому: народная культура, являясь частью общей культуры, становится всё более ансамблевой [8]. На народных праздниках, во время проведения той же Масленицы, только специально подготовленные люди исполняют песни, ритуалы, все остальные, пришедшие на этот любимый народный праздник, являются пассивными зрителями – они не поют народных песен, не участвуют в хороводах.

Представление в шоу-бизнесе народной песни в городских условиях, танца, костюма предполагает, согласно регламентам, современных СМИ, привлечение множества технических средств, использование спецэффектов. Другое дело – выступление деревенского хора на сельском празднике этого не требует, ибо здесь естественная культурная акция в естественной среде бытования народной песни/культуры. Поэтому сегодня в зрелищном плане сельский праздник как бы уступает искусственному постановочному шоу. То есть, нужно учесть, что «традиционная культура находится в сложном взаимоотношении с другими составляющими культурного пространства» [7].

Народная культура все больше стремится адаптиро-

ваться к новым условиям. Характерной её особенностью в наши дни является создание ею синкретизма традиционной и массовой культур. «Элементы народной культуры обретают вторую жизнь в новом культурном контексте, проникая в разные сферы современной жизни» [2, с. 412]. Однако этот синкретизм может быть продуктивным, если мы не искадим базовых ценностей, на которых зиждется культура.

Ушаков П.В. выделяет пять причин, по которым интеграция древних духовных ценностей в современной культуре не теряет своей актуальности:

1. познание человека о мире и о самом себе постоянно нарастает, а в этом массиве – антропологическое знание;
2. постоянно изменяется общество, в котором мы живём, особенно кардинально в последнее столетие, в связи с чем постоянно изменяется сам человек;
3. современный техногенный мир создаёт принципиально новую среду существования человека, прежде всего, информационно-кибернетическую, что ранее не было характерно для человечества;
4. катастрофически быстро изменяется природная среда бытия человека, что вызывает к жизни, несмотря на общий комфорт социального существования, ухудшение здоровья людей, их духовно-нравственных, психоэмоциональных и физических качеств;
5. сегодня сам человек своей несбалансированной эгоцентричной и природоразрушительной деятельностью провоцирует природные катастрофы и разрушает себя [13, с. 116].

В связи с этим сегодня проблемы формирования новой гармоничной цивилизации, способной преодолеть такие катастрофы, может быть решена, если в её основе будет человек, вобравший в себя лучшие традиции народной культуры [1].

Классики эстетики, называя функции культуры, даже не включали в их перечень развлекательную, развлечение было как бы за её границами. Сегодня же одной из основных функций современной культуры стала компенсаторно-развлекательная. Это произошло потому, что культура теперь «превращена в своеобразный механизм психотерапии в современных условиях стрессогенной человеческой деятельности» [9, с. 19], поскольку «эмоциональный мир массовой культуры, вырывающий человека из рутинного реального мира, делает её привлекательной для широких масс» [10].

Массовая художественная культура сегодня, украшенная народными элементами, – стилизация традиционного народного костюма, использование этнических орнаментов – стала в значительном объёме зрелищной технологией удовольствий и развлечений

[15]. Нарушилась пропорция соотношений высокой и низкой культур. Сегодня массовая культура – это типично низовая культура, усиленная новейшими средствами аудиовизуального репродуцирования. Этому во многом способствовал опыт дистанционного знакомства с художественной культурой в условиях последних двух лет, связанных с жизнью в условиях ковидной пандемии.

Интересно, что в глобализирующемся мире, в унификации потребностей, проблемы всё более вырисовываются универсальными. Казалось бы, их и решать проще, а не решаются. Может быть, потому что для большинства людей в условиях упрощения культуры и деградации образования современное общество потребления вполне удовлетворено создавшимся положением. Если обернуться к истории, увидим: когда человек начал выделять себя из природной и социальной среды, был осуществлен процесс социальной стратификации [11]. Под народной культурой начали понимать культуру крестьянства, городских низов и мелкого духовенства, противопоставляя её официальной элитарной городской культуре. Это новое миропонимание определило, по сути, первую жизнь народной культуры. Европейская народная культура оказалась пронизанной христианско-языческим мировосприятием. Реально не истребив народно-языческое отношение к миру, христианство придало народно-языческим символам христианскую окраску. В средневековье вышло единство сакральных видов художественной культуры.

Сегодня – вторая жизнь народной культуры в новом

социальном и художественном пространстве. Уже со второй половины XIX в. народная культура приобретает статус культурного наследия нации, выразителя национальной идеи [14]. Но в эпоху индустриального общества синкретизм народной культуры изменяет свою форму, зарождается массовая культура, «ориентированная на усредненный уровень развития массового потребителя» [2, с. 410]. Современные тенденции, с одной стороны искажают принципиальные основы народной культуры, с другой синтезируют многие направления и вехи, тем самым обогащая ее, придавая новое дыхание ее сути, что способствует сохранению культурных ценностей в условиях современности.

Таким образом можно отметить, что народная художественная культура представляет собой сложную, иерархическую, самостоятельную, саморазвивающуюся, самодостаточную, оригинальную структуру. Анализ современного состояния народной культуры даёт возможность представить множественность проявлений культуры как целостного феномена, её компонентов и традиций, механизмов бытования. Поддержка, сохранение и развитие традиционной народной художественной культуры современного российского общества связаны с необходимостью объективного анализа этого процесса, его синхронизации и взаимодействия с другими социокультурными процессами, где к числу наиболее важных можно отнести – преемственность в историческом развитии страны и культур, а также формирование этнокультурной направленности образовательного пространства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алябьева З.С. Что такое человек. – СПб., 1996.
2. Герчановская П.Э. Синкретичность народной культуры // Парадигма: Очерки философии и теории культуры. – СПб., 2006. – Вып. 6. – С. 404-412.
3. Гусев В.Е. Русская народная художественная культура: теоретические очерки. – СПб.: Наука, 1993. – 329 с.
4. Дмитриев С.С. Очерки истории русской культуры начала XX века. – М.: Книга, 1985. – 109 с.
5. Ерасов Б.С. Социальная культурология. – М.: Аспект, 1994. – 590 с.
6. Жиров М.С. Экзистенциальные смыслы народной художественной культуры // Человек. – 2012. – № 4. – С. 62-70.
7. Кривелев И.А. Традиционные и новые обряды в быту народов СССР. – М.: Искусство, 1981. – 203 с.
8. Некрылова А.Ф. Русские народные городские праздники, увеселения и зрелища конца XVIII-XIX вв. – Л., 1984. – 191 с.
9. Первушина О.В. Пространство современной художественной культуры: смыслы и вызовы времени // Ценности человеческого бытия: материалы всероссийской научно-практической конференции. – Барнаул, 2016. – С. 17-21.
10. Рождественская С.Б. Русская народная художественная традиция в современном обществе. – М.: Наука, 1981. – 207 с.
11. Солодовникова Н.В. Традиции и инновации в народной художественной культуре. Автореф. дисс. . . канд. филос. наук. – Белгород, 2016. – 23 с.
12. Ставцева О.И. Диалог культур на фоне мультикультурализма // Философия и культура. – 2012. – № 9 (57). – С. 173-179.
13. Ушаков П.В. Анализ мистических аспектов бытия человека в комплексе современных философско-антропологических и социокультурных проблем // Ценности человеческого бытия: материалы всероссийской научно-практической конференции. – Барнаул, 2016. – С. 115-117.
14. Чичеров В.И. Вопросы теории и истории народного творчества. – М.: Советский писатель, 1959. – 310 с.
15. Юдин А.В. Русская народная духовная культура. – М.: Высшая школа, 1993. – 331 с.

ПАРАДИГМЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ МЕЖДУНАРОДНОГО КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ

Софиев Халеддин

*Д. философии по культурологии, доцент,
Азербайджанский государственный университет
культуры и искусств (г. Баку)
sofiyev.xaleddin@mail.ru*

GLOBALIZATION PARADIGMS OF INTERNATIONAL CULTURAL THINKING

Kh. Sofiyev

Summary: This article discusses the paradigms of global cultural thinking. The topic of this study is relevant in that it is revealed that global development causes the formation of boundaries formed over millennia between cultures, it ignites conflicts between civilizations. On a global scale, there are great opportunities for widespread use and hard power in terms of means of influence. The opportunities created in the global world are also turning into a weapon against the «authors» of globalization. At the same time, as the West's global multi-central attraction becomes more rapid, as the force of gravity is reflected between multiple centers. This event has a value that is gaining momentum, if someone or some force approves the movement of objects, signs or people between regions and continents, then it becomes the export of global culture, which means the global development of culture. Summing up, the author argues that the spread of democratic views also served the world, since equality (egalitarianism) leads to the destruction of boundaries in segregation and the international environment.

Keywords: cultural studies, paradigms, globalization, egalitarianism, globalization of culture, democratic values.

Аннотация: В данной статье рассматриваются парадигмы глобализации мирового культурологического мышления. Тема данного исследования актуальна тем, что ввиду того, что глобализация создает опасность удаления границ, сформированных на протяжении тысячелетий между культурами, она зажигает конфликты между цивилизациями. В среде глобализации открываются большие возможности для применения силы в качестве средств воздействия. Возможности, созданные в глобальном мире, превращаются еще и в оружие против «авторов» глобализации. В то же время, по мере становления глобализации мульти-центральное притяжение Запада уменьшается, так как сила притяжения распределяется между многими центрами. Здесь отмечается, что на современном этапе, если кто-то или какая-то сила одобряет движение объектов, знаков или людей между регионами и континентами, то она становится сторонником глобализации, а значит сторонником и культурной глобализации. Подводя итоги, автор утверждает, что распространение демократических ценностей тоже послужило глобализации, так как равенство (эгалитаризм) приводит к разрушению границ в сегрегации и дискриминации.

Ключевые слова: культурология, парадигмы, глобализация, эгалитаризм, глобализация культур, демократические ценности.

Введение

Согласно другому подходу, глобализация, ускоряя темп и ритм мира, вследствие скоростной технологии сжимает огромный мир в компактное пространство. М. Маклейн называл мир «глобальной деревней». Этот термин означал то, что из-за средств массовой информации мир превратился в деревню, в которой люди хорошо знают друг друга в слое виртуального пространства.

Посредством виртуальной технологии глобализация сжимает огромный мир в компактное пространство. Однако, с другой стороны, глобализация осуждена на разрушение иллюзии о компактности мира, созданной ею же. С культурологической точки зрения это ее интересная сторона. Интенсивность культурного потребления порождает такой голод к новым продукциям, что ничто ее не насыщает. Вследствие этого ежедневно в огромном количестве снимаются фильмы, сочиняются песни, проводятся мероприятия. Однако ощущение недостатка

никак не покидает глобальный мир. Эта продуктивность, в свою очередь, разрушает чувство компактности мира на основе бесчисленных новостей, миллионов тиражей.

В плане формирования, развития и осознания глобализация уже приобрела свой пакет парадигм. В этот пакет входят, к примеру, такие парадигмы, как мировые актеры (актанты), экспансия, те, которые являются транснациональными, отношения глобальности с локальностью.

Главная цель исследования – изучить культурные процессы, происходящие в современном мире в ключе парадигм глобализации.

Методы исследования

В ходе исследования были использованы методологический анализ парадигм глобализации и попытка плюралистического понимания, т.е. философская, социологическая и социально-антропологическая интерпретация ее проблем.

Понятие глобализации в культурологии

В современной культурологии и социологии существуют разные подходы к глобализации. Эти подходы возможно классифицировать следующим образом. Согласно одному из них, глобализация – это новая ситуация в межкультурном геополитическом пространстве. Ввиду того, что глобализация создает опасность удаления границ, сформированных на протяжении тысячелетий между культурами, она зажигает конфликты между цивилизациями. Такой подход присущ С. Хантингтону [3, с. 324-325].

Согласно другому подходу, глобализация разрушает культуры и традиции. Согласно третьему подходу, глобализация ускоряет темп и ритм мира. Если раньше что-либо формировалось или происходило в течение недели, то в настоящее время это происходит за какие-то часы [1, с. 343-346].

Ф. Фукаяма полагает что, победа либерального глобализма знаменует собой окончание «исторических» конфликтов между государствами: «Фундаментально не воинственный характер либерального общественного строя очевиден в необычайно мирных отношениях, которые страны с таким строем поддерживают друг с другом. Либеральные демократии демонстрируют мало недоверия или интереса к господству друг над другом. Они придерживаются одинаковых принципов всеобщего равенства и прав, и поэтому у них нет оснований оспаривать легитимность друг друга» [3, с. 7]. Однако это не означает, что международные конфликты исчезнут раз и навсегда.

Результаты таких высокоскоростных параметров глобализации довольно странные. Один из результатов заключается в том, что в глобальном мире, начиная от сидящих за компьютерным столом и до производителей развлекательной промышленности, все заражаются «вирусом» нетерпеливости. Вследствие этого, долгая загрузка сайтов, замедление компьютерных процессов и видеоигр создает всеобщее недовольство. Другой результат заключается в том, что «наш глобализирующийся мир с каждым днем становится все меньше и меньше» [9, с. 9]. Иллюзия уменьшения мира возникает не только у бизнесменов и политиков, которые часто летают на самолетах в разные страны, даже те, которые не путешествуют, теряют ощущение дальнего расстояния между странами вследствие кабельных и спутниковых ТВ, интернета и социальных сетей находясь под этим воздействием. Скачивание из интернета в персональный компьютер книг, музыки или фильмов сжимает труднодоступные культурные продукты в периферию человеческого восприятия.

Несмотря на то, что ощущение времени и расстояния

является продукцией социальной обстановки, данный уровень препятствий меняется в зависимости от скорости преодоления того же расстояния. Поэтому, многие социальные реальности, структуры, подразделения и границы занимают второе место после скорости. На протяжении трех тысяч лет взаимовлияния культур, несмотря на все границы, просачивались друг в друга посредством неизвестных каналов. Однако следует отметить и то, что скорость движения иконических знаков, а также распространение форм мышления и коммуникации ранее не происходило так, как в наш век. Следовательно, самые наглядные, непосредственно воспринимаемые формы выражения глобализации исходят из культуры. В конце прошлого и начале нашего века для простых людей такими символами являлись «Кока-кола», «Макдональдс», «новости CNN», Мадонна и т.д. Безусловно, скорость глобальных процессов такова, что список ее икон часто обновляется и расширяется. Следует отметить, что «национальный состав» списка икон глобализации стремительно растет. Благодаря этому процессу, отнюдь не можем обвинять глобализацию в качестве культурного империализма Америки, так как в современных глобальных процессах участвуют так же символы, заимствованные из других культур. Доминирующая страна в данном случае является США. С другой стороны, для того, чтобы войти в список глобализации любая локальная или национальная ценность должна получить «сертификат» из центра Глобализации.

Когда транснациональные и транс-региональные корпорации и компании мира становятся субъектами международного сообщества, здесь тоже происходит процесс симбиоза и синкретизации, в результате чего транснациональная экономика смешивается с транс-религиозными и транс-культурными процессами. Смешивание происходит не только в позитивном плане. Когда это происходит в позитивном плане, то религия, искусство, мораль и политика становятся сторонниками экономических процессов. А когда это происходит в негативном плане, то в духе анти-глобализма возникает глобальная критика, бунт и деконструкция. Это означает, что если глобализация переоплотится в скоростную технологию, транс-национальную и транс-региональную экономику и глобальную сеть настоящего мира, то она превратится в необратимый процесс, и любая локальная, идеологическая или религиозная борьба против нее превратится в новый факт глобализации, подобно настоящему транс-национальному анти-глобализму.

Интересно, что термин «анти-глобализм» не существовал до 1995 года. После 1995 года он вошел в оборот благодаря именно продукции глобализма - средствам массовой информации [8, с. 8].

Неоспоримо, что мы уже живем в эпохе глобализации. Местоимение «мы» охватывает огромную массу лю-

дей Запада, Востока, Юга и Севера. «Глобализация» уже превратилась в синоним словосочетания «современная эпоха», точнее говоря, «вытеснила это понятие и заняла его место» [16, с. 1]. Однако, будущее глобализации неопределенно, так же, как и неопределенна продолжительность «современной эпохи».

Когда-то в культуроведении шли «схоластические» разговоры о единстве национализма и интернационализма для того, чтобы система национальных ценностей не была бы затеряна среди больших мировых процессов. В начале нашего века оппозиция «глобальности / локальности» превратилась в похожие слова. Сторонники глобализации подчеркивают важность сохранения локальных культур. Хотя многие теоретики и приняли глобализацию, происходящую в мире в качестве непреодолимого факта, они отметили также и опасность идентификации разных культур в этой среде. Раскрывая даже в метафоре стихии непреодолимость глобализации, М. Бауэрнфайнд показал, что это не то явление, которое можно запустить и остановить в любое время [6, с. 3]. Глобализация – это экономический эквивалент таких природных сил, как ветер и вода. Драйверами, приводящими глобализацию в движение, являются: 1). Технология. Она формирует инновации, вызывающие революцию в современной промышленности и транспортировке (например, реактивные самолеты коммерческого типа, инновации, полученные из микропроцессов для компьютеров); 2). Либерализация политических и торговых законов, де-регулирование рынка, снижение тарифов – все это напрямую приводит к инвестициям на международной арене.

Глобализация в мировом культурологическом мышлении

Вот в этом контексте пребывание в анти-глобальном духе, выступление с призывом приостановить глобализацию является утопизмом и анахронизмом. В советский период в странах, подобных Азербайджану понятия «защитить» и «сохранить» являлись самыми употребительными в связи с национальными ценностями. В среде интернациональных призывов, исходящих из советской идеологии, популярность этих понятий создавала почву для сохранения национальных ценностей, в результате чего тезис сохранения национальных ценностей воспринималась в качестве аксиоматической истины. К интернационализму относились как к перспективе развития национальных ценностей, то есть исследователи обязывались раскрытием интернациональной перспективы национальных ценностей. Эта перспектива не была дозволена только лишь для таких национальных качеств, как «хиджаб» и «непросвещенность».

В среде глобализации описанная схема все еще существует. За исключением непросвещенности и диких обы-

чаев, никакой национальный факт не унижается на фоне глобального мира. Отмечается, что глобализация должна служить развитию национальных культур. Например, согласно исследованиям, в Японии глобализация дала сильный толчок поискам национальной идеи потому, что именно в среде глобализации возросла опасность потери национальной культуры, и это дало толчок к ее сохранению [2, с. 180].

Эти утверждения можно отнести и к консерватизму. После получения политической поддержки консерватизм завоевал более уважительный имидж в культурной сфере. Интересно, что именно во время широкого распространения глобализации во всем мире консерватизм приобрел популярность в политике в лице Рональда Рейгана и Маргарет Тэтчер. А в культуре, хотя консерватизм и не был анти-глобальной идеологией, в среде глобальной идентификации он превратил охрану традиционных ценностей в значительный культурный акт.

Кстати, в таких странах, как США, Британия и Япония, которые считаются главными «архитекторами» глобализации, успехи консервативных партий и популярность общественных деятелей указывают на то, что глобализация – это не цунами, уничтожающая национальные особенности и национальные миры. В глобальном мире существует достаточное количество механизмов для охраны различных национальных «уголков» и местностей, а точнее, для их адаптации к новой среде. Одним из таких механизмов является защита прав национальных, религиозных и других меньшинств. Благодаря этому, в США, Канаде и странах Западной Европы, где интенсивность глобализации достигла максимума, мусульманские и буддистские меньшинства могут защищать свой мир и язык. В процессе глобализации смешивание культур наблюдается в самых различных фактах и явлениях: компании, объединяющие американский и японский менеджмент, двойное гражданство, неизбежная трансформация различных культур, – все это можно охарактеризовать под термином «гибридность». Далее Р. Робертсон добавляет, что среди таких терминов, как «синкретизм» и «креолизм» он предпочитает «гибридность» [15, с. 25], так, как обладая более широким понятием, этот термин охватывает даже новые процессы, происходящие в архитектуре, спорте и туризме.

Другой исследователь глобализации Дж. Ритцер, сравнивая термин постструктурализм – номадизм (кочевничество) с термином «гибридность» выражает следующую мысль в связи с глобальными процессами: «к глобализации более выгодно подходить с позиции номадизма потому, что этот процесс не имеет зафиксированную основу» [14, с. 72-77]. Однако интересно, что глобализация начала «демократизироваться» и с большими темпами становится плюралистической. Среди главных актеров, распространяющих ее, появились транснаци-

ональные корпорации немецкого, французского, японского и южнокорейского происхождения. Этот прогресс, происходящий в экономическом плане, нашел свое отражение также и в культурном плане. В сфере моды наряду с западными элементами начали занимать место японские, турецкие и китайские элементы.

В современной эпохе яркие лица, принадлежащие различным расам, вошли в человеческую галерею глобального мира в сфере науки, искусства и бизнеса и положили конец доминированию белой расы (мадонн). Соблюдение баланса во время кастинга в Голливуде, распределение на хороших-плохих людей среди рас распространилось на все пространство. В настоящее время уменьшилась доминирование белой расы на конкурсах красоты. Списки «Форбс» представляют глобальный мир в самых различных расовых лицах. Вследствие этой новой ситуации известному журналисту Томасу Фридману пришлось смягчить на новом этапе поговорку «глобализация – это американизация». На самом деле смягчение прошло в двух этапах. В начале формула «глобализация – это американизация» перешла в формулу «глобализация – это процесс введения своей гегемонии Западом» [5, с. 289], то есть, Америку заменил весь Запад. А сейчас в числе участников глобализации наряду с Западом находится Восток, а наряду с Югом находится Север. Поэтому последняя смягчительная формула звучит так: «глобализация не односторонняя, это очень мульти-центральный и неплывный процесс» [7, с. 30].

Как было сказано выше, глобализация, вследствие скоростной технологии сжимает огромный мир в компактное пространство. Называя мир «глобальной деревней», Маклейн имел в виду то, что из-за средств электронной информации мир превращается в деревню и в мире, так же, как и в деревне, знакомство и круг общения расширяется благодаря средствам массовой информации. Однако, с другой стороны, глобализация осуждена на разрушение иллюзии о компактности мира, созданной ею же. С культурологической точки зрения интересная черта глобализации состоит в том, что интенсивность культурного потребления порождает так называемый «голод к новым продукциям». Вследствие этого ежедневно в огромном количестве снимаются фильмы, сочиняются песни, проводятся мероприятия [10, с. 8-10]. Однако ощущение недостатка никак не покидает глобальный мир. С точки зрения наслаждения новые фильмы, новая музыка, новая мода с каждым днем теряет свою актуальность, и на этой основе формируется постоянная нужда к новым произведениям. Рональд Робертсон по данному поводу пишет, что в наше время попытки полного глобального подхода к миру увеличиваются. Эти попытки не заканчиваются концентрацией к глобальным событиям и формам новейшей истории [15, с. 29]. Число книг и эссе по мировой истории становится все больше и больше.

«На современном этапе, если кто-то или какая-то сила одобряет движение объектов, знаков или людей между регионами и континентами, то она становится сторонником глобализации, а значит и глобализации культур» [7, с. 327]. Сейчас лишь маргинальные силы являются анти-глобальными. На всех континентах не-маргинальные массы уже приняли глобализацию в качестве совершенного и необратимого факта. Даже такие антизападные силы, как ИГИЛ, вооружаясь технологиями и парадигмами глобализма, стараются в качестве глобального движения распространить в мире свой стиль одежды, свои символы и методы наказания. После того, как глобализация превратилась в мульти-центральный процесс, заговорщическое обвинение Запада в глобальном процессе вышло из моды. В среде глобализации открылись большие возможности для применения мягкой силы (soft power) в качестве средства влияния. Следует напомнить, что именно в конце XX столетия стало ясно, что для завоевания власти существуют два типа сил: грубая и жесткая сила, которая реализуется под влиянием оружия и давления. Термин «жесткая сила» ассоциируется с термином «жесткий диск», который используется в компьютерной технологии. Другая сила – «мягкая сила». Она базируется на влияние привлекательных и соблазнительных средств. «Когда-то Никола Макиавелли говорил правителям, что для правителей сила страха намного значительнее силы любви. А в наше время выясняется, что подобно силе страха, сила любви тоже влияет на правительство» [11, с. 1].

Глобализация уже превратилась в главную сцену и главное пространство мира. Это пространство напоминает также большой рынок. Все народы выставляют свои товары на этом рынке: хорошо продаваемые товары превращаются в общепотребительные, а непроданные товары возвращаются в «национальный» амбар. В наше время очень сложно найти такого артиста или творческого работника, который в глобальном мире не желает соревноваться в своей сфере с другими народами. Сейчас исполнители песен, композиторы, художники, ремесленники не относятся к глобализации, как к враждебной среде. Все ставят перед собой цель стать избранным и заслужить внимания в этом мире. Туризм, можно сказать, охватил все уголки мира. Несмотря на теракты и катастрофы, туристы все еще посещают зоны риска. Международный туризм играет большую роль в избавлении глобального мира от диктатуры единого центра. Из-за необходимости инфраструктур он открывает в разных странах магазины, рестораны и места развлечения по одинаковым стандартам.

Заключение

Подводя итоги, можно утверждать, что в конце XX века падение «железной занавеси» с социалистического лагеря, открытие больших возможностей перед транс-

национальными компаниями, стремительное распространение информации и транспортных средств дало импульс процессам глобализации. Распространение демократических ценностей тоже послужило глобализации, так как равенство (эгалитаризм) приводит к разрушению границ в сегрегации и дискриминации.

Глобализация тесно связана со скоростью. Следова-

тельно, можно сформулировать такую закономерность: становясь высокоскоростной, политика, война, экономика, религия и искусство неизбежно склоняются к экспансионизму, что проявляется в их желании распространять свои ценности и влияния в глобальном масштабе, то есть в желании стать глобальным. В этом понимании в основе культур, нацелено присваивающих скоростной феномен, лежит агрессия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Назарчук А.В. Этика глобализирующегося общества. – Москва: OOO DirectMedia, 2002. – 378 с.
2. Мошняга П.А. Глобализация японской культуры. – Москва: МАКС Пресс, 2010. – 244 с.
3. Фукаяма Ф., Бродель Ф. Триумф глобализма. Конец истории или начало? (Философский поединок). – Москва: Родина, 2020. – 240 с.
4. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – Москва: АСТ, 2006. – 571 с.
5. Bahar H.I. Sosyoloji. – Ankara: USAK Books, 2009. – 320 s.
6. Bauernfeind M. Drivers of Globalization: Integration of Theories and Models. – Tbilisi: Georgia State University, GRIN Verlag, 2006. – 13 p.
7. David H., McGrew A., Goldblatt D., Perraton J. Global Transformations: Politics, Economics and Culture. – California: Stanford University Press, 1999. – 515 p.
8. Gupta S. Globalization and Literature. – Cambridge: UK and Malden, Mass: Polity Press, 2009. – 190 p.
9. Lee R. Globalization, Language, and Culture. – London: Infobase Publishing, 2006. – 128 p.
10. Lule J. Globalization and Media: Global Village of Babel. – Rowman & Littlefield, 2012. – 175 p.
11. Nye J.S. Soft Power: The Means to Success in World Politics PublicAffairs. – London: ABS, 2004. – 191 p.
12. Marwan V. Kraidy. Hybridity, or the Cultural Logic of Globalization. Mumbai: Pearson Education India, 2007. – 240 p.
13. Paul H. Understanding Cultural Globalization. – UK: Polity Press, 2007. – 233 p.
14. Ritzer G. The Blackwell Companion to Globalization. Paris: John Wiley & Sons, 2007. – 752 p.
15. Robertson R. Globalization: Social Theory and Global Culture. – London: SAGE Publicaion Ltd, 1992. – 211 p.
16. Rosenberg J. The Follies of Globalisation Theory: Polemical Essays. – London: Verso, 2002. – 218 p.

© Софиев Халеддин (sofiyev.xaleddin@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Азербайджанский государственный университет культуры и искусств

THEOREM OF ANALYTIC FIELD

N. Gusentsova

Summary: By the end of the XX century, in psychoanalysis, the influence of the direction indicated by M. Klein, continued by W. Bion and their numerous followers, is growing. The article discusses their theoretical base and, on its basis, formulates the analytic field theorem, which postulates the relationship of innovative concepts introduced by representatives of this psychoanalytic direction: the analytic field, projective identification, and the concepts of classical psychoanalysis, such as representation, conscious, unconscious. The concept of the unconscious is also expanded to the limits of the collective with the help of the analytical psychology of C.G. Jung. The theorem is proved with the help of the simplest mathematical formulas and rules, taking into account the understanding and representation of the functioning of the mental apparatus through them. A clinical case from the private practice of the author of the article is given as an example.

Keywords: analytical field, projective identification, evacuation, general unconscious.

К концу XX в. в психоанализе растет влияние направления, обозначенного М. Кляйн, продолженное У. Бионом и их последователями. В 1946 году в работе «Заметки о некоторых шизоидных механизмах» М. Кляйн совершила настоящую революцию, открыв психоаналитическому сообществу такое понятие как «проективная идентификация», то есть процесс удаления младенцем опасных частичных объектов (проточувств по У. Биону) из своего внутреннего мира в тело матери, а вместе с ними и частей своей самости [1, с. 80].

Через много лет В. и М. Беранже предлагают при индивидуальном анализе сосредоточить внимание на жизни структуры, которую аналитик и анализант создают своим совместным присутствием, то есть на аналитическом поле. Они говорили о том, что контрперенос – это один из основных инструментов психоаналитического процесса, а аналитический процесс не является асимметричным, то есть аналитик не является просто наблюдателем, он активно участвует в нем [2, с. 184]. «Контрперенос – совокупность бессознательных реакций аналитика на личность анализируемого и особенно на его трансфер» [3, с. 212].

Нам показалось интересным принять это за теорему и попробовать доказать ее, используя понятия аналитического поля и проективной идентификации, взаимодействующих через общее бессознательное, с помощью

ТЕОРЕМА АНАЛИТИЧЕСКОГО ПОЛЯ

Гусенцова Наталья Александровна

Восточно-Европейский институт психоанализа;
Практикующий психолог, директор психологического
онлайн-центра
n@gusentsova.com

Аннотация: К концу XX в. в психоанализе растет влияние направления, обозначенного М. Кляйн, продолженное У. Бионом и их многочисленными последователями. В статье рассматриваются их теоретическая база и на ее основании формулируется теорема аналитического поля, постулирующая взаимосвязь нововведенных понятий, привнесенных представителями данного психоаналитического направления: аналитическое поле, проективная идентификация, и понятий классического психоанализа, таких как представление, сознательное, бессознательное. Понятие бессознательного так же расширяется до пределов коллективного с помощью аналитической психологии К.Г. Юнга. Теорема доказывается с помощью простейших математических формул и правил, с учетом понимания и представления функционирования психического аппарата через них. Приводится клинический случай из частной практики автора статьи в качестве примера.

Ключевые слова: аналитическое поле, проективная идентификация, эвакуация, общее бессознательное.

математической символики в аналитической ситуации между аналитиком и анализантом [4, с. 8]. Это придаст наглядность процессу, который происходит между двумя участниками психоаналитического процесса.

Теорему аналитического поля сформулируем следующим образом: аналитическое поле – это взаимодействие двух расщепленных субъектов как на сознательном, так и на бессознательном уровне, каждый из которых участвует в процессе, поддерживая симметричность взаимоотношений.

Для этого мы сделаем пять допущений: 1. Эвакуат – это то, что эвакуируется при проективной идентификации. 2. Проективная идентификация актуальна для отношений двух взрослых людей (один из которых использует её как примитивную форму психологической защиты), а тело матери может быть в этом случае заменено телесной составляющей другого человека. Взаимодействие эвакуата будет происходить с бессознательное частью телесного. 3. Эвакуат может состоять не только из чувств, проточувств, но и мыслей, как составляющей мышления взрослого человека. 4. Для доказательства теоремы мы будем использовать математические правила [5, с. 52]. 5. Свойства частично будут приведены в соответствие с функционированием психического аппарата [6, с. 48].

Изначально в кабинете присутствуют два человека,

формирующих аналитическое поле. Это можно выразить формулой:

Аналитическое поле = $P_1 + P_2$, где

P_1 – это анализант (или любой человек), P_2 – это аналитик (или любой человек).

Плюс означает их нахождение в одном пространстве и взаимодействие. Разложим теперь сущность каждого человека на две составляющие:

$$P_m = \frac{C_m}{b_m}, \text{ или}$$

$$\text{Аналитическое поле} = \frac{C_1}{b_1} + \frac{C_2}{b_2}, \text{ где}$$

C_1 – сознание анализанта, C_2 – сознание аналитика, b_1 – бессознательное анализанта, b_2 – бессознательное аналитика.

Дробь представляет собой расщепленность субъекта.

Мы располагаем сознание в числителе, а бессознательное в знаменателе из-за психологических свойств понятий, а точнее их доступности сознанию. К тому же свойства самих числителя и знаменателя, как мы объясним далее, подобны числителю и знаменателю соответственно.

Мы будем руководствоваться тем, что бессознательное включает разные слои. Нам в этом эссе интересны индивидуальное и коллективное.

$b = b_1 = b_2$ – бессознательное может быть общим полем для двух человек, если:

1. Соответствует фрейдовскому пониманию бессознательного в той мере, в какой бессознательное «не имеет времени, ни пространства», ни отрицания. Так же для удобства исчисления будем под сознательным понимать и прослойку предсознательного [7, с. 202].
2. Соответствует понятию коллективного бессознательного Юнга в той мере, что там находится все то, что одинаково для всех людей, тогда мы можем для обоих человек подвести общий знаменатель, где будет фигурировать общее для них бессознательное [8, с. 118]. Тогда формула будет выглядеть:

$$\text{Аналитическое поле} = \frac{C_1 + C_2}{b} \text{ или}$$

$$\text{Аналитическое поле} = \frac{C_1}{b} + \frac{C_2}{b}.$$

Теперь разложим C на m и a или $C_n = m_n a_n$, где

C_m – сознание любого человека,

m_n – это множество мыслей одного человека,

a_n – это множество аффектов (чувств) одного человека, тогда:

$$C_m = m_n a_n (m_1 a_1) \text{ или } C_m = C_m (m_1 a_1), \text{ где}$$

m_1 – единичная мысль (или комплекс мыслей), связанный с одним аффектом (или их комплексом),

a_1 – единичный аффект (или их комплекс), связанный с одной мыслью (или комплекс мыслей),

$m_1 a_1$ – мыслеаффект, представление (в данном доказательстве – эвакуат), выделенный из множества. Он эвакуируется по тем или иным причинам. То, что обозначения (буквы) располагаются рядом напоминает операцию умножения, что в нашем психологическом понимании означает влияние или сцепку одного с другим, образование в результате чего-то третьего.

Тогда формулу мы можем представить так:

$$\text{Аналитическое поле} = \frac{C_1(m_1 a_1)}{b} + \frac{C_2}{b},$$

в данном случае, несмотря на общее бессознательное, мы расписали формулу с двумя дробями для наглядности и понимания разделенности двух персон на уровне сознания (числителя).

Эвакуацию осуществляется с уровня сознания через бессознательное (если содержимое находится в поле сознания у взрослого человека, так как его психические структуры уже дифференцированы по сравнению с младенцем, который все делает на уровне бессознательного).

Для наглядности отделим эвакуат от субъекта:

$$\text{Аналитическое поле} = \frac{C_1 * m_1 a_1}{b} + \frac{C_2}{b},$$

Эвакуация представления представим в виде обратной дроби:

$$\text{Эвакуация} = \frac{m_1 a_1}{1} = \frac{1}{m_1 a_1}.$$

Формула с произошедшей эвакуацией будет выглядеть так:

$$\text{Аналитическое поле} = \frac{C_1}{b(m_1 a_1)} + \frac{C_2}{b},$$

если эвакуат не доходит до сознания, то формула может начинаться сразу с этого варианта.

Эвакуат становится общим через поле Бессознательного:

$$\text{Аналитическое поле} = \frac{c_1 + c_2}{b(m_1 a_1)}$$

Затем из коллективного бессознательного присваивается аналитику и его индивидуальному бессознательному:

$$\text{Аналитическое поле} = \frac{c_1}{b_1(m_1 a_1)} + \frac{c_2}{b_2(m_1 a_1)}$$

В случае анализа аналитиком контрпереноса и осознанием того, что в него эвакуировано:

$$\text{Аналитическое поле} = \left(\frac{c_1}{b_1(m_1 a_1)} + \frac{c_2}{b_2(m_1 a_1)} \right) * \frac{m_1 a_1}{1}$$

Если осознанное проговаривается психоаналитиком анализанту в виде слабых интервенций [9, с. 171], что позволяет анализанту принять свой материал без сопротивления:

$$\text{Аналитическое поле} = \frac{c_1}{b_1(m_1 a_1)} * \frac{m_1 a_1}{1} + \frac{c_2}{b_2(m_1 a_1)} * \frac{m_1 a_1}{1}$$

Происходит переосмысление происходящего, изменение отношения к этому, изменение аналитической ситуации, устранение эвакуации, восстановление равновесия, проработка, что математически выражается во взаимном уничтожении сознательных и бессознательных мыслеаффектов:

$$\text{Аналитическое поле} = \frac{c_1}{b_1} + \frac{c_2}{b_2}, \text{ ч.т.д.}$$

Движение эвакуата наглядно представлено на рис. 1.

Психоаналитик возвращает анализанту его эвакуи-

руемый материал, анализируя свою контрпереносную реакцию и саму проективную идентификацию. То есть аналитическое поле обладает контейнирующими свойствами, аппарат для думания является «общим». С помощью этого пространства анализант получает возможность подправить или даже сформировать новый свой аппарат для думания мыслей, выражаясь терминологией У. Биона. Произошедшее в аналитической ситуации меняет как аналитика, так и анализанта. Это не может не сказаться в лучшую сторону на качестве жизни человека и это то, что делают психоанализ таким эффективным.

Случай из практики. Светлана, 35 лет, в анализе 2,5 года. На очередной сессии анализантка раздраженно и громко вскрикивает: «Наташа, да ты меня слышишь вообще? Ты сейчас просто как моя мама!».

Аналитик действительно расслышала фразу с трудом. У нее было такое ощущение, что ее голова сейчас ей не принадлежит. Мысли путались, в сознании все было как будто «заа-меед-леен-нооо». Она и сама понимала, что что-то не так, слова, обращенные к анализантке не те, но суть происходящего ускользала.

После сессии аналитик обдумала то, что произошло. На сессии она «как бы» глупила, было ощущение, что она сама себе не принадлежит – как будто кто-то «подселился» в ее голову и влияет на нее извне, было ощущение давления. Она решила обсудить это с клиенткой. Вспомнилось, что детство Светланы было непростым. С ее слов родители никогда не понимали и не принимали ее такой, какой она является. Мама, например, никогда не прислушивалась к ее мнению и всегда говорила ей, что та виновата во всех своих неприятностях. Это не могло не

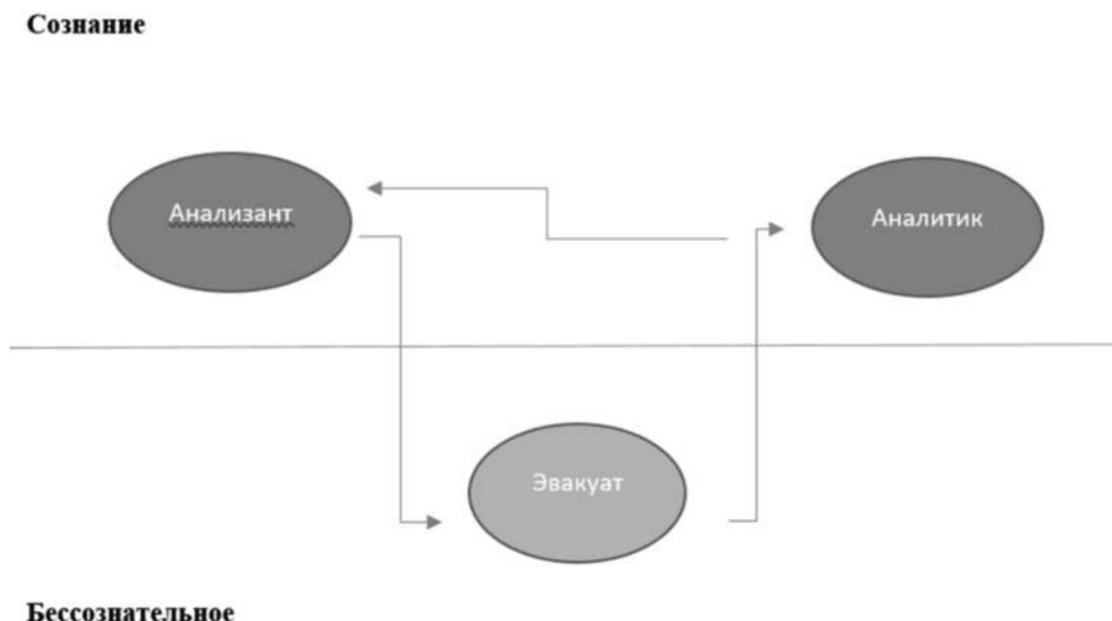

Рис. 1. Движение эвакуата в аналитическом поле.

обижать и не раздражать анализантку.

На следующей сессии аналитик рассказала Светлана о своих мыслях и чувствах, в общих чертах объяснила понятие проективной идентификации, спросила, что Светлана думает обо всем этом. Женщина согласилась, что сейчас ощущение, что ее не слышат и не понимают генерализовалось – оно у нее возникает не только в общении с мамой, но и с окружающими людьми. Вполне вероятно, что она сама влияет на то, как ее воспринимают люди, ведь рядом с ней «тупеют» те, кто никогда не был в этом замечен в общении с другими. В ходе анализа стало понятно, что ощущение, что ее не слышат – это следствие более глубокого представления, которое и эвакуировалось. «Я глупая» плюс стыд за это.

Итак, мысль «я глупая» в совокупности с определенным аффектом стыда – мыслеаффект, представление (m, a) , возможно, сформировавшийся еще на маниакально-депрессивной стадии развития ребенка (протомысль, проточувство) не смогло эффективно эвакуироваться во взаимодействии его с матерью и остается в области бессознательного $(\frac{c_1}{b_1(m_1 a_1)})$. Теперь эвакуат пытается эффективно провзаимодействовать с любым подходящим для этого человеком, например, аналитиком (или любым знакомым девушки), продолжая повторять попытки эвакуации и напоминая фрейдовское навязчи-

вое повторение [10, с. 41]. Через аналитическое поле, его бессознательную часть, эвакуат становится частью общего бессознательного $(\frac{c_1+c_2}{b(m_1 a_1)})$, затем бессознательного самого аналитика $(\frac{c_2}{b_2(m_1 a_1)})$, что она и начинает чувствовать в контрпереносе, и влияет на его сознательное восприятие, поведение (анализантка подавляла мысль и чувства, а аналитик их понимал и чувствовал. Реальность оправдывает ожидания – в результате анализантку не слышат). Далее самоанализ аналитика $(\frac{c_2}{b_2(m_1 a_1)} * \frac{m_1 a_1}{1})$ или $\frac{c_2(m_1 a_1)}{b(m_1 a_1)}$, совместный анализ произошедшего на прошлой сессии $(\frac{c_1(m_1 a_1)}{b(m_1 a_1)} + \frac{c_2(m_1 a_1)}{b(m_1 a_1)})$ приводит к пониманию клиентом происходящего. Эффект эвакуации исчезает $(\frac{c_1}{b} + \frac{c_2}{b})$.

Таким образом мы видим, что аналитик действительно участвует в психоаналитическом процессе, и не только посредством сознания, но и бессознательного (как общего, так и индивидуального), а значит он активен. Теорема правильно сформулирована и доказана математическим методом, то есть методом, принятым в точных науках, используемым там.

Феноменологические труды выдающихся психоаналитиков были не напрасны. Мы верим, что новые плеяды одаренных психоаналитиков откроют нам новые психоаналитические горизонты, как это в свое время сделали такие титаны психоаналитической мысли, как М. Кляйн, У. Бион и многие другие.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кляйн, М. Психоаналитические труды: в 7 т. Мелани Кляйн. – Пер. с англ. Под науч. ред. С.Ф. Сироткина и М.Л. Мельниковой. – Ижевск: ERGO, 2007.
2. Беранже М., Беранже В. Избранные статьи из «Международного журнала психоанализа». Аналитическая ситуация как динамическое поле. /М. Беранже, В. Беранже - т. 89 и 90. - 2012. - 361 с.
3. Лапланш Ж., Понталис Ж.-Б. Словарь по психоанализу / Пер. с франц. Н.С. Автономовой. – М.: Высш. Шк., 1996. – 623 с.
4. Теорема // Математическая энциклопедия (в 5 томах). - М.: Советская Энциклопедия, 1984. - Т. 4. – с. 334
5. Виленкин, Н.Я. Математика 5: учебник для общеобразовательных учреждений / Н.Я. Виленкин. – М.: Мнемозина, 2006.
6. Психоанализ: учебник для бакалавриата и магистратуры /М.М. Решетников, С.В. Авакумов, Ю.А. Баранов и др.; под науч. ред. М.М. Решетникова. – М.: Издательство Юрайт, 2015. – 315 с.
7. Фрейд, Зигмунд. Собрание сочинений в 26 томах. Т. 13. Статьи по метапсихологии. Бессознательное / Пер. с нем. Андрея Боковикова. – СПб.: Восточно-Европейский Институт Психоанализа, 2019.
8. Юнг, Карл Густав. О психологии бессознательного /Карл Густав Юнг; [Перевод А. Чечиной]. Москва: Издательство АСТ, 2021. – 224 с.
9. Бион, Уилфред Рупрехт. Внимание и интерпритация. СПб.: Восточно-Европейский Институт Психоанализа, 2010. – 192 с.
10. Фрейд, Зигмунд. Собрание сочинений в 26 томах. Т. 14. Статьи по метапсихологии-2. По ту сторону принципа удовольствия / Пер. с нем. Андрея Боковикова. – СПб.: Восточно-Европейский Институт Психоанализа, 2019.

© Гусенцова Наталья Александровна (n@gusentsova.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПСИХОСЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ МЕТАФОРЫ «ВНУТРЕННЯЯ ОПОРА» НА ОСНОВЕ КОНТЕНТ-АНАЛИЗА

PSYCHOSEMANTIC ANALYSIS OF THE METAPHOR "INTERNAL SUPPORT" ON THE BASIS OF THE CONTENT- ANALYSIS

A. Dybova
M. Ragulina

Summary: The article presents a semantic analysis of the metaphor "internal support" in the structure of self-consciousness of practicing psychologists and psychology students. Comprehensive psychological description of the "internal support" phenomenon. The article contains the symbolic description of the metaphor "internal support" based on the opinions of practicing psychologists and psychology students is presented. The meaning of the metaphor "internal support" is described in details on the basis of content analysis. The role of the metaphor "internal support" in the work of practicing psychologists is described. The meaning of the metaphor "internal support" as a symbol of the resource state is revealed.

Keywords: practicing psychologists, students of psychology, internal support, content analysis, semantic analysis, symbolism, metaphor.

Дыбова Анастасия Валентиновна
ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный университет»
fox-140592@mail.ru

Рагулина Марина Владимировна
к.псих.н., доцент, ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный университет»
ragulina@inbox.ru

Аннотация: В статье представлен семантический анализ метафоры «внутренняя опора» в структуре самосознания практикующих психологов и психологов студентов. Комплексное психологическое описание феномена «внутренняя опора». Представлено символическое описание метафоры «внутренняя опора» на основе мнения практикующих психологов и студентов психологов. Детально описано значение метафоры «внутренняя опора» на основе контент-анализа. Описана роль метафоры «внутренняя опора» в работе практикующих психологов. Раскрыто значение метафоры «внутренняя опора» как символ ресурсного состояния.

Ключевые слова: практикующие психологи, студенты психологи, внутренняя опора, контент-анализ, семантический анализ, символизм, метафора.

Практическая психология с момента своего возникновения широко использует метафору как способ прояснения образа мира, сконструированного индивидуальным сознанием человека. Начиная с Фрейда, которого относят к отцам основателям психотерапии, мы видим, что он использовал медицинский подход в структуре практики, но в содержании ее пользовался метафорой и символической стороной культуры. Что есть бессознательное, например, на границах которого работают автоматические механизмы психологической защиты или Эдипов комплекс, как метафора взросления сознания. Мы видим, что метафора в своей многозначности дает простор интерпретации происходящего, позволяя увидеть единичное в общепризнанном множестве значений.

С одной стороны, это отражает все богатство и разнообразие индивидуального сознания, с другой создает большую проблему, так как безграничное расширение метафоры растворяет ее границы и уводит в иное смысловое пространство [1,4]. Любая метафора содержит некие общие или социальные смыслы, понятные любому и нюансы, которые могут быть заметны только в единственном понимании индивидуального сознания. От того насколько точно содержание интерпретации, а с другой стороны, вариативно, зависит эффективность работы практикующего специалиста, задача которого не

только в том, чтобы помочь прояснить смыслы происходящего для клиента, но и расширить границы возможно. Выделение общих смысловых аспектов используемых метафор представляет научную задачу практикующего психолога, которая уточняет границы множественного и единичного понимания, что составляет содержание его работы [4].

Широко распространена сегодня в практике работы психолога-консультанта метафора «внутренние опоры», причем в различных психотерапевтических подходах.

Если обратиться к смысловому содержанию этого слова в русском языке, то слово «опора» чаще всего используется в строительстве – «элемент сооружения, поддерживающий и прикрепляющий несущие конструкции; передаёт усилия от одной части сооружения на другие или на основание сооружения. Опоры весьма разнообразны и выполняются в виде простых или сложных конструкций. Характер опоры зависят от формы несущих конструкций, материалов, климатических и др. условий» [3].

В иных смыслах это некий стержень, некий предмет на что можно опереться, поддерживающее или исходное в построении теоретических, культурологических, идеологических, философских и прочих конструкций.

И прямой смысл опоры приобретают ноги, на которые мы опираемся, когда стоим, поэтому в телесноориентированной практике психотерапии понятие опоры связано с ногами и метафоричный смысл приобретает наше «самостояние», когда мы говорим об аутентичности, и самостоятельности. Но также это слово имеет смысл помощи и поддержки и указывает на социальный аспект в его общепринятом понимании [11].

Для теоретической психологии метафора «внутренние опоры» сходна по смыслу с понятием «личностные ресурсы». Это понятие рассматривается исследователями в двух полярных направлениях: как некие неизменные заданные характеристики, составляющие ядро личности и, как, характеристики, которые подвергаются изменениям в течение жизни личности [7].

Экзистенциальное мировоззрение, все шире распространяясь в современном психологическом консультировании, привносит в него и свое понимание ресурсов, все разнообразие взглядов на которые, можно обозначить популярным термином «жизнестойкость». Российского читателя с концепцией жизнестойкости познакомил Д.А. Леонтьев. Он трактует жизнестойкость «как способность восстановления физических и душевных сил за короткий промежуток времени» [9]. Л.В. Каширина, К.В. Новикова называют данное понятие «внутренней гармонией», и говорят, что его основными свойствами выступают внутреннее удовлетворение, самоуважение, уверенность в себе, внутренняя свобода [8,9].

В зарубежной литературе понятие «жизнестойкости» (hardiness), введённое С. Кобейса и С. Мадди обозначает способность совладания со стрессом [6].

Большинство отечественных исследований жизнестойкости можно разделить на две группы. К первой группе относятся исследования жизнестойкости как преодоления стресса и адаптация к обстоятельствам жизни, ко второй – как личностная черта [6].

Жизнестойкость определяется как: «черта личности, интегральная характеристика, психологическое свойство, определённая система навыков и установок, психологическое образование, система принципов и убеждений, способность: жизнестойкость как проявление интегральной индивидуальности; жизнестойкость как ресурс; жизнестойкость с точки зрения психического развития. Жизнестойкость выступает в качестве критерия психического развития, а также фактора защиты и развития» [2].

Исходя из анализа литературы можно предположить, что «внутренняя опора» означает некий личностный ресурс, в смысловом поле значений отражающий обобщенное понимание этой метафоры, но индивидуальный

смысл или единичный, скорее будет зависеть от того, какого теоретического подхода в обосновании понятия придерживается интерпретатор. На сегодняшний день одним из самых эффективных методов, который позволяет выявить множество дополнительных смыслов и таким образом универсализировать определение, понятие или метафору, перевести его (ее) из символического пространства в рефлексивное является контент-анализ.

Суть контент-анализа состоит в том, чтобы осуществить переход вербальной информации в более объективную невербальную форму, другими словами, можно сказать, что раскрывается «внутренний» смысл текста. Контент-анализ – достаточно строгий научный метод, который предполагает систематическую и надежную фиксацию определенных элементов содержания некоторой совокупности документов с последующей квантификацией (количественной обработкой) полученных данных [5,10,13].

Таким образом, цель данной статьи осуществить семантический анализ метафоры «внутренняя опора», отразить ее смысловую нагрузку и возможности развития и лексических переходов-связей с другими смысловыми концептуальными узлами структуры сознания.

В опросе участвовали 30 человек. 14 студентов психологов разных курсов и 16 практикующих психологов разных направлений.

Анализ понятия «внутренняя опора» осуществлялся в несколько этапов: первый проведение опроса среди студентов психологов и практикующих психологов. Анкета состояла из 3 вопросов «Как вы понимаете «понятие внутренняя опора»?» «Что на ваш взгляд является главной особенностью «внутренней опоры»?» «Охарактеризуйте понятие «внутренняя опора», используя одно существительное, одно прилагательное и один глагол» Далее эмпирический материал описаний понятия «внутренняя опора» был подвергнут частотному анализу. Были выделены важные и существенные аспекты, отражающие специфику феномена, внутренняя опора. Языковые термины проинтерпретированы для более точного отражения сути феномена внутренняя опора. Осуществлен синтез различных психологических значений термина «внутренняя опора».

При анализе ответов проведенного опроса, на вопрос «Как вы понимаете «понятие внутренняя опора»?» среди практикующих психологов выделено 5 категорий, в то время как среди еще получающих образование только 3, что может говорить о том, что накопленный опыт и очевидный или бессознательный выбор теоретического подхода практикующего специалиста позволяет выделять больше нюансов понятия. Выделенные катего-

рии в обеих группах идентичны, в группе практикующих психологов также в континуум определений вошли такие категории как убеждения и ценности. Это подводит к мысли, что понятие «опора» как метафора – есть некое положение мировоззренческого порядка, от которого строится ценностно-смысловая система, некая базовая установка, вроде «на том стою...». Самое распространенное содержание метафоры в группе обучающихся – устойчивость (57,1%), вполне может иметь проективный, защитный смысл, как потребность обнаружить значимую, придающую устойчивость дефиницию, определяющую выбор профессионального пути. Но и для практикующих психологов устойчивость как профессиональная и личностная характеристика важна (37,5%), хотя устойчивость есть не сама опора, но следствие надежной опоры.

Главная особенность понятия «внутренняя опора» – это основное качество, которое характеризует понятийное содержание и указывает на его патогномичный признак. В группе практикующих психологов, выделяется 6 категорий, что может говорить о том, что уже практикующие специалисты выделяют больше характеристик при описании понятия, а значит оно более дифференцировано и имеет больше значимых качеств. В группе студентов психологов выделяется 4 категории, большинство из них повторяют категории практических психологов, но также добавляется новая – психическая зрелость, при этом у нее самая высокая частота-42,9%.

В то время как практические психологи считают самыми значимыми особенностями категории ощущение своей индивидуальности 43,75%, а также независимость от внешних обстоятельств – 25%. Существенным содержанием метафоры становится для обеих групп ощущение своей индивидуальности, независимость от внешних обстоятельств и врожденный навык, но ощущение индивидуальности в одном смысловом поле с выбором, контролем и тренируемым навыком конкретизирует независимость, в то время как у студентов психологов – психическая зрелость размывает смысловые границы метафоры и делает еще более неопределенным ощущение индивидуальности. Переносный смысл «внутренней опоры» как врожденного качества усиливает неопределенность смысловых границ и вносит перспективу суждения смысла метафоры как некоего изначально заданного условия, данные представлены на в таблице 2.

Анализ обобщенного и сведенного до одного слова смысла метафоры, выраженного существительным показывает, что взгляд на интерпретацию метафоры «внутренние опоры» сходится у респондентов в категории «укорененность», при этом эта же категория занимает лидирующее место в описании в обеих группах, в группе практикующих психологов 37,5%, в группе студентов психологов-42,9%, но вместе с тем у обеих групп наблюдаются и другие категории описания. Практикующие психологи считают, что «внутренние опоры» через су-

Таблица 1. Определение понятия «внутренняя опора» по мнению практикующих психологов и студентов психологов на основе контент-анализа.

Практикующие психологи			Студенты психологи		
Категория	Частота	%	Категория	Частота	%
Ресурс	5	31,2	Устойчивость	8	57,1
Контроль	1	6,3	Ресурс	4	28,6
Убеждения	1	6,3	Контроль	2	12,5
Ценности	3	18,7			
Устойчивость	6	37,5			

Таблица 2. Главная особенность понятия «внутренняя опора» по мнению практикующих психологов и студентов психологов на основе контент-анализа.

Практикующие психологи			Студенты психологи		
Категория	Частота	%	Категория	Частота	%
Выбор	1	6,25	Ощущение своей индивидуальности	2	14,3
Контроль	1	6,25	Независимость от внешних обстоятельств	5	7,1
Независимость от внешних обстоятельств	4	25	Врожденное качество	1	35,7
Тренируемый навык	2	12,5	Психологическая зрелость	6	42,9
Ощущение своей индивидуальности	7	43,75			
Врожденное качество	1	6,25			

существительное выражается как чувства 31,2%, уравновешенность- 25% и ресурс-6,3, в то время как студенты психологи выражают смысл метафоры энергией –21,4%, качеством личности 21,4% и указанием на функцию – 14,3%. Данные представлены в таблице 3.

Укорененность – скорее психологическая потребность по Фромму, удовлетворенная или нет, «из потребности в устойчивости проистекает потребность в обнаружении своих корней, желание в буквальном смысле «укорениться» в этом мире, снова ощутить этот мир как свой собственный дом» [12].

Обобщения, сведенные в прилагательном, показывают, что количество категорий в группах не отличается, более того категории практически идентичны. В категориях «Подчеркивание индивидуальности» и «Качество личности» разница только в направленности метафорического смысла от преобразования внешнего ресурса во внутренний или наоборот от уже существующего внутреннего, проявленного вовне, и их вполне может

объединить словосочетание «личностный ресурс». При этом лидирующие позиции занимает категория, выражающая значения силы-31,25% в группе практикующих психологов и категории выражающие чувства и подчеркивание индивидуальности по 28,6%. Данные представлены в таблице 4.

При анализе выборов обобщающего глагола, в группе студентов психологов наблюдается больше категорий. Практикующие психологи выделяют 3 значения, студенты психологи 4. При этом значения этих категорий не совпадают. Лидирующую позицию в группе практикующих психологов занимает категория, обозначающая глаголы в значении «создание» – 64,3%. В группе студентов психологов лидирующая категория глагола в значении «помощь» – 31,25%. Так как глагол указывает на функцию – действие, можно увидеть разницу в ощущениях опоры у практиков и студентов. Если у практиков – «создание», то есть, деятельность внешняя, то у студентов – «рост и развитие» обозначают деятельность внутреннюю что

Таблица 3.

Применение имени существительного при обобщенной характеристике понятия «внутренняя опора» по мнению практикующих психологов и студентов психологов на основе контент-анализа.

Практикующие психологи			Студенты психологи		
Категория	Частота	%	Категория	Частота	%
Укорененность	6	37,5	Энергия	3	21,4
Уравновешенность	4	25	Укорененность	6	42,9
Чувства	5	31,2	Указание на функцию	2	14,3
Ресурс	1	6,3	Качество личности	3	21,4

Таблица 4.

Применение имени прилагательного при обобщенной характеристике понятия «внутренняя опора» по мнению практикующих психологов и студентов психологов на основе контент-анализа.

Практикующие психологи			Студенты психологи		
Категория	Частота	%	Категория	Частота	%
Значения силы	5	31,25	Значения силы	3	21,4
Чувства	3	18,75	Чувства	4	28,6
Ресурс	4	25	Ресурс	3	21,4
Качество личности	4	25	Подчеркивание индивидуальности	4	28,6

Таблица 5.

Применение глагола при обобщенной характеристике понятия «внутренняя опора» по мнению практикующих психологов и студентов психологов на основе контент-анализа.

Практикующие психологи			Студенты психологи		
Категория	Частота	%	Категория	Частота	%
Поддержка	3	21,4	Рост и развитие	3	18,75
Создание	9	64,3	Прочность	4	25
Прочность	2	14,3	Помощь	5	31,25
			Контроль	4	25

Таблица 6.

Часто повторяющиеся слова разных частей речи понятия «внутренняя опора», называемые практикующими психологами и студентами психологами.

Практикующие психологи			Студенты психологи		
Имя существительное, частота встречаемости	Имя прилагательное, частота встречаемости	Глагол, частота встречаемости	Имя существительное, частота встречаемости	Имя прилагательное, частота встречаемости	Глагол, частота встречаемости
Стержень, 30,3 %	Устойчивый 27,9%	Создавать 57,7%	Основа 35,6%	Зрелый 21,2%	Поддерживать 25,1%

справедливо отражает статусы и задачи респондентов.

Анализ символического уровня наиболее часто встречающихся слов разных частей речи в обеих группах позволяет проанализировать образующиеся метафоры и символы, углубляет рефлексивную интерпретацию значения «внутренняя опора». В группе практических психологов образовалась метафора «создавать устойчивый стержень», в группе студентов психологов «поддерживать зрелую основу». Анализируя собирательную метафору в группе практикующих психологов, можно сделать вывод, что внутренней опоры изначально нет и ее нужно создать каждому человеку самому, при этом она должна быть устойчивой, что значит, что необходимо развивать навык работы с фрустрацией. Сама опора имеет форму стержня, что говорит о том, что эти качества изначально имеют потенциал к устойчивости. Анализ собирательной метафоры в группе студентов психологов может говорить о том, что внутренняя опора уже есть сама по себе при этом она уже зрелая и главная за-

дача человека связана с ее поддержкой. Собственно эта дефиниция каждой группы респондентов, также отражает их функциональную задачу, говорит скорее о направленности работы с ресурсом, и его создание, чем передает чувственное ощущение или переживание, форма опоры выражена словом основа, то есть какой-то фундаментальный базис. Данные представлены в таблице 6.

Таким образом, подведя итоги эмпирического исследования можно представить собирательный смысл метафоры «внутренняя опора» которое по мнению опрошенных практикующих психологов и студентов психологов на чувственном уровне констатируется как внутренняя устойчивость и укорененность, что свидетельствует о развитой личностной и психической зрелости. На символическом уровне метафора описывается респондентами как жизнестойкость, хотя сам термин и не употребляется, но косвенно отражаются его составляющие признаки – способность созидать и развиваться при любых жизненных ситуациях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аболин Л.М. Психологические механизмы эмоциональной устойчивости человека / Л. М. Аболин. – Казань: Изд-во Казанского университета, 1987. – 261 с.
2. Александрова А.А. К осмыслению понятия «жизнестойкость личности» в контексте проблематики психологии способностей // Психология способностей: современное состояние и перспективы исследований: материалы науч. конф. М.: Институт психологии РАН, 2005. С. 16–21.
3. Большая российская энциклопедия – Полное собрание под ред. С.Л. Кравец в 35т. – М.: Изд. «БРЭ», 2005-2019
4. Годфруа Ж. Что такое психология: в 2 т. Т. I. /Ж. Годфруа. – Москва, 1992. – 496 с.
5. Дмитриев И. Контент-анализ: сущность, задачи, процедуры. – М., 2005
6. Закерничная Н.В. Теоретическое осмысление понятия жизнестойкости в отечественных и зарубежных исследованиях // Ученые записки ЗабГУ. 2016. Т. 11, № 5. С. 61–66
7. Иванова Т.Ю. Современные проблемы изучения личностных ресурсов в профессиональной деятельности. Т.Ю. Иванова, Д.А. Леонтьев, Е.Н. Осин, Е.И. Рассказова, Н.В. Кошелева // Организационная психология. 2018. Т. 8. № 1. С. 85–121
8. Каширина Л.В., Новикова К.В. «Внутренняя гармония как фактор устойчивости к стрессу» Психология в экономике и управлении. 2016. Т. 8, № 1-2. С. 51–59
9. Леонтьев Д.А. Психология свободы: к постановке проблемы самодетерминации личности / Д.А. Леонтьев // Психологический журнал. — 2000. — Т. 21, № 1. — С. 15–25
10. Наливайко Т.В. К вопросу осмысления концепции жизнестойкости С. Мадди / Т.В. Наливайко // Вестник интегративной психологии: журнал для психологов. – Ярославль – 2006. – № 4. – С. 211–216.
11. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. — 4-е изд., стер. — М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999;
12. Фромм Э. Здоровое общество – М.
13. Чернобровкина Е.П. «Контент-анализ в лингвистических исследованиях» Вестник Бурятского университета 2011/11 с.125-129

© Дыбова Анастасия Валентиновна (fox-140592@mail.ru), Рагулина Марина Владимировна (ragulina@inbox.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПОСТТРАВМАТИЧЕСКИЙ СТРЕСС У ДЕТЕЙ, НАХОДЯЩИХСЯ НА МЕДИЦИНСКОМ ЛЕЧЕНИИ, И ПРЕДСТАВЛЕНИЕ РОДИТЕЛЕЙ О ЕГО ВЫРАЖЕННОСТИ У ДЕТЕЙ

Жарук Иван Антонович

Аспирант, ГАОУ ВО ЛО «Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина»; н.с., клинический психолог, ФГБУ «НМИЦ детской травматологии и ортопедии им. Г.И. Турнера» Минздрава России
ivanzharuk@gmail.com

POST-TRAUMATIC STRESS IN CHILDREN UNDERGOING MEDICAL TREATMENT AND PARENT'S IMPRESSION OF ITS SEVERITY IN CHILDREN

I. Zharuk

Summary: The study of features of post-traumatic stress manifestation is an important component in understanding the expression of experiences in children. Consideration of specificity of interaction of parents with children in this way, can allow to understand, how much relatives are aware of the situations causing strong experiences in their children, and how these experiences are manifested. The research revealed that on average, parents of children undergoing medical treatment underestimate the degree of intensity of post-traumatic stress in their children. Also, in 80% of cases, parents did not know about all the traumatic situations experienced by their children.

Keywords: post-traumatic stress, parents, children.

Аннотация: Изучение особенностей проявления посттравматического стресса, является важной составляющей в понимании выраженности переживаний у детей. Рассмотрение специфики взаимодействия родителей с детьми в этом ключе, может позволить понять, насколько родственники осведомлены о ситуациях вызывающих сильные переживания у их детей, и то, как проявлены эти переживания. В результате проведенного исследования было выявлено, что в среднем родители детей, находящихся на медицинском лечении, недооценивают степень интенсивности посттравматического стресса у своих детей. Также, в 80% случаев, родители не знали обо всех психотравмирующих ситуациях пережитых их детьми.

Ключевые слова: посттравматический стресс, родители, дети.

Введение

Взаимодействие родителей и детей, особенности и трудности этого процесса, становились темой психологических исследований множество раз. Для того чтобы выделить еще одно направление в исследовании этих взаимоотношений, обратимся к теме травматических переживаний и посттравматического стресса. Актуальность изучения этих явлений можно назвать достаточно выраженной, в связи с ростом количества публикаций за последние 20 лет. Большое количество публикаций и внимания к этой теме, связаны с работами Тарабриной Н.В. [13], Падун М.А. [3], Харламенковой Н.Е. [18] и многих других.

Особенностью подросткового или младшего школьного возраста, является усвоение требований, связанных с обязанностью учиться и приобретать знания. Такие требования связаны с необходимостью организованности и дисциплинированности, что затрагивает волевые усилия ребенка, для адаптации к изменяющимся условиям их социальной деятельности. Затруднения, которые могут испытывать дети в этом возрастном периоде, зачастую связаны с асинхронностью развития психических функций, и разной степенью их сформированности, у детей одного возраста. В некоторых случа-

ях (5-10%), среди детей младшего школьного возраста, может проявляться синдром дефицита внимания и гиперактивности (СДВГ), являющийся психопатологическим проявлением процесса взросления. Проявления посттравматического стресса в предпоздковом возрасте могут рассматриваться, как формы проявления СДВГ, при этом, не относясь к нему непосредственно.

Особенностью подросткового периода является переход из детства в период юности. Этот переход сопровождается пубертатными изменениями и перестройками организма, важными фазами соматического развития. В области психического также происходят изменения. Стратегии решения ситуаций из детства могут не выдерживать проверку временем, проявляя необходимость выработки новых путей решения задач, которые ставит перед ребенком подростковый период и юность. Одними из многих особенностей, которые могут проявиться в подростковом периоде, можно назвать акцентуации характера. «В подростковом возрасте особенности характера часто заостряются, а при действии психогенных факторов, адресующихся к «месту наименьшего сопротивления», могут наступать временные нарушения адаптации, отклонения в поведении» [7] Такие особенности, с процессом взросления обычно компенсируются и не мешают адаптации, но могут оставаться достаточно вы-

раженными и становиться психопатологическими проявлениями. Помимо этого, в подростковом периоде, на фоне заострения черт характера, может проявиться посттравматический стресс, как проявление психотравматических ситуаций из детства и переживаний по поводу них. В отличие от акцентуаций характера, посттравматический стресс является исключительно отрицательной вариацией течения подросткового возраста, причиняет большие страдания и является проявлением дезадаптации, с которым можно разобраться с высокой вероятностью лишь благодаря психокоррекции или психотерапии. Изучая предпоздковый и подростковый периоды, в которых происходят, как процессы, укладывающиеся в нормативные представления о процессе взросления, так и психические проявления не считающиеся нормативными, интересно попытаться выяснить: Насколько близкие родственники осведомлены о выраженности переживаний их детей, в связи с психотравмирующими ситуациями?

Широкая распространенность посттравматического стресса среди молодого поколения, не может не вызывать размышлений по поводу того, как относятся родители к психоэмоциональному состоянию своих детей?

Новизна данного исследования заключается в изучении выраженности индекса посттравматического стресса среди детей находящихся на лечении в медицинском учреждении, в сравнении с представлениями их родителей о том, каковы проявления посттравматического стресса у их детей, и какова интенсивность переживаний их детей по поводу этих явлений.

Актуальность исследования связана с изучением интенсивности переживаний предпоздков и подростков, находящихся на лечении в медицинском учреждении. Также изучения того, как представляют родители этих детей, какова интенсивность переживаний у их детей и в связи с какими событиями.

Цель исследования

Изучение выраженности посттравматического стресса среди предпоздков и подростков, находящихся на медицинском лечении, и осведомленности их родителей о травматичных событиях, и выраженности переживаний в связи с ними, у их детей.

Задачи исследования

1. Протестировать группу детей, находящихся на медицинском лечении, и их родителей, находящихся вместе с ними, на предмет выявления уровня ПТС у детей и представления об уровне ПТС у детей, среди их родителей.
2. Определить наличие или отсутствие искаженного

представления родителей об интенсивности переживаний у их детей и количестве травматичных ситуаций пережитых ими.

Гипотеза

Гипотезой исследования выступит предположение о том, что среди родителей детей, находящихся на лечении в медицинском учреждении, будут выявлены в среднем более низкие показатели представления о степени выраженности ПТС у их детей, относительно результатов исследования ПТС у самих детей.

Выборка

В рамках поиска ответов на поставленные вопросы было произведено исследование на базе ФГБУ «НМИЦ детской травматологии и ортопедии им. Г.И. Турнера» Минздрава России. В исследовании приняли участие 30 детей от 8 до 17 лет (средний возраст – 12,2), 17 мальчиков (56,6%) и 13 девочек (43,3%). Также 30 родителей этих детей (в основном мамы, а помимо них 1 опекун и 3 бабушки). Все старшие родственники, вне лечебного учреждения проживают совместно с респондентами-детьми на момент исследования. Средний возраст матерей – 40,2 лет. Наиболее распространенными диагнозами среди респондентов детей являлись (согласно МКБ-X): Q65 – Врожденные деформации бедра – 4 случая, G80 – Детский церебральный паралич (ДЦП) (4), M41 – идиопатический сколиоз (3) и др.

Выборка возникла в естественном процессе работы с пациентами, в текущей ежедневной психокоррекционной деятельности. То есть не происходила селекция пациентов по какому-либо свойству. Исключением являются пациенты с нарушениями интеллектуального развития, поскольку у них существенно изменена (снижена) степень понимания и осознанности ответов в полуструктурированном интервью. Также не включенными оказались респонденты, находившиеся на лечении без родителей, отказавшиеся от участия, или не давшие согласия на использование данных тестирования в публикации.

Материалы и методы

С целью изучения проявлений посттравматического стресса у детей использовалось: «Полуструктурированное интервью для оценки травматических переживаний у детей» [12].

Для оценки родителями состояния выраженности посттравматического стресса у их детей использовалась: «Родительская анкета для оценки травматических переживаний детей» [12].

Также, родителям был выдан бланк с перечислением

тех же ситуаций, в которых мог оказываться их ребенок, только в этом случае им нужно было отметить:

- а) оказывались ли они сами в течение жизни в этих ситуациях?
- б) вызывали ли события, в которых оказывались переживания у них?
- в) вызывают ли у них переживания, события, произошедшие с их детьми, перечисленные в «Родительской анкете для оценки травматических переживаний детей»?

Для статистической обработки результатов, использовался двухвыборочный t-критерий для независимых выборок, для сравнения средних показателей.

Результаты и обсуждение

В результате исследования было выявлено, что 17 детей имеют показатели выраженного посттравматического стресса (показатель общего индекса ПТС у них превысил 25, что является выраженным проявлением в сравнении с контрольной группой). [табл.1]

У 13 детей показатель общего индекса ПТС остался в пределах нормативных значений контрольной группы.

Результаты подростков в этом исследовании соответствуют выявленным ранее данным, по итогам скринингового исследования индекса ПТС у 130 подростков, находящихся на лечении в медицинском учреждении. О том, что каждый 2 ребенок, среди находящихся на медицинском лечении пациентов, имеет выраженный индекс

посттравматического стресса. [4]

В результате тестирования родителей были выявлены низкий средний уровень значения индекса ПТС, предполагаемый родителями в отношении своих детей – 7,7 баллов. В то время как результат выборки детей показал значительно более высокий средний результат – 24,93.

Лишь в 6 случаях (20%) из 30, отмеченные родителями травматические ситуации, которые, по их мнению, случались в жизни их детей, полностью совпали с теми ситуациями, которые отметили сами дети. Таким образом, в 24 случаях (80%) родители имели неполное или искаженное представление о том, какие ситуации оказались травматичными для их детей.

Такие результаты, в случае с детьми, чей индекс ПТС оказался выражен (17), могут говорить о незнании родителями того, что их дети испытывают проявления посттравматического стресса и интенсивные переживания.

Среди ситуаций, которые респонденты-дети отметили, как вызвавшие переживания, и о которых не знают их родители, наиболее часто встречающимися стали: Трудности передвижения (в 6 случаях), Серьезное физическое заболевание (6), Смерть близких (5), Длительная или повторная госпитализация (4).

Стоит так же отметить, несмотря на то, что родители не знают, что их дети испытывают переживания по поводу этих ситуаций, они отметили, что сами испытывают переживания по поводу этих ситуаций в своей жизни: Се-

Таблица 1.

Среднегрупповые значения критериев полуструктурированного интервью для оценки травматических переживаний детей. [12]

Показатели	Контрольная группа (N=100)		Дети, пережившие травматический опыт (N=52)	
	M	SD	M	SD
Критерий А	–	–	5,73	2,54
Критерий В	3,14*	3,24	7,48	4,12
Критерий С	5,13*	3,24	11,01	5,46
Критерий D	5,46*	3,64	11,51	4,32
Критерий F	1,24*	2,01	4,53	3,03
Total ПТСР	15,07*	9,52	34,94	11,25

* по результатам T-теста вероятность ошибки $p < 0,05$.

рзкое физическое заболевание ребенка (в 6 случаях), Смерть близких (5), Длительная или повторная госпитализация (1). В связи с этими данными, можно предположить, что детям может быть трудно поделиться с родителями своими переживаниями, по поводу какой-либо из вышеуказанных ситуаций, поскольку родители сами испытывают переживания по поводу этих ситуаций. Или же как в случае с ситуациями – «Трудности передвижения» и «Длительная или повторная госпитализация», когда родители оказывают помощь в осуществлении передвижения или находятся вместе с ними в больнице, детям, возможно, неловко сообщать родителям, что та сфера, в которой родитель и так помогает ребенку, являясь совместным занятием с родителем – вызывает переживания и страдания у ребенка.

Помимо этого, родители пациентов отмечали ситуации, которые их дети не считали травматичными для себя. Наиболее часто отмечались такие ситуации: Длительная или повторная госпитализация (10 раз), Другое травматичное событие (3), Неполная семья (2). Также, некоторые из этих родителей отмечали, что эти ситуации вызывают негативные переживания у них самих: Длительная или повторная госпитализация (4 раза), Неполная семья (2). Можно предположить, что в этих случаях родители ошибочно принимали свои переживания, за переживания своих детей. В остальных подобных случаях можно отметить ошибочное представление родителей о ситуациях вызывающих переживания у их детей, или отсутствие искренности в ответах детей при прохождении теста.

Вопрос того, почему одни и те же ситуации становятся травматичными для одних людей, а на других никак не влияют или даже становятся чем-то способствующим позитивным изменениям, можно считать открытым и на сегодняшний день. Как пишут об этом отечественные и зарубежные авторы: «...по сей день не решенным остается вопрос, почему одно и то же травматическое событие делает беспомощной жертвой одного человека, а другого не только несколько не задевает, но подчас даже укрепляет» [9; 19; 8].

По итогам статистической обработки результатов выборок детей и родителей t-критерий Стьюдента было подтверждено различие средних показателей выборок на уровне статистической значимости $p=0,01$. Это подтверждает гипотезу о том, что оценка родителей уровня выраженности ПТС подростков, находящихся на лечении в медицинском учреждении, будет ниже собственного уровня ПТС, оцениваемого подростками.

В связи со всем выше перечисленным можно предположить, что травматичность ситуаций может быть связана с отсутствием достаточной коммуникации между родителями и детьми. Как пишет о травматичности ситуаций французский психоаналитик и психиатр Жак Лакан: «...из-за того, что форма его [прим. невроза] первой символической интеграции была потрясением для субъекта, отпечаток приобретает в плоскости воображаемого характер травмы... [прим. между наличием травматического эффекта ситуации и его отсутствием]... лишь одно различие, а именно: в такой момент рядом нет никого, кто мог бы субъекту дать в помощь слово» [5]

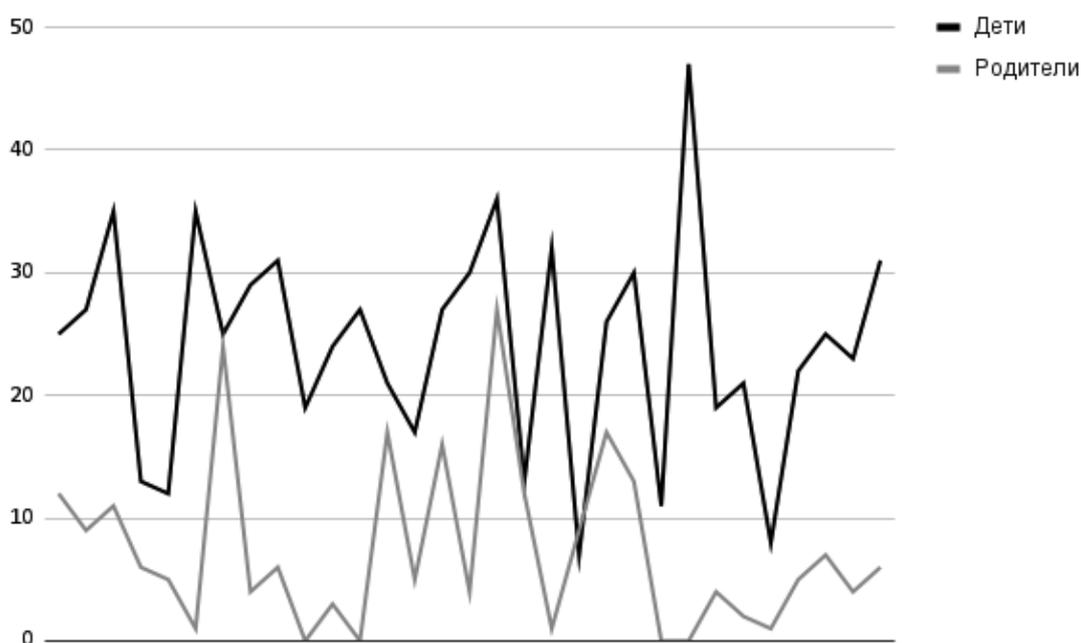

Диаграмма 1. Сравнение результатов родителей и детей в оценке индекса ПТС у детей.

На нехватку в вопросе коммуникации указывает отсутствие достаточной выговоренности пациентами отношения к тяжелым жизненным ситуациям, даже в общении с близкими родственниками. Данные проявления соответствует критерию С – «Полуструктурированного интервью для оценки травматических переживаний у детей» – «Избегание». Такой вывод подтверждается результатами исследования, поскольку среди всех критериев, при помощи которых определяется индекс выраженности ПТС, наиболее часто превышающим нормативные показатели контрольной группы, оказался именно критерий С – «Избегание» (14 раз — 46,6%).

Отсутствие внимания, к проявлениям посттравматического стресса у детей со стороны родителей, учителей и специалистов, работающих с детьми, может негативно сказаться на их успеваемости в учебе: «при ПТС ниже выносливость при занятиях умственной деятельностью, а также скорость решения задач, выше вязкость мышления». [2] Не понимание родителями того с чем связана необычность поведения и эмоциональных реакций ребенка, может замедлить процесс реадaptации, поскольку «Тяжелое психоэмоциональное состояние (детей) связано с критикой родителями их ошибок, агрессии, недовольства», а также длительное отсутствие внимания к проявлениям ПТС: «Утяжеление психоэмоциональной и социальной дезадаптации у подростков с давностью травмы более 3 лет» [11]. Как отмечает А.А. Лифинцева, неосведомленность об особенностях ПТС может усугублять его проявления из-за дефицитарности поддержки и социальной дезинтеграции: «...некомплектность и дефицитарность социальной поддержки, низкий уровень предоставления подростку социальной поддержки со стороны основных членов его социальной сети (родителей, друзей, одноклассников и педагогов) и социальная дезинтеграция, играют важную роль в появлении у подростков указанной симптоматики» [6]. Также, проявления посттравматического стресса, не рассматриваемые в совокупности, могут приниматься за другие проявления, сопутствующие процессу взросления – акцентуации характера или изменения поведения подростка в связи с пубертатным периодом.

Обращает на себя внимание исследование, проведенное Хажуевым И.С. направленное на изучение тех же параметров среди детей, и отношение к проявлениям посттравматического стресса у детей среди родителей. В сравнении родителей больных и здоровых детей было выявлено, что: «У родителей больных детей отмечено преобладание переменных избегания и возросшей возбудимости по сравнению с аналогичными показателями у родителей здоровых детей» [17]. Также, интересным является вывод: «в результате рангового анализа данных обследования родительских выборок не было выяв-

лено значимых различий по переменной «общий индекс посттравматического стресса» [17]. Таким образом, результаты обеих выборок родителей оказались в области показателя – 27 баллов, что указывает на достаточную осведомленность родителей о травматичных ситуациях происходивших в жизни их детей и интенсивность переживаний детей по поводу этих ситуаций.

Согласно результатам исследования Толкачевой О.Н., посттравматическое состояние имеет различные периоды, каждый из которых связан с определенными, актуальными для этого периода, способами поддержки, различных социальных групп. Как следует из её работы: «Феноменологический анализ полученных по средствам интервью, данных позволил выделить следующие посттравматические периоды

Острый адаптационный период – острый шок, борьба с угрозой жизни и физическому благополучию

Адаптационный период – начало освоения травматического опыта, включая попытку осмысления происходящего

Институциональный период – реорганизация пострадавших социальных связей

Постинституциональный период – установление посттравматической повседневности» [15].

Соответствие способа и социальной группы, оказывающих помощь человеку, может способствовать формированию посттравматического роста, как преодоления эффектов психотравмирующей ситуации. Участие и осведомленность родителей, в таком случае играет немаловажную роль.

Выводы, которые можно сделать из проведенного исследования:

1. Среди пациентов-детей, находящихся на лечении в медицинском учреждении, выявлено наличие высокого индекса посттравматического стресса, чуть более чем у каждого второго респондента. 17 случаев (56,6%).
2. Родители пациентов, находящихся на лечении в медицинском учреждении, присутствующие вместе с ними, в среднем имеют более низкие результаты в оценке уровня выраженности ПТС у детей, предполагая более низкий уровень ПТС (7,7), чем его оценивают у себя сами дети (24,93). Также выявлено наличие неполного или искаженного представления родителей о травматичных ситуациях происходивших и вызывавших переживания у их детей, в 24 случаях (80%).

Заключение

Полностью подтвердилась гипотеза исследования, заключающаяся в предположении о том, что в среднем, родители детей, находящихся на медицинском лечении, будут иметь более низкие результаты в оценке степени выраженности ПТС у их детей, относительно результатов исследования ПТС у самих детей.

Нацеленность на проговаривание отношения к тяжелым жизненным ситуациям, перевод ощущений в слова, является одним из эффективных психокоррекционных приемов, который позволяет переосмыслить такие ситу-

ации. При этом стоит упомянуть и другие факторы, способствующие социализации и адаптации, в связи с психическим травматизмом: «...освоения социальных норм и практик данной группы; реорганизации социальных связей личности в качестве субъекта травматического опыта; освоения и трансформации доминирующих представлений и форм социального взаимодействия в сторону их большей инклюзивности...» [14] Изучение особенностей проявлений посттравматического стресса, а также стратегий его переосмысления, проживания, интеграции травматического опыта в подростковом возрасте, может избавить от негативных последствий в связи с длительными травматическими переживаниями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азарных Т.Д. Стрессорная нагрузка и посттравматические стрессы в юношеском возрасте // Известия Самарского научного центра РАН. 2014. №2-3. С. 605
2. Азарных Т.Д. Темперамент и посттравматические стрессы в юношеском возрасте с учетом фактора пола // Ученые записки университета Лесгафта. 2014. №11. С.117
3. Быховец Ю.В., Падун М.А. Личностная тревожность и регуляция эмоций в контексте изучения посттравматического стресса // Клиническая и специальная психология. 2019. Т. 8. № 1. С. 78–89.
4. Жарук И.А. Проявления посттравматического стресса у детей, находящихся на лечении в медицинском учреждении // Психология – наука будущего: Материалы IX Международной конференции молодых ученых, Москва, 18–19 ноября 2021 года. Москва: Институт психологии РАН. 2021. С. 135–139
5. Лакан Ж. Семинары. Книга 1. Работы Фрейда по технике психоанализа // Гнозис, 2019. С. 107–111.
6. Лифинцева А.А. Влияние межличностных факторов на психосоматическое здоровье подростков // Вопросы психологии. 2013. № 4. С. 34–44
7. Личко А.Е. Психопатии и акцентуации характера у подростков / Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, В.Я. Романова. — Санкт-Петербург: Речь. 2009. 256 с.
8. Магомед-Эминов, М.Ш. Трансформация личности // М.: Психоаналитическая ассоциация. 1998. 496 с.
9. Мазур Е.С. Психическая травма и психотерапия // Московский психотерапевтический журнал. 2003. № 1. С. 31–52
10. Силёнок И.К. Характеристика посттравматического синдрома подростков // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология. 2013. №3. С. 134–141
11. Суроегина А.Ю. Психосоциальные факторы эмоциональной дезадаптации подростков и молодежи, перенесших спинальную травму // диссертация ... кандидата психологических наук: 19.00.13. Москва. 2015. 161 с.
12. Тарабрина Н.В. Практикум по психологии посттравматического стресса // СПб: Питер, 2001. С. 235–240
13. Тарабрина Н.В. Стресс и посттравматический стресс: дифференциация понятий // Разработка понятий в современной психологии. Сборник статей. Москва. 2019. С. 285–308.
14. Толкачева О.Н. Социализация и ресоциализация личности после психологической травмы // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия "Познание". 2017. № 11-12. С. 45–56.
15. Толкачева О.Н. Структурно-временная модель социально-психологической поддержки посттравматического роста личности [Текст] // Интерактивная наука. 2017. №11(21). С. 48–54.
16. Уласень Т.В. Комплексный анализ дезадаптивных проявлений у подростков социозащитных учреждений [Электронный ресурс] // Клиническая и медицинская психология: исследования, обучение, практика: электрон. науч. журн. 2017. Т. 5. № 3(17) URL: http://medpsy.ru/climp/2017_3_17/article04.php (дата обращения: 31.12.2021).
17. Хажуев И.С. Эмпирическое исследование взаимосвязи интенсивных стрессовых переживаний взрослых и детей // Учитель создает нацию (А-Х.А. Кадыров): Сборник материалов IV международной научно-практической конференции, Грозный, 21 ноября 2019 года. Грозный: Издательство ООО НПКП «МАВР», 2019. С. 544–549
18. Харламенкова Н.Е. Феномен отрицания признаков посттравматического стресса: осознаваемые и неосознаваемые стратегии // Способности и ментальные ресурсы человека в мире глобальных перемен. Москва: Институт психологии РАН, 2020. С. 1177–1186.
19. Levine P., Chitty J. New Insights in to trauma Therapy. APTA National Conference, 1994, p.13.

© Жарук Иван Антонович (ivanzharuk@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СТАНДАРТИЗАЦИЯ ОПРОСНИКА «ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВАЯ СФЕРА ЛИЧНОСТИ В ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ»

STANDARDIZATION OF THE QUESTIONNAIRE "VALUE-SEMANTIC SPHERE OF PERSONALITY IN THE INTERNET SPACE"

R. Zekeryaev

Summary: In this article considered the psychological features of the value-semantic sphere of the personality of an Internet user in the virtual space. Singled out and described the conviction values (Internet is a safe space; in the Internet you can show your creativity; there is responsibility for committed actions in the Internet; there are rules and norms of communication and behavior in the Internet; there is a lot of useful information in the Internet) and action values (the value of another life; the value of easy success; the value of geographic tolerance; the value of information accessibility; the value of entertainment). Proposed an author's research questionnaire that determines the psychological characteristics of the value-semantic sphere of a person in the virtual space. Statistically substantiated and described the validity and reliability of this questionnaire. Mathematically derived and described the levels of manifestation of personal values in the Internet space.

Keywords: value-semantic sphere, personality values in the Internet space, conviction values, action values, questionnaire.

Зекерьяев Руслан Ильвисович

К.псих.н., преподаватель, ГБОУ ВО Республики Крым
«Крымский инженерно-педагогический университет»
(г. Симферополь)
ruslan51291@mail.ru

Аннотация: В данной статье были рассмотрены психологические особенности ценностно-смысловой сферы личности интернет-пользователя в виртуальном пространстве. Выделены и описаны ценности убеждения (Интернет – безопасное пространство; в Интернете можно проявить свое творчество; в Интернете существует ответственность за совершенные поступки; в Интернете существуют правила и нормы общения и поведения; в Интернете много полезной информации) и ценности действия (ценность иной жизни; ценность легкого успеха; ценность географической толерантности; ценность информационной доступности; ценность развлечений). Предложен авторский исследовательский опросник, определяющий психологические особенности ценностно-смысловой сферы личности в виртуальном пространстве. Статистически обоснованы и описаны валидность и надежность данного опросника. Математически выведены и описаны уровни проявления ценностей личности в интернет-пространстве.

Ключевые слова: ценностно-смысловая сфера, ценности личности в виртуальном пространстве, ценности-убеждения, ценности-действия, опросник.

Актуальность

Современный этап развития компьютерных технологий характеризуется все большим распространением сети Интернет, которая выступает в роли института социализации и дополнительным расширением жизненного пространства личности в целом. Как и в реальной жизни, в виртуальном пространстве люди создают и поддерживают социальные контакты, интегрируются в социальные группы, находясь в непрерывном интерактивном взаимодействии. При этом рядом исследователей, таких как А.В. Войскунский, В.М. Майкова, Э.М. Молчан, О.В. Фетисова и др. отмечалось, что процесс вхождения в виртуальное пространство сети Интернет оказывает влияние на ценностно-смысловую сферу личности. Было отмечено, что система ценностей и смыслов претерпевает изменения, становится более размытой и подвижной [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7]. Вместе с этим необходимо отметить, что остается открытым вопрос о

новых ценностях, которые формируются у личности при переходе в интернет-пространство и существуют исключительно в сети Интернет.

Целью статьи является представление результатов разработки и стандартизации авторского исследовательского опросника «Ценностно-смысловая сфера личности в виртуальном пространстве».

Исследование ценностно-смысловой сферы личности в интернет-пространстве определило проблему отсутствия опросников и методик, с помощью которых можно оценить степень значимости свойств, процессов и явлений, присущим процессу жизнедеятельности в системе гиперреальности. Наиболее близким диагностическим инструментом для определения особенностей данных явлений в виртуальном пространстве является опросник «Личность в виртуальном пространстве» А.И. Лучинкиной. Однако необходимо отметить, что ис-

следовательница выделяла мотивы, присущие личности в процессе интернет-социализации, которые могут определять деятельность интернет-пользователя, но не рассматривала возможности и ресурсы, присущие исключительно виртуальному пространству, с позиции субъективной ценности для личности. Данный факт привел к возникновению необходимости в трехэтапном создании соответствующего авторского исследовательского опросника «Ценностно-смысловая сфера личности в виртуальном пространстве».

На первом этапе респондентам предлагалось составить краткое повествование по теме «Интернет – это...» и «В Интернете мне нравится то, что...». Полученные повествования были подвергнуты контент-анализу, в ходе которого был выделен ряд присущих виртуальному пространству ценностей-действий (ценность иной жизни, ценность легкого успеха, ценность географической толерантности, ценность информационной доступности, ценность развлечений) и ценностей-убеждений («Интернет – безопасное/опасное пространство», «В Интернете можно/нельзя проявить свое творчество», «В Интернете существует/отсутствует ответственность за совершенные поступки», «В Интернете существуют/отсутствуют правила и нормы общения и поведения», «В Интернете много/мало полезной информации»).

На втором этапе был разработан опросник «Ценностно-смысловая сфера личности в виртуальном пространстве», который включает в себя два блока заданий, направленных на изучение ценностей-убеждений и ценностей-действий личности в интернет-пространстве (таблица 1).

Инструкция к авторскому исследовательскому опроснику состояла из трех блоков и была представлена

следующим образом:

Блок 1. «Ценности-убеждения». Вам будут предложены пары противоположных утверждений. Ваша задача - выбрать одно из них, которое, по Вашему мнению, больше соответствует действительности.

1.	a) В целом, Интернет – опасное жизненное пространство, а люди в нем злые и не упустят шанса сделать кому-то неприятность b) В целом, Интернет – это безопасное жизненное пространство, а люди в нем в большинстве своем благожелательны
2.	a) В Интернете нельзя проявлять свое творчество, так как это сопряжено с рядом опасностей b) В Интернете можно проявлять свое творчество (рисовать, писать стихотворения, вести блоги и т.д.)
3.	a) В Интернете все остается безнаказанным, поэтому можно совершать любые поступки без ответственности за них b) В Интернете, как и в реальной жизни, приходится нести ответственность за совершенные поступки
4.	a) В Интернете нет никаких правил и норм, поэтому можно вести себя так, как захочется b) В Интернете много полезной информации
5.	a) Интернет – это большая информационная свалка, где практически невозможно найти что-то полезное b) В Интернете много полезной информации

Блок 2. «Ценности-действия».

Вам будут даны утверждения о возможностях сети Интернет. Оцените каждую из них по степени значимости для вас по следующей шкале: 0 баллов – для меня это не имеет никакой значимости; 1 балл – иногда это может быть значимым для меня; 2 балла – это значимо для меня от случая к случаю; 3 балла – это по большей части значимо для меня; 4 балла – это очень для меня значимо.

Таблица 1.

Распределение вопросов согласно заданным блокам.

№ п.п.	Шкалы	№ вопросов
Блок 1. Ценности-убеждения		
1	Интернет – безопасное пространство	1
2	В Интернете можно проявить свое творчество	2
3	В Интернете существует ответственность за совершенные поступки	3
4	В Интернете существуют правила и нормы общения и поведения	4
5	В Интернете много полезной информации	5
Блок 1. Ценности-действия		
1	Ценность иной жизни	6
2	Ценность легкого успеха	7
3	Ценность географической толерантности	8
4	Ценность информационной доступности	9
5	Ценность развлечений	10

Утверждение	0	1	2	3	4
1. В Интернете можно прожить одну или несколько разных жизней, самостоятельно создавая для этого образы, либо наоборот, сохраняя анонимность					
2. В Интернете доступно большое количество различных видов деятельности, а успех в них чаще всего достигается легко и быстро					
3. В Интернете можно одновременно общаться с людьми со всего мира в режиме on-line, используя для этого мессенджеры и социальные сети					
4. В Интернете можно найти в открытом доступе огромное количество информации почти по любой интересующей теме					
5. В Интернете доступно большое количество развлекательного контента: игровые ресурсы, видеохостинги, коммуникационные порталы и т.д.					

Стандартизация авторского исследовательского опросника осуществлялась в два этапа.

На первом этапе была обоснована надежность опросника с использованием ряда аналитических инструментов. Для проверки стабильности опросника было проведено ретестовое исследование с интервалом в 1 месяц. Для обоснования константности при ретестовом исследовании также была произведена замена экспериментатора при относительном сохранении прочих условий эксперимента. Для обоснования инструментальной надежности был использован метод половинного расщепления Гуттмана.

На втором этапе была обоснована валидность опросника. Для определения содержательной валидности был использован метод экспертных оценок. Экспертами выступили практические психологи, исследующие процесс интернет-социализации личности. Для определения конструктивной валидности был использован метод конвергентной и дискриминантной валидации.

Результаты, полученные в ходе исследования валидности и надежности авторского исследовательского опросника представлены на рис. 1.

Для изучения составляющих ценностей-убеждений и ценностей-действий личности в виртуальном пространстве была обоснована нормальность распределения данных по всем ее шкалам. Для этого был использован непараметрический критерий Колмогорова-Смирнова, который после применения на экспериментальной выборке в 100 человек позволил выявить, что распределение является близким к нормальному.

Также с использованием полученных описательных статистик параметров нормального распределения, та-

ких как средние значения и среднеквадратичные отклонения, были высчитаны уровни нормы для шкал опросника. Также статистически было обосновано введение шкалы «Общая конструктивность ценностей-убеждений» (рис. 2).

Низкий уровень общей конструктивности ценностей-убеждений интернет-пространства заключается в восприятии сети Интернет как потенциально опасного жизненного пространства, а его пользователи видятся как как агрессоры, готовые нанести вред другим людям. При этом сохраняется убежденность, что в сети Интернет все поступки не несут за собой последствий и несение ответственности. Низкий уровень общей конструктивности ценностей-убеждений интернет-пространства также заключается в восприятии сети Интернет как пространства без правил и норм социального взаимодействия, в связи с чем любое поведение является допустимым. Кроме этого, само виртуальное пространство считается хранилищем по большей части бесполезной информации.

Средний уровень общей конструктивности ценностей-убеждений интернет-пространства заключается в восприятии сети Интернет как потенциально опасного или безопасного жизненного пространства, в зависимости от каждой конкретной ситуации. Ситуативной также остается убежденность, что в сети Интернет все поступки несут за собой последствия и несение ответственности. Средний уровень общей конструктивности ценностей-убеждений интернет-пространства также заключается в восприятии сети Интернет как пространства с правилами и нормами социального взаимодействия, необходимость следовать которым зависит от каждого конкретного случая. Кроме этого, само виртуальное пространство считается хранилищем разнородной информации, среди которых есть как полезные, так и бесполезные источники.

Высокий уровень общей конструктивности ценностей-убеждений интернет-пространства заключается в восприятии сети Интернет как в целом безопасного жизненного пространства, а его пользователи видятся по большей части как доброжелательные, готовые к общению и социальному взаимодействию. При этом сохраняется убежденность, что в сети Интернет все поступки несут за собой последствия и несение ответственности. Высокий уровень общей конструктивности ценностей-убеждений интернет-пространства также заключается в восприятии сети Интернет как пространства с правилами и нормами социального взаимодействия, которые нужно соблюдать. Кроме этого, само виртуальное пространство считается хранилищем по большей части полезной информации, но осознается существование и бесполезных или неправдивых ее источников.

Шкала	Валидность		Надежность		
	Конвергентная	Дискриминантная	Константность	Инструментальность	Стабильность
Блок 1. Ценности-убеждения					
Интернет – безопасное пространство	0,721	-0,061	0,833	0,865	0,833
В Интернете можно проявить свое творчество	0,753	0,131	0,872	0,817	0,872
В Интернете существует ответственность за совершенные поступки	0,733	-0,092	0,855	0,832	0,855
В Интернете существуют правила и нормы общения и поведения	0,761	0,026	0,877	0,849	0,877
В Интернете много полезной информации	0,742	0,018	0,876	0,837	0,876
Блок 2. Ценности-действия					
Ценность иной жизни	0,725	-0,027	0,836	0,874	0,836
Ценность легкого успеха	0,731	-0,074	0,814	0,831	0,814
Ценность географической толерантности	0,763	0,033	0,812	0,819	0,812
Ценность информационной доступности	0,729	0,051	0,829	0,825	0,829
Ценность развлечений	0,735	-0,014	0,837	0,837	0,837

Рис. 1. Показатели валидности и надежности опросника «Ценностно-смысловая сфера личности в виртуальном пространстве»

Шкала	Низкий уровень	Средний уровень	Высокий уровень
Блок 1. Ценности-убеждения			
Интернет – безопасное пространство	0 баллов	-	1 балл
В Интернете можно проявить свое творчество	0 баллов	-	1 балл
В Интернете существует ответственность за совершенные поступки	0 баллов	-	1 балл
В Интернете существуют правила и нормы общения и поведения	0 баллов	-	1 балл
В Интернете много полезной информации	0 баллов	-	1 балл
Общая конструктивность ценностей-убеждений	0-1 балл	2-3 балла	4-5 баллов
Блок 2. Ценности-действия			
Ценность иной жизни	0-1 балл	2-3 балла	4 балла
Ценность легкого успеха	0-1 балл	2-3 балла	4 балла
Ценность географической толерантности	0-1 балл	2-3 балла	4 балла
Ценность информационной доступности	0-1 балл	2-3 балла	4 балла
Ценность развлечений	0-1 балл	2-3 балла	4 балла

Рис. 2. Уровневые показатели по шкалам авторского исследовательского опросника

Низкий уровень значимости ценности иной жизни заключается в отсутствии желания создавать в виртуальном пространстве новые образы и роли, осуществляя коммуникацию и деятельность от имени виртуальной личности, конгруэнтной реальной. При этом реальная жизнь воспринимается более приоритетной и значимой, чем возможная виртуальная. Средний уровень значимости ценности иной жизни заключается в субъективной значимости возможности прожить в Интернете другую жизнь, возможно, оставаясь анонимным или скрытым. При этом может возникать желание создать несколько виртуальных идентичностей, от лица которых осуществлять коммуникацию, заниматься творческой деятельностью, проживать новые роли и приобретать новый социальный опыт. Высокий уровень значимости ценности иной жизни заключается в стремлении создавать большое количество новых образов и социальных ролей в сети Интернет, осуществлять от их имени коммуникацию и деятельность. При этом количество таких профилей может быть большим и взаимодействие через них быть более приоритетным, чем с профиля, конгруэнтного реальному образу.

Низкий уровень значимости ценности легкого успеха заключается в отсутствии желания личности вести деятельность в виртуальном пространстве. При этом сеть Интернет не воспринимается как среда, в которой можно быстро достичь успеха в практически любой деятельности, а реальное пространство в этом плане является более приоритетным, чем виртуальное. Средний уровень значимости ценности легкого успеха заключается в восприятии виртуального пространства, в котором можно легко организовывать и проводить свою деятельность, быстро достигать успеха в ней, что недоступно или сложно-реализуемо в реальном пространстве. При этом наблюдается стремление личности к деятельности в сети Интернет, при сохранении интереса к деятельности в реальной жизни. Высокий уровень значимости ценности легкого успеха заключается в устойчивой тенденции к формированию личностью успешной деятельности в виртуальном пространстве. При этом может быть характерным выполнение одновременно нескольких ее видов, а сеть Интернет становится более приоритетной средой для этого, нежели реальное пространство.

Низкий уровень значимости ценности географической толерантности заключается в отсутствии желания осуществлять коммуникативную деятельность в виртуальном пространстве. При этом сеть Интернет не расценивается как инструмент, способствующий упрощению данного процесса, а предпочитаемым пространством для этого считается реальное. Средний уровень значимости ценности географической толерантности заключается в ситуативном желании осуществлять коммуникативную деятельность в виртуальном пространстве.

При этом сеть Интернет воспринимается как инструмент для упрощения данного процесса. Однако реальное пространство не теряет своей значимости при коммуникативной деятельности по сравнению с виртуальным. Высокий уровень значимости ценности географической толерантности заключается в устойчивом стремлении осуществлять коммуникативную деятельность в виртуальном пространстве. При этом сеть Интернет воспринимается как инструмент для упрощения данного процесса. Вместе с этим отмечается снижение значимости реального пространства для осуществления коммуникативной деятельности по сравнению с виртуальным

Низкий уровень значимости ценности информационной доступности заключается в отсутствии интереса к поиску и накоплению информации и знаний в виртуальном пространстве. При этом сеть Интернет не воспринимается как инструмент для оптимизации учебной или профессиональной деятельности в плане информационно-поисковой активности, предпочтение отдается реальному пространству. Средний уровень значимости ценности информационной доступности заключается в восприятии виртуального пространства как среды, в которой можно искать и находить новую информацию для развития, обучения или профессиональной деятельности, поиск которой невозможен или сложно-реализуем в реальном пространстве. Высокий уровень значимости ценности информационной доступности заключается в сильно выраженном стремлении искать информацию именно в сети Интернет, обучаться и работать в виртуальном пространстве. При этом нивелируется значимость поисковой активности и желания учебной и профессиональной деятельности в реальном пространстве.

Низкий уровень значимости ценности развлечений заключается в отсутствии интереса к рекреационной деятельности в виртуальном пространстве. При этом сеть Интернет не воспринимается как площадка для отдыха или игровой деятельности, предпочтение отдается реальному пространству. Средний уровень значимости ценности развлечений заключается в ситуативном использовании виртуального пространства для рекреационной деятельности: поиска развлекательного контента, сетевых игр и т.д. При этом в данном процессе сеть Интернет воспринимается как площадка, равнозначная реальному пространству. Высокий уровень значимости ценности развлечений заключается в устойчивом стремлении проводить большую часть рекреационной деятельности в виртуальном пространстве. При этом наблюдается желание пользоваться интернет-ресурсами развлекательного контента, сетевыми играми и т.д. Сеть Интернет при этом становится более приоритетной площадкой для развлечений по сравнению с реальным пространством.

Выводы

Таким образом, можно сделать вывод о том, что на данном этапе развития социума и расширения его жизненного пространства за счет социокультурной среды сети Интернет все более актуальной становится проблема изменения ценностно-смысловой сферы личности интернет-пользователя. При переходе из реального пространства в сеть Интернет, система ценностей и смыслов претерпевает изменения и приобретает новые компоненты, проявляющиеся исключительно в виртуальной среде. Несмотря на большое количество исследований, посвященных данной проблеме, можно отметить отсут-

ствие комплексного инструментария, предназначенного для диагностики психологических особенностей ценностно-смысловой сферы личности интернет-пользователя.

Предлагаемый авторский исследовательский опросник «Ценностно-смысловая сфера личности в интернет-пространстве» призван выявить ценности-действия и ценности-убеждения, проявляющиеся в интернет-пространстве. В ходе исследования с помощью математических методов было определено, что он соответствует требованиям валидности и надежности, вследствие чего может быть использован в ходе психодиагностической работы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Войскунский А.В. Становление киберэтики: исторические основания и современные проблемы / А.Е. Войскунский, О.А. Дорохова // Вопросы философии. – 2010. – № 5. – С. 69-83
2. Кузьмина С.В. Влияние социальных сетей на мировоззрение студентов / С.В. Кузьмина, М.А. Реснянская // Молодой ученый. – 2016. – № 9 (113). – С. 61-63.
3. Майкова В.П. Виртуально-информационный контент формирования духовно-нравственных ценностей личности / В.П. Майкова, Э.М. Молчан, П.Н. Тихвинский // Вестник тверского государственного университета. серия: философия. – 2020. – № 3 (53). – С. 74-81.
4. Лучинкина А.И. Информационно-психологическая безопасность личности в интернет-пространстве / А.И. Лучинкина, Т.В. Юдеева, В.Р. Ушакова. – Симферополь: ДИАЙПИ, 2015. – 151 с.
5. Молчан Э.М. Влияние цифровизации на формирование духовно-нравственных ценностей субъектов взаимодействия в эпоху глобализации / Э.М. Молчан // Вестник московского государственного областного университета. Серия: философские науки. – 2019. – № 2. – С. 55-66.
6. Патрикеева Э.Г. Влияние виртуального пространства сети Интернет на жизненные ценности современной молодежи / Э.Г. Патрикеева, О.А. Соловьева, Т. А. Селезнева // Молодой ученый. – 2015. – № 10 (90). – С. 1342-1346.
7. Фетисова О.В. Влияние виртуального пространства на ценностные ориентации современной российской молодежи / О.В. Фетисова // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2017. – № 10. – С. 84-90.

© Зекерьяев Руслан Ильвисович (ruslan51291@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ДИСФУНКЦИИ ВО ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ У ПАРТНЕРОВ НАРЦИССИЧЕСКОГО И МАЗОХИСТИЧЕСКОГО ТИПОВ ЛИЧНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА СОВРЕМЕННОГО ФЭНТЕЗИ)

Каяшева Ольга Игоревна

*доцент, Московский государственный
областной университет
art1230@list.ru*

DYSFUNCTIONS IN RELATIONSHIPS BETWEEN PARTNERS OF NARCISSISTIC AND MASOCHISTIC PERSONALITY TYPES (BY THE EXAMPLE OF THE ANALYSIS OF MODERN FANTASY)

O. Kayasheva

Summary: Dysfunctions in the relationship between partners of narcissistic and masochistic types are caused by the specific features of their personality and traumatic experience of interaction with significant social environment. The article analyzes the works of modern fantasy as the quintessence of the authors' ideas about the development of relations between masochistic women and narcissistic men. The types of relationships in a narcissistic-masochistic couple in female fantasy are highlighted: as a projection of the need of masochistic women to establish maximum dependence on them of a narcissistic partner (the formation of a «true couple»), as a woman's adjustment to the needs of a partner and absorption by him, as a catalyst for the process of achieving personal maturity by a woman (and in some cases a partner— narcissist) through overcoming difficult life situations, as a result of the erroneous projection of a narcissistic man and his choice of a woman of a non-masochistic type with subsequent family conflicts and the desire to subordinate the chosen one. The propensity to perceive women as a means of satisfying their own needs and maintaining a grandiose Self are noted as distinctive characteristics of a male fantasy with a narcissistic hero.

Keywords: psychoanalysis, character, defense mechanisms, developmental trauma, masochism, narcissism.

Аннотация: Дисфункции в отношениях между партнерами нарциссического и мазохистического типов обусловлены специфическими особенностями их личности и травматическим опытом взаимодействия со значимым социальным окружением. В статье проанализированы произведения современного фэнтези как квинтэссенции представлений авторов о развитии отношений женщин мазохистического и мужчин нарциссического характеров. Выделены типы отношений в нарциссически-мазохистической паре в женском фэнтези: как проекции потребности женщин мазохистического типа в установлении максимальной зависимости от них нарциссического партнера (формирование «истинной пары»), как подстраивания женщины под потребности партнера и поглощения им, как катализатора процесса достижения личностной зрелости женщиной (и в некоторых случаях партнера— нарцисса) через преодоление сложных жизненных ситуаций, как результирующее ошибочной проекции нарциссического мужчины и выбора им женщины не мазохистического типа с последующими семейными конфликтами и стремлением подчинения избранницы. В качестве отличительных характеристик мужского фэнтези с нарциссическим героем отмечены склонность к восприятию женщин как средства удовлетворения собственных потребностей и поддержания грандиозного Я.

Ключевые слова: психоанализ, характер, защитные механизмы, травма развития, мазохизм, нарциссизм.

Введение

Нарциссический и мазохистический типы партнеров являются одними из самых сложных в процессе оказания психологической помощи в связи с их патологическими взаимозависимыми отношениями, личностной незрелостью и склонностью к использованию ряда защитных механизмов. В классических и современных психоаналитических концепциях раскрываются особенности предложенных типов характера, изучаются основные проблемы мазохистической и нарциссической личности, но остаются не изученными и не систематизированными представления авторов различных литературных жанров о феномене взаимоотношений в нарциссически-мазохистической паре.

Проблематика нарциссической личности проявляется в специфическом комплексе объединяющем – самолюбленность, завышенную самооценку, эгоцентризм, стремление продемонстрировать свое превосходство и произвести благоприятное впечатление и убеждение в праве на особое отношение со стороны окружающих людей. Наблюдаются противоречия в сверхчувствительности к критике, отношению, ожиданиям других и выраженной нечувствительности к проблемам других [6], в том числе, близких людей (супруга, детей и т.д.). Склонность к соперничеству исходит от желания нарциссической личности вызывать восхищение окружающих и подтверждать свое превосходство [5].

Для достижения цели нарциссической личности гото-

вы к использованию различных средств, к манипуляции, агрессии, запугиванию других и др. Противоречивость и многогранность нарциссической личности осложняет процесс ее изучения. В некоторой степени нарциссизм, как личностное свойство, присутствует у здорового человека, но нарциссизм может переходить в то же время в контекст клинической психологии и психотерапии и в данном случае в практике мы встречаемся с нарциссическим расстройством личности. Нарциссизм положительно коррелирует с враждебностью, нейротизмом, доминированием, толерантностью к неопределенности (кроме сферы межличностных отношений), у нарциссической личности отмечаются склонность к манипулированию, экстраверсия, открытость новому опыту и др. С возрастом отмечается снижение уровня нарциссизма [4].

Мазохизм представляет собой естественную часть человеческой природы, поскольку человеку постоянно приходится испытывать сложности на работе и в быту [2]. Мазохистическая личность не менее сложна в психологической практике, чем нарциссическая, поскольку для нее характерны низкая активность, искаженное восприятие реальности, непринятие самой себя, что становится основой для самоуничужения, неуважения к самой себе и неуважения со стороны окружающих. Партнер-нарцисс рядом с человеком с мазохистическими характерологическими особенностями может требовать от него полной самоотдачи, жертвенности ради удовлетворения своих потребностей.

Организация исследования

Нами было проанализировано 200 произведений фэнтези российских авторов и авторов из стран СНГ (для работы мы взяли произведения, размещенные на сайтах - litnet.com, readli.net, knigolub.net и mir-knig.com), из них отобраны для анализа 60 произведений с партнерами, имеющими выраженную нарциссическую и мазохистическую проблематику. Были сформулированы основные задачи исследования: провести анализ мужского и женского фэнтези с сюжетами, включающими партнеров – мужчин нарциссического и женщин мазохистического типов личности; выявить психологические особенности главных героев произведений нарциссического и мазохистического типов личности; определить специфику развития отношений в парах героев и основные результирующие отношения в изучаемых произведениях.

Результаты анализа произведений жанра фэнтези

Нарциссический тип является преобладающим в современном фэнтези при описании главных героев, которые описываются как властные, имеющие высокие социальный статус, доход и различные привилегии. Грандиозный нарциссизм в фэнтези часто обнаружива-

ется у «властного героя», который был единственным ребенком в семье. Тем не менее, социальный стереотип о нарциссизме таких людей не подтвержден в исследовании М. Dufner с коллегами. Единственные дети не превосходили по нарциссизму тех, кто воспитывался с братьями и сестрами [6].

Образ нарциссического героя в женском фэнтези часто описывается через восприятие главных героинь, склонных ожидать от мужчины «отцовских инвестиций», поддержки, любви и др., как физически и сексуально привлекательный, манипулирующий другими людьми. В период знакомства нарциссический герой мог вызывать негативные реакции у героини, но затем в связи проецированием на него своих желаний героиня утрачивала возможность реалистично оценивать партнера, полностью ему подчинялась, погружаясь в свои переживания, теряя себя как личность.

В мужском фэнтези главный герой часто теряет связь со своим реальным Я, все больше закрываясь от мира нарциссической маской. Фальшивое Я нарцисса позволяет ему демонстрировать окружающим свою уникальность, превосходство над всеми. Герои-нарциссы описываются как успешные правители, войны и др., привлекательные для женщин. Для оправдания своих действий (войн, захвата территорий, насилия и др.) нарциссическими личностями используется ряд защитных механизмов – отрицание, вытеснение, интеллектуализация, обесценивание и пр. Нарциссической личностью является главный герой произведения Д. Шелега «Нелюль», который прошел сложный путь от ребенка из трущоб до барона, купившего титул и объединяющего многочисленные территории под своей властью.

Причины особенностей характеров героев и их поведения раскрывают в фэнтези при описании их прошлого (отношений с прародителями, родителями, полученными психотравмами в период войн, насилия в семье и др.). Семейные дисфункции описаны в произведении С. Субботы «Демон чужого мира». Героиня вспоминает опыт отношений бабушки и дедушки, утверждающего, что всегда и во всем виновата его жена, что она его «вечно выводит из себя», «отвлекает» и именно женщины традиционно «виноваты во всем».

При описании мазохистической личности в процессе анализа мы часто приходим к видоизмененному описанию сценария о Золушке, изначально отличающейся терпением, толерантностью к нарушению собственных психологических границ, к агрессии, к манипуляциям со стороны окружающих. У Н. Мамлеевой в книге «Золушка в Академии Ледяного дракона» героиня склонна к мазохистическим переживаниям. Потеряв на балу заколку, она ожидает от героя необходимой активности, принятия себя и отвержения избранником самозванки, но дра-

кон не узнает героиню и считает самозванкой именно ее.

Мазохистическую героиню могут наказывать за ошибки родителей. Причины жизненных трудностей героини описаны Н. Волгиной «В объятиях дракона», которую нарциссический мститель наказывает за то, что ее мать (и его сестра) забеременела и умерла при родах. Воображаемая вина за факт рождения, несвоевременное рождение и неправильное рождение передана девушке. Героиня показывает необычайное терпение, выносливость, проходит через испытания, поставленные нарциссическим партнером, и вступает с ним в близкие отношения (но при этом партнер не готов снять свою нарциссическую маску).

У А. Эванс «Сбежавшая жена Черного дракона» девушка похищена черным драконом, повелителем клана со своей свадьбы. Он хотел убить похищенную через ритуал женитьбы с ним, чтобы наказать ее как дочь преступника-отца, но девушка оказалась его истинной парой, и наказывающий сам перешел в зависимое от нее положение. В книге А. Платуновой «Тот, кто меня убил» героиня насильно выдана замуж за дракона, беременность жен драконов всегда заканчивается смертью женщин. Героиня проходит через период трудных, конфликтных отношений с мужем. Сложные качественные психологические изменения, взросление, экстремальные ситуации, сопряженные со встречей экзистенциальными кризисами, проживают оба партнера.

В произведении Л. Вайс «Ведьма тебе в помощь» заключены фиктивные брачные отношения между супругами. В качестве подарка муж-нарцисс дарит супруге отремонтированный дом чернокожника, он планирует забрать у нее редкий дар, обманом путем вступил с ней в сексуальные отношения и, несмотря на нежелание героини в ближайшее время рожать ребенка, способствовал ее беременности. Героиня некоторое время оказывала сопротивление своему супругу, далее приняла его таким, как есть с нарциссическими особенностями поведения, не акцентируя внимание на собственных потребностях.

Отношения в нарциссически-мазохистической паре развиваются в женском фэнтези по следующим основным типам:

1. Взаимозависимость партнеров друг от друга; при этом нарцисс часто начинает сильнее зависеть в процессе развития отношений от женщины, чем она от него в результате создания «истинной пары» и др. (произведение А. Эванс «Дракон не отдаст своё сокровище»). Часто разрыв отношений возможен только со стороны супруги, невесты, при этом разрыв отношений может завершиться гибелью партнера-нарцисса («от тоски», «от нарушения магического потока» и пр.). Героиня получает свои дивиденды, удовлетворяет потребности

в нужности кому-либо, любви и др. Данный вариант является проекцией потребностей женщин мазохистического типа в привязанности к себе партнера и не всегда соответствует реальным взаимоотношениям в нарциссически-мазохистической паре. Партнер-нарцисс часто оставляет пару в случае ее неспособности продолжать отдавать необходимые ему любовь, восхищение, признание и поддержку в отношениях.

2. Женщина мазохистического типа постепенно начинает подстраиваться под нарциссического партнера, забывает о противоречиях в отношениях и перестает замечать эгоцентризм и склонность к манипуляции нарцисса, чувствует себя счастливой, т.к. «нужна партнеру», или «не видит» проблем, погружаясь в работу, уход за ребенком и полагая, что все в отношениях с супругом хорошо, дистанцируется от реальной ситуации, используя многочисленные защиты (отрицание, проекцию и др.) (пример книги Л. Вайс «Ведьма тебе в помощь»).
3. Третий вариант менее распространен в фэнтези и предполагает, что пройдя через серию кризисных периодов, женщина психологически взрослеет и отношения с нарциссическим партнером:
  - для нее теряют какую-либо привлекательность; герой-нарцисс теряет контроль над ранее зависимой от него женщиной (например, произведение А. Найт «Восстающая из пепла»);
  - качественно меняются и результатом становится то, что герой-нарцисс также взрослеет, желая остаться рядом с любимой женщиной, изменяется его тип отношений с невестой или женой (фэнтези А. Эванс «Сбежавшая жена Черного дракона»).
4. Четвертый вариант – нарциссический властный герой изначально выбирает в супруги легкоуправляемую, удобную женщину, ему безразличны чувства героини. Брак осуществляется по расчету, приказу короля и др. В фэнтези Ф. Вудворт «Замуж второй раз, или Ещё посмотрим, кто из нас попал!» муж героини Максимилиан пытается подобрать такую супругу, но встречает сопротивление от женщины с первых дней брака, не желающей принимать мазохистически-покорный сценарий семейных отношений. Героиня, проходит через сексуальное и психологическое насилие, покушение со стороны врагов мужа, потерю ребенка и в результате умело использует слабости инфантильного героя против него самого и возвращается в свой мир с другом Максимилиана - Дениэлем. Фэнтези данного типа могут иметь иное завершение – героиня принимает новую роль хорошей, удобной жены и является безвольным элементом холодного, рационального мира нарциссического героя.

Нарциссический тип характера у мужчин.

Властный и эгоистичный герой (король, принц, герцог, граф, темный маг, демон, дракон, эльф и пр.).

- **Партнер в паре как средство удовлетворения потребностей (в грандиозности, значимости и др.).**
- **Психологическая незрелость героя.**
- Пренебрежение интересами своей пары, ориентация на собственные потребности.
- Ожидание того, что героиня будет соответствовать его нормам и правилам, обвинение пары в случае несовпадении ожиданий с реальностью.
- Использование - насилия, манипуляции, критики, обесценивания партнера, шантажа, похищения и др.
- Включение партнера в дисфункциональный тип отношений, в котором жертва зависима от нарцисса и не способна быть самостоятельной.
- Использование нарциссического маятника - идеализации и обесценивания партнера.
- Испытывает сложности с пониманием эмоционального состояния партнера, не способен к доверительным, близким отношениям, уход от конструктивного решения межличностных конфликтов.
- Склонность брать от отношений с партнером.

Мазохистический тип характера у женщин.

В основе фэнтези - мазохистические сценарии сказок о Русалочке (жертвенная, безответная любовь), Золушке (пренебрежение в семье и ожидание мужчины, который удовлетворит потребности в любви и принятии) и др.

- **Партнер как иллюзорное средство удовлетворения потребностей в любви, принятии и др.**
- **Психологическая незрелость героини.**
- Нахождение родительской фигуры в нарциссическом мужчине.
- Инфантильное желание получить от эмоционально холодного партнера (как ранее от родителя) любовь посредством игнорирования собственных интересов и посвящения себя другому в ожидании возврата инвестиций.
- Склонность к самообвинениям, депрессивным состояниям в ситуациях конфликтов с нарциссическим мужчиной.
- Испытывает сложности с защитой себя, своих интересов.
- Ожидание изменений со стороны партнера, влечение к нему, склонность к слиянию с другим, проблемы с построением собственных психологических границ.
- Склонность отдавать в отношениях с партнером.

Рис. 1. Взаимосвязи в нарциссически-мазохистической паре в произведениях фэнтези

В отличие от женского, в мужском фэнтези:

1. Сценарий характеризуется, как правило, выраженным «единообразным развитием». Внимание не акцентируется на взаимоотношениях с парой (невестой, супругой), нарциссический герой воспринимает героиню как дополнение к своим победам, важны в отношениях моменты, связанные с тем, что женщина подчеркивает достоинства мужчины, его превосходство над другими (своей красотой, даром, статусом и пр.).
2. Герой-нарцисс в мужском фэнтези часто начинает как никто и ничто. В фэнтези «про попаданство» он переносится в мир других возможностей, приобретает новое тело, сверхспособности, магию, бескорыстных помощников, самое лучшее в мире оружие, самого дорогого и красивого коня и др. Герой занимается значимыми проблемами (подготовкой армии, борьбой за трон, объединением государств, миссией по спасению или отмщению и др.), в финале получает все желаемое, включая самую красивую, статусную жену. Для нарциссической личности раскрываются возможности для компенсации и гиперкомпенсации своих психо-

логических проблем.

3. Для героя-нарцисса, в отличие от женских персонажей, не характерны глубокие самоанализ и склонность к самопониманию, желание нивелировать результирующие травмы использованного ребенка, что не позволяет изменяться герою, он лишь временно компенсирует травматический опыт очередными достижениями и увеличивает резервы своей силы, выносливости и др.
4. В героине нарциссу важны верность, поддержка в различных сложных жизненных ситуациях, любовь к герою, готовность жертвовать собой, сексуальность, красота. Тем не менее, взаимоотношения также могут претерпевать изменения через прохождение героем через сложные кризисы, приводящие к устранению фальшивых Я и обращению к значимым жизненным ценностям.

В перспективах продолжения нашего исследования анализ особенностей развития отношений партнеров нарциссического, мазохистического и других типов личности (шизоидного, истериоидного и др.) в фэнтези и в различных современных литературных жанрах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Джонсон С.М. Психотерапия характера. М.: Центр психологической культуры, 2001. 356 с.
2. Коуэн Л. Мазохизм: юнгианский взгляд: монография. М.: Когито-Центр, 2005. 159 с.
3. Кохут Х. Анализ самости: Систематический подход к лечению нарциссических нарушений личности. М.: Когито-Центр, 2003. 308 с.
4. Красавцева Ю.В., Корнилова Т.В. Нарциссизм как «светлый» аспект в Темной Триаде // Консультативная психология и психотерапия. 2019. Т. 27. № 4. С. 65-80. doi: 10.17759/cpp.2019270405
5. Back M.D. The narcissistic admiration and rivalry concept. // In A.D. Hermann, A. Brunell, & J. Foster (Eds.). The handbook of trait narcissism: Key advances, research methods, and controversies. New York, NY: Springer 2018. pp. 57–69.
6. Dufner M., Back M.D., Oehme F.F., Schmukle S.C. The End of a Stereotype: Only Children Are Not More Narcissistic Than People With Siblings // Social Psychological and Personality Science. 2019. 11(3). pp. 1–9. <https://doi.org/10.1177/1948550619870785>.

© Каяшева Ольга Игоревна (art1230@list.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КОММУНИКАТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ МОЛОДЕЖИ, ПРЕДПОЧИТАЮЩЕЙ ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ И ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ ЭМОДЖИ В ИНТЕРНЕТ- КОММУНИКАЦИИ

COMMUNICATION PECULIARITIES OF YOUTH PREFERING POSITIVE AND NEGATIVE EMOJI IN INTERNET COMMUNICATIONS

L. Kozlova
A. Kostrigin

Summary: The article discusses the features of communication on the Internet. One of the main characteristics of Internet communication is the use of emoji as a means of conveying non-verbal information and the emotional state of interlocutors. The problem of understanding and perception of emoji by a person is posed, and their role in interpersonal communication is discussed, various types of emoji (positive and negative) are distinguished. It is suggested that the preference for different types of emoji in Internet communication may be due to the communicative characteristics of the individual (emotional awareness, the ability to manage one's own emotions, empathy, style of interpersonal relationships, etc.). The study revealed differences in the level of expression of communicative features in young people who prefer different types of emoji, and the relationship of the noted personality characteristics.

Keywords: communication traits, emoji, Internet communication, emotional intelligence, aggressiveness, style of interpersonal relationships.

Козлова Лидия Владимировна

Российский государственный университет
им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство) (Москва)
lidiakozlova@bk.ru

Костригин Артем Андреевич

К.псих.н., доцент, Российский государственный
университет им. А.Н. Косыгина
(Технологии. Дизайн. Искусство) (Москва)
artdzen@gmail.com

Аннотация: В статье рассматриваются особенности коммуникации в сети Интернет. Одной из основных характеристик Интернет-коммуникации является использование эмоджи как средства передачи невербальной информации и эмоционального состояния собеседников. Ставится проблема понимания и восприятия эмоджи человеком, а также обсуждается их роль в межличностном общении, выделяются различные виды эмоджи (положительные и отрицательные). Высказывается предположение о том, что предпочтение разных видов эмоджи в Интернет-общении может быть обусловлено коммуникативными характеристиками личности (эмоциональной осведомленностью, способностью управлять собственными эмоциями, эмпатией, стилем межличностных отношений и др.). В ходе проведенного исследования выявлены различия в уровне выраженности коммуникативных особенностей у молодых людей, предпочитающих различные виды эмоджи, и взаимосвязи отмеченных характеристик личности у двух сравниваемых групп.

Ключевые слова: коммуникативные особенности, эмоджи, Интернет-коммуникация, эмоциональный интеллект, агрессивность, стиль межличностных отношений.

Введение

Общение является неотъемлемой частью жизни человека. Оно составляет социальную сторону жизни индивида, обеспечивая межличностные взаимоотношения. В настоящее время способы коммуникации дополнились одновременно знакомым и новым видом взаимодействия – коммуникацией в Интернет-среде. Интернет-коммуникация является проекцией реальной коммуникации в цифровое пространство; она включает в себя и перцептивную сторону, однако процесс этот имеет свои особенности. Одной из таких особенностей является передача экспрессии и эмоционального компонента посредством специальных графических изображений – эмоджи. Все больше Интернет-пользователей используют эмоджи в переписке; последние становятся визуальными знаками, которые в реальной жизни передают лицо и жесты.

Однако актуальной проблемой являются различные коммуникативные сложности, связанные с пониманием и восприятием эмоджи, о которых говорят как исследователи, так и сами Интернет-пользователи [16]. В данном исследовании мы предполагаем, что эта проблема может быть связана с коммуникативными особенностями личности.

Коммуникативные особенности личности – это совокупность устойчивых индивидуально-психологических характеристик, акцентуаций и свойств, которые обеспечивают успешность межличностной и социальной коммуникации. При исследовании особенностей личности в процессе общения отечественные и зарубежные исследователи останавливались на изучении отдельных коммуникативных характеристик, так как этого требовало понимание природы общения в целом. Например, выделяют три подхода в исследовании коммуникативных свойств личности в общении: аналитический, поликом-

понентный и системный [10; 11]. В рамках аналитического подхода исследовались отдельные коммуникативные свойства или стороны общительности, а также эмпатии и уверенности в себе. При поликомпонентном подходе изучается сразу несколько граней коммуникативных свойств, например, сопоставляют динамические и эмоциональные признаки общительности [5; 6; 14]. Системный же подход исследовал структурное единство компонентов общения [1, с. 65].

Под коммуникативными особенностями в нашей работе мы будем понимать эмоциональную осведомленность, способность управлять собственными эмоциями, эмпатию, распознавание эмоций других людей, уровень агрессивности личности и стиль межличностных отношений, характерный для конкретной личности.

Роль эмоционального реагирования в межличностном общении очень многогранна. В нее входят и индивидуальная оценка эмоционального события, и создание первого впечатления о человеке, и некоторое воздействие, направленное на субъекта восприятия эмоций. В этом выражается связь с сигнальной функцией эмоций [9; 12]. В процессе общения эмоции выполняют и функцию регуляции, заключающуюся, например, в координации экспрессии и установлении очередности вербализации тех или иных экспрессивных высказываний. В процессе реальной коммуникации собеседники сосредоточивают свое внимание в основном на лицах друг друга. Мимика, являясь невербальным компонентом общения, транслирует чувства собеседника, несет большую эмоциональную нагрузку и, таким образом, конструирует эмоциональный настрой (фон) общения [7]. Навыки невербальной коммуникации специфически формируются во многих областях практической деятельности человека. Приобретается навык разбираться в эмоциональных проявлениях партнеров по общению. Для их изучения российские и зарубежные исследователи стали создавать соответствующие методики [2]. Мимика может служить подтверждением вербальной составляющей, то есть «дублировать» слова говорящего, делая их более выразительными или наоборот опровергать, выдавая скрытые намерения собеседника. Это обуславливает ее значимость для межличностной коммуникации.

В Интернет-коммуникации, которая в настоящее время чаще всего осуществляется с помощью мессенджеров для текстового общения, невербальная коммуникация представлена не экспрессией лица, а графическими изображениями – эмоджи. «Эмоджи» – графический символ, идеограмма, представляющая не только выражение лица, но и содержание эмоций, чувств, действий [3]. «Эмоджи» появились в начале 1970-х гг. и приобрели мировую популярность после включения в Unicode [15]. Эмоджи подразделяются на виды по тематике и типу изображений – лица и люди, животные и природа, еда

и напитки, активность, символы, объекты и др. С точки зрения семиотики, эмоджи рассматриваются как особый знак, у которого есть собственная форма, семантика и особенности употребления.

В книге «Семиотика эмоджи» М. Данези описывает свое исследование переписок порядка 300 человек, в котором им было выявлено, что эмоджи в коммуникации являются эквивалентом ведения светской беседы. Они способствуют установлению контакта и поддержанию дальнейшего общения между собеседниками [16]. Кроме того, Данези выделяет три основных сценария использования эмоджи – начало общения, окончание общения, избегание молчания. В зависимости от них люди отправляют эмоджи вместо приветствия, конечного пунктуационного знака или как заполнение паузы, они являются верификатором доброжелательных отношений или нейтрализатором дискомфорта.

Российские исследователи Е.Г. Хозе, Е.А. Лупенко и М.М. Маринова провели сравнительный анализ семантических профилей эмоджи и вербальных обозначений базовых эмоций [13]. Из 9 эмоций, представленных тремя изображениями разной степени выраженности, релевантными по всем трем изображениям оказались только три (радость, отвращение, печаль). Таким образом, можно сделать вывод о недостаточной проработанности изображений, которая и может приводить к неоднозначной трактовке смыслового содержания эмоджи.

На основании представленных выше исследований нами было сформулировано предположение о том, что выбор средств эмоциональной выразительности (эмоджи) в Интернет-коммуникации может быть обусловлен коммуникативными особенностями личности. В зависимости от того, какие коммуникативные свойства личности являются ведущими, изменяется стиль его эмоционального реагирования и появляется желание подчеркнуть свою доброжелательность или негативный настрой. Так, демонстрация положительного или отрицательного (враждебного) фона общения может различаться при различных стилях межличностных отношений или уровнях агрессивности. Кроме того, на использование эмоджи может влиять и способность эффективно распознавать свои эмоции, так как при выборе эмоджи человек будет руководствоваться личными представлениями о том, что он испытывает. Данное исследование направлено на выявление коммуникативных особенностей личности молодежи, использующей различные виды эмоджи.

Материалы и методы

Исследование проводилось на российской молодежи. Выборка состояла из 84 человек в возрасте от 17 до 25 лет, среди которых 69 человек (82,1%) испытуемых

были женского пола, а 15 (17,9%) – мужского пола. Средний возраст выборки – 19,7 лет.

В качестве методов эмпирического исследования были выбраны следующие методики: «Тест на эмоциональный интеллект» (Н. Холл), «Диагностика межличностных отношений» (Т. Лири, Г. Лефорж, Р. Сазек), «Диагностика коммуникативной агрессивности» (В. Бойко). С помощью этих методик выявлялись такие показатели, как общий уровень эмоционального интеллекта, эмоциональная осведомленность, способность управлять собственными эмоциями, эмпатия, распознавание эмоций других людей, степень коммуникативной агрессивности и используемые стили межличностного взаимодействия. Эти свойства, как мы полагаем, могут быть связаны с предпочтениями в выборе эмоджи, так как они определяют характер эмоциональных реакций личности, который может быть связан с уровнем агрессивности, степенью осознания своих эмоций и эмоций партнера по коммуникации, уровнем эмоциональной чувствительности и др.

Для данного исследования был разработан стимульный материал, который включал в себя отобранные изображения из стандартизированного для различных устройств набора эмоджи [4]. При подготовке стимульного материала было выбрано 20 изображений эмоджи исходя из соответствия их базового значения, указанного разработчиками, набору базовых эмоций по К. Изарду [8]. Затем выбранные изображения были разделены на две группы – экспрессии положительного («Крайне открытая радость», «Радость до холодного пота», «Радость до слез», «Счастье», «Большое счастье», «Подмигивает», «Смотрит влюбленными глазами», «Воздушный поцелуй», «Поцелуй со счастьем», «Хитрая ухмылка с сексуальным или самодовольным подтекстом») и отрицательного характера («Сварливость и недовольство», «Печаль, задумчивость, раскаяние», «Стыд», «Горе», «Крайняя степень недовольства», «Очень большой страх или душа ушла в пятки», «Большой страх до холодного пота», «Рыдаю в захлеб», «Презрение или скука», «Конфуз, неожиданная ситуация, ошибка»), так же согласно классификации К. Изарда. Каждая группа включает по 10 изображений эмоджи.

В ходе исследования респонденты должны были выбрать 5 наиболее предпочитаемых ими изображений эмоджи. Затем на основании результатов данного этапа выборка была разделена на две группы: молодых людей, предпочитающих преимущественно положительные эмоджи, и молодых людей, предпочитающих преимущественно отрицательные эмоджи. К первой группе было отнесено 69 испытуемых, ко второй группе – 15.

Для статистической обработки результатов исследования использовались непараметрический критерий

У Манна-Уитни и коэффициент ранговой корреляции r Спирмена.

Результаты исследования

Результаты исследования личностных характеристик молодежи, предпочитающей положительные (группа 1) и отрицательные эмоджи (группа 2), представлены в табл. 1, 2 и 3.

Таблица 1.

Особенности эмоционального интеллекта у молодежи, предпочитающей положительные и отрицательные эмоджи

Шкала	Группа 1	Группа 2	Уровень значимости различий P
Эмоциональная осведомленность	8,00	7,86	0,1108
Управление своими эмоциями	-0,55	-2,14	0,7384
Самомотивация	4,93	5,29	-0,1820
Эмпатия	9,32	8,36	0,5797
Распознавание эмоций других людей	8,64	5,64	0,0476*
Интегративный эмоциональный интеллект	30,33	25,00	0,8410

* - статистически значимые различия

В результате сравнения сформированных групп по шкалам методики «Тест на эмоциональный интеллект» Н. Холла было получено одно значимое различие по шкале «Распознавание эмоций других людей». Это означает, что молодые люди, предпочитающие положительные эмоджи, лучше распознают эмоции другого человека, чем те, кто предпочитает отрицательные эмоджи. Можно предположить, что это связано с их заведомо положительным отношением к своему собеседнику, что может способствовать более чуткому восприятию эмоций другого.

Было выявлено статистически значимое различие по шкале «Расплата за агрессию» у двух групп молодежи. Это свидетельствует о том, что молодежь, предпочитающая положительные эмоджи, испытывает более выраженные переживания по поводу возможной расплаты за проявление агрессивности, поэтому может смягчать коммуникацию с помощью положительных эмоджи, стараясь избежать конфликта на этой почве.

По методике «Диагностика межличностных отношений» было установлено различие в выраженности авторитарного стиля межличностного взаимодействия у двух групп испытуемых. Показатель по данной шкале у молодежи, предпочитающей положительные эмоджи,

значительно выше, чем у другой группы. Это говорит о том, положительные эмоджи чаще предпочитают использовать молодые люди с преобладающим авторитарным стилем общения. Можно предположить, что таким образом они пытаются «сгладить углы», возникающие при проявлении данного стиля в общении.

Таблица 2.

Особенности коммуникативной агрессивности у молодежи, предпочитающей положительные и отрицательные эмоджи

Шкала	Группа 1	Группа 2	Уровень значимости различий Р
Спонтанность агрессии	2,99	3,21	0,4806
Неспособность тормозить агрессию	1,90	2,00	0,8267
Неумение переключать агрессию на деятельности или неодушевленные объекты	2,77	2,57	0,5635
Анонимная агрессия	1,04	1,50	0,1496
Провоцирование агрессии у окружающих	2,07	2,21	0,6484
Склонность к отраженной агрессии	2,43	2,71	0,5968
Аутоагрессия	2,61	2,79	0,6882
Ритуализация агрессии	0,93	1,43	0,1412
Перенятие агрессии толпы	0,81	1,07	0,4117
Удовольствие от агрессии	1,19	1,21	0,8220
Расплата за агрессию	2,33	1,57	0,0488*
Общий уровень агрессии	21,07	22,29	0,4844

* - статистически значимые различия

Таблица 3.

Особенности выраженности стилей межличностного взаимодействия у молодежи, предпочитающей положительные и отрицательные эмоджи

Шкала	Группа 1	Группа 2	Уровень значимости различий Р
Авторитарный	4,86	2,93	0,0216*
Эгоистичный	4,01	3,14	0,1806
Агрессивный	3,55	3,00	0,3128
Подозрительный	4,04	3,86	0,5391
Подчиняемый	4,77	5,00	0,6010
Зависимый	4,46	4,57	0,7427
Дружелюбный	6,10	6,14	0,7891
Альтруистический	6,12	6,29	0,7704

* - статистически значимые различия

Результаты определения взаимосвязей между коммуникативными характеристиками у молодежи, предпочитающей положительные и отрицательные эмоджи, представлены в табл. 4 и 5.

Таблица 4.

Результаты корреляционного анализа показателей эмоционального интеллекта, коммуникативной агрессивности и стилей межличностных отношений у молодежи, предпочитающей положительные эмоджи

Показатели	Коэффициент корреляции r, p<0,05
Спонтанность агрессии – Управление своими эмоциями	-0,54
Неспособность тормозить агрессию – Управление своими эмоциями	-0,33
Провоцирование агрессии у окружающих – Управление своими эмоциями	-0,33
Аутоагрессия – Управление своими эмоциями	-0,42
Общий уровень агрессии – Управление своими эмоциями	-0,47
Неспособность тормозить агрессию - Самомотивация	-0,30
Неспособность тормозить агрессию - Распознавание эмоций других людей	-0,43
Неспособность тормозить агрессию - Распознавание эмоций других людей	-0,37
Общий уровень агрессии – Интегративный эмоциональный интеллект	-0,34
Расплата за агрессию – Дружелюбный	0,39
Общий уровень агрессии – Дружелюбный	0,34
Расплата за агрессию – Альтруистический	0,31

Большое количество корреляций установлено между шкалами методик «Тест на эмоциональный интеллект» и «Диагностика коммуникативной агрессивности». Самое высокое значение взаимосвязи выявлено между шкалами «Спонтанность агрессии» и «Управление своими эмоциями» (-0,54). Это означает, что чем выше спонтанность агрессии, тем ниже управление своими эмоциями. Можно предположить, что у данной группы это может проявляться в большом количестве употребляемых эмоджи во время вспышек гнева, что придает большую выразительность речи. Другие значимые показатели взаимосвязи установлены между шкалами «Неспособность тормозить агрессию» и «Распознавание эмоций других людей» (-0,43), «Общий уровень агрессии» и «Управление своими эмоциями» (-0,47). Эти корреляции являются отрицательными: чем выше у молодых людей аутоагрессия и общий уровень агрессии, тем ниже уровень умения управлять своими эмоциями. Можно предположить, что данная группа молодежи лучше справляется со своими отрицательными эмоциями и поэтому чаще использует позитивные выражения своих чувств.

Таблица 5.

Результаты корреляционного анализа показателей эмоционального интеллекта, коммуникативной агрессивности и стилей межличностных отношений у молодежи, предпочитающей отрицательные эмоджи

Показатели	Коэффициент корреляции r, p<0,05
Подозрительный – Эмоциональная осведомленность	0,71
Подчиняемый – Эмоциональная осведомленность	0,59
Эгоистичный – Эмоциональная осведомленность	0,56
Зависимый – Эмоциональная осведомленность	0,55
Анонимная агрессия – Самомотивация	-0,53
Неспособность тормозить агрессию – Интегративный эмоциональный интеллект	-0,54
Неспособность тормозить агрессию – Самомотивация	-0,61
Неумение переключать агрессию на деятельность или неодушевленные объекты – Самомотивация	-0,61
Спонтанность агрессии – Интегративный эмоциональный интеллект	-0,63
Неспособность тормозить агрессию – Эмпатия	-0,66
Дружелюбный – Распознавание эмоций других людей	-0,70
Авторитарный – Распознавание эмоций других людей	-0,71
Неумение переключать агрессию на деятельность или неодушевленные объекты – Интегративный эмоциональный интеллект	-0,73
Неумение переключать агрессию на деятельность или неодушевленные объекты – Управление своими эмоциями	-0,80

У группы молодых людей, предпочитающих отрицательные эмоджи, наиболее значимые корреляции выявлены между шкалами «Подозрительный стиль» и «Эмоциональная осведомленность» (0,71), «Неумение переключать агрессию на деятельность или неодушевленные объекты» и «Интегративный эмоциональный интеллект» (-0,73), «Неумение переключать агрессию на деятельность или неодушевленные объекты» и «Управление своими эмоциями» (-0,80).

Взаимосвязь между показателями «Подозрительный стиль» и «Эмоциональная осведомленность» означает то, что молодые люди, использующие подозрительность как тип межличностного взаимодействия, наиболее точно определяют свои эмоции. В Интернет-коммуникации это может проявляться в том, что, хорошо разбираясь в своих состояниях, молодые люди чаще используют отрицательные эмоджи для описания своих чувств, а также выражают этим свою настороженность в общении.

Корреляция между шкалами «Неумение переключать агрессию на деятельность или неодушевленные объек-

ты» и «Интегративный эмоциональный интеллект» является отрицательной: чем выше уровень эмоционального интеллекта молодого человека, тем лучше он справляется с переключением агрессии. Можно предположить, что молодые люди хорошо оценивают свои чувства и эмоции, и поэтому им легче справиться с их переживанием. В Интернет-общении это может проявляться в обильном употреблении эмоджи с негативной окраской в целях переключения своей агрессии, виртуальном ее выражении, избавления от «негатива».

Еще одна отрицательная корреляция, представляющая интерес для данного исследования, обнаружена между показателями «Неумение переключать агрессию на деятельность или неодушевленные объекты» и «Управление своими эмоциями». Это свидетельствует о том, что чем лучше человек управляет своими эмоциями, тем выше его умение переключаться во время вспышек гнева. Молодежь, предпочитающая отрицательные эмоджи, лучше управляет своими эмоциями и переключает агрессию.

Заключение

В настоящее время исследователями активно изучаются особенности межличностной коммуникации, в том числе особенности ее реализации в Интернете. До сих пор не сформулировано единое определение понятия «коммуникативные особенности», так как оно затрагивает широкий спектр личностных свойств, которые могут влиять на процесс общения. В цифровом общении существуют специфические способы передачи невербального компонента общения – эмоджи. Их можно дифференцировать по разным критериям на основе современных теорий эмоций, в том числе по эмоциональной окрашенности. Использование эмоджи как облегчает коммуникацию, так и порождает новые коммуникативные проблемы.

В результате проведенного исследования было установлено, что существуют различия в выраженности коммуникативных особенностей у молодых людей, предпочитающих различные типы эмоджи – положительные и отрицательные. При использовании авторитарного стиля межличностных отношений эти различия наиболее существенны.

Наконец, обнаружены корреляции внутри исследуемых групп. Данные корреляции свойственны лишь каждой из групп и не повторяют друг друга. Наиболее значимой корреляцией в группе, предпочитающей положительные эмоджи, является связь показателей «Спонтанность агрессии» и «Управление своими эмоциями», а в группе, предпочитающей отрицательные эмоджи, – «Неумение переключать агрессию на деятельность или неодушевленные объекты» и «Управление своими эмоциями».

ЛИТЕРАТУРА

1. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания // Ананьев Б.Г. Избранные психологические труды. В 2 тт. Т. 2. – М.: Педагогика, 1980. – 287 с.
2. Балин В.Д., Грантская Ю.В. Эмоции // Балин В.Д., Гайда В.К., Гербачевский В.К. Практикум по общей, экспериментальной и прикладной психологии. – СПб.: Питер, 2002. – С. 205-226.
3. Барабанщиков В.А. Восприятие и событие. – СПб.: Алетейя, 2002. – 512 с.
4. Все эмоджи. – URL: <https://unicode-table.com/ru/emoji/>
5. Жемчугова Л.В. Связь динамических качеств активности общения со свойствами нервной системы и темперамента // Психологические и психофизические индивидуальные различия в активности и саморегуляции поведения человека. – Свердловск: Свердловский педагогический институт, 1980. – С. 35-44.
6. Жемчугова Н.А. Специфика психологической структуры общительности юношей и девушек // Педагогическое образование в России. – 2019. – № 3. – С. 80-85.
7. Защирина О.В., Горбунов И.А. Эмоции в контексте невербальной коммуникации нормально развивающихся подростков и их сверстников с нарушением интеллекта // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. – 2009. – №3-2. – С. 174-185.
8. Изард К.Э. Психология эмоций. СПб.: Питер, 2000. – 460 с.
9. Ильин Е.П. Эмоции и чувства. СПб.: Питер, 2013. – 782 с.
10. Крупнов А.И. Психологические проявления и структура темперамента. – М.: Изд-во Российского университета дружбы народов, 1992. – 78 с.
11. Лисина М.И. Проблемы онтогенеза общения. – М.: Педагогика, 1986. – 143 с.
12. Симонов П.В. Теория отражения и психофизиология эмоций. – М.: Наука, 1970. – 141 с.
13. Хозе Е.Г., Лупенко Е.А., Маринова М.М. Семантическое сходство вербальных обозначений и статических Эмоji экспрессий базовых эмоций // Экспериментальная психология. – 2020. – Т. 13. – № 3. – С. 74-88.
14. Юсупов И.М. Психология взаимопонимания. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1991. – 191 с.
15. McCulloch G. Marcel Danesi. 2017. The semiotics of emoji: The rise of visual language in the age of the internet. London: Bloomsbury Academic. Pp. 208. US \$22.95 (softcover) // Canadian Journal of Linguistics/Revue canadienne de linguistique. – 2020. – Vol. 65. – № 1. – P. 141-145.
16. McCurry J. The inventor of emoji on his famous creations – and his all-time favorite // The Guardian. – October 27, 2016. – URL: <https://www.theguardian.com/technology/2016/oct/27/emoji-inventor-shigetaka-kurita-moma-new-york-text>

© Козлова Лидия Владимировна (lidiakozlova@bk.ru), Костригин Артем Андреевич (artdzen@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПОНЯТИЯ «САМООТНОШЕНИЯ» У БЕРЕМЕННЫХ ЖЕНЩИН И ЖЕНЩИН, ПЕРЕЖИВШИХ ПЕРИНАТАЛЬНУЮ ПОТЕРЮ

Маркман Елена Валерьевна

Аспирант, ЧОУ «Русская христианская гуманитарная академия», г. Санкт-Петербург
lev195197@gmail.com

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL STUDY OF THE CONCEPT OF "SELF-RELATIONSHIP" IN PREGNANT WOMEN AND WOMEN WHO HAVE EXPERIENCED PERINATAL LOSS

E. Markman

Summary: Introduction. The relevance of this topic is due to the instability and variety of manifestations of emotional and cognitive processes in the mind of a pregnant woman. These contradictions are especially strongly manifested in a negative way in the situation of the loss of an unborn child (Kolomenskaya, Taran, Sklyar 2016). That is why the purpose of our work is to investigate the concept of "self-relationship" in pregnant women and women who have experienced perinatal loss.

Materials and methods. This paper examines the self-attitude of two categories of women: pregnant women and women who have experienced perinatal loss. A theoretical and methodological analysis of the components of self-relationship, as well as their physiological and psychological state, is carried out. The article reveals the content and interrelation of emotional-volitional, cognitive and value-semantic components of self-attitude.

Results. In the course of our study, the structure of the concept of "self-attitude" was revealed in two diametrically opposite categories of women – pregnant women and survivors of perinatal loss. The content of all components of self-attitude and their impact on the future life of a woman is determined.

Conclusion. The practical significance of our work lies in the fact that the identified components of self-attitude can be used in the practice of psychotherapy, perinatal and clinical psychology, correctional work with women who have experienced perinatal loss. The structure of self-attitude in women with normal pregnancy can be useful to psychologists working in the field of positive perception of pregnancy.

Keywords: Self-concept, self-attitude, perinatal loss, worldview, components of self-attitude, identification with loss, loneliness experience, loss of a loved one, pregnant women.

Аннотация: Введение. Актуальность данной темы обусловлена нестабильностью и разнообразием проявлений эмоциональных и когнитивных процессов в сознании беременной женщины. Особенно сильно в негативном ключе данные противоречия проявляются в ситуации потери нерожденного ребенка [8, 255]. Именно поэтому цель нашей работы – исследовать структуру понятия «самоотношения» у беременных женщин и женщин, переживших перинатальную потерю.

Материалы и методы. В данной работе исследуется самоотношение двух категорий женщин: беременных и женщин, переживших перинатальную потерю. Проводится теоретико-методологический анализ составляющих самоотношения, а также их физиологического и психологического состояния. В статье раскрыто содержание и взаимосвязь эмоционально-волевого, когнитивного и ценностно-смыслового компонентов самоотношения.

Результаты. В ходе нашего исследования выявлена структура понятия «самоотношение» у двух диаметрально противоположных категорий женщин – беременных и переживших перинатальную потерю. Определено содержание всех компонентов самоотношения и их влияние на дальнейшую жизнь женщины.

Заключение. Практическая значимость нашей работы заключается в том, что выявленные компоненты самоотношения могут быть использованы в практике психотерапии, перинатальной и клинической психологии, коррекционной работы с женщинами, пережившими перинатальную потерю. Структура самоотношения у женщин с нормальным протеканием беременности может быть полезна психологам, работающим в сфере позитивного восприятия беременности.

Ключевые слова: Я- концепция, самоотношение, перинатальная потеря, картина мира, компоненты самоотношения, идентификация с утратой, переживание одиночества, потеря близкого человека, беременные женщины.

Актуальность проблемы выявления самоотношения беременных женщин к себе обусловлена тем, что эмоциональное состояние будущей матери, ее отношение к себе, к ситуации беременности оказывает влияние на процесс протекания беременности, наличие или отсутствие угрозы, длительность, возможные осложнения; а также на процесс родов- его восприятие, протекание и результат. Сама по себе беременность для

женщины – состояние кризисное, требующее включения адапционных механизмов, определенного эмоционального настроя, понимания происходящего. Развитие самосознания, материнского отношения, системы внешних связей происходит нормально, когда беременность и роды заканчиваются благополучно. Однако, в случае перинатальной потери, когда беременность прекратилась по каким-либо причинам гибелью плода или ребен-

нок умер на ранних сроках после рождения, происходит деформация личностных и коммуникативных структур женщины. Самоотношение беременных женщин влияет на формирование системы инструментальных и терминальных ценностей, которые в дальнейшем закладывают систему материнского отношения к родившемуся ребенку. В будущем самоотношение беременной проецируется на ребенка, его развитие и взаимоотношения с окружающими. Особую остроту проблема принимает в случае перинатальной потери: когда беременность неожиданно прерывается, ребенок рождается мертвым либо прожив совсем немного, умирает. По данным ВОЗ, 75% случаев перинатальных смертей происходит либо в утробе матери, либо в первые недели жизни. У женщины появляется чувство вины, обиды, разочарования, негативное отношение к себе и к окружающим. В дальнейшем это чувство проецируется на изменение самооценки, искажение образа я, ухудшение отношений с окружающими, и как следствие - нарушений социальных связей, внутренние конфликты и деструктивные тенденции развития сознания и в поведении (негативизм, нанесение самоповреждений, суицид). Безусловно, данные психосоциальные тенденции нуждаются в исследовании, выявлении симптоматики и дальнейшей тщательной проработке.

В связи с вышеуказанной проблематикой нами была определена цель работы - исследовать структуру понятия самоотношения беременных и женщин, перенесших перинатальную потерю.

Объектом исследования является самоотношение беременных женщин и женщин, переживших перинатальную потерю.

Предмет - содержание понятия самоотношения беременных женщин и женщин, переживших перинатальную потерю.

На данном этапе исследования нами были поставлены следующие задачи:

1. Провести теоретический анализ структуры и содержания самоотношения женщин в период беременности;
2. Выявить специфику отношения к себе, самопринятия и самосознания у женщин, которые перенесли перинатальную потерю;
3. Определить основные направления работы коррекции самоотношения у женщин, нуждающихся в поддержке (переживших перинатальную потерю).

В нашей работе мы использовали следующие теоретические методы исследования:

- теоретико - методологический анализ отечественных источников для выявления степени изученности данной проблемы,

- сравнительный анализ подходов к содержанию и структуре самоотношения беременных и женщин, которые перенесли перинатальные потери.
- обзор психолого- педагогических публикаций в сфере исследования самоотношения беременных и его структурных компонентов.

Теоретический обзор современного состояния проблемы

Исследованию проблемы самоотношения беременных женщин, в том числе, и переживших перинатальную потерю посвящено множество работ отечественных исследователей Е.В. Маркман, Т.Н. Разуваева, Т.П. Омельченко, Г.Г. Филиппова. В этих трудах отражается как общая структура самоотношения беременных женщин, так и указывается специфика данного понятия у женщин, переживших перинатальную потерю.

Д.А. Медведев, Д.С. Малышева, Г.Г. Филиппова, отмечают, что «даже самая желанная беременность окрашивается противоречивым аффектом, где параллельно могут присутствовать оптимизм, радость, надежда и настороженное ожидание, тревога, грусть, печаль, страх» [11,38][27,67].

В работах Т.С. Блохиной, И.А. Соловьевой, М.С. Пестова указывается на важность влияния социальных факторов, в том числе, ближайшего окружения, на формирование как самоотношения как целостной структуры, так и отдельных его компонентов - самосознания, Я-концепции, эмоционального настроения женщины. При этом рядом исследователей отмечается, что нет четкого разграничения между образом Я и Я-концепцией [2,27], что обуславливает более глубокое исследование представлений беременных женщин о себе и влияния на это личностных составляющих и внешних факторов.

Также необходимо отметить, что современные работы, посвященные исследованию ценностных предпочтений личности (М.С. Пестов, Т.Ю. Пестрикова), играют немаловажное значение в становлении самоотношения беременных женщин, формировании устойчивого положительного отношения не только к себе, но и к окружающим людям, к миру и к перспективам жизни после рождения ребенка.

Результаты

Вследствие проведения теоретико- методологического анализа источников нами также были определены два основных направления исследования самоотношения беременных женщин - со стороны становления роли матери и в качестве самостоятельной психологической категории.

Как отмечается в работах отечественных специалистов, термин «самоотношение» был использован в первый раз в 1974 г. [6,266], при этом в отечественной психологии личности не выработан единый подход к определению самоотношения, что затрудняет процесс изучения с точки зрения методологической составляющей [3,249]. В качестве основных содержательных характеристик самоотношения используются такие понятия, как симпатия, самоуверенность, самоуважение, самопрятие, любовь к себе, самоунижение, самообвинение [21,34]. По мнению Е.М. Савицкой, эти понятия отражают различные теоретические позиции ученых [19,114], иногда – представления о феноменологическом содержании самоотношения, а иногда – просто различные понятия, не всегда взаимосвязанные между собой.

Изучив публикации таких авторов как Басалаев Н.В., Галяутдинова С.И., Коломенская В.В., мы пришли к выводу, что самоотношение неразрывно связано с материнской ролью беременной женщины вне зависимости от исхода беременности. В период вынашивания ребенка женщина начинает «примерять» на себя роль матери независимо от срока и времени наступления беременности, также «формирование образа будущего ребенка» [8,257] отражается на самоотношении женщины к себе как будущей матери, человека, ответственного за жизнь нового создания. Невозможно определить самоотношение женщины в положении отдельно от отношения к себе как к матери.

Магомед-Эминов М. определяет самоотношение при беременности как восприятие женщиной своих переживаний разных этапов беременности, идентификации этих переживаний, ведет к выработке определенных действий и стереотипов поведения, адекватных этим переживаниям [9,112].

При этом, если беременность желанная, то женщина полностью сосредоточена на ребенке, отодвигая на второй план иные социальные роли, кроме материнской. С одной стороны – женщина ощущает себя ответственной за новорожденного, который беспомощен и нуждается в уходе, с другой – нередко тревожные и болезненные переживания, которые обусловлены боязнью не справиться с ролью матери, тревогой за здоровье себя и малыша. Тем не менее, данные новообразования в сознании беременной являются естественной частью периода до рождения ребенка при условии, если это ответственное и осознанное родительство. С рождением ребенка и получением необходимой поддержки часть переживаний уходит либо трансформируется в другую область. При этом оптимальное отношение матери к ребенку характеризуется созданием микросреды, которая обеспечивает оптимальное взаимодействие матери и ребенка [19,116]. Данная микросреда (ближайшее окружение, семья, информационное пространство) способствуют утверждению и закрепле-

нию в сознании женщины образа ребенка.

Рядом современных исследователей доказано, что основой осознания женщиной беременности является рефлексивное принятие своего нового Я- в положении, осознание новой роли в настоящем и Структура самоотношения беременных женщин в работах современных исследователей включает взаимосвязанные компоненты, которые включают Я-концепцию и самоидентификацию [2,26], представления о взаимоотношениях с близкими людьми, в том числе гендерные, сексуальные отношения [1,29], отношение к нравственно-эстетическим ценностям, ответственности [13,390]. В целях дифференциации самоотношения беременных и женщин, перенесших перинатальную потерю, необходимо более подробно разобрать составляющие самоотношения и выделить их в отдельные группы.

Механизмы формирования Я-концепции и самоидентификации в данный период обусловлены эмоциями женщины, ее переживаниями по поводу течения и исхода беременности [8,255]. В ходе ряда экспериментов, проведенных такими исследователями как Т.С. Блохина, В.В. Коломенская, Т.Ю. Пестрикова было подтверждено, что женщины, уверенные в будущем, в себе, позитивно относящиеся к беременности и рождению ребенка, имеют позитивное самоотношение и особых проблем, кроме легкой тревожности не испытывают. Основу адекватного самоотношения составляют любовь и уважение к себе, уверенность в себе – эти черты формируют основы общения с будущим ребенком, самоощущение себя в мире. Сложнее обстоит дело с самоидентификацией женщин, которые уже пережили перинатальные потери и идентифицируют себя с потерянным ребенком, присоединяя чувство вины, обиды, горя. Идентифицируя себя с не рожденным или потерянным ребенком, они стараются компенсировать утрату, тем самым заменяя истинные эмоции на ложные [2,24]. Социальная значимость утраты отражается в подчеркивании ущербности своего Я, обеднении эмоционального мира и равнодушия ко всему происходящему, и, одновременно с утратой ребенка – утратой себя. При этом большое внимание женщинами уделяется оценке со стороны окружения, подтверждению позиции жертвы и подчеркиванию своей вины. Особенно исследователями [18,49] отмечается идентификация женщин со своим нерожденным ребенком, которая также формирует искаженный образ Я у женщины и проецирует этот образ на последующую жизнь и возможные беременности. Негативная эмоциональная окраска и поиск причин произошедшей утраты отражаются в неприятии и обвинении себя, закрытости, зачастую отрицании потери и неприятии фактов беременности и возможного рождения детей в дальнейшем [12,106].

Ряд отечественных исследователей (Д.А. Медведев,

Д.С. Малышева, И.М. Осипенко) отмечают тот факт, что становление материнского отношения дифференцируются от представления о роли матери как части самоотношения беременной женщины и его становление проходит под влиянием значимых факторов после рождения ребенка. Психосоциальная готовность к материнству исследуется в работах Е.Н. Колмычевской, С.П. Преображенской, А.А. Стреленко в данных трудах отражается взаимосвязь между самоотношением беременной женщины и готовностью к материнству, при этом особое внимание уделяется женщинам, которые уже пережили перинатальную потерю, но в будущем планируют материнство и осознают себя в роли потенциальных матерей. При этом актуализируется то, что при повторной беременности у женщин, уже перенесших перинатальную потерю, возможно присутствие внутренней конфликтности, отчужденности, самообвинения и повышенной тревожности, что оказывает немалое влияние на протекание и исход беременности. Очень важно понимать, что становление материнского отношения является желательным результатом формирования позитивного самоотношения и основой исследования должно стать выявление онтогенеза, факторов развития и функций отношения к себе беременных женщин и женщин, перенесших перинатальную потерю.

При этом подчеркивается, что эмоциональное отношение женщины к ситуации беременности, окружающим людям, образу будущего ребенка зависит не только от структуры ее самоотношения [8,255], но также от соотношения компонентов данной структуры.

По мнению Е.Н. Колмычевской, А.А. Стреленко, образ ребенка отражает не только ожидания, внешние характеристики и физическое присутствие ребенка, но также целый комплекс социальных ценностей и установок, которые в общении с ним актуализируются и развиваются [21,40]. У женщин, которые в результате беременности перенесли перинатальную потерю, образ ребенка остается на уровне представлений и нереализованных ожиданий. При этом искажается и самосознание – представления и отношения к себе и к миру изменяются. Базовые понятия реальности, которые были в сознании женщин, рассогласуются с действительностью [13,391], присутствует ожидание негативной оценки со стороны окружающих, обвинение себя, как результата изменения «Я-концепции» [9,119], «при этом Я остается некоторой пустой полостью» [20,169], которая не заполняется заботами о ребенке, бытовыми делами, реализацией себя как матери и супруги. При этом наблюдается не только внутренний конфликт и дисгармоничное восприятие образа ребенка, но также и нарушение взаимоотношений с партнером, который до этого являлся неотъемлемой частью жизни женщины [22,117]. С одной стороны, обвиняя себя в произошедшем, женщина может считать себя «недостойной» совместной жизни, считая невозможным

продолжение семейных отношений. С другой – вина может возлагаться на партнера – за недостаточное внимание, отсутствие заботы, поддержки. Оба эти пути ведут к игнорированию личности второй половинки, нежеланию принятия помощи с его стороны.

В случае перинатальной потери особое значение приобретает медицинское вмешательство, которое не только укрепляет осознание и переживание потери, но и увеличивает страх и тревогу перед будущим, а также запускает такие защитные механизмы психики как отрицание и отвержение, которые становятся неотъемлемой частью когнитивной сферы, т.к. понимается как единственный вариант развития этой неблагоприятной ситуации. Отрицая себя как отдельную личность, женщина отождествляет себя с неродившимся ребенком, тем самым «стирая» образ своего Я и сводит самоотношение к минимуму, определяя его только как отношение к своим отдельным качествам или явлениям – вине, совести, ответственности. Ощущение и осознание не рожденного ребенка остается, однако, выносятся за физические и психологические пределы Я, формируя феномен отчуждения [24, 58]. Перинатальная потеря – это сложное явление, которое характеризуется одновременным физическим отсутствием и психологическим присутствием плода или младенца [10, 71]

В данном контексте такими исследователями как Н.В. Басалаев, Т.Г. Гадельшин, С.П. Иванова, Т.В. Саприна, женщины, которые перенесли перинатальные потери, характеризуются неприятием потенциальной роли матери в будущем, выраженной ауто- и гетероагрессией [1,23], которые находят выражение в психологической и физической отчужденности от партнера, игнорировании его присутствия и общения, в недоверии к себе и другим. В отличие от данной категории женщин, беременные с благоприятным исходом, нуждаются в развитии коммуникативных связей с внешним миром, поддержке и общении с партнером и значимым окружением. Сущность бытия теряет смысл, обесценивается, а активность человека, как доказано учеными, обуславливается мотивацией. Так как женщина пережила потерю, то смысла в дальнейшем позитивном мироощущении для нее нет.

Смерть ребёнка нарушает базовую родительскую функцию, может способствовать депрессии, конфликту в отношениях и разрушению отношений. Горе может поразить обоих партнёров в одинаковой или разной степени [10,70]. Перинатальная утрата является психической травмой, так как вызывает переживания, имеющие длительное воздействие на психику человека [4,4].

В публикациях отечественных авторов (Д.А. Медведев, Д.С. Малышева, И.М. Осипенко) определены критерии материнского отношения, которые были выявлены в ходе практических исследований, проводимых с бе-

ременными. Среди необходимых характеристик были отмечены: забота, ответственность, осознанное отношение к беременности, готовность оказания и принятия помощи от окружающих. Эти же характеристики женщинами, пережившими перинатальную потерю рассматривались в контексте тревоги, страха и неуверенности- как невозможность заботиться о потенциальном ребенке, отторжение ближайшего окружения, непринятие мужа или партнера.

Ряд исследователей [18,48] выделяют два подхода к выявлению самоотношения беременных женщин: это исследования, основанные на психоанализе, когда в центре внимания история беременной, образ будущего ребенка, ее ожидания, предпочтения и отношение к себе как к будущей матери. И немаловажным является исследование не только истории самой беременной, но и ее рождения, беременности ее матери, детско-родительские отношения, которые оказывают влияние на становление самоотношения женщины и предпосылки формирования материнского отношения задолго до наступления беременности. Второй подход опирается на отечественную науку, исследующую изменения в сознании беременной. В работах Т.Н. Разуваевой, Т.П. Омельченко отмечаются несколько фаз, отражающих становление самоотношения беременной и формирования привязанности к будущему малышу. Эти этапы: преднастройки и первичного телесного опыта [18,50] играют существенную роль в становлении самоотношения, однако на этапе первичного телесного опыта, в случае с перинатальной потерей- это медицинское вмешательство или непроизвольное прерывание беременности) происходит «надлом» самоотношения и самоосознания женщины, а также начинается деформация образа Я. В данном случае наряду с осознанием ситуации большую роль играет эмоциональный компонент, который является внешним выражением внутреннего состояния женщины после потери. На основании этого можно сделать предположение о том, что ведущей детерминантой становления самоотношения являются эмоциональный, когнитивный и ценностно-смысловой компоненты.

Обсуждение результатов

В ходе нашего исследования была подтверждена актуальность проблемы выявления содержания самоотношения беременных и женщин, переживших перинатальную потерю. Неоднозначность потери, неопределенность ее причин формирует чувство вины у матери- характерологическое и поведенческое самообвинение, подтверждающее для женщины, перенесшей потерю, опасность собственного образа Я и находящихся выражение в перцептивной защите от внешних стимулов, которые несут угрозу для женщины и неродившегося ребенка [24, 70]. В случае, когда беременность закончилась благополучно, наоборот, отмечается позитивный настрой, поэтапное становление материнского отношения и чувство женщины, что она не одна и может рассчитывать на принятие и поддержку со стороны окружающих. Очень важным в данном случае является то, что результат благополучного исхода беременности, особенно в сопровождении психолога, имеет воздействие на две сферы жизни: это оптимизация и коррекция среды развития ребенка, кроме эффекта на настоящий момент, реализуется еще и в более позднем возрасте в процессе социализации; и коррекция репродуктивной сферы человека, которая немаловажна для жизни и здоровья последующих поколений при преобладающем значении опыта детско-родительских отношений [27,68]

Женщина, пережившая эмоциональную потерю, переживает чувство одиночества, непринятия семьей и предательства со стороны ребенка [12, 106]. Поэтому возможно предположить, что перспективы продолжения исследования необходимо направить на определение и индивидуализацию путей коррекционной работы в зависимости от искажения различных компонентов самоотношения женщин, перенесших перинатальную потерю. Кроме того, необходимо разделить границы субъекта (беременной женщины) и объекта (неродившегося ребенка) и задать автономность образа Я для женщины. Возникновение феномена отчужденности, о котором говорилось ранее, обусловлено с одной стороны, неприятием своего тела, неуверенности в себе, негативными эмоциями и с другой – невозможностью оплакать своего ребенка и получить подтверждение утраты в ближайшем окружении.

Также возможно выдвинуть гипотезу о том, что негативные реакции, развивающиеся в ходе потери беременности со временем, при отсутствии должной коррекции, трансформируются в паттерны, которые становятся устойчивыми в сознании женщины и оказывают влияние на образ Я, поведенческие реакции, качество и количество социальных связей. В данном случае возможно, эффективна будет работа не только с негативным опытом женщины, но и проработка прошлого- «первообраза» ее матери, отношений с мужем и будущего- ожиданий, надежд, представлений. Это будет способствовать формированию позитивного образа Я, адекватного восприятия ситуации и осуществлению профилактики для предотвращения рецидива перинатальной потери и негативных психосоциальных последствий. При этом необходимо организовывать работу и с индивидуальным клиентом, и с ближайшим окружением (диада-отец, супружеская пара) [26,98].

Подводя итоги вышесказанному, необходимо отметить, что поставленные в начале работы задачи, были нами достигнуты:

Выводы

Подводя итоги вышесказанному, необходимо отметить, что поставленные в начале работы задачи, были нами достигнуты:

1. Определена структура и содержание самоотношения беременных женщин и женщин, перенесших перинатальную потерю. Отношение к себе как личности, женщине, будущей матери включает в себя следующие компоненты:
  - эмоционально-волевой. Характеризуется позитивным эмоциональным фоном у беременных с небольшими проявлениями тревоги и беспокойства. Настраивает на перспективу рождения ребенка и заботу о нем. У женщин, перенесших перинатальную потерю, эмоциональный фон снижен, либо характеризуется перепадами настроения и настраивает на равнодушие к жизни, продление перинатального горя [22, 164]
  - когнитивный отражает осмысление и соотношение между собой настоящей роли (беременной) и будущей (матери). Для женщин, перенесших перинатальную потерю, происходит осмысление и поиск причин произошедшего, выявление виновного (чаще всего - себя) и это накладывает отпечаток на предыдущий- эмоционально-волевой компонент, формируя отрицательные эмоции, социальную тревогу и негативную оценку себя.
  - ценностно-смысловой компонент. Позволяет обрести смысл активной деятельности, развития в дальнейшем с развитием ребенка для беременных и характеризуется потерей смысла и снижением жизненной активности.
2. Выявлена специфика отношения к себе, самопринятия и самосознания у женщин, которые перенесли перинатальную потерю. Она заключается в негативной направленности компонентов и проявлений самоотношения, присущие беременным женщинам, которые разрушают не только собственный образ беременной, но и статус матери, единства с ребенком и окружающим миром. При этом перинатальная утрата, по мнению большинства исследователей, в частности, Добрякова И.В., увеличивает переживание горя и является фактором риска нарушений функционирования всей семейной системы [4,5]. У женщины возникает целый комплекс физических и символических утрат: утрата внешнего объекта, утрата значимого другого, утрата статуса родительства.
3. Определены основные направления работы коррекции самоотношения у женщин, нуждающихся в поддержке (переживших перинатальную потерю). В качестве основных необходимо отметить оказание помощи в осознании, принятии того, что утрата реальна, понимании ее необратимости, облегчение переживания душевной боли, определение дальнейших жизненных перспектив.

ЛИТЕРАТУРА

1. Басалаев Н.В., Гадельшина Т.Г., Иванова С.П., Саприна Т.В. Обзор исследовательских трендов психологических составляющих рисков невынашиваемости беременности. Научно-педагогическое обозрение. Pedagogical Review, 2017, №2 (16), с.21-30. <https://doi.org/10.23951/2307-6127-2017-2-21-30>
2. Блохина Т.С. Соотношение понятий «Я-концепция» и «образ я». Акмеология, 2017, №3 (63), с. 23-28
3. Галаятдинова С.И., Кутушева Р.Р., Гумерова Р.Б. Психологическая готовность беременных женщин к родительству. Российский гуманитарный журнал, 2016, т. 5. №2, с. 243-250. <https://doi.org/10.15643/libartrus-2016.2.13>
4. Добряков И.В., Блох М.Е., Фаерберг Л.М. Перинатальные утраты: психологические аспекты, специфика горевания, формы психологической помощи // Ж. акуш. и жен. болезн.. 2015. №3. С. 4-10.
5. Добряков И.В. Перинатальная психотерапия: состояние и перспективы // «Психология и психотерапия семьи»: материалы Международной Конференции. СПб, 2001. – С. 45 – 50.
6. Добряков И.В. Перинатальная семейная психотерапия // Системная семейная психотерапия под ред. Э.Г. Эйдемиллера. – СПб.: Питер, 2002. – С.265 – 285.
7. Добряков И.В. Психодиагностика и перинатальная психотерапия // Российский психиатрический журнал. 2009, №6. С.81-86.
8. Коломенская В.В., Таран И.И., Скляр Н.А. Взаимосвязь самоотношения беременной женщины с образом будущего ребенка. Ученые записки университета Лесгафта, 2016, №10 (140), с. 253-256.
9. Магомед-Эминов М. Возвращение самоидентичности личности при горе: авторский постмодернистский подход. Развитие личности, 2009, №1, с. 110-120.
10. Маркман Е.В. Перинатальная потеря: проблема переживания бесправного горя // Учёные записки Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы. 2020, т. 34. № 2. С. 68–75.
11. Медведев Д.А., Малышева Д.С. Внутренний мир беременной женщины в возрасте ранней взрослости. Известия Иркутского государственного университета, Серия: психология. 2017, №3, с. 30-41
12. Олейник Н.О. Теоретическая модель переживания одиночества. Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология, 2016, №2 (26), с. 104-110.
13. Осипенко И.М. Психологические особенности женщин с кризисной беременностью в ситуации репродуктивного выбора. Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология, 2019, №3, с. 388- 401.
14. Пестов М.С. Я – не-Я или исследование неполноты идентичности. М.: ИОИ, 2016, 120 с.
15. Перинатальная утрата: практикум по арт-терапии. Маркман Е. В. М.: MACards.-2020.110 с.

16. Пестрикова Т.Ю., Юрасова Е.А., Юрасов И.В., Блощинская И.А., Князева Т.П. Перинатальные потери: проблемы, приоритеты, потенциал. Дальневосточный медицинский журнал, 2020, №3, с. 114-119. <http://dx.doi.org/10.35177/1994-5191-2020-3-114-119>
17. Преображенская С.П. Особенности переживания беременности при норме и патологии вынашивания. Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование», 2018. №2 (12), с. 106-121.
18. Разуваева Т.Н., Омельченко Т.П. Эмоционально-оценочный компонент самосознания несовершеннолетних беременных. Научный результат. Педагогика и психология образования, 2015, №1 (3), с. 47-53.
19. Савицкая Е.М. Психологические аспекты перинатальной безопасности. Вестник Самарского государственного технического университета. Серия «Психолого-педагогические науки», 2015, №4 (28). с. 112-118.
20. Соколова Е.Т. (2019) Клиническая психология утраты Я. М.: Смысл, 566 с.
21. Стреленко А.А., Колмычевская Е.Н. Образ ребенка в сознании беременных женщин. Комплексные исследования детства, 2019, №1, с. 33-42.
22. Соловьева И.А. «Кто мы на самом деле?» О бессознательном образе тела. М.: Институт консультирования и системных решений, 2019, 216 с.
23. Торубаров С.Ф. Особенности состояния здоровья женщин с риском развития ранней неонатальной смертности новорожденных в системе Федерального медико-биологического агентства России и роль реабилитационных мероприятий в его улучшении. Социальные аспекты здоровья населения, 2014, №1. с. 1-9.
24. Тхостов А.Ш. Психология телесности. М.: Смысл, 2002, 287с.
25. Филиппова Г.Г. Материнство и основные аспекты его исследования в психологии \Вопросы психологии, 2001, № 2, с. 24–35.
26. Филиппова Г.Г. Психология материнства. Учебное пособие. М.: Изд-во института психотерапии, 2002. 128 с.
27. Филиппова Г.Г. Репродуктивная психология в России: современные проблемы и тенденции развития. Психотерапия. — № 4 (148). — 2015. —С. 65 — 70.

© Маркман Елена Валерьевна (lev195197@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОСОБЕННОСТИ СОДЕРЖАНИЯ ОБЩЕНИЯ С РОДИТЕЛЯМИ ЮНОШЕЙ И ДЕВУШЕК В ПРОЦЕССЕ ЖИЗНЕННОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ

Набиуллина Маргарита Рафаильевна

Аспирант, ФГОУ ВО «Волгоградский государственный университет», г. Волгоград
mrnabiullina@yandex.ru

PECULIARITIES OF THE CONTENT OF COMMUNICATION WITH THE PARENTS OF BOYS AND GIRLS IN THE PROCESS OF LIFE SELF-DETERMINATION

M. Nabiullina

Summary: The article presents the results of a study of the content of communication with parents of boys and girls in the process of life self-determination, including professional and personal self-determination. The results obtained using the questionnaire method allowed the authors to compare the features of the content characteristics of communication of respondents of different genders. The study revealed that the life self-determination of girls and boys is not the main subject of their communication with their parents. Usually parents talk to their children about school, studies, friends and health problems. Growing up children themselves more often than parents initiate conversations about their professional and personal future. Girls do it more often than boys. Most respondents try to be sincere when communicating with their parents and count on their understanding and support. Parents' opinion about their future plans is important for them. However, a conversation with parents helps few people to understand difficult situations for themselves.

Keywords: questionnaires, content analysis, life self-determination, professional choice, parents, communication, adolescence.

Аннотация: В статье представлены результаты исследования содержания общения с родителями юношей и девушек в процессе жизненного самоопределения, включающего профессиональное и личностное самоопределение. Полученные с помощью метода анкетирования результаты позволили авторам сравнить особенности содержательных характеристик общения респондентов разного пола. В ходе исследования выявлено, что жизненное самоопределение девушек и юношей не является основным предметом их общения с родителями. Обычно родители разговаривают с детьми о школе, учёбе, друзьях и проблемы со здоровьем. Взрослеющие дети чаще сами, нежели родители инициируют разговоры о своём профессиональном и личном будущем. Девушки это делают чаще юношей. Большинство респондентов стараются быть искренними при общении с родителями и рассчитывают на их понимание и поддержку. Для них важно мнение родителей о их планах на будущее. Однако разобраться в сложных для себя ситуациях разговор с родителями помогает немногим.

Ключевые слова: анкетирование, контент-анализ, жизненное самоопределение, профессиональный выбор, родители, общение, юношеский возраст.

Введение

Проблема самоопределения в настоящее время приобретает особое значение. Именно в ней высвечиваются основные моменты взаимодействия взрослеющего индивида и социума, предъявляющего ему особые требования. Осознанность этих требований, а также своих субъективных качеств, определение баланса между ними – одна из важнейших задач самоопределяющейся личности.

К проблеме самоопределения в юношеском возрасте обращались многие отечественные и зарубежные учёные (Л.И. Божович М.Р. Гинзбург, Дж. Голланд, Е.И. Головаха, А.Е. Голомшток, Е.А. Климов, А.А. Кроник, Н.С. Пряжников, Э. Эриксон и др.) [3,4,5,6,7,11,13]. По мнению Г.М. Абрамовой юношеский возраст несет в себе определенную внутреннюю кризисность, содержание которой связано с происходящими в это период процессами жизненного самоопределения, рефлексии, спосо-

бов самореализации в социальном пространстве [1].

Многочисленные исследования свидетельствуют о том, что эффективное решение проблем самоопределения, самоутверждения невозможно вне общения с окружающими людьми, без их помощи. При этом в процессе самоопределения происходит трансформация отношений личности с окружающим миром и с близкими людьми [1].

В работах отечественных психологов достоверно установлено, что в юношеском возрасте общение является не просто важнейшей сферой жизнедеятельности, а и имеет большое значения в формировании личности в рассматриваемом возрастном периоде. Происходит перестройка всей сферы общения, его предмет определяется не только проблемами взрослеющей личности, а и нахождением своего места в окружающем мире и взаимодействием с ним. Общение представляет собой не только взаимоотношения, контакт между людьми, оно

является главным условием и способом существования и развития людей [2,12].

Д.Б. Эльконин, подчёркивая значимость общения в старшем школьном возрасте с позиции культурно-исторической теории, отмечал, что общение в подростковом возрасте является ведущим видом деятельности. Однако и на этапе юности оно не теряет своего значения – благодаря общению юноши и девушки строят отношения, включаются в различные виды деятельности [13].

На этапе юности общение с родителями становится наиболее значимой и сложной проблемой, как для родителей, так и для взрослеющих детей. Вопросы самоопределения обсуждаются не только со сверстниками, но и с взрослыми, чей жизненный опыт гораздо богаче.

По мнению таких авторов, как И.С. Кон, А.В. Мудрик, когда перед юношами и девушками встают сложные задачи личностного и социального самоопределения, важным условием является полнота и доверительность в общении с родителями. Отсутствие этого является одной из причин тревожности, которую испытывают молодые люди в общении с родителями, и другими взрослыми, от кого они в какой-то мере зависят [9,10].

База и методы исследования

Исследование проводилось среди старшеклассников образовательных учреждений г. Волгограда. Общее количество респондентов – 198 человек, из них 94 юношей и 104 девушки в возрасте от 15 до 18 лет. С целью выявления содержания общения детей и родителей, а также эмоциональной и информационно-потребностной составляющей, нами был использован метод анкетирования, с помощью которого мы искали ответы на следующие исследовательские вопросы:

- Какие сферы жизни обсуждают юноши и девушки с родителями?
- Какие переживания и чувства испытывают респонденты в ситуации общения с родителями?
- Какова значимость общения с родителями и важно ли их мнение для респондентов?
- Какие позиции при общении с родителями занимают юноши и девушки?
- Как родители влияют на профессиональный выбор детей?

Качественная и количественная обработка полученной информации осуществлялась с помощью метода контент-анализа, суть которого заключается в систематической и надёжной фиксации определённых единиц изучаемого материала, а также в квантификации получаемых данных. Выделенные смысловые единицы, были отнесены к различным аспектам общения и самоопределения, что позволило представить весь массив текстов

высказываний, описывающих содержание общения в количественных показателях. Значимость различий двух независимых выборок (юноши и девушки) определялась с помощью z-критерия Фишера.

Результаты

Обработка и анализ полученных результатов осуществлялся отдельно по группе юношей и группе девушек.

При анализе ответов респондентов об обсуждаемых с родителями темах, мы выяснили, что 23% старшеклассников затрудняются назвать темы, которые они обычно обсуждают с родителями. Среди старшеклассниц каждый третий респондент (33%) не смог обозначить темы общения с мамой и 15% – с папой. Такие ответы не конкретны и звучат очень неопределённо: «любые, разные, почти всё, всё в меру, их много» и т.д.

Остальные респонденты среди наиболее обсуждаемых тем называли школу, учёбу, друзья и здоровье. С мамой на эти темы обычно разговаривают 23% юношей и 28% девушек. С отцом – 28% и 31% соответственно. Бытовые вопросы являются привычными при общении с мамой для 11% юношей и девушек, в разговоре с отцом – только для 4% юношей и 8% девушек. Реже всего при общении с родителями респонденты обсуждают темы, связанные с деньгами. Как видим, с мамой это обсуждается чаще, чем с папой. Вероятно, это связано с тем, что традиционно семейный бюджет в семье планирует мама.

Анализ ответов о том, с какими вопросами чаще всего обращаются к респондентам сами родители, показал следующее. Матери чаще обращаются к сыновьям по поводу их учёбы, друзей и здоровья (37%), отцы интересуются этим у 17% респондентов. Эти темы обсуждают с дочерьми 23% мам и 13% пап ($p < 0,01$).

К дочерям родители чаще всего обращаются с бытовыми вопросами (29% мам и 23% отцов), аналогичные темы с юношами обсуждают 13% мам и 11% отцов ($p < 0,01$).

Вопросы, связанные с профессиональным самоопределением, являются привычной темой разговора для 13% юношей, как с мамой, так и с папой. Среди старшеклассниц эту тему обсуждают с мамой 15% девушек, с папой – 11%. Личностное самоопределение (будущее, развитие, семья и т.д.) становятся темой разговора реже: с мамой её обсуждают только 6% сыновей, а с папой – 11%. Среди девушек результаты аналогичны: с мамой – 13%, с папой – 8%.

Нас также интересовало, как часто при общении затрагиваются темы, относящиеся к личности членов семьи. Мы выяснили, что всего 2% родителей обоёго пола

инициируют разговор о самом респонденте (его личностных качествах, мыслях и поступках). Сами родители часто становятся темой общения в 19% семьях, где есть сыновья, в 55% семей это происходит редко, в 23% этого не происходит. Тема родителей поднимается в 29% семьях, где есть дочери, в 54% семей это происходит редко, в 19% этого не происходит.

Анализируя ответы, отражающие эмоционально-потребностную составляющую детско-родительского общения, мы установили, что 60% юношей и 38% девушек ($p < 0,01$) не смогли отнести свои переживания с определённой модальностью и не ответили на этот вопрос или ответили формально: «разные», «никакие» и т.д.

Описывают свои чувства как положительные при общении с мамой 46% девушек и 28% юношей ($p < 0,05$), при общении с отцом – 35% девушек и 21% юношей ($p < 0,01$). Обычно в процессе общения они чувствуют спокойствие, радость, лёгкость, уверенность, любовь и заинтересованность со стороны родителей

Негативные переживания, такие как борьба, агрессия, чувство неудовлетворения, а также противоречивые эмоции при общении с матерью испытывают – 8% юношей и 15% девушек, с отцом – 15% юношей и 27% девушек.

На вопрос о том, какие чувства и эмоции респонденты испытывают после разговора с родителями 65% девушек и 27% юношей ответили, что не знают, в каком они будут настроении ($p < 0,01$). Они полагают, что это зависит от того как пойдёт разговор. 23% девушек и 15% юношей отметили, что после разговора с родителями обычно находятся в хорошем настроении и чувствуют удовлетворённость от общения. 10% девушек и 4% юношей полагают, что, скорее всего они будут не в духе или раздражены.

Чтобы понять, является ли общение с родителями значимым для респондентов, мы выяснили, с кем из родителей они общаются чаще и хотят ли они увеличить время этого общения. Выяснилось, что одинаково часто с обоими родителями общаются более половины юношей (55%) и 37% девушек ($p < 0,05$). Половина респондентов девушек чаще общается с мамой (50%), и только 13% – с отцом. Юноши тоже чаще общаются с матерью (34%) и реже – с отцом (11%).

Ответ на вопрос о том, хотелось бы им общаться с родителями больше времени, показал, что 15% юношей и 29% девушек хотели бы, чтобы родители уделяли больше времени общению с ними, а 45% юношей и 52% девушек этого не желают. Интересно, что 40% старшеклассником затруднились при ответе на вопрос и выбрали вариант «не знаю». Среди девушек такой вариант выбрали 21%,

что в два раза меньше результатов у юношей.

Мы постарались выяснить, связана ли частота общения с тем, насколько легко или трудно проходит общение с родителями, и чувствуют ли респонденты понимание со стороны взрослых членов семьи.

Отвечая на вопрос о том, с кем из родителей легче общаться, 53% юношей и 33% девушек сказали, что легко общаются с обоими родителями ($p < 0,01$), 23% старшеклассников без затруднений общаются с мамой, 17% – с отцом. Каждой второй девушке тоже достаточно легко общаться с мамой (50%), 15% – с отцом. 6% юношей и 4% девушек испытывают сложности в общении с родителями.

Понимание со стороны родителей чувствуют 78% юношей, 8% кажется, что их не понимают. 17% затруднились ответить на этот вопрос. Среди девушек понимание со стороны мам встречают 62% девушек, со стороны пап – всего 8% ($p < 0,01$). Треть девушек (31%) затруднились ответить на этот вопрос.

На вопрос о том, помогает ли разговор с родителями разобраться с возникающими у трудностями 38% юношей однозначно ответили «да», 45% – «скорее да, чем нет», 23% парней считают, что разговор с родителями скорее не помогает разобраться в сложных для них ситуациях.

Что касается ответов девушек, то 27% однозначно ответили «да», 46% – «скорее да, чем нет». 25% девушек считают, что разговор с родителями скорее не помогает разобраться в сложных для них ситуациях, а 2% считает, что не помогает однозначно.

Что касается занимаемой при общении с родителями позиции, удалось установить следующее. У девушек инициатором диалога одинаково часто являются они сами (57%) и матери (58%). Аналогичная ситуация наблюдается и у юношей (47%). О том, что инициатором разговора чаще является папа, заявили 36% респондентов мужского пола и 31% женского. Во время разговора с матерью большинство сыновей (61%) общаются как равные, при разговоре с отцом этот показатель также высок – 57%. О том, что при общении с мамой больше говорит она, утверждают 19%, папа – 26%. Больше говорят сами при общении с матерью 15%, а при общении с отцом – 6% юношей.

В ответах девушек наблюдается сходная картина. Во время разговора с матерью большинство девушек (72%) общаются, как равные. При разговоре с отцом такая возможность есть только у 42% дочерей. При общении с дочерью, отец говорит больше в 27% семей, мама – в 19% семей. И если в разговоре с матерью более активную позицию занимают всего 2% девушек, то при общении с отцом этот показатель достигает 15%.

Среди юношей 53% стараются быть искренними в разговоре с родителями, 28% это удаётся. При этом 19% респондентов отметили, что им сложно быть искренним с родителями, а 4% – не готовы быть искренними. У девушек при общении с родителями полностью искренни 35%, 42% стараются быть искренними. Пятая часть (19%) отметила, что не готова к искреннему общению с родителями.

Мы также выяснили у респондентов, оказывают ли родители влияние на выбор старшеклассниками профессии. Дали утвердительный ответ 40% юношей и 42% девушек. Взрослые члены семьи советуют, поддерживают, а иногда и настаивают на том или ином профессиональном выборе.

При ответе на вопрос о том, обсуждают ли юноши с родителями профессиональные планы, 55% ответили, что обсуждают часто, 43% – редко, 2% – не обсуждают. Среди девушек ответы распределились следующим образом: 77% ответили, что обсуждают часто, 11% – редко, 2% – не обсуждают. Что касается обсуждения с родителями вопросов личностного самоопределения, то в семьях старшеклассниц эта тема часто обсуждается в 42% семей, у юношей – в 38%.

Никто из респондентов-юношей не сказал о том, что мамы инициируют с ними обсуждение вопросов, связанных с профессиональным самоопределением. Соответствующий результат у девушек – всего 2%. Только 4% респондентов указали, что отцы стремятся разговаривать на эту тему. К девушкам с этим обращаются ещё реже (2%).

С вопросами о личностном самоопределении к респондентам родители тоже обращаются редко. Только 4% отцов делают это при общении с юношами (у девушек – 6%). Матери делают это в 2% с юношами и в 4% – с девушками.

Для 36% юношей и 21% девушек мнение родителей относительно их будущего очень важно и значимо ($p < 0,05$). Для 8% юношей мнение родителей не имеет значение, 6% затруднились с ответом на этот вопрос. 50% ответили, что прислушиваются к мнению родителей только иногда. Для 8% девушек мнение родителей не имеет значение. 71% девушек ответили, что они прислушиваются к мнению родителей только иногда.

Обсуждение результатов

Сравнение полученных результатов показало, что наиболее обсуждаемые темы взрослеющих детей с родителями – это школа, учёба, друзья и здоровье. И это не удивительно, так как и учёба и друзья являются важными для респондентов в силу их возраста. В семьях юношей

это происходит чаще. Обсуждение бытовых вопросов занимает вторую позицию, причём инициируется эта тема родителями чаще с девушками, нежели с юношами. На третьем месте – обсуждение вопросов, связанных с профессиональным и личностным самоопределением. Девушки чаще юношей общаются с родителями по вопросам своего профессионального будущего. Это может быть связано с тем, девушки более разговорчивы с родителями, а также они нуждаются в большей помощи и поддержки со стороны родителей в этом вопросе, нежели юноши.

Надо отметить, что каждый четвёртый юноша и каждая третья девушка не смогли назвать конкретные темы общения с родителями. Каждый пятый респондент не смог написать, какие вопросы ему хотелось бы чаще обсуждать с родителями.

С описанием своих эмоций и чувств, возникающих при общении с родителями, ситуация ещё более сложная. Две трети респондентов мужского пола и более трети – женского не смогли отнести свои переживания и чувства при общении с родителями к определённой модальности. Это может быть связано с недостаточно сформированным умением анализировать и вербализировать свои эмоции и чувства, возникающие при общении с другими людьми. Также девушки чаще юношей переживают положительные эмоции в процессе общения с родителями, а также чаще испытывают трудности в контроле своих эмоций.

Половина респондентов-юношей и треть респондентов-девушек достаточно часто общаются с обоими родителями. Остальные указали, что чаще общаются с матерью, нежели с отцом. Юноши в отличие от девушек одинаково легко общаются с обоими родителями. Девушкам легче общаться с матерью, от которой они чаще чувствуют понимание, нежели от отцов. У юношей такой разницы не наблюдается.

Большинству респондентов кажется, что родители их понимают. Каждому третьему респонденту-юноше и каждой четвёртой девушке разговор с родителями помогает разобраться в сложных для них ситуациях. Остальные так не считают. Юноши при этом более категоричны, каждый четвёртый считает, что разговор с родителями не помогает совсем.

При общении с родителями большая часть респондентов занимает партнёрскую позицию. Девушки активнее юношей и чаще выступают инициатором разговора с родителями. Однако, по утверждению респондентов в процессе разговора больше говорят родители, нежели дети. Большинство респондентов стараются быть искренними при общении с родителями, но каждый пятый отметил, что не готов к искреннему общению с ними.

О влиянии родителей на выбор профессии заявило около половины респондентов. Взрослые советуют, поддерживают, а иногда и настаивают на том или ином профессиональном выборе. Вопросы, связанные с профессиональным самоопределением, родители обсуждают с дочерьми чаще, чем с сыновьями. Девушки чаще юношей общаются с родителями по вопросам профессионального и личного будущего. Возможно, это связано с тем, что девушки более разговорчивы с родителями, а может быть они нуждаются в большей, нежели юноши, помощи и поддержки со стороны родителей в этом вопросе.

Вопросы личного самоопределения обсуждаются чуть реже, причём инициатива такого обсуждения исходит, как правило, не от родителей, а от детей. Таким образом, сами дети чаще в разговоре с родителями поднимают темы своего профессионального и личного будущего. Кроме того, респондентам-девушкам хотелось бы, чтобы родители чаще разговаривали о них, интересовались их чувствами, мыслями, переживаниями.

Заключение

В ходе исследования нам удалось выявить следующие особенности содержания общения с родителями юношей и девушек в процессе жизненного самоопределения.

Профессиональное и личностное самоопределение не является основным предметом общения девушек и юношей с родителями. Наиболее обсуждаемые темы – школа, учёба, друзья и здоровье. При этом девушки чаще юношей обращаются к родителям с вопросами о своём профессиональном будущем.

Вопросы личного самоопределения обсуждаются ещё реже, причём инициатива такого обсуждения исходит, как правило, не от родителей, а от детей. Таким образом, сами дети чаще в разговоре с родителями поднимают темы своего профессионального и личного будущего, нежели родители.

Девушки чаще юношей переживают положительные эмоции в процессе общения с родителями, но при этом им сложнее контролировать свои эмоции. Девушкам легче общаться с матерью, нежели с отцом

Большинство респондентов обоего пола стараются быть искренними при общении с родителями. Им кажется, что родители их понимают, и они иногда готовы прислушаться к их мнению. Однако разобраться в сложных для себя ситуациях разговор с родителями помогает немногим. Пятая часть респондентов не готов к искреннему общению с ними.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамова Г.С. Возрастная психология. – Издательство: Юрайт, 2010. – 811 с.
2. Бодалев А.А. Психология общения : избранные психологические труды / А.А. Бодалев. – М: Институт практической психологии; Воронеж: НПО 'МОДЭК', 1996. – 256 с.
3. Божович Л.И. Проблемы формирования личности // Избр. психол. труды М., 1995. – 350 с.
4. Божович Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте. – СПб.: Питер, 2008. – 398 с.
5. Гинзбург М.Р. Психология личного самоопределения: Автореф. дис. . . . докт. психол. наук. – М, 1996. – 60 с.
6. Гинзбург М.Р. Психология личного самоопределения: Автореф. дис. . . . докт. психол. наук. – М, 1996. – 60 с.
7. Резапкина Г.В. Психология и выбор профессии: программа предпрофильной подготовки. – М.: Генезис, 2005. – 208 с.
8. Климов Е.А. Психология профессионального самоопределения. – М.: Издательский центр «Академия», 2010. – 304 с.
9. Кон И.С. Психология юношеского возраста / И.С. Кон – М.: Книга по Требованию, 2013. – 176 с.
10. Мудрик А.В. Социализация человека. – М.-Воронеж: РАО-МПСи, 2011. – 624 с.
11. Пряжников Н.С. Профессиональное самоопределение: теория и практика. – М.: Издательский центр «Академия», 2008. – 320 с.
12. Сапогова, Е.Е. Психология развития человека: Учебное пособие. – М.: Аспект Пресс, 2001. – 461 с.
13. Эльконин. Д.Б. Психология развития. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 144 с.

© Набиуллина Маргарита Рафаильевна (mrnabiullina@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЭСКАПИЗМ – ПЛАЦЕБО ДЕПРЕССИВНЫХ РАССТРОЙСТВ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Папышева Елизавета Михайловна

Южный университет (ИУБуП), г. Ростов-на-Дону

Jbykashka@gmail.com

ESCAPISM – PLACEBO OF DEPRESSIVE DISORDERS OF MODERN SOCIETY

E. Papysheva

Summary: The article deals with the phenomenon of escapism and its adverse effects on people with depression as a ubiquitous psychological disorder. Arguments are given in favor of the fact that there is a direct relationship between escapism and the deterioration of the patient's condition with a psychological disorder of dysthymia, which subsequently aggravates or develops into a syndrome of major depressive disorder. The results of social surveys confirming the existence of such a relationship are given. The article discusses the psychological and biological factors that contribute to the development and aggravation of depressive episodes against the background of growing escapism in the human mind.

Keywords: escapism, dysthymia, depressive disorder, stress, depression, central nervous system disorders, suicide, major depression syndrome, escape from reality, personal decay.

Аннотация: В статье рассматривается феномен эскапизма и его неблагоприятного влияния на людей с депрессией, как повсеместно распространённого психологического расстройства. Приводятся аргументы в пользу того, что имеется прямая взаимосвязь между эскапизмом и ухудшением состояния больного психологическим расстройством дистимией, которое в последствие усугубляет или перерастает в синдром большого депрессивного расстройства. Приводятся результаты социальных опросов, подтверждающие наличие такой взаимосвязи. В статье рассматриваются психологические и биологические факторы, способствующие развитию и усугубления депрессивных эпизодов на фоне нарастающего эскапизма в сознание человека.

Ключевые слова: эскапизм, дистимия, депрессивное расстройство, стресс, депрессия, нарушения центральной нервной системы, суицид, синдром большой депрессии, уход от реальности, личностное разложение.

В современном обществе ежедневно человек сталкивается с огромным количеством стрессовых ситуаций и одна из наиболее распространённых реакций индивида — грусть, гнев, опустошение. При условии непродолжительности — это состояние совершенно естественно для человеческого организма, но если симптомы сохраняются длительный период, то стоит обратить на это особое внимание. [1; С 23-28]. Но ритм нашей жизни настолько тороплив, что не всегда человек обращает внимание на свои внутренние ощущения, ведь в его арсенале огромное количество дел, забот, которые требуют от него максимальной концентрации и быстроты решения. Поэтому решения своих душевных проблем, люди предпочитают забыть, уйти от реальности на время, и с новыми силами, как они полагают, вступать в схватку с жестокой реальностью. Данному явлению есть определенный термин эскапизм.

Эскапизм, эскепизм, эскейпизм (англ. *Escape* — «сбежать, спастись») — избегание неприятного, скучного в жизни, особенно путём чтения, размышлений и т. п. о чём-то более интересном; уход от обыденной реальности в инобытие, инореальность, иномирие; бегство от действительности [4].

Эскапизм как термин стал появляться в словарях в 1940-х годах, но как явление со времен, когда у человека пропала необходимость заниматься исключительно

охотой и выживанием, а появилось место для познание его внутренней сущности. В 2020 году, после экранизации популярной игры *Cyberpunk 2077*, любовь человека к уходу от его реальной сущности гораздо увеличилась, это вылилось в массовую субкультуру ролевиков подтвержденной переписью населения, где в графе национальность люди указывали «киборг». Это не первый подобный случай в 2000-х годах после выхода трилогии «Властелин колец» Дж.Ж. Толкиена во время переписи населения 2002 года в России поклонники писателя, заполняя опросные листы, в графе «национальность» указывали «эльф» или «хоббит» [3].

Обилие вопросов не умаляет попыток психологов и психоаналитиков заключить эскапизм в жесткие рамки. Например, психолог Эндрю Эванс предлагает разделить эскапизм на четыре типа: избегающий, пассивный, активный и экстремальный. Эванс также разделяет весь эскапизм на «продуктивный» и «нездоровый». Второй может привести к различным проблемам вроде прокрастинации, психоза, отрицания и аддикции. Каждый из типов можно рассматривать с точки зрения причинно-следственных отношений. [3] Эскапизм – всегда ответ на что-либо. Дарья Кутузова начала изучать эскапизм еще в 2000 годах, сейчас им занимается Институт психологии РАН.

Одной из наиболее острых проблем современного человечества является «дистимия» или «синдром боль-

шой депрессии». Эта болезнь обсуждается со времен античности, когда ей впервые было дано определение Гиппократом. Вопрос диагностики и лечения депрессий особенно актуален в наши дни, в ситуации, когда масштабы ее распространения растут с огромной скоростью.

Профессор биологии Роберт Сапольски приводит данные всемирной организации здравоохранения в своей лекции: «депрессивное расстройство находится на четвертой позиции в списке мировых болезней, и прогнозирует, что уже к 2025 году это значение вырастет, и этот диагноз будут ставить каждому пятому человеку на земле» [5]. С увеличением распространения депрессивных расстройств сопряжен рост смертности людей от суицида [5].

Депрессия – болезненное состояние, характеризующееся угнетенным, подавленным настроением; вид психического расстройства. Кроме того, депрессивное расстройство может объективно проявляться снижением или увеличением массы тела, не связанным с диетой, нарушением сна, психомоторным возбуждением. Среди субъективных переживаний больного депрессией следует назвать следующие: ангедония (ангедония – потеря чувства радости, наслаждения, важный симптом деперсонализации, чаще всего наблюдается при депрессиях, особенно эндогенных, иногда при тяжелых неврозах, шизофрении), снижение энергии, периодически возникающие мысли о самоубийстве или, в крайних случаях, суицидальные попытки, выраженная социально-трудова дезадаптация и т.д. Чтобы понять масштабность проблемы, необходимо рассмотреть понятие депрессии с биологической и психологической сторон. [5]

Вопрос психологического развития депрессивного расстройства поднимал З. Фрейд в своей работе «Печаль и меланхолия». Он выявил четыре причины, влияние которых способствует развитию меланхолии:

1. Детская травма – утрата или разочарование в объекте в период взросления (до 10 лет ребенок особенно уязвим и поддается влиянию внешних факторов).
2. Объект симпатии выбран на нарциссической основе (у человека отсутствует восприятие в других людях личностей, он привязывается, отталкиваясь исключительно от видения себя в них).
3. Утрата объекта либидо (надуманная или произошедшая в действительности).
4. Слияние собственного чувства «Я» с личностью объекта симпатии, разочаровавшись в котором, человек переносит гнев и ненависть на собственное «Я» [2; С. 224].

С биологической точки зрения депрессивное расстройство – это когнитивные нарушения и соматовегетативные расстройства, вызывающие у человека

нестабильный эмоциональный фон с преобладанием в нем отрицательных чувств. К биологическим факторам относятся:

1. Дисбаланс норадреналина и дофамина. Именно поэтому в 60% случаев заболевания успешно лечатся антидепрессантами.
2. Нарушение нейромедиаторов (ГАМК) и нейроактивных пептидов (вазопрессин и опиоиды).
3. Нарушение регуляции входа биогенных аминов в таламусе.
4. Нарушения центральной нервной системы.

Также установлена генетическая предрасположенность в нарушении нейротрансмиссионного функционирования, что приводит к усиленному восприятию эмоционального стресса. Были выявлены аномалии подкорковых систем регуляции вегетативно-эндокринных процессов организма, передающиеся наследственным путем и снижающие приспособляющие функции человека. [1; С. 40 – 49;6].

Для определения взаимосвязи между «эскапизмом» и «депрессивным расстройством», а также его влияния на человека с данной болезнью мы должны учитывать особенности формирования и самоидентификации организма на фоне трансформации современного общества. Развитие информационных технологий и виртуализация жизни человека имеют огромное влияние на реальные последствия жизни индивида. Если воспринимать эскапизм как плацебо (помощь в адаптации в современном обществе, налаживание контактов с окружающими людьми путем виртуального общения), забытие в алкоголе или наркотических веществах, так же отвлечение особо опасной работой (эскаписты часто воображают себя спасателями мира), или любимым хобби – мы должны понимать, что такой вид терапии может иметь и обратный эффект, когда человек теряет себя и свой статус в иллюзорном мире, у него больше не остается безопасного пространства, где он ощущает себя счастливым, а людям с дистимией или синдромом большой депрессии это крайне тяжело пережить, последствия данной реакции может быть непредсказуемой, вплоть до суицида. Крайняя форма эскапизма – самоубийство имеет давнюю философскую и социологическую традицию изучения, представленную работами С.С. Аванесова, Н.А. Бердяева, Ф.М. Достоевского, И.И. Евлампиева, Э. Дюркгейма, А. Камю, И.П. Красенковой, И. Паперно, Д. Юма и т.д.

Подводя итоги, мы можем сделать вывод, что подобный крайний эскапизм как отказ от поиска другого в обществе - это не просто реакция на саму структуру общественной парадигмы, а экзистенциальный выбор в рамках социально обусловленной стратегии и полностью лежащий в ее русле. Рассматривая эскапизм как плацебо в лечении депрессивных расстройств и предот-

вращение массового синдрома «большой депрессии» стоит отметить, что положительные моменты есть, но не стоит заходить слишком далеко и воспринимать данный метод как единственный в борьбе со столь сложным заболеванием, всегда надо помнить, что есть и обратная сторона, и точкой невозврата, поэтому лучший метод это вовремя обратиться к специалисту, который поможет вам не уйти не только от реальности, но и не выпасть из

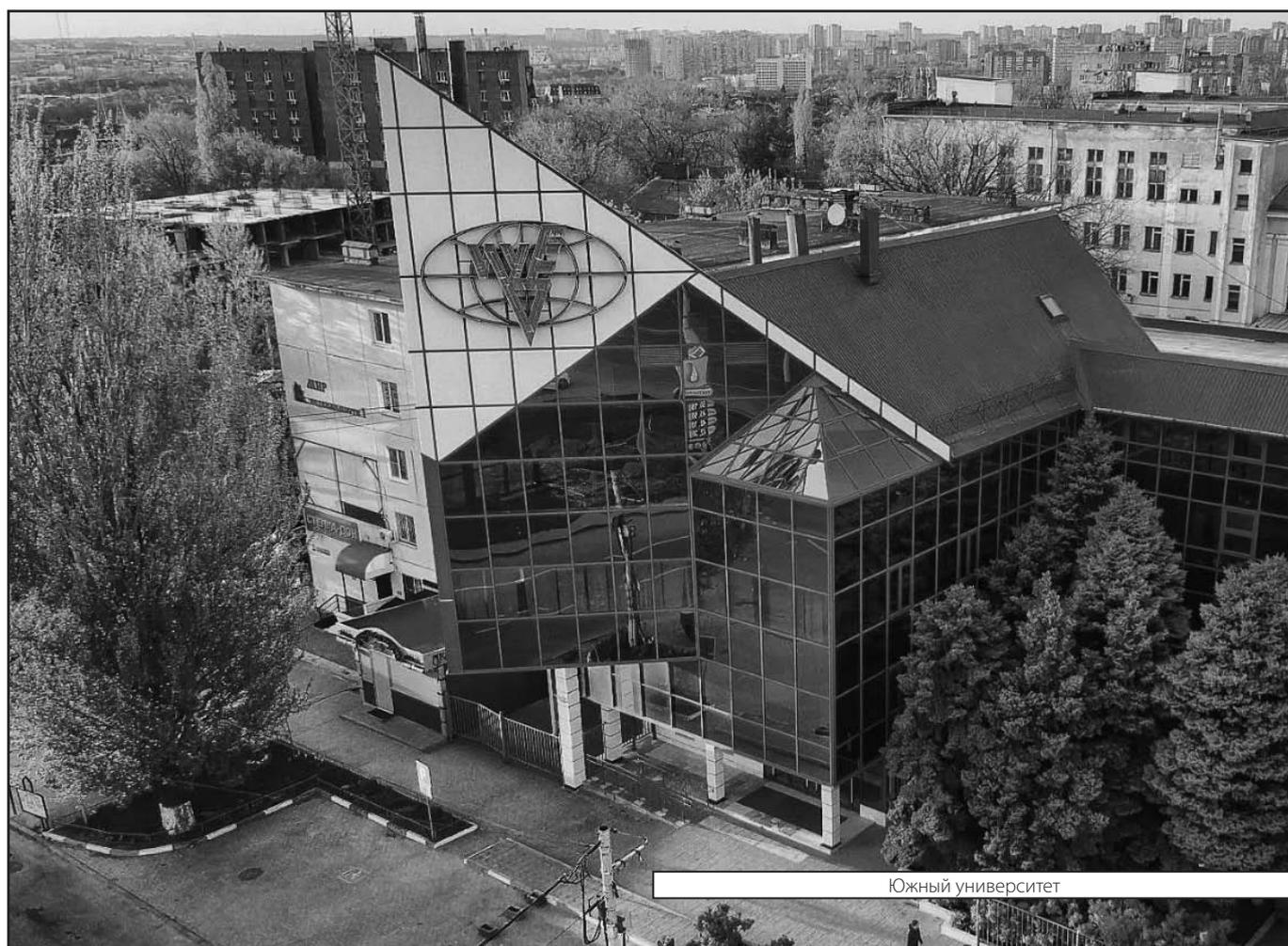
полноценной жизни в целом. Крайняя форма эскапизма – самоубийство, одновременно является свидетельством экзистенциальной нужды в подлинной встрече с иным миром, если в этом человеку с депрессией места, по его мнению, не осталось. В этом смысле, феномен эскапизма ставит проблему подлинности существования в современном мире и изучение его истоков является сейчас одной из фундаментальных проблем психологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Макгонигал. К. Хороший стресс как способ стать сильнее и лучше / пер. с англ М. Кульнева – М.: Альпина Паблишер, 2019. С 23-28.
2. Лихи. Р. Победы депрессию прежде, чем она победит тебя / пер.с англ О. Шилова – СПб.: Питер 2020. С. 40 – 49.
3. Фрейд. З. Семейный роман невротиков: сборник / Кирилл Красник. — СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. — 224 с.
4. Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/эскапизм>
5. Режим доступа: <https://pobedarf.ru/2020/02/10/3906734906ov/>
6. Режим доступа: <https://trends.rbc.ru/trends/social/620b549d9a794756e50f0f4e>
7. Режим доступа: <https://lenta.ru/news/2020/05/19/psihologi/>.
8. Режим доступа: <https://slovar.cc/med/slovar/2205485.html>.

© Папышева Елизавета Михайловна (Jbykashka@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Южный университет

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ РАЗВИТИЯ ТВОРЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ЛИЧНОСТИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

Платонова Зинаида Николаевна

К.псих.н., доцент, Северо-Восточный Федеральный университет, г. Якутск
zplatonova@mail.ru

ON THE FEATURES OF THE DEVELOPMENT OF THE CREATIVE POTENTIAL OF THE PERSONALITY OF JUNIOR SCHOOLCHILDREN

Z. Platonova

Summary: The article presents the results of a study of the characteristics of the creative potential of the personality of younger schoolchildren. The results obtained allow us to say that this problem is considered very relevant in modern psychology, and every year the interest in it increases significantly. The development of creative potential, including the development of thinking, imagination and interest in creative activity, is an important condition for successful learning in high school, so it is at the initial level of education at school that attention should be paid to solving the problem of developing the creative potential of younger students. Primary school age is sensitive for the formation of learning, the development of sustainable cognitive needs and interests, productive methods and skills of educational work, «the ability to learn»; disclosure of individual characteristics and abilities and many other qualities. The results can be used in the practice of school psychologists, teachers, and anyone interested in issues of pedagogy and the psychology of creativity.

Keywords: imagination, motivation, primary school age, creativity, gifted children, developmental program, creative potential.

Аннотация: В статье представлены результаты исследования особенностей творческого потенциала личности младших школьников. Полученные результаты позволяют говорить о том, что данная проблема считается весьма актуальной в современной психологии, и с каждым годом интерес к ней значительно возрастает. Развитие творческого потенциала, включающего развитие мышления, воображения и интерес к творческой деятельности, является важным условием успешного обучения в старших классах, поэтому именно в начальном звене обучения в школе необходимо обратить внимание на решение проблемы развития творческого потенциала младших школьников. Младший школьный возраст является сензитивным для формирования учения, развития устойчивых познавательных потребностей и интересов, продуктивных приёмов и навыков учебной работы, «умения учиться»; раскрытия индивидуальных особенностей и способностей и многих других качеств. Результаты могут быть использованы в практике работы школьных психологов, педагогов, всех, кто интересуется вопросами педагогики и психологии творчества.

Ключевые слова: воображение, мотивация, младший школьный возраст, креативность, одаренные дети, развивающая программа, творческий потенциал.

Начало обучения в школе относится к успешному времени для раскрытия ресурса творчества личности, так как именно первые годы в школе могут стать основой для его развития, чем и вызвана актуальность данной проблемы исследования.

Новые стандарты в образовании повышают критерии развития творческой личности: высоко развитое воображение и очень гибкое мышление [10]. В век цифровых технологий общество как никогда испытывает потребность в творческой личности, ориентирующейся в огромном объеме научно-технической информации, креативно мыслящей, имеющей независимую от других точку зрения, находящей плодотворный выход из проблемных ситуаций. Ученые, исследовавшие творческий потенциал, (Д.Б.Богоявленская[1], А.М. Матюшкин, Н.С. Лейтес, В.Н. Дружинин[2], Г.М. Романцев, А.И. Савенков, Е.В. Ткаченко и др.) считали главной задачей этого возраста развитие креативности младших школьников.

МЕТОДОЛОГИЯ

Зарубежные ученые (А. Адлер, А. Маслоу, Р. Мэй,

К.Р. Роджерс, В. Франкл, Э. Фромм), как и отечественные ученые, изучавшие процессы творчества (В.И. Андреев, Т.Г. Браже, Л.С. Выготский[3], Ю.Н. Кулюткин), содержание творческого потенциала (А.М. Матюшкин, Е.Л. Яковлева) и его динамику в процессе обучения с точки зрения философии (В.Н. Мясищев, А.Г. Спиркин), психологии и педагогики (Л.С. Выготский, А.Ю. Козырева, В.Ф. Овчинников, С.Л. Рубинштейн[4]), изучали природу творческого потенциала личности.

Особую актуальность проблема приобретает, когда речь идет об одаренных детях. Одаренный ребенок – это ребенок, который выделяется яркими, очевидными, иногда выдающимися достижениями в какой-то отдельном виде деятельности. Одаренные дети – отличная от других, требующая к себе пристального внимания часть нашего общества, это резерв общества в области культуры и науки, от которого в конечном результате зависит, какой сложится в будущем научная и техническая жизнь общества. Для таких детей необходимо создание адекватных условий для их успешного развития. Младший школьный возраст считается чувствительным периодом для

развития задатков и способностей к творчеству. Это время, когда ребенок входит в огромный мир знаний, получает разнообразную по характеру информацию и усваивает ее по степени своей эмоциональной насыщенности. Анализ теоретических исследований и практических наблюдений выявил три периода развития творческих способностей учащихся младших классов: уровень познавательной активности; общение с другими в школе и вне школы. [5]

Так, В.В. Давыдов отмечает, что «младший школьный возраст – это особый период в жизни ребёнка. Так как именно в этом возрасте серьезно сказывается на формировании всей личности ребёнка: расширяется кругозор, развивается мышление, изменяется характер психических процессов – восприятия, памяти, внимания, делая их более сознательными и управляемыми, и, главное, у ребёнка формируются основы мировоззрения» [6].

Творческий потенциал – это изменяющееся, комплексное качество личности, служащее основой и итогом творческой деятельности, благодаря которому полагается путь к самоопределению и самовыражению.

У младших школьников к признакам проявления склонностей к творчеству можно считать: высокую познавательность, адекватную самооценку, стабильность интересов, хорошее воображение, внимательность, самостоятельность, развитые мнемонические способности.

Как многообразная особенность личности творческий потенциал имеет свой состав:

- главную часть (индивидуальные психические процессы, способности);
- побуждающую к деятельности сторону (пристрастия, готовность к творческой деятельности как установка на разворачивание собственных качеств индивида – желаний, интересов, жизненных ценностей);
- когнитивное содержание (интеллектуальный уровень, навыки общения, механизмы работы и самоутверждения, полученные в процессе учебы, творческой работы, общения [7].

Безусловно, творческий потенциал личности является ее внутренним стержнем, обеспечивающим ей самовыражаться. Стоит подчеркнуть генетическое происхождение ее части, части - в дошкольный и школьный период, а остальная развивается в другие возрасты человеческой жизнедеятельности.

Именно разносторонний процесс взаимодействия с окружающим миром обеспечивает развитие потенциала личности к творчеству. Особенно важно, чтоб творческая среда была комфортной, способствующей раскрытию личности [6].

Наряду с этим необходимо отметить, что развитие творческого потенциала происходит на протяжении

всей жизни человека. Основными факторами развития творческого потенциала являются мотивация, креативность, воображение. Однако одним из главных факторов развития творческого потенциала детей младшего школьного возраста можно назвать благоприятные педагогические и творческие условия, которые позволяют раскрыть в каждом ребёнке начало к творческой работе, протянуть руку мастера новичку в пространстве творчества. Обучение в начальной школе содержит в себе внутренние резервы для воплощения в жизнь высокого уровня развития созидательных умений младших школьников.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Цель данного исследования состояла в изучении уровня развития творческого потенциала детей младшего школьного возраста.

Объектом исследования явились 60 детей младшего школьного возраста: 30 детей-экспериментальная группа, 30 детей-контрольная группа.

Образовательный процесс и среда имеют большое влияние на уровень творческого потенциала младших школьников. Данный процесс будет продуктивным, если будут учтены их персональные свойства личности; организована желательная обстановка для удачного развития творческого мышления.

Для решения поставленных задач был выбран следующий комплекс психодиагностических методик: тест креативности Торренса, тест дивергентного мышления Вильямса, метод формирующего эксперимента (психолого-педагогическая программа).

По методике П. Торренса определены основные факторы творческого потенциала; «оригинальность идей (редкость, нетривиальность идей), их беглость (скорость нахождения решений), гибкость (возможность разнообразия ответов), а также тщательность разработки»[8]. Тест представляет собой 3 субтеста со стимульным материалом. Для оценки показателей креативности взяты следующие факторы:

1. Беглость – показатель творческой результативности школьника;
2. Оригинальность – фактор неповторимости рисунков ребенка;
3. Абстрактность названия – говорит об умении ребенка выделить самое важное в рисунке;
4. Сопrotивление замыканию – открывает склонность к созданию новой уникальной идеи
5. Разработанность — это умение эту идею наполнить содержанием, деталями.

Группы детей далее будут иметь название экспериментальная (группа детей, в которой помимо диагностики была реализована развивающая программа)

и контрольная группа (группа, в которой были просто проведены диагностические срезы на констатирующем и заключительном этапе исследования)

Уровень творческого мышления экспериментальной и контрольной группы по тесту П. Торренса на констатирующем этапе

Группы	Уровни		
	Высокий	Средний	Низкий
Экспериментальная группа	11%	41%	49%
Контрольная группа	9%	40%	51%

У учащихся экспериментальной группы результаты были чуть выше, чем у детей экспериментальной группы. Однако при сравнении ответов детей из 2 групп, у учащихся экспериментальной группы содержание выполненных заданий выглядело несколько динамичнее.

В целом, дети с недостаточным развитием творческого мышления затруднялись рисовать, долго не могли начать работу. Отсутствовала оригинальность рисунков (овал становился лицом человека, стимульный материал – знакомыми буквами и цифрами). Названия рисунков также были нехитрыми и носили лишь констатирующий факт (гора, река, корова и т.д.).

У детей со средним уровнем развития творческого мышления задания вызвали меньше проблем в выполнении. Стимульный материал использовался шире. В их рисунках прослеживалась некоторая детализация (речная вода, голубое небо и т.д.). Более абстрактные, а не просто констатирующие названия стали носить названия их рисунков («Утро в лесу» и т.п.).

Учащиеся с высоким уровнем творческого мышления с задором и интересом работали со стимульным материалом. Их рисунки не повторялись друг у друга, авторы увлеченно описывали историю своих работ. В рисунках отмечались высокая степень детализации и абстрактный характер названий.

По тесту дивергентного мышления Вильямса детям предлагался стимульный материал с незаконченными рисунками. Детям было предложено 12 незаконченных рисунков [9]. Между группой «Экспериментальная группа» и группой «Контрольная группа» по данной методике значимые различия не были обнаружены.

Дети с недостаточным развитием творческого мышления имели те же проблемы при выполнении данного задания что и при работе над тестом Торренса. Темы рисунков были простые, однообразные, без детализации. Названия носили конкретный характер (мост, дорога и т.д.), отсутствовала абстрактность.

Уровень развития творческого мышления детей экспериментальной и контрольной группы по тесту Вильямса на констатирующем этапе

Группы	Уровни		
	Высокий	Средний	Низкий
Экспериментальная группа	4%	50%	46%
Контрольная группа	3%	55%	42%

Дети со средним уровнем творческого мышления лучше быстрее обдумывали и видоизменяли стимульный материал, показав более развитый уровень гибкости мышления, чем дети с недостаточным развитием творческого мышления. У них можно было отметить асимметричные рисунки, больше абстрактных названий рисунков.

Явное отличие показали рисунки детей с высоким уровнем творческого мышления: стимульные материалы превратились в рисунки разных категорий со своей уникальной историей. Асимметрия в характере рисунков, работа как внутри, так и вне стимула-картинки, изобилие деталей, яркость подбора цвета-таковы результаты выполненных заданий по методике Вильямса у данной группы детей.

Полученные показатели проверки уровня развития творческого потенциала младших школьников на констатирующем этапе явились материалом для проектирования формирующего этапа исследования, в экспериментальной группе была реализована программа занятий, направленная на развитие творческого мышления и потенциала. Программа состояла из 10 встреч с интервалом 2 раза в неделю.

Задачами программы являлись организация творческой деятельности для раскрытия творческого ресурса ребенка, развитие чувства психологической безопасности для учащихся в условиях творческой деятельности.

В предполагаемые результаты включались:

- позитивная динамика уровня развития творческого мышления, гибкости и оригинальности, креативности, способности к анализу и синтезу идеи;
- благоприятное восприятие предлагаемых заданий на занятиях;

В программе были задействованы работа в одиночку, парная работа, ролевые игры, споры в группе, задания практического характера, демонстрация различных слайдов, метод творческих перевоплощений, сравнения с другими и т.д.[10].

Экспериментальная программа была построена по блокам и состояла из упражнений для развития синтетичности мышления, гибкости мышления, ассоциативно-

Сравнение результатов экспериментальной и контрольной группы

Уровни	Тест креативности П.Торренса				Тест дивергентного мышления Вильямса			
	Экспериментальная группа		Контрольная группа		Экспериментальная группа		Контрольная группа	
	Констатирующий этап	Контрольный этап	Констатирующий этап	Контрольный этап	Констатирующий этап	Контрольный этап	Констатирующий этап	Контрольный этап
Низкий уровень	49%	26%	51%	42%	46%	34%	42%	36%
Средний уровень	41%	60%	40%	46%	50%	54%	55%	61%
Высокий	10%	14%	9%	12%	4%	12%	3%	3%

го мышления, креативности, носивших занимательную игровую форму: «Перевоплощение», «Клубок», «Пять желаний», «Несуществующая рыбка», «Слепой художник», «Любимое животное», «Облака -загадки», «Сюрреалистическая игра», «Волшебные кляксы» и др.

Контрольный этап исследования после реализации экспериментальной программы показал, что работа вызвала меньше затруднений у детей, они выполняли задания более свободно и спокойно. Поведение учащихся было уравновешенное, уверенное. По времени выполнения процедура диагностики заняла чуть меньше времени чем на констатирующем этапе. При этом повторная диагностика проводилась и в экспериментальной, и контрольной группах.

По данным таблицы можно увидеть, что детей с низким уровнем по методике креативного мышления Торренса в экспериментальной группе стало меньше (было 46%- стало 26%); средний уровень повысился лишь на 19 % (было 41%, стало 60%); также увеличилось количество детей с высоким уровнем творческого мышления (было 10%-стало 14%).

В контрольной группе не проводилась развивающая программа, как в экспериментальной. Тем не менее также произошла положительная динамика результатов, однако детей с низкими показателями было выявлено значительно больше чем в экспериментальной группе (26%/42%). У 60% детей из экспериментальной группы был определен средний уровень.

По тесту дивергентного мышления Вильямса также наблюдается позитивная динамика показателей детей экспериментальной группы. В 3 раза увеличилось количество детей с высоким уровнем дивергентного мышления (3%/12%). В контрольной группе показатели практически не изменились.

При повторной диагностике по обеим методикам после проведения развивающей программы у детей экспериментальной группы было отмечено: детей с низким уровнем развития креативности стало меньше. При повторной работе дети с большим желанием принимались за работу, быстрее чем раньше обдумывали свои идеи. Однако темы рисунков остались такими же как и до проведения программы: однообразными, неинтересными. Им были проставлены невысокие баллы за гибкость

мышления. Количество деталей в их рисунков увеличилось, но их названия сохранили свою конкретность. Дети расширили истории о своем рисунке.

Показатели среднего уровня также улучшились: задания вызвали еще меньше проблем в выполнении. Стимульный материал использовался так же широко. Асимметрия в рисунках, более абстрактные названия рисунков сохранились и немного изменились в лучшую сторону.

Результаты работ детей с высоким уровнем творческого мышления после проведения развивающей программы видоизменились значительно: были полностью использованы все стимульные материалы, рисунки стали иметь разные категории, новые истории, асимметричность, множество деталей и разнообразие красок.

В экспериментальной группе произошло значительное улучшение показателей творческого мышления. В контрольной группе показатели также повысились, но меньше, чем в экспериментальной группе. Можно говорить о том, что целенаправленная развивающая работа дала положительные результаты.

ВЫВОДЫ

- По полученным результатам можно говорить о том, реализация специально разработанной программы способствует успешному развитию творческих способностей младших школьников.
- Программа должна состоять из заданий, развивающих воображение, подход к детям должен быть личностным, методы в обучении-самыми современными;
- Предположение о том, что развитие творческого потенциала детей младшего школьного возраста может зависеть от особенностей образовательного процесса и среды, подтвердилось.

На сегодняшний день можно говорить о важности работы по развитию творческих способностей младших школьников с организацией оптимальных условий с учетом их персональных особенностей личности.

Таким образом, процесс развития творческих способностей у детей младшего школьного возраста позволяет отвечать веяниям времени, цифровым технологиям и инновациям и развивать условия для будущего потенциала новой России[11].

ЛИТЕРАТУРА

1. Богоявленская Д.Б. Основные современные концепции творчества и одаренности [Текст] / Д.Б. Богоявленская. – М.: Логос, 2017. – 416 с.
2. Дружинин В.Н. Психология общих способностей: учеб. пособие для бакалавриата, специалитета и магистратуры / В.Н. Дружинин - 3-е – М.: Издательство Юрайт, 2019. С. 193 – 350.
3. Выготский Л.С. Психология развития человека [Текст] / Л.С. Выготский. – М.: Издательство ЭКСМО, 2016. – 1136 с.
4. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. – СПб.: Питер, 2018. – 688 с.
5. Л.В. Степанова. Развитие творческих способностей и ранняя профориентация младших школьников. Вестник СВФУ, Серия «Философия. Педагогика. Психология.» № 2 (10), 2018.
6. Кулагина И.Ю. Психология детей младшего школьного возраста. М., 2017, 101 с.
7. Л.Н. Антилова. Развитие творческих способностей младших школьников в изобразительной деятельности. Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий № 4 (28) 2018 с.100-104.
8. Оганнисян Л.А., Дуброва Е.А. Творческий потенциал личности как ее профессионально значимый ресурс // Современные проблемы науки и образования. – 2016. – № 5.
9. Шумакова Н.Б., Щербанова Е.И., Щербо Н.П. Исследование творческой одаренности с использованием теста П. Торренса у младших школьников при специальном обучении // Вопросы психологии. 1991. № 1. С. 27–32.
10. Туник Е.Е. Модифицированные креативные тесты Вильямса. — СПб.: Речь, 2003.-96 с.
11. Луя О.В. Развитие творческого потенциала младших школьников как основы формирования позиции субъекта [Текст]: психологические науки: теория и практика: материалы междунар. науч. конф., Пермь, 5-7 апреля 2017 г. / Перм. гос. пед. ун-т ; сост. О.В. Луя. – Пермь, 2017. – 160 с.
12. Рогов Е.И. Настольная книга практического психолога в 2 ч. часть 1. Система работы психолога с детьми разного возраста. Практическое пособие / Москва, 2019. Сер. 9 Профессиональная практика (4-е изд., пер. и доп). М.: Издательство Юрайт, 2018. 412 с.
13. Бойко И.Н. Развитие творческих способностей у детей дошкольного и младшего школьного возраста: теоретико-методические основы. Интернет-журнал «Проблемы современного образования» | № 3 | 2019 с.83-90. <http://www.pmedu.ru>
14. Дмитриева Н.П. Развитие воображения младших школьников [Электронный ресурс] // Развитие креативности. 2017. URL: <http://nsportal.ru/vuz/psikhologicheskie-nauki/librar>
15. Николенко М.А. Развитие творческих способностей детей младшего школьного возраста. Вестник науки и образования № 6(42) 2018. Том 2 с.38-40.

© Платонова Зинаида Николаевна (zplatonova@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КИБЕРОНТОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД: ЦЕННОСТИ И СТРУКТУРА УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ КИБЕРУСТОЙЧИВОСТИ СУБЪЕКТОВ ОБРАЗОВАНИЯ

Симакова Татьяна Александровна

*К.псих.н., доцент, в.н.с., Академия ФСИИ России, г. Рязань
simakovatanea@yandex.ru*

CYBER ONTOLOGICAL APPROACH: VALUES AND STRUCTURE OF LEARNING ACTIVITIES AS FACTORS IN THE DEVELOPMENT OF CYBER RESILIENCE OF SUBJECTS OF EDUCATION

T. Simakova

Summary: Modern society is undergoing a process of digitalization, like each of the previous ones, this information revolution has a tremendous impact on all spheres of human existence. Transformation concerns the economy, politics, law, social activities, and the everyday way of life of people. In the context of the stated topic, of particular interest are the essential changes taking place in the field of education and, in particular, the main sphere of influence of education - the internal psychological space of a person. The functioning of the modern education system requires a reflexive understanding of the mechanisms of interaction between its subjects, which are influenced by external determination, since the products of education largely determine the well-being of the development of human civilization. The novelty of the processes of digitalization of modern education, on the one hand, explains the lack of an effective system of reflective assessment, which is the basis for managing the ongoing transformations in this area, and on the other hand, it creates an urgent need to form such a system.

Keywords: digitalization of education, educational activity, values of education, goals of education, external structure of educational activity, cyber-ontological approach.

Аннотация: Современное общество претерпевает процесс цифровизации, как и каждая из ранее происходивших, эта информационная революция оказывает колоссальное влияние на все сферы человеческого существования. Трансформация касается экономики, политики, права, общественной деятельности, бытового уклада жизни людей. В контексте заявленной темы особый интерес вызывают существенные изменения, происходящие в области образования и, в частности, основной сферы влияния образования – внутреннего психологического пространства человека. Функционирование современной системы образования требует рефлексивного осмысления механизмов взаимодействия его субъектов, претерпевающих влияние внешней детерминации, поскольку продукты образования во многом определяют благополучие развития человеческой цивилизации. Новизна процессов цифровизации современного образования, с одной стороны, объясняет отсутствие эффективной системы рефлексивной оценки, положенной в основу управления происходящими трансформациями в этой сфере, а с другой – порождает острую необходимость формирования такой системы.

Ключевые слова: цифровизация образования, учебная деятельность, ценности образования, цели образования, внешняя структура учебной деятельности, киберонтологический подход.

Отечественное образование выстраивалось на трудах нескольких поколений выдающихся мыслителей, ученых, выдающихся педагогов: К.Д. Ушинского, П.Ф. Каптерева, Л.С. Выготского, С.Л. Рубинштейна, А.Н. Леонтьева, В.В. Давыдова, П.Я. Гальперина, Д.Б. Эльконина, В.А. Сластенина. Придерживаясь личностно-деятельностного подхода, отечественная учебно-педагогическая деятельность в качестве своего центра ориентировалась на обучающихся как развивающихся субъектов образовательного процесса, при этом каждый учебный предмет выступал психолого-педагогическим средством внутреннего развития и обогащения личности, ее адаптационного потенциала к условиям объективной реальности. Учебно-воспитательный процесс строился на основе педагогического сотрудничества, ориентированного на полисубъектный характер развивающего взаимодействия.

Интенсивное развитие киберонтологического подхода в условиях цифровизации не только образования, но и всех процессов существования мирового сообщества есть прямой отклик на вызов современности. Это объясняется тем, что среда жизнедеятельности современного человека приобрела гибридный характер, ассиметрично синтезируя ресурсы реального физического мира и дополненной реальности – киберпространства, включающего в себя средства современных информационно-коммуникационных, электронных, цифровых, компьютерных технологий. Киберонтология, следуя традициям онтологической науки, призвана ответить на основной вопрос: «Что существует?», предметно ориентируясь на появление пространства киберреальности как относительно нового феномена в истории человеческой цивилизации. Опираясь на понимание онтологии американским философом У. Куайном [1], можно трактовать

возникновение и развитие киберонтологии в качестве научно-рефлексивного анализа происходящих процессов ассимиляции человека в киберреальности. При этом ключевая цель этой области научно-философского знания ориентирована на построение концептуальной научной доктрины, систематизирующей существующие значимые объекты этого процесса, их предметное отражение в новых понятиях, категориях, дающих основания для выявления закономерностей принципиально новой формы бытия – бытия в киберреальности, то есть если основным предметом изучения философской онтологии является бытие человека в полноте и единстве существующих видов (физической, субъективной, социальной) реальности, то киберонтология ориентируется на изучение бытия человека в виртуальной реальности, определяя содержание общих понятий, отражающих сущность этого вида бытия и его детерминационных связей с бытием в реальном мире. Достижение ключевой цели киберонтологии может быть реализовано посредством выполнения исследовательских задач:

- обоснование ядерных проблем описываемой предметной области;
- определение внутренних детерминант и их структуризация для установления закономерностей внутренней детерминации;
- описание предметной области исследования для уточнения значения новых понятий и возможности использования существующих понятий применительно к новому виду реальности;
- систематизация соответствующей терминологической базы;
- описание происходящих процессов и результатов субъектно-субъектных и субъектно-объектных действий предметной деятельности.

При рассмотрении современной учебной деятельности в контексте киберонтологии важно учитывать три принципиально важных позиции, требующие научно-рефлексивной психолого-педагогической оценки:

1. определение основных характеристик и критериев определения психологических феноменов, обладающих маркирующими критериями для обозначения параметров киберкомпетентности субъектов образовательного пространства, обеспечивая тем самым необходимый и достаточный уровень жизнедеятельности субъектов в условиях гибридной среды;
2. обеспечение кибербезопасности субъектов образовательного пространства, осуществляющих жизнедеятельность в киберреальности, для сохранения физического, психофизиологического и духовного здоровья с учетом антропогенности природы человека, становящегося субъектом киберактивности;
3. сохранение концептуальной природы учебной деятельности в процессе ее обогащения кибер-

ресурсами, ее ориентированности на внутреннее развитие обучающихся как системообразующую ценность для оптимальной адаптации личности в окружающем мире и ее самоактуализацию, предотвращая подмену учебной деятельности на развитие умений и навыков работы с информацией.

Каждая из перечисленных позиций имеет внутрисистемное содержание, одновременно подвергаясь внешней детерминации и оказывая комплексное влияние на целостный процесс образовательной деятельности, протекающий в смешанном или полностью дистанционном формате на основе цифровых технологий. В рамках данной статьи мы хотели бы остановиться на более подробном анализе третьей позиции в целях предотвращения наихудшего сценария в следствие деструктивного использования ресурсов электронной образовательной среды (ЭОС), когда истинная учебная деятельность заменяется имитацией учебно-педагогической активности: «Я Вам выложил(а) в ЭОСе учебник по изучаемому предмету («организация» всех этапов познавательной деятельности со стороны педагога). А мы Вам отправили часть того же учебника («демонстрация» обученности со стороны обучающихся)».

В условиях нарастающих темпов цифровизации образования важно сохранить базовые ценности образовательной деятельности предшествующего исторического этапа, которые не сводились исключительно к получению знаний. Ценностями отечественного образования являлись и являются формирование у обучающихся потребности и способности к самоорганизации в учебной и учебно-профессиональной деятельности, способности к самопреобразовательной деятельности и саморазвитию. Педагог при этом является организатором и соратником, а маркерами успешности образовательной деятельности считаются позитивные внутренние изменения в форме психических новообразований обучающихся как субъектов образовательной деятельности. Наряду со знаниями, умениями и компетенциями, составляющими картину мира и персональную определенность в ней, не менее важными показателями образованности являются активность, инициативность и ответственность за уровень обученности, воспитанности и саморазвития при наличии рефлексивной оценки как успехов, так и неудач образовательной деятельности.

Достижение успешности образовательной деятельности зиждется на методологической рефлексии педагога, применяемой в процессе проектирования педагогической деятельности, включающей компоненты учебного, воспитательного и развивающего характера. В основе оптимального педагогического проектирования и реализации педагогического проекта органично сочетаются научные принципы, ценности, цели, задачи, методы, методики, продукты, текущий контроль, оценка

и самооценка конечных результатов осуществляемой педагогической деятельности. При переходе к электронному обучению увлеченность технологической стороной, освоением ее ресурсами, организацией инновационного процесса учебного взаимодействия на основе цифровых технологий могут приводить, и, к сожалению, не редко приводят, к утрате сущностных содержательных характеристик учебной деятельности и имитации учебной активности, оснащенной интеллектуальным изживенчеством, дефицитом вербального интеллекта, утратой ценностного отношения к сотрудничеству и учебному взаимодействию, снижением созидательной энергии коммуникативного процесса, потерей интереса к академическим знаниям и культуре интеллектуальной деятельности.

Рассмотрим более детально основные компоненты внешней структуры учебной деятельности (мотивационный, операционный и контрольно-оценочный) и педагогические риски, связанные с формализацией образовательного процесса при его обогащении ресурсами кибертехнологий и осуществлении в удаленном формате.

Мотивационный компонент учебной деятельности обладает первостепенной важностью, поскольку он является первым обязательным ее компонентом. Важнейшими характеристиками учебной мотивации являются системность, направленность, динамичность и устойчивость. В отечественных психолого-педагогических исследованиях проблемы учебной мотивации особое внимание уделялось иерархичности ее строения вследствие сложных интегральных детерминаций ее компонентов: познавательных потребностей, внешних и внутренних мотивов, смысла познавательной деятельности, цели, отношения к процессу и результатам, интереса.

Возникновение учебного мотива как первого составляющего компонента учебной деятельности, по сути, является опредмечиванием познавательной потребности, то есть своего рода «встречей» потребности и предметом деятельности, посредством которого данная потребность получает возможность быть реализованной. Это очень сложный психологический феномен, основанный на возможности ассимиляции внутренней структурой психики обучающегося внешнего объекта. Это проживается в персональном психологическом пространстве как чувство необходимости, долга, возможности достижения, престижности, самоутверждения.

Вне индивидуального подхода, ориентированного на учет индивидуально личностных особенностей обучающихся, уровня их предшествующей подготовленности и при отсутствии фасилитативной поддержки в случаях неудачи как психолого-педагогической неподготовленности таковой «встречи» вероятность возникновения психологической защиты весьма вероятна, что в свою

очередь, провоцирует учебную дезадаптацию. В этом контексте нам близки идеи A.W. Chickering и Z.F. Gamson, касающиеся определения эффективных педагогических стратегий, влияющих на вовлеченность обучающихся: «формирование высоких ожиданий от результата обучения; усиление контакта между студентами и преподавателями; оперативная обратная связь; нормирование времени на выполнение заданий; активное и интерактивное обучение; индивидуальный подход с учетом разнообразных стилей обучения; сотрудничество между студентами» [3].

Использование таких цифровых средств в учебном процессе, как интерактивная доска, трансляция рабочего стола, мультимедийные презентации, цифровые учебники, облачные хранилища, интернет-тренажеры, компьютерные тестовые оболочки, онлайн-словари, подкасты, образовательные программы видеосервисов, электронные библиотеки, видеоигры должны быть сопряжены с психофизиологическими особенностями восприятия, памяти и внимания, с одной стороны, и логикой учебного процесса на основе рефлексивного понимания содержательного наполнения и соразмерности образовательного процесса – с другой стороны. Только при этом условии использование цифровых средств в учебно-педагогической деятельности обеспечивает появление у обучающихся интереса, лежащего в основе трансформации внешних учебных мотивов во внутренние.

В отечественной педагогической психологии учебная задача определяется как главный компонент внешней структуры учебной деятельности [2, с.258]. В основу такого определения положена идея А.Н. Леонтьева о том, что главная особенность учебной задачи в отличие от всех видов задач состоит в том, что ее цель и достижение результата заключаются в изменении самого субъекта учебной деятельности в виде психических новообразований. Решение учебной задачи протекает по нескольким этапам: понимание задачи; принятие задачи как лично-значимой; решение задачи, сопровождающееся эмоциональными переживаниями. При этом очень важно соблюдать психолого-педагогическое требование к конструированию учебных задач, заключающееся в том, что конструируется не одна задача, а комплекс задач в соответствии с логикой процесса познания: восприятие, осмысление, закрепление, вербальное воспроизведение, применение на практике. При системном конструировании учебных задач необходима ориентированность на достижение не только ближайших, но и отдаленных целей как целенаправленное последовательное обобщение средств системы образовательной деятельности. Что, в свою очередь подразумевает недопустимость получения обучающимися заданий без учета их подготовленности к выполнению полученных заданий; когда сформированная учебная потребность не находит предмета учебной деятельности или предлагаемый предмет

не может быть ассимилирован в силу ненадлежащей подготовленности. Конструирование учебных задач происходит в соответствии с таксономией учебных задач и со средствами учебной деятельности. При этом усвоение средств учебной деятельности происходит в процессе решения учебных задач, являясь прямым продуктом деятельности.

Названные закономерности должны лежать в основе использования преподавателем инструментов цифровых технологий в процессе организации учебно-воспитательного развивающего процесса, поскольку методологически оправданное использование цифровых технологий в образовательном процессе может предоставлять преподавателю дополнительные возможности для решения учебных задач учебной деятельности. В числе таких механизмов чаще всего используются:

- видео общение – участники могут в реальном режиме слушать лекции преподавателя, используя функцию микрофона, общаться с преподавателем, задавая вопросы. Занятия могут быть записаны и использоваться для повторения пройденного материала. В ходе семинарских и практических занятий обучающиеся могут выступать с сообщениями и докладами, получая обратную связь от одноклассников и преподавателя;

- опросы и тесты – можно проводить во время вебинара, при этом применять цифровые ресурсы: Google-формы, Мастер-Тест для опросов и тестов;
- демонстрация экрана – инструмент для наглядной демонстрации учебного материала в виде иллюстраций, рисунков, схематических изображений, таблиц для оптимизации процесса осмысления учебного материала. Этот инструмент позволяет дифференцировать учебный материал на основе использования ведущего репрезентативного канала поступления информации;
- аннотирование – инструмент смысловой обработки информации с помощью презентации, электронных досок и документов;
- внешние ресурсы – инструмент, позволяющий использовать внешние сервисы, электронные учебники, доступ к информации в облачных документах, видеоролики и документальные материалы на YouTube-канале;
- чат – инструмент, предоставляющий возможности обмена текстовыми сообщениями преподавателя и обучающихся на протяжении всего учебного занятия для дополнительных вопросов, уяснений непонятых понятий, терминов;
- индикаторы активности – инструмент для непосредственного реагирования участников учебного процесса (удивление, радость, непонимание, благодарность, желание задать вопрос и т.д.).

Следует отметить, что перечень таких инструментов

достаточно разнообразен, его ограничения сопряжены с педагогическими потребностями преподавателей в зависимости от логической последовательности учебной деятельности. Использование инструментов цифровых технологий без учета логики образовательной деятельности, увлеченность технологическими новеллами вне привязанности к внешней структуре учебной деятельности способны не только снижать эффективность учебно-воспитательного развивающего воздействия на личность обучающихся, но и провоцировать побочные продукты в качестве потери мотивации, провокации стремления получения хороших оценок вне зависимости от наличия знаний и компетенций, утрату рефлексивной самооценки.

Контрольно-оценочный компонент учебно-педагогической деятельности, включающий в себя текущий, рубежный и промежуточный виды учебного контроля на базе цифровых технологий, имеет неоспоримые преимущества в части, касающейся разнообразия вопросов; вариативности сложности, агрегации в зависимости от приоритета целей контроля; простоты и скорости обработки результатов; отсутствия влияния субъективных педагогических отношений. Самостоятельные контрольно-измерительные процедуры помогают обучающимся подвергать рефлексивной оценке степень освоенности пройденного учебного материала, определять пробелы знаний и самостоятельно тренироваться в устранении выявленных пробелов. При этом тестирование позволяет объективно сравнивать результаты применения оценочных средств, их качество, тем самым определяя возможные причины низкого уровня освоенности обучающимися учебного материала. Однако при этом важно учитывать, что электронное тестирование представляет собой абсолютно механическую оценку знаний на основе учета количества правильных ответов. В целях избегания учебной дезадаптации по причине утраты веры в свои силы рекомендуется балльную оценку сопровождать вербальными комментариями, например, указывая, где можно найти правильный ответ на вопрос, вызвавший затруднение. При наличии нескольких отрицательных результатов обучающийся должен иметь возможность получения фасилитативной помощи, в ходе которой он сможет установить главные причины отрицательных оценок (недостаточность времени, учебная запущенность, сложность учебного материала, отсутствие или недостаточность мотивации, обесценивание значение материала для будущей профессиональной деятельности и др.).

Сущностное значение педагогического контроля в рамках учебной деятельности обусловлено переходом оценки из внешнего во внутренний план, то есть осуществление трансформации интерпсихического в интрапсихическое действие на основе концепции интериоризации. Формирование внутреннего контроля

и оценки имеет поэтапный характер, это, безусловно, должно отражаться на характере тестовых опросников, ориентированных на обеспечение осознанной потребности самооценки и самоконтроля результатов учебной деятельности. В противном случае развивается интеллектуальное иждивенчество в формах присвоения чужих результатов интеллектуального труда или прилагаются усилия по изобретению способов «обмануть» программу, вместо того чтобы потратить время для изучения учебного материала. Структура внутреннего контроля и оценки включает в себя три звена: образ потребного результата действия; сличение этого образа и реального; принятие решения об устранении различия между потребным образом и реальным. При этом фокус педагогического внимания должен быть ориентирован на связи деятельностного и личностного, то есть оценивающие действия как процессуальное действие осуществляются в контексте детерминации личностных качеств, становясь субъектным качеством, свойством личности, ее рефлексивности. Это, в свою очередь, предполагает наличие навыка определения персонального дефицита знаний (компетенций), выявление причин, лежащих в его основе, умение постановки реальных задач в качестве шагов преодоления существующего дефицита знаний (компетенций). Для оптимизации этого процесса необходимо предметное использование ресурсов цифровых технологий для:

- создания объективной прозрачной системы учебно-педагогического контроля с использованием информационных технологий;
- обеспечения перерастания внешнего учебно-педагогического контроля учебной деятельности во внутренние навыки учебного самоконтроля на основе профессиональной самоидентификации;
- поощрения самостоятельной работы обучающихся по учебному самоконтролю на регулярной основе;
- осуществления постоянного педагогического

- контроля за академическими задолженностями обучающихся для осуществления психолого-педагогической профилактики учебной дезадаптации;
- осуществления на постоянной основе мониторинга причин учебной неуспеваемости и отсутствия навыков учебного самоконтроля у обучающихся.

Оптимизация образования в условиях нарастающих темпов цифровизации, развитие современной учебной деятельности, сохранение ее внешней структуры и ценностей, ориентированных на развитие обучающихся возможны только на основе научно-рефлексивного психолого-педагогического анализа оправданного баланса исторически сложившихся традиций образования и информационно-цифровых технологий. Синтез инновационных и традиционных методов обучения, воспитания и развития должен быть ориентирован на обеспечение учебно-профессиональной подготовки обучающихся в соответствии с требованиями образовательных стандартов нового поколения и социальных запросов современного общества. Достижение обеспеченности оптимального функционирования современной образовательной системы предполагает ориентированность на органичное сочетание социальных запросов со стороны общества и методологии обучения, воспитания и развития личности обучающихся как субъектов жизнедеятельности, протекающей в гибридной, социально-конвергентной среде. Использование в учебно-педагогической деятельности цифровых технологий, сетевых сообществ, информатизации должно осуществляться на основе рефлексивной методологии и быть сопряженными с целью формирования киберустойчивости личности, проявляющейся в способности синхронизации персональной активности личности в социальной среде, во внутреннем психологическом пространстве и киберпространстве личности обучающегося как субъекта формирующегося цифрового поколения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Quine W.V.O. *Ontological Relativity* // *The Journal of Philosophy*. 1968. Vol. LXV, № 7. P. 185-212.
2. Зимняя И.А. *Педагогическая психология* : учеб. пособие. Ростов н/Д.: Феникс, 1997. – 480 с.
3. Chickering, A.W., Gamson, Z.F. *Seven principles for good practice in undergraduate education*. // *AAHE Bulletin*. 1987. № 39 (7). P. 3–7.

© Симакова Татьяна Александровна (simakovatanea@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РЕФЛЕКСИВНЫЙ И НЕРЕФЛЕКСИВНЫЙ СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ЧУВСТВ В САМОПОЗНАНИИ

REFLEXIVE AND NON-REFLEXIVE WAYS TO EXPRESS ONE'S FEELINGS IN A SELF-KNOWLEDGE

**D. Fedyai
Yu. Pirlík
V. Shoshina**

Summary: The questions of individual's self-control and self-discipline development constantly attract the attention of researchers in consultative psychology, pedagogic, organization of labor. In this paper the authors, appealing to the self-knowledge practice and theory, estimate coordination between reflexive and non-reflexive ways of subject's personal emotions and feelings expression. A role of self-knowledge, particularly in the emotional sphere, is substantiated for the construction of trustful relations between client and psychologist (psychotherapist).

Keywords: self-knowledge, expression of feelings, emotional experience, knowledge, lexicon.

Федяй Денис Сергеевич

К.ф.н., доцент, ГАУ ДПО «СОИРО», г. Саратов, Россия
embryold@yahoo.com

Пирлик Юрий Иванович

практикующий психолог, экспертный член МОО
«Развитие психологической помощи», г. Москва
psycholog@pirlik.ru

Шошина Валентина Олеговна

Ассистент, ГАУ ДПО «СОИРО», г. Саратов, Россия
shoshina85@inbox.ru

Аннотация: Вопросы развития у индивида самоконтроля и самодисциплины неизменно актуальны для консультативной психологии, педагогики, организации труда. В предлагаемой статье авторы, обращаясь к теории и практике самопознания, оценивают соотношение рефлексивного и нерефлексивного способов выражения субъектом собственных эмоций и чувств. Обоснована роль самопознания, в том числе в эмоциональной сфере, в построении доверительных отношений между клиентом и психологом (психотерапевтом).

Ключевые слова: самопознание, выражение чувств, эмоциональный опыт, знание, лексика.

Введение

В системе логоцентрических идеалов самопознания субъект неизменно нацелен, прежде всего, на осмысление и понимание себя самого, собственных состояний, стремлений и действий. В настоящей статье авторы оценивают и анализируют условия и факторы, позволяющие такому осмыслению состояться. «Обыденное» самопознание, по наблюдению авторов, способно иметь даже большее практическое значение, нежели самопознание целенаправленное и упорядоченное.

Как отмечает В.В. Байлук, «...кроме осознанного самопознания существует также самопознание на обыденном уровне, когда индивид познает себя (напр., чего он хочет и как он намерен удовлетворить свою потребность), но при этом совсем не осознает того, что осуществляет познавательную деятельность» [Байлук, 2018].

Примером обыденного, стандартного самопознания можно привести «познание себя через чужое (иное) и через всеобщее» [Трунов, 2009], в формулировке Д.Г. Трунова, который полагает, что «...максимальная (тотальная) вписанность человека (субъекта) в существующие социокультурные координаты может восприниматься человеком как благо, как обретение

себя. Стандартность и встроенность здесь выступают как показатели некоей нормы (психологической, социальной, религиозной и т.д.). <...> Таким образом, главная цель стандартного самопознания – увидеть в себе всеобщее» [Там же]. Ориентация на «шаблон» не становится для субъекта ни предметом разочарования, ни тем более поводом для трагедии.

Практика психологического консультирования подтверждает, что невозможность обнаружения признаков своей принадлежности к референтному окружению вызывает у субъекта острую озабоченность: «Все уже влюблялись, а я еще ни разу!», «Они дружно радуются, а я не понимаю, чему», «Кого ни спроси – никто не переживает, только я в постоянной тревоге». В подобных ситуациях имеет смысл, на наш взгляд, последовательно рассмотреть следующие моменты, относящиеся к текущему психоэмоциональному состоянию субъекта:

Чувство N либо есть, либо его нет.

Если чувства N нет, то чего это меня лишает.

Если чувство N есть, то какое оно.

Если чувство N «не такое», хочу ли я его преобразовать в N* либо в совсем иное (L, M...).

Если я хочу преобразовать чувство N, могу (умею) ли я это делать.

Если я умею преобразовать чувство N, нужен ли мне помощник.

Итак, в структуре самопознания одно из важнейших действий, которое совмещает в себе элементы психической реальности и окружающей действительности – выражение субъектом собственных чувств. Будучи завершающим, конечным этапом последовательности исследовательских процедур, выражение чувств выступает одновременно и результатом внутренней работы субъекта, и существенной предпосылкой для разнородных актов коммуникации.

Анализ примеров из практики психологического консультирования

Одной из распространенных практик в дисгармоничных семейных отношениях является установление жестких рамок и требований для коммуникации, суть которых – всестороннее ограничение и суровое подавление подлинных (то есть, в действительности имеющих место) чувств субъекта. Сама идея коммуникации попросту теряет свой смысл, содержание и смысл общения выхолащиваются, и оно в итоге вовсе деградирует. В примерах из практики психологического консультирования здесь и далее нами выделены полужирным шрифтом словесные выражения переживаний клиентки.

Пример. Цитата клиентки: «В моей семье никогда не было принято поддерживать и хвалить, искренне говорить о своих чувствах, скорее наоборот. Нужно было пожурить, поязвить, высмеять, что мне, ребенку, было **ужасно больно и обидно**. И это самым категоричным образом сказывалось на моем восприятии себя и мира вокруг... Были попытки в детстве проявить себя: петь, плясать, самые банальные для девочки <...> но как только туда попадали родители, они тут же начинали высмеивать меня и мои способности в этой области. <...> И я более не возвращалась к тем увлечениям. И до сих пор не возвращаюсь. <...> и я очень замкнулась... резкий переход произошел. Мне было **очень грустно и одиноко**... было ощущение, что нет никого со мной рядом в этом мире... **я будто одна, совсем одна**...».

Лексические особенности высказывания, обращающие на себя внимание: уточняющими наречиями «ужасно...», «очень...», «совсем...» акцентируется тягостный характер имеющегося состояния. Многократно используется союз «и» в начале фразы, создавая ощущение стремительного накопления, наслоения друг на друга сообщаемых клиенткой деталей.

Основополагающая роль в глубинной, рассчитанной на продолжительные сроки коммуникации принадлежит искренности, открытости и взаимному доверию собеседников. Столь же важны безопасность, принятие себя и своих переживаний, связь с реальностью и готовность взять ответственность за свои мысли, действия,

поступки, усердие, терпение, выдержка, вера в себя и свои силы. Коммуникация такого рода энергетически неэкономна и далеко не всегда необходима. Искренность выражения чувств приходится регулировать с учетом готовности, намерений и даже ожиданий собеседника (группы собеседников). Раскрытие чувств перед внимательным собеседником способно принести существенную пользу в самопознании, невзирая на имеющиеся общие риски.

*Пример. Цитата клиентки: «И, к моему собственному **удивлению**, писать об этом Вам мне совсем не сложно. Наверное, потому, что я не расхваливаю себя, как мне это изначально виделось, а искренне пишу, как чувствую и ощущаю... Много было пережито воспоминаний и детских переживаний, пока я писала... иногда прерывалась, задумывалась, расплакалась несколько раз... и это были **очень разные переживания, и очень горькие**, но вдруг приходило понимание каких-то моментов, и они сменялись **облегчением** и даже **радостью**). А в конце совершенно точно было **ощущение облегчения**, будто камень с души...».

Обращает на себя внимание использование существительных для описания как исходного, так и итогового состояния клиентки в процессе выполнения письменного задания (описания себя): удивление, радость, облегчение.

По-видимому, существует определенный рубеж целесообразности самопознания (о нем более подробно сказано далее), после которого самопознание отрывается от повседневного опыта и становится самоцелью, замыкается на себе самом, все дальше уводя от окружающего мира. Субъект, в частности, развивает особую внимательность к своим чувствам, начинает распознавать и выражать тонкие их оттенки. Но в какой-то момент окружающие, не столь последовательные и настойчивые в практике самопознания, попросту перестают замечать различия, очевидные для самого субъекта. Если страдание, вызванное недостаточностью знания себя, и прекращается, на его место заступает уже страдание от непонимания окружающими. В последующем примере это непонимание формально обосновано ничтожным статусом субъекта (гиперболизированный образ – «глупая дура»).

*Пример. Цитата клиентки: «...как из сценария дешевой мыльной оперы развивается наша история... муж уже чего только про меня папе не наговорил, и убить я его хотела, и бизнес его погубила и кучу всего еще... теперь вот в суде обещает меня по миру пустить... **Чувство вины давит**. А еще **чувство собственной неполноценности**... **Глупая инфантильная дура**... которая опять ничего не может... **которую опять никто не видит и не слышит**... как-то так... если про правду...».

Окружающие, в свою очередь, тоже начинают ощущать усложнение процесса общения, при этом даже не всегда важен характер вызвавшего это усложнение самопознания («обыденное» или «осознанное»). В типовой комплект жалоб собеседников обычно входит следующее:

А) Субъект демонстрирует высокую степень автономии от чужих мнений и влияний.

Пример. Цитата клиентки: «Но, что важно, я абсолютно по-другому при этом чувствую себя. У меня нет ощущения паники и безысходности. У меня нет необходимости иметь рядом хозяина со стульчиком)».

Б) Субъект обнаруживает явную нетерпимость к проявлениям бестактности, грубости в свой адрес, резко реагирует на кажущиеся (окружающим) невинными и безобидными шутки.

В) Поведение и реакции субъекта начинают быть более категоричными, повышается требовательность к себе и к окружающим.

Пример. Цитата клиентки: «...моя цель – идти, наконец, по своему пути, пусть даже методом проб и ошибок, и пусть он будет совсем неидеальный, но он будет мой... Без гор бесконечных цу, предостережений и наставлений. Поэтому отношения с родителями несколько осложнились».

Г) В лексиконе появляются малознакомые слова, что создает впечатление неоправданного умничанья и даже высокомерия.

Д) Сокращается либо увеличивается время принятия решений, что делает субъекта не слишком удобным и предсказуемым в ведении совместных дел;

Е) Возрастает частота выражения субъектом чувств либо вербальной констатации их наличия: окружающих это озадачивает, пугает или раздражает, так как они полагают, что теперь им следует тотчас же что-то предпринять (прекратить, изменить) в ответ.

Пример. Цитата клиентки: «Со всех сторон давит, то муж со своими постоянными претензиями, либо выпрашиванием моей жалости, то папа... с папой вообще все сложнее становится, он очень злится и даже ожесточается и обижается, что я его не во всем беспрекословно слушаю и делаю многое по-своему, так, <...> как я считаю нужным, а его это больше всего и злит)».

Ж) Субъект начинает походить на «человека настроения», действующего больше из эмоций и капризов, нежели «из здравого смысла» или «в интересах дела» (отсутствие сдерживания эмоций ошибочно приравнивается к отсутствию контроля над ними).

Последний пункт особенно актуален при выборе профессии, налаживании отношений в рабочем коллективе, так как во многом связан с отысканием оптимального баланса между личным и профессиональным. На одном полюсе расположен отчетливо гротескный типаж

«человечного человека» (но вся человечность должна в идеале состоять лишь из положительных качеств субъекта). Противоположный полюс – образ «беспристрастного автомата», который просто делает дело, не давая окружающим ни малейшего шанса понять, что же он при этом испытывает. Упомянутый баланс также исключительно важен в межкультурной коммуникации. Я.В. Мисюрак напоминает, что эмоциональная экспрессия неоднородна внутри себя и подразделяется на эмоциональность и эмотивность: «Будучи используемыми в коммуникативных целях, эмоциональность и эмотивность имеют разную направленность и разное предназначение: эмоциональность сфокусирована в большей степени на субъекте (эмоции для себя), а эмотивность как сознательная, запланированная демонстрация эмоций направлена на объект (эмоции для других)» [Мисюрак, 2011]. Поэтому с точки зрения межкультурной коммуникации выражение эмоций и чувств по своему механизму может быть собственно их выражением, проявлением (expression) либо демонстрацией, показом (demonstration, exposure).

Показной характер и наигранная природа чувств «по заказу» говорят в пользу диктата неформального эмоционального идеала, который конструируется, настойчиво воссоздается и с определенной периодичностью попросту навязывается субъекту извне. Я.В. Мисюрак приводит в пример знаменитую «американскую улыбку»: «Такая улыбка выполняет социальную функцию, т.е. функцию общественного взаимодействия. Знаменитая американская улыбка выполняет сразу несколько функций: она может быть обязательным компонентом обслуживания, а также социальным признаком преуспевания. Она может использоваться в идеологической пропаганде как наглядное доказательство счастливой жизни в этой стране. Наконец, она является демонстрацией оптимизма как национальной черты характера» [Мисюрак, 2011]. Не обнаруживая внешнего маркера, репрезентирующего соответствие субъекта «действующим стандартам», окружающие вполне способны воспринять это как повод принять активное участие в устранении выявленного «нарушения», и практически невозможно «угодить» их мнению. Возникают парадоксы: например, вместо искренней улыбки, «неубедительной» для окружающих, они ожидают другую, «правильную». Субъект с чертами тревожной мнительности, неуверенности в себе, например, в подобных условиях развивает боязнь проявления себя, приводящую к усилению замкнутости и закрытости.

Итак, когда субъект убежден, что он «себя знает», тому могут соответствовать либо не соответствовать определенные внешне фиксируемые признаки, позволяющие окружающим убедиться в справедливости и обоснованности данного убеждения. Как минимум, в набор таких признаков входит способность формировать и выра-

жать субъективное отношение к конкретным персонам или социальным группам, к происходящим событиям; относительно устойчивые и предсказуемые поведенческие реакции на стандартные ситуации в быту, профессиональной деятельности, неформальном общении. Выражение чувств, при этом, способно иметь широкий диапазон – от «нечитаемых» либо тщательно замаскированных до заранее анонсированных, когда субъект прямо информирует окружающих о своей склонности к сильным и ярким эмоциональным реакциям. Наибольшая ценность «знания себя» в плане распознавания и выражения (проявления) чувств состоит в том, что они не возникают неожиданно, якобы беспричинно для самого субъекта и для окружающих («вдруг», или «ни с того, ни с сего»). То есть, знание себя не обязательно применяется субъектом для достижения поставленных целей, даже для их формулировки. Вопрос о *наличии* знания себя уступает место вопросу о *распоряжении* данным знанием, а также о его *ценности*.

Пример. Цитата клиентки: *«И у меня сейчас такое состояние, будто я уже готова прыгнуть со стульчика, но очень боюсь прыгнуть куда-то не туда). От этого очень усиливаются все фундаментальные внутренние страхи, и появилось ощущение постоянного дискомфорта и тревоги, неуверенности в себе и в том, что я делаю, и что я хочу делать. И хочу ли на самом деле... Но хорошо, что есть интеллект, который все же помогает приходиться к некоему пониманию действительности. Однако страхи очень мешают объективному восприятию, а, главное, реальным действиям».*

В некотором смысле имеется соблазн использовать «знание себя» в качестве инструмента пресловутого «повышения качества» – жизни, результата труда, отношений, профессиональной подготовки. Итогами «прикладного самопознания» оказываются новые и полезные контакты, реализованные планы и проекты, улучшенные отношения, преодоление конфликтов.

Пример. Цитата клиентки: *«Я ...начала предпринимать определенные шаги по поиску работы. И я поняла, что хочу поменять направленность работы, которую я хочу найти, на HR. Сейчас изучаю существующие курсы, максимально соответствующие тем задачам, которые я хочу освоить. А, главное, появилось понимание, чего я хочу и куда двигаюсь».*

Осознанность, ответственность, организованность в подобном сценарии самореализации выступают единым фронтом и будто бы не оставляют места для сомнений, неуверенности, непоследовательности, и уж тем более – для ошибок. Впрочем, прагматизм и амбициозность в самопознании не означают отсутствия глубоко личных или даже интимных ориентиров, скрытых от публики.

По замечанию В.В. Байлука, сознательное самопознание позволяет *каждому* человеку «...получать в зависимости от нахождения на том или ином этапе своего жизненного пути определенные ответы на следующие вопросы индивидуального человеческого бытия: «Кто я такой и почему я такой?»; «Как я отношусь к себе, оцениваю себя?»; «Кем я хочу, могу и должен стать в жизни?»; «Как мне стать тем, кем я хочу, могу и должен стать?» [Байлук, 2018].

Такое самопознание не предназначено для обеспечения роста продаж, привлечения клиентов, расширения зоны влияния и покорения прочих социально-экономических рубежей. Оно служит задачам гармонизации внутреннего мира субъекта, поддержания психоэмоционального равновесия, восполнения персональных энергетических ресурсов, «очеловечивания» межличностных отношений. Как отмечает М.П. Карнаух, мощными стимулами самопознания становятся «...кризисы, связанные со смертью близкого человека, с переживанием различного рода утрат, потерей семьи или друга, с тяжелым заболеванием; кризисы, вызванные разлукой, одиночеством, болезнью, работой или отношениями с людьми, будь то отделение от родительской семьи, смена социальной обстановки, женитьба и т.д.» [Карнаух, 2005]. При этом очевидно преобладание именно иррационального содержательного компонента: «Экзистенциальный кризис или кризис человеческой жизни воспринимается не как интеллектуальное открытие, а, скорее, как отнятие того, что у человека было [Карнаух, 2005].

Д.Г. Трунов предлагает не разделять «чувства», «эмоции», «состояние», «настроение», объединяя их в один концепт «эмоциональный опыт», который понимается как «...переживание и осознание человеком своего отношения к миру (событиям, явлениям и объектам действительности), к другим людям и самому себе» [Трунов, 2013]. Согласно Д.Г. Трунову, «...можно говорить о разных степенях вербальной дифференциации эмоционального опыта, которые фиксируются в лексических и грамматических конструкциях, <...> мы имеем четыре уровня вербализации эмоционального опыта:

- 0 – Уровень алекситимии,
- 1 – Уровень обобщенных оценок,
- 2 – Уровень эмотивной лексики,
- 3 – Уровень анализа состояния» [Трунов, 2013].

На нулевом уровне отмечается «...отсутствие вербализации, когда на вопрос «Что вы чувствуете?» человек говорит «Не знаю», «Не могу понять», «Затрудняюсь ответить» либо просто молчит; к этому же уровню отнесем ответы типа «Все нормально», «Никак», «Нейтрально», «Обычно», в которых человек не столько дает ответ, сколько уклоняется от него, а иногда попросту «отшучивается»» [Трунов, 2013].

Для психолога важно понимать:

- а) даются ли подобные ответы «автоматически», или же им предшествовала череда безуспешных попыток субъекта прояснить собственное эмоциональное состояние;
- б) в какой степени субъект, давая подобные бессодержательные ответы, рассчитывает на дальнейшее продолжение диалога;
- в) какой части цикла переживания соответствуют подобные ответы – собственно переживание еще не развернулось (к ответам применимо уточнение «пока не...»), ранее имевшиеся переживания стихли до минимальной отметки либо перестали быть актуальными (к ответам применимо уточнение «уже не...»), предлагаемые субъектом ответы выражают привычный, не зависящий либо слабо зависящий от времени способ обращения с эмоциональным опытом (к ответам применимо уточнение «всегда так»).

На первом уровне вербального выражения эмоционального опыта возникают первые простейшие крупномасштабные обобщения: субъект «...обозначает, во-первых, преобладающую полярность («знак») переживания, например: «Мне плохо (хорошо)», «Я доволен (расстроен)», «Мне приятно (неприятно)» и т.д.; а во-вторых — интенсивность переживания («очень», «сильно», «немного», «слегка» и т.д.)» [Трунов, 2013]. Показательно «...использование сленга и жаргона — от распространенных в молодежной среде «клево», «круто», «жесть», «адреналин» до ненормативных выражений. <...> Например, слово «жесть» выражает некое сильное чувство, но при этом может использоваться для вербализации и приятных, и не приятных переживаний» [Там же].

Пример. Цитата клиентки: «У меня горе, да ...я брошенка с детства ...рождена быть одной... жестко звучит мне сейчас, я любви не напилась...».

Специфика герменевтики эмоционального опыта субъекта на данном этапе состоит в необходимости выявления и устранения влияния популярной в клиентской среде идеи о «всеведении» психолога. Такой идеализированный психолог безупречно понимает с первого раза, превосходно ориентируется в последних тонкостях любого сленга, обязательно распознаёт невысказанные либо описанные приблизительно, сбивчиво, непоследовательно переживания. Такой психолог сразу предложит проверенные и дающие гарантию результативности инструкции по избавлению от нежелательных переживаний либо по приобретению необходимых. Наконец, такой психолог способен научить воздействию на другого человека в целях возникновения у того необходимых субъекту чувств или искоренения «мешающих» (например: «как влюбить в себя?», «как прекратить его (её) истерики?», «как отучить сме-

яться/плакать по малейшему поводу?»).

Не исключено, что субъект, активно использующий жаргонизмы, пытается таким образом скрыть тягостные либо слишком сильные переживания от самого себя, обозначить свою принадлежность к определенному кругу общения («там все так разговаривают»), или тестировать психолога на «кругозор и эрудицию». Для перевода со сленга на общеразговорную лексику требуется неплохой словарный запас из общеупотребительных слов, и клиент, не обнаруживая у себя такого запаса при общении с психологом, способен впасть в раздражение и возмущение.

Второй уровень вербализации эмоционального опыта отличается появлением эмотивной лексики (эмотивы), «...например: «Мне обидно», «Я в гневе», «Я боюсь», «Мне стыдно» и пр.» [Трунов, 2013]. Такая лексика «...предполагает (1) большую степень самораскрытия, а значит, (2) более глубокое погружение в себя (рефлексию) и (3) доверие к собеседнику. Наконец, (4) этот уровень требует уже достаточного запаса слов, которыми обозначаются (специфицируются) эмоции, и (5) умение этими словами воспользоваться, т.е. наличие навыка описания своего эмоционального состояния» [Трунов, 2013], «...включает следующие лингвистические варианты (формальные категории): (1) процесс («Я обиделся»), (2) состояние («Мне обидно»), (3) объективация («Я чувствую обиду»)» [Трунов, 2013].

Пример. Цитата клиентки: «Я его уже ненавижу. Исчезает всякое сочувствие. Я становлюсь зверем рядом с ним»; «Скажу, что я озорчена, да. Особенно тем, что говорю все постороннему чужому, фактически, человеку. Это как-то подчеркнуло мое одиночество просто в этом состоянии. Муж далек, отстранилась».

Если окружение субъекта не видит особо ценности в самопознании, а тем более – в практике выражения чувств, то попытки сообщить словами о своих чувствах имеют риск быть воспринятыми как излишняя демонстрация, неуместная театральность или вообще манипуляция. Условный отрицательный полюс выражения чувств предусматривает в качестве эталона бесстрастное выражение лица, сдержанность и минимализм в жестах и немногословную речь. Условный положительный полюс выражения чувств ориентирует на снятие максимального количества ограничений и внутриличностных требований в пользу открытости, смелости и раскрепощения перед окружающими. При этом нередко одинаково приветствуется вовлечение вербального и невербального компонентов. Более подробно внимание положительному полюсу выражения чувств будет уделено далее.

«Выход на третий уровень вербализации – аналити-

ческий уровень – доступен в основном «избранным», людям с высоким уровнем эмоционального интеллекта, тем, кто в своей деятельности часто имеет дело с эмоциональным опытом – своим или чужим» [Трунов, 2013].

Пример. Цитата клиентки: «Еще во время сессии, после вашей аналогии плюса и минуса, у меня **возникла ассоциация с диполем. Я была поражена. Это именно то, чему я соответствую. Именно диполь. Идеализированная система, которую ввели для объяснения. ...это удивительно, но что-то отозвалось, возможно, оно еще во что-то вызреет, но пока только стихи и какая-то умиротворенность...**».

Перспективная направленность и динамичный характер процедуры самопознания подмечены, в частности, С.Ю. Кишкилевым: «Человек в ходе жизни накапливает о себе знания и познает себя, полученная информация составляет содержательную часть его представлений о себе. То, что раскрывается в этих знаниях, оказывается объектом его оценок, эмоций, становится предметом его более или менее устойчивого самоотношения» [Кишкилев, 2018].

Заключение

Субъект, достигший третьего уровня выражения чувств, не становится некой психологически привилегированной персоной на постоянной основе. Так же, как

и у остальных, у него возможны периоды затруднений, ощущения тупика в понимании себя, разочарование в уже осмысленном, понятом и прожитом. Нередко клиент, имеющий солидный опыт работы с психологом, с удивлением констатирует, что неожиданно встретился с уже, казалось бы, давно «проработанной и закрытой» темой или проблемой. Такое положение дел вынуждает сомневаться или в себе, или в профессионализме психолога, хотя подобные ситуации скорее свидетельствуют о появлении новых возможностей в самопознании, нежели об «утрате навыка».

Разделение клиентом эмоционального опыта по линии «свой-чужой» также крайне важно для продуктивного взаимодействия с психологом. Кандидатура психолога, обладающего сходным с имеющимся у потенциального клиента эмоциональным опытом, часто представляется оптимальной, поскольку якобы обеспечивает «правильное», «наилучшее» понимание. В то же время само по себе это понимание, равно как и знание, далеко не единственный инструмент, необходимый для осуществления личностных изменений у клиента, а среди прочих инструментов, возможно, и не самый главный. Эмоциональный опыт не обязательно занимает одинаково важное место в структуре общего опыта у клиента и у психолога, а это существенно влияет на дальнейшие перспективы их взаимопонимания и взаимодействия в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Байлук В.В. О природе самопознания // Педагогическое образование в России. 2018. № 5 // <https://cyberleninka.ru/article/n/o-prirode-samopoznaniya>.
2. Карнаух М.П. Экзистенциальный кризис как основа самопознания // Вестник Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова. 2005. № 2 (10) // <https://elibrary.ru/item.asp?id=18917545>.
3. Кишкилев С.Ю. Соотношение понятий «self-awareness», «self-consciousness», «самосознание» и «самопознание» // Электронный журнал «Психолого-педагогические исследования». 2018. Том 10. №3. – С. 46–55 // doi: 10.17759/psyedu.2018100305 ISSN: 2587-6139 (online).
4. Мисюрак Я.В. О выражении чувств и эмоций в разных культурах и языках // Вестник МГОУ. Серия «Общественно-политические и гуманитарные науки». 2011. № 1. – С. 72 // <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17415280>.
5. Трунов Д.Г. Уровни вербализации эмоционального опыта // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2013. Выпуск 1 (13) // <https://cyberleninka.ru/article/n/urovni-verbalizatsii-emotsionalnogo-opyta>.
6. Трунов Д.Г. Этапы и стратегии самопознания // Развитие личности. 2009. № 1 // <https://cyberleninka.ru/article/n/etapy-i-strategii-samopoznaniya>.

© Федяй Денис Сергеевич (embryold@yahoo.com), Пирлик Юрий Иванович (psycholog@pirlik.ru),
Шошина Валентина Олеговна (shoshina85@inbox.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПСИХОЛОГИЯ ШКОЛЬНИКОВ В СТАРШИХ КЛАССАХ

PSYCHOLOGY OF HIGH SCHOOL STUDENTS

R. Kholov

Summary: The article deals with the psychological characteristics of high school students. The author analyzes the state of social development of high school students. The article examines the features of self-esteem of adolescents, and also reveals the features of the psychological development of high school students.

Keywords: senior school age, gender deviations, social development, self-determination, self-esteem, early youth.

Холов Рустам Махмадризович

Аспирант, Московский информационно-технологический университет - Московский архитектурно-строительный институт (МИТУ-МАСИ), МО г. Ивантеевка
rustam_kholov@inbox.ru

Аннотация: В статье исследуются психологические особенности старшеклассников. Автор анализирует состояние социального развития старшеклассников. В статье исследованы особенности самооценки подростков, а также гендерные особенности психологического развития старшеклассников.

Ключевые слова: старший школьный возраст, гендерные отличия, социальное развитие, самоопределение, самооценка, ранняя юность.

Старший школьный возраст приходится на подростковый и юношеский. Данный возраст является одним из ключевых периодов становления личности, включающего осознание смысла жизни и своего предназначения. Большинство ученых сходятся во мнении, что подростковый возраст и юность являются основными периодами формирования убеждений и способности самостоятельно строить свой жизненный путь. В настоящее время ситуация развития старшеклассников осложняется еще и сложностью социальной перестройки в нашей стране, поэтому необходимо изучение психологии современных юношей и девушек, особенности ее формирования и личностной саморегуляции.

Изучение общих подростковых проблем является неизбежным требованием времени. Проблема развития саморегуляции в старшей школе актуальна всегда, так как это поколение наименее социально связано и имеет самые нестабильные взгляды, модели поведения и отношения с окружающим миром. Поэтому важно понимать факторы, влияющие на развитие психологии человека.

В связи с этим актуальность изучения данного вопроса обусловлена рядом причин. Во-первых, необходимо системно и всесторонне изучить проблему развития личности старшеклассников в условиях неустойчивой социальной ценностной ориентации. Во-вторых, направленность современного образования заключается в формировании самосознания старшеклассников в процессе обучения.

Учитывая, что ранняя юность – это возраст самоопределения, творческого поиска и открытий, воплощение стремления к творческому самовыражению и самореализации, можно говорить о важности изучения особенностей психологии старших школьников.

Цель статьи – проанализировать психологические особенности личности старшеклассников.

Задачи:

1. Проанализировать состояние социального развития старшеклассников.
2. Проанализировать особенности самооценки подростков.
3. Проанализировать гендерные особенности психологического развития старшеклассников.

Подростковый возраст отделяет детство от взрослой жизни. Этот период принято делить на ранний подростковый возраст, т. е. старший школьный возраст (15-18 лет) и поздний подростковый возраст (18-23 года). В этот период фактически завершается развитие основных физиологических и психологических функций, необходимых для зрелого существования взрослого человека [3, 229].

Состояние социального развития в раннем подростковом возрасте является «порогом» самостоятельной жизни. Ранний подростковый возраст (уровень старшей школы) характеризуется крайне неравномерным развитием как на внутриличностном, так и на межличностном уровнях. Переход от раннего к позднему подростковому возрасту характеризуется сменой направленности развития: заканчивается начальный период самоопределения и начинается переход к самоактуализации. 17-летний кризис наступает в поворотный момент между школьной жизнью и взрослой жизнью. Если подростки заканчивают школу в 15 лет, кризис смещается на этот возраст. Этот возраст является определяющим переходным периодом в жизни любого человека. Не случайно этот период называют кризисным, он связан с нарастающими трудностями и требует особой заботы со стороны родителей и педагогов. Отличительную черту этой стадии онтогенеза можно выразить словами: «Уже не ребенок, но еще не взрослый».

Основной социальной задачей старшеклассников

является выбор карьеры. Общее образование дополняется профильным специальным образованием. Выбор направления и типа учебного заведения неизбежно дифференцирует жизненные пути девушек и юношей и все вытекающие отсюда психосоциальные последствия [2, 232].

К основным новообразованиям подросткового возраста относятся появление жизненного планирования, саморефлексии, осознание собственной личности, подготовка к самоопределению, установка на сознательное построение собственной жизни, постепенный рост во всех сферах жизни. Иными словами, юность — это время выбирать жизненный путь, поступать в институт, заниматься выбранной профессией (поиском), создавать семью, идти в армию, выбирать стиль и т.д. [4, 117].

Подростковый возраст характеризуется самоанализом и рефлексией. Для этого возраста характерна повышенная эмоциональная возбудимость (резкие перепады настроения, неуравновешенность, тревожность). При этом, чем старше юноша или девушка, тем более выражено улучшение общего эмоционального состояния. Рост самосознания определяет рост требований молодежи к окружающим людям и к себе, повышение требований к нравственным качествам своего микроокружения (как правило, характеристики девушек), степень повышенной критики и самокритика.

В этот период формируется система представлений о себе, истинных или ложных, психологическая реальность, влияющая на поведение и порождающая определенные переживания. В самосознание вводится фактор времени (молодые люди начинают жить будущим). Все это связано с возрастающей самостоятельностью, личным контролем, открытием своего внутреннего мира и новыми этапами интеллектуального развития. Главное завоевание юности — открыть свой внутренний мир, освободившись от взрослой жизни. Внешний мир начинает восприниматься через себя, склонность к систематизации и самоанализу. Относительно себя подростки чаще говорят о слабостях, чем о достоинствах. И у юношей, и у девушек отмечается грубость, раздражительность, эгоизм. Среди положительных черт чаще всего встречаются следующие характеристики: «Я не подведу своих друзей», «Я верен своим друзьям», т.е. те качества, которые важны для сближения со сверстниками, или те, которые мешают это (эгоизм, грубость). То же самое касается самооценки, как одной из важнейших психологических характеристик молодежи (принятие, одобрение или неприятие, неудовлетворенность собой), разрыв между идеальным и действительным «Я» [1, 286].

Таким образом, в условиях формирования самосознания происходит четкая дифференциация гендерных ролей, то есть развитие мужских и женских форм пове-

дения у юношей и девушек, о чем свидетельствует быстрое усвоение гендерных социальных стереотипов. В процессе самоопределения, пытаясь понять окружающий мир и самих себя, молодые люди ищут смысл жизни вообще и смысл своей жизни в частности. В результате у них формируются не только убеждения и взгляды, но и мировоззрение — взгляд на мир в целом, система убеждений, выражающая отношение человека к миру и его первичную ценностную ориентацию.

Развитие и воспитание способности решать нравственно-этические задачи до сих пор мало освещается в психолого-педагогической литературе, хотя некоторые авторы работ по возрастной и педагогической психологии: И.С. Коэн, Л. Кольберг, Л.И. Рувинский и др. указывают на важность развития этого навыка в юности. Морально-этические вопросы особенно остро стоят перед подростками. По сравнению с предыдущими поколениями старшеклассников, современные старшеклассники более склонны к размышлениям о мире и своем месте в нем, ведь именно на этом этапе четко очерчивается мир и «я» и различие между вымыслом и реальностью. Этот период — период бурного «заражения» новыми идеями, период переживаний, эмоций, мыслей, увлечений, убеждений о своих идеалах и своих силах, интереса к собственной личности, поиска идеалов, жизненных целей, недовольство собой.

Исследования подростковой психологии И.С. Кона и американского психолога Л. Кольберга показывают, что переход от традиционной морали к автономной морали происходит в юношеском возрасте. Развитие автономной нравственности, связанной с критическим осмыслением общественных нравственных норм, осмыслением нравственных конфликтов, поиском и признанием собственных нравственных принципов, стимулируется, в частности, творческими актами нравственного выбора. Таким образом, моделирование и применение в обучении и воспитании ситуаций нравственного выбора является необходимым условием нравственной деятельности старших школьников. В юности, когда формируется нравственность, нравственная сфера постепенно утрачивает черты «наивности» и приобретает основные качества, которыми обладает нравственно взрослый человек.

Следует отметить, что человек, достигший высокого морального уровня в юношеском возрасте, имеет моральную устойчивость, которая может длиться всю жизнь. В социальном плане нравственная модель старшеклассника представляет собой нравственную ступень, с которой человек, восходящий на эту ступень, без скидки на возраст может считаться высоконравственным. Чтобы войти в общество и наладить эффективные отношения с окружающими, человек должен понимать последствия своих действий для себя и других. Именно это понимание дает эмоции и ценный опыт. Повышение

частоты переживания негативных нравственных чувств с возрастом помогает молодому человеку лучше понимать последствия своих поступков, а повышенный уровень эмпатии позволяет более грамотно относиться к окружающим [5, 67].

В подростковом возрасте сочувствие направлено на близкий круг друзей, наряду с сочувствием к проблемам близких друзей. Обычно это сочувствие к безответной любви. Также может проявлять симпатию к героям фильмов и книг. Еще одной опухолью в общении со сверстниками в подростковом возрасте является развитие и дифференциация дружбы и любви. Подростковый возраст характеризуется новым типом общения, субъектом которого является сам молодой человек как субъект отношений. Желание общаться со сверстниками противоположного пола. В исследованиях И. К. Кузнецова установлена, что в содержании мыслей о сверстниках противоположного пола высоко ценятся качества, выражающие отношение к окружающим и помогающие установить дружеское общение. И юноши, и девушки выразили свое позиционирование качеств личности, способствующих социальному успеху, что ярко отражает потребность юношей в самоопределении, в основном в планировании карьеры.

Юноши и девушки нуждаются в помощи старших, так как при развитии этих новых отношений они сталкиваются со многими проблемами. Такие проблемы включают в себя и особенности взаимоотношений, и моральные и нравственные проблемы, и ритуалы ухаживания, и сам момент объяснения в любви. Но такая помощь со стороны старших должна быть ненавязчивой, потому что молодые люди хотят и имеют полное право оградить свой интимный мир от вторжения и подглядывания.

Необходимо учитывать гендерные особенности стереотипов в воспитании представителей разных полов [1]: строгое воспитание мальчиков с частым устранением эмпатических черт личности и очевидная поддержка сочувствия у девушек. Это связано с тем, что биологические изменения заметны не только для подростка, но и для окружающей среды, которые начинают воспринимать его как объект сексуального внимания с соответствующими интересами и возможностями. Это означает, что в жизни молодого человека появляется что-то совершенно новое – и, как и любое новое, оно может быть привлекательным только благодаря своей тайне. Поэтому сексуальность вряд ли может стать чем-то банальным и повседневным с искренних позиций молодых людей.

Действительно, поведение юношей резко меняется с наступлением половой зрелости. Они теряют свою «самоутвержденную» грубость и, более того, часто смущаются, когда встречаются с представителями противоположного пола. В это время многие молодые люди обоего

пола чрезвычайно чувствительны к своей внешности. Исследования показали, что наименьшая степень удовлетворенности своим внешним видом наблюдается у девочек в возрасте 13 лет и у мальчиков в возрасте 15 лет, после этого удовлетворенность собой неуклонно возрастает.

В то же время, когда превышен 15-летний возраст, среди юношей с социально адекватным восприятием имеется тенденция к снижению, тогда как у девушек наблюдается противоположная картина. По-видимому, для девушек это связано с циклической обратной связью между отрицательными эмоциями и доминирующим левым полушарием, что коррелирует с функциями сознания (как части интеллекта). Для юношей это время колебаний между интенсивной активностью и духовным безразличием и / или полной апатией, между всепоглощающей радостью и / или отчаянием, между смелостью и страхом, между смелостью и трусостью, между идеализмом и прагматизмом. Все это позволяет предположить формирование у девушек данного возраста правосознания, а у юношей — самосознания.

Теории Элkinда о самоцентрированности подростков содержат идеи, которые позволяют понять, почему, несмотря на попытки родителей и средств массовой информации информировать детей о рисках и опасностях, взрослые по-прежнему не препятствуют им. Согласно этой теории, подростки часто говорят с воображаемой аудиторией и смотрят на нее в своих действиях.

Фактически, они могут чувствовать, что реальная среда практически не интересуется их речами и действиями и только навязывает поведение взрослых, для которых их личность еще не достигла каких-либо объективных предпосылок. Вероятно, отсюда и происходит это явление: подростки считают, что они являются центром общественного внимания не реальной аудитории, а воображаемой, что часто приводит к тому, что они больше взаимодействуют с собой и воображаемой аудиторией, чем друг с другом или с родителями.

Доминанта сверхсознания проявляется не только в формировании этого виртуального мира, который взрослые – возможно, справедливо – называют эгоцентричным. Здесь также то, что Г. Гельмиус определяет после Элkinда как «личная фабула» (личный миф). Подросток обычно считает, что он и его мысли абсолютно уникальны, непогрешимы и правдивы, и никто в мире не может испытать что-то подобное ему или ей.

Обратная сторона личной фабулы – вера подростка в его уникальную неуязвимость: несчастные случаи и катастрофы, нежелательная беременность и венерические заболевания – все это может произойти «с другими, но не со мной». На фоне виртуального существования и

этой субъективной исключительности молодых людей легко понять, что всю информацию, которую взрослые хотят донести до них, вряд ли можно воспринимать как актуальную для их повседневной жизни. Это связано с тем, что язык правосознания у взрослых не соответствует языку самосознания и переосознания у молодых людей.

По этой причине значение групп сверстников, в которых подростки находят адекватную поддержку для преодоления своих физических, эмоциональных и социальных изменений, необычайно сильно возрастает в подростковом возрасте. Подобное притягивает подобное, и молодые люди знают, кто испытывает то же, что и они. Согласно исследованию, проведенному в 1984 году, дети в возрасте от 14 до 16 лет проводят свое время следующим образом: 25% в семье, 50% в группе сверстников и 25% в одиночестве. В то же время, время, необходимое для общения со сверстниками в возрасте 16 лет, продолжает увеличиваться.

Юноши этого возраста уже могут смело рассматривать ситуации, противоречащие действительности, так что виртуальные миры Интернета или научной фантастики, эксперименты с оккультизмом, культами или экстремальные психические состояния, связанные с наркотиками, могут стать для них обычным увлечением. Кризис этого возраста, по-видимому, можно объяснить, прежде всего, несогласованностью гендерного самоопределения. Примечательно, что наблюдается статистически значимое снижение интереса к высказываниям о любви и будущей семейной жизни у девушек, особенно в возрасте от 14 до 15 лет, в то время как количество высказываний на эту тему у юношей снижается только к 16 годам [5, 98].

Примерно к 15-16 годам юноши и девушки начинают понимать, что большинство людей не обращают никакого внимания на свой внутренний мир; и это приводит к

тому, что их эгоцентризм постепенно отступает. Обычно к этому времени устанавливаются первые сексуальные отношения, а также нередко завязываются возобновляемые отношения с родителями. И все же, как отмечает Г. Крейг, «юность — это период интеллектуального опьянения». Поэтому характерным здесь можно считать более или менее спокойное отношение к другому полу и обострение ярко выраженного интереса к выбору будущей профессии. И юноши, и девушки начинают сопоставлять свои потребности, интересы и ценности с теми способностями и возможностями, которые есть у них «от Бога» или которые они самостоятельно достигли на более ранних этапах развития.

На основании анализа психолого-педагогической литературы и результатов исследования можно сделать вывод, что личностные особенности влияют на формирование самооценки и способствуют развитию личности. Таким образом каждый человек строит себя и выбирает свой жизненный путь, строит свои отношения с другими людьми, наконец, совершает и исправляет ошибки. Задача семьи, воспитательных учреждений не в том, чтобы непосредственно воздействовать на личность подрастающего поколения с целью достижения желаемых результатов, а в том, чтобы создать необходимые условия для самосозидания, самостановления и самовоспитания, актуализировать механизмы самопознания и саморазвития.

Подводя итоги, следует отметить, что самопознание и саморазвитие на определенных возрастных этапах подчинены объективным законам. Многие зависят от социального окружения, взрослых, которые берут на себя обязательство сопровождать и поддерживать процессы самопознания и саморазвития каждого старшеклассника. Культура самовоспитания, предпосылки самореализации будут зависеть от того, как они смогут организовать эти процессы, насколько они сами в них включены.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баева И.А., Шахова Л.И. Формирование и поддержка состояния психологической безопасности учащихся кадетских классов [Электронный ресурс] // Психолого-педагогические исследования. 2016. Том 8. № 4. С. 91–101.
2. Бадашкеев М.В. Развитие личности старшеклассников в условиях сельской школы // Педагогический журнал. – 2017. – Том 7. № 1В. – С. 442-449.
3. Левкова Т.В. Сравнительный анализ жизненных ориентаций современных старшеклассников и студентов // Педагогика, психология, общество: от теории к практике : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с международным участием (Чебоксары, 26 нояб. 2021 г.) / редкол.: Ж.В. Мурзина [и др.] – Чебоксары: ИД «Среда», 2021. – С. 235-237.
4. Снегова Е.В., Мальцева С.Е. Психологическое исследование профессиональных предпочтений старшеклассников // Учёные записки Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы. 2019. Том 32. № 2. С. 130–137.
5. Сергунин С.А. Психологические особенности развития старшего подростка с первичными отклонениями в поведении : дис. ... канд. психол. наук / Сергунин С.А. – Астрахань, 2006. – 187 с.

© Холов Рустам Махмадризович (rustam_kholov@inbox.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ МЕЖДУ СТУДЕНТАМИ ИЗ ГОРОДОВ И СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ КАК ВИД МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

INTERACTION BETWEEN STUDENTS FROM CITIES AND RURAL AREAS AS A TYPE OF INTERCULTURAL COMMUNICATION

*Yu. Shevtsova
N. Varshaver
S. Plotnova*

Summary: The article deals with the problem of differences in the social situation of city and rural students' entering a new educational environment of the university. The role of factors influencing the process of adaptation to studies at the university is determined, a number of criteria for distinguishing the social response of urban and rural students are identified.

Keywords: intercultural communication, multiculturalism, tolerance, socio-psychological maladaptation.

Шевцова Юлия Викторовна,

*К.п.н., доцент, Приволжский исследовательский
медицинский университет
yulia.shevcz@yandex.ru*

Варшавер Наталья Валентиновна,

*старший преподаватель, Приволжский
исследовательский медицинский университет*

Плотнова Светлана Владимировна,

*старший преподаватель, Приволжский
исследовательский медицинский университет*

Аннотация: В статье рассматривается проблема различий в социальной ситуации вхождения студентов из города и из сельской местности в новую для себя образовательную среду вуза. Определяется роль факторов влияния на процесс адаптации к учебе в вузе, выделен ряд критериев отличия социального реагирования студентов-горожан и студентов-сельчан.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, поликультурность, толерантность, социально-психологическая дезадаптация.

Современная тенденция глобализации охватывает множество социокультурных процессов, среди которых межкультурное взаимодействие находится в статусе краеугольного камня — взаимодействие с другими культурами постепенно становится более частым, ежедневным, возникающим в бытовых, образовательных и трудовых сферах жизни человека на постоянной основе. Поликультурность современного общества, как на уровне страны, так и в мировом масштабе, осложняется возникающими моментами напряженности во взаимоотношениях, которые продиктованы языковыми, этническими и религиозными отличиями. Очевидным путем решения подобных проблем выступает повышение образовательного уровня социума, обретение необходимых межкультурных компетенций и развитие толерантности, что актуализирует влияние образовательной среды и выводит его роль на первый план.

Образовательное пространство одновременно выполняет функции и непосредственных межкультурных коммуникаций, и формирования культурных и ценностных ориентаций. В этом процессе главную роль играет этноцентризм, выражающийся в субъективном оценивании социальных отношений и поведения партнеров по взаимодействию сквозь призму ценностей и норм собственной культуры. Данная специфика также осложняет межкультурное взаимодействие и способна снижать эф-

фективность коммуникации в виде проявлений межэтнической напряженности и интолерантных установок [8].

В настоящее время высшее образование характеризуется открытостью образовательного пространства, в котором успешно сочетаются различные варианты межкультурного взаимодействия. Поликультурность студенческой среды формируется за счет практик международного сотрудничества образовательных организаций, программ студенческого обмена, популяризации вариантов стажировки, образовательной миграции. Специфика межкультурной коммуникации в таком формате становится всё более важной для формирования и развития умений эффективных и успешных контактов с представителями других культур и социальных ценностей у будущих специалистов. При этом опыт межкультурных контактов остается подвержен ряду факторов влияния — социально-психологическим особенностям студентов, ценностным представлениям, стереотипам восприятия и поведения, культурным барьерам и др. [1]

Среди основных содержательных компонентов высшего образования с позиции учета его поликультурного характера можно выделить наиболее актуальные:

- получение и усвоение знаний о многообразии культур в современном социуме, о самобытности

многочисленных культурных представлений и неизбежности проявления культурных различий в ходе коммуникации;

- развитие ценностного понимания, восприятия и взаимодействия человека с окружающим миром и людьми, закладывающих основу гуманных взаимоотношений;
- овладение многочисленными способами, приемами и техниками успешного межкультурного взаимодействия, подразумевающего вербальные и невербальные коммуникационные каналы, психологическую и психическую способность к эмпатии и восприятию другой культуры [2].

В единой проблематике с вопросами толерантного межкультурного поведения рассматривается просоциальное поведение, проявляющееся в личностной тенденции устранить или облегчить бедственное положение другого человека — оказать помощь, пожертвовать личными интересами, поставить проблему другого человека во главенствующую позицию по отношению к собственным субъективно значимым; подобное поведение напрямую зависит от уровня развития эмпатии. Особенностью просоциального поведения можно назвать его внекультурный характер: другой человек («человек в беде») воспринимается как личность независимо от культурных различий. Ряд исследований просоциального поведения в межкультурном контексте обозначил актуальную и на сегодняшний день его особенность – разность проявлений у студентов, которые воспитывались в городских и сельских семьях [7,6].

Проблема межкультурной коммуникации между студентами из городов и сельской местности рассматривается как взаимодействие разных менталитетов, причем в процессе обучения в вузе претерпевающих трансформацию культурной идентичности. Так, социально-психологический базис межкультурных коммуникационных процессов между студентами, выросшими в разных условиях жизни, состоит во взаимной аккультурации, и чем чаще и обширнее становятся контакты с новой социокультурной средой, тем быстрее развивается динамика такой образовательной аккультурации.

В вопросе взаимного культурного влияния городского и сельского менталитета студентов особую роль играет фактор психологической адаптации к новым образовательным и социокультурным условиям. Студенты сталкиваются с расширенным числом межкультурных контактов по сравнению с опытом школьного обучения, что порой затрудняет адекватное восприятие, участие в различных мероприятиях, акциях, общение в группах и проявление образовательных инициатив у студентов, имеющих недостаточный или фрагментарный опыт межкультурного взаимодействия и коммуникации. Процесс межкультурной адаптации в вузе происходит под влия-

нием индивидуальных (возраст, пол, образование, личностные характеристики, мотивация, ожидания и жизненный опыт) и групповых факторов (степень сходства или различия менталитетов; культурные особенности, их стабильность, подверженность внешнему влиянию) [10].

Выраженность культурных различий между студентами из городов и сельской местности прослеживается по параметрам профессиональной, семейной, субъективной и этнической идентификации, однако эти различия нельзя назвать критично отличающимися [9]. Однако для студентов-сельчан можно выделить ряд специфических факторов, определяющих процесс адаптации к вузовскому образовательному пространству — это зачастую кардинальная смена уклада жизни, снижение доступности общения с родными, друзьями и близкими, вынужденная смена социального окружения и необходимость выстраивать новые взаимоотношения, выход из-под контроля родителей, в том числе — финансового, а также необходимость осваивать новые способы обучения.

Последний фактор представляет собой совокупность условий, требующих быстрой перестройки физических, психических и психологических качеств молодых студентов, к которым начинают предъявлять требования как к полноценной личности, несмотря на ее несформировавшийся до конца в силу возраста характер. Студенты-горожане оказываются в более выгодном положении, так как, имея социальную опору и эмоциональную поддержку, уже обладают опытом или даже паттерном активного, инициативного и самостоятельного поведения. Среди студентов-сельчан чаще наблюдаются проявления психологической дезадаптации к условиям учебы в вузе: от повышения конфликтности (как с однокурсниками, так и с преподавателями) или замкнутости, снижения мотивации и работоспособности до нарушений психических функций, акцентуирования черт характера, нервных срывов [3].

С социологической точки зрения на проблему межкультурной коммуникации между студентами из городов и сельской местности можно констатировать, что на практике идея всеобщего образования в российских реалиях не имеет должного воплощения: многие учащиеся не имеют возможности получить качественное образование еще на уровне школы, так как семьи учеников сталкиваются с непреодолимыми факторами безальтернативности выбора школы для своих детей. Речь идет о территориальной близости, причем этот критерий, оставаясь ключевым для сельских жителей (другого учебного учреждения населенном пункте нет), действует и в городской среде, когда в городе имеется негласный рейтинг «хороших» и «плохих» школ. Поэтому родителям учащихся для преодоления этой преграды необходимы порой недоступные для семьи финансовые траты.

Применительно к вузовскому образованию работают те же причины: молодые студенты ориентируются на материальные возможности семьи и учитывают близость вуза к дому, что остается одним из основополагающих факторов, влияющих на выбор будущей профессии. В масштабах страны это ведет к сужению контингента студентов ведущих вузов [11].

Во взаимодействии студентов данные причины находят свое отражение в различии степени удовлетворенности собственным социальным статусом: микроклимат в студенческом коллективе формируется под влиянием понимания учащимися неравенства жизненных шансов и будущих ориентиров в профессиональной конкуренции [12]. В общении это проявляется по-разному – студенты-сельчане обладают повышенным стремлением «закрепиться», т.е. рассматривают новообетенный статус городского жителя как достижение и готовы к трудоустройству в данной локации; студенты-горожане проявляют большее понимание студенческого коллектива как искусственной среды, образовательной ступени, служащей цели получения профессии, и чаще рассматривают возможности профессионального становления в более крупных городах или даже других странах. В коммуникации это выражается в меньшей социальной мобильности у студентов-сельчан, что ведет к ограничению формирования жизненных стратегий. Особенностью взаимодействия студентов-горожан и студентов-сельчан становится структурирование малых групп без учета территориальных факторов происхождения, но по принципу обретения самобытности и единства с товарищами со схожими представлениями [5].

Формирование в некоторых вузах студенческих групп с учетом территориальной принадлежности (например, большая часть обучающихся в группе – жители одного села или соседних деревень) служит цели преодоления вынужденной социальной и культурной изоляции, что помогает студентам быстрее адаптироваться к городу, в который они приехали учиться, к его жителям и к образовательной среде вуза.

В целом, взаимодействие между студентами из городов и сельской местности позволяет обеим сторонам расширить круг общения, что в будущем способствует легкому вхождению в любую поликультурную среду, опровергнуть либо подтвердить ряд социальных стереотипов, сформированных в привычном кругу общения с одними и теми же людьми (семьей, родственниками, друзьями). Повысить продуктивность такого взаимодействия может предыдущий опыт, когда студенты-сельчане не испытывают больших потрясений (и таких сейчас большинство), попав в городскую среду, так как имели определенные связи с жителями города еще до приезда (например, посещение родственников и друзей, живущих в крупных городах, частые поездки с целью покупок,

посещение подготовительных курсов в городе до поступления в вуз и т.п.), а студенты-горожане представляют себе сельский уклад жизни и имеют опыт нахождения и проживания в деревне (например, проводили каникулы в сельской местности у близких или с семьей на даче) [4].

Нами был проведен опрос студентов первого курса Приволжского исследовательского медицинского университета и Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского. В опросе приняли участие 100 студентов-горожан и 100 студентов, приехавших учиться в городской вуз из сельской местности.

Абсолютно все опрошенные студенты (100% в обеих группах) отметили, что основными задачами высшего образования являются получение знаний и приобретение профессиональных навыков на базах практики вуза. Кроме того, опрос показал довольно высокую заинтересованность первокурсников в том, чтобы учиться **хорошо** и успешно закрывать сессии. Данный аспект оказался значимым для 82% студентов из городов и 82% студентов-сельчан.

Это дает нам все основания полагать, что и городские и сельские студенты сделали свой выбор осознанно, прекрасно понимают важность наличия у них высшего образования и перспектив, которое оно открывает касательно их будущей профессии.

78% городских и 90% сельских студентов считают общение с друзьями и новыми людьми важным аспектом при обучении в вузе. Сельские студенты даже несколько больше открыты для коммуникации, чем городские. С нашей точки зрения, это объясняется тем, что у городских студентов уже есть постоянный круг общения, и им не принципиально, пополнится он за счет новых знакомых из вуза или нет.

Также обеим группам опрашиваемых был задан вопрос: «Имеются ли у Вас определенные барьеры в общении с другими студентами? Если да, то какого характера?», на который были предложены следующие варианты ответов:

- А) нет
- Б) нетолерантное отношение
- В) коммуникативные барьеры (непонимание диалекта / мешает акцент / не разговариваете или плохо знаете язык, на котором общается большинство)
- Г) культурные барьеры (в местности, откуда вы приехали, приняты другие традиции / вам не хватает культурных навыков или знаний для того, чтобы свободно общаться)
- Д) социальные барьеры (большинство людей, которых вы встречаете или с которыми общаетесь, имеют более высокий или более низкий социальный уровень, отчего происходит недопонимание).

89% сельских и 96% городских студентов выбрали вариант А). То есть, никаких проблем в общении с другими обучающимися у них нет.

4% городских и 8% сельских студентов отметили наличие социальных барьеров (вариант Д), причем первые указали на проблемы общения с людьми как более высокого социального уровня, так и более низкого, а вторые – только на проблемы в общении с людьми более высокого социального уровня. Также 3% сельских студентов заявили о коммуникативных барьерах (вариант В), видя их причину в наличии определенного диалекта, характерного для той местности, откуда они приехали.

Итак, результаты опроса показывают, что в целом вхождение городских и сельских студентов в образовательную среду вуза является относительно неконфликтным и психологически комфортным для обеих групп. Однако, количество обучающихся из сельской местности, имеющих проблемы в общении с другими студентами, несколько выше, чем из города. На наш взгляд, было бы целесообразным:

1. выявление (с помощью опроса / тестирования и

личных наблюдений) всех студентов-представителей обеих групп, у которых есть те или иные проблемы в общении в рамках вуза;

2. оказание им всесторонней моральной поддержки;
3. если необходимо, привлечение психолога к работе с ними.

Однруппникам и преподавателям следует обращать особое внимание на таких обучающихся, быть к ним более толерантными и доброжелательными, по возможности, быть на связи с их родителями / законными представителями.

Вывод. Несомненно, общение между студентами протекает под влиянием различных дезаптирующих факторов, включая территориальную стратификацию, когда студенты-горожане и студенты-сельчане оказываются в разных позициях по отношению к новому образовательному пространству вуза. Поэтому, получение высшего образования является важной ступенью в формировании неконфликтных социальных взаимоотношений в обществе и неотъемлемым компонентом развития успешных и толерантных межкультурных коммуникаций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахметшин Э.М. Межкультурные коммуникации как основа формирования профессиональной компетенции студентов вузов // Современное педагогическое образование. — 2020. — №10. — С. 59-62.
2. Давыдов Ю.С., Супрунова Л.Л. Концепция поликультурного образования в высшей школе Российской Федерации. — Пятигорск: ПГЛУ, 2003. — С. 16-18.
3. Зарембо Н.А. Психолого-педагогическое сопровождение преодоления трудностей вузовской адаптации выпускников сельских средних школ: специальность 19.00.07 «Педагогическая психология (психологические науки)»: диссертация кандидата психологических наук. — МГУ им. М.В. Ломоносова. — 2013. — 249 с.
4. Измайлова К.А. Социоструктурная характеристика российского студенчества: региональный аспект: специальность 22.00.04 «Социальная структура, социальные институты и процессы»: диссертация кандидата социологических наук. — ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет». — 2019. — 179 с.
5. Иваненко Н.С. Территориальная идентификация российской молодежи в контексте глобализации // Гуманитарные и социально-экономические науки. — 2011. — №6. — С. 104.
6. Каравайчик Е.В. Особенности типов просоциального поведения у студентов из городских и сельских семей // Современные проблемы и перспективы развития науки, техники и образования [Электронный ресурс]: Материалы I Национальной научно-практической конференции (30 ноября 2020 г.). — Магнитогорск: ФГБОУ ВО «Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова», 2020. — С. 424-426. — URL: <https://www.magtu.ru/attachments/article/12746/Сборник.pdf> (дата обращения: 16.02.2022).
7. Кухтова Н.В., Домарацкая Н.В. Просоциальное поведение специалистов, ориентированных на оказание помощи: теоретические основы и методики изучения. — Витебск: ВГУ им. П.М. Машерова, 2011. — 49 с.
8. Муха В.Н., Тучина О.Р. Межкультурная компетентность как фактор преодоления этноцентризма в условиях современной образовательной среды // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2018. — №1. С. 49-53.
9. Непочатых Е.П. Адаптация российских студентов к социокультурным условиям вуза // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. — 2012. — №18 (137). — С. 214-223.
10. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология: учебник для вузов. — 3-е изд., испр. и доп. — М.: Аспект пресс, 2004. — 368 с.
11. Филоненко В.И., Малышева М.С., Понделков А.В. Коммуникации между семьей и вузом как фактор социализации студентов // Коммуникология. — Том 5. — №5. — С. 34-47.
12. Шматко Н.А., Качанов Ю.Л. Территориальная идентичность как предмет социологического исследования // Социологические исследования. — 1998. — №4. — С. 96.

© Шевцова Юлия Викторовна, (yulia.shevcz@yandex.ru), Варшавер Наталья Валентиновна, Плотнова Светлана Владимировна.

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВЛИЯНИЕ МОТИВАЦИИ К УСПЕХУ И МОТИВАЦИИ ИЗБЕГАНИЯ НЕУДАЧ НА ЦЕЛОСТНУЮ САМОРЕАЛИЗАЦИЮ ЛИЧНОСТИ

Шматова Елена Викторовна

Аспирант, НОЧУ ВО «Московский институт
психоанализа»
helenavic@mail.ru

INFLUENCE OF MOTIVATION TO SUCCESS AND MOTIVATION TO AVOID FAILURES ON THE INTEGRAL SELF-REALIZATION OF THE PERSONALITY

E. Shmatova

Summary: This article presents a study of the phenomenon of holistic self-realization of the individual, and the influence of motivational factors on self-realization, in the latest conditions of existence.

The objective of the study is to establish the relationship between the motivations for achieving success and avoiding failures with the phenomenon of multifocal, holistic self-realization.

The study took place in three stages: developed by the author of the study, an interview with the study participants, aimed at identifying the degree of satisfaction with their own self-realization of the subjects, Testing using the methodology of R.S. Nemov, Test measuring the motivation to achieve success and avoid failure. Processing of received information. A high positive relationship was found between the motivation to achieve success and holistic self-realization.

Keywords: personality, self-realization, holistic self-realization, motivation for success, motivation for avoiding failure, life satisfaction, self-actualization.

Аннотация: В данной статье изложено исследование феномена целостной самореализации личности, и влияние мотивационных факторов на самореализацию, в новейших условиях существования.

Задачей исследования является установление взаимосвязи мотиваций достижения успеха и избегания неудач с феноменом многофокусной, целостной самореализации.

Исследование проходило в три этапа: Разработанное автором исследования, интервью с участниками исследования, направленное на выявление степени удовлетворенности опрашиваемых, собственной самореализацией. Тестирование с помощью методики Р.С. Немова, «Измерение мотивации достижения успеха и избегания неудач». Обработка полученной информации.

Была выявлена высокая положительная связь мотивации достижения успеха и целостной самореализации.

Ключевые слова: личность, самореализация, целостная самореализация, мотивация к успеху, мотивация избегания неудач, удовлетворенность жизнью, самоактуализация.

Проблема самореализации рассматривалась в большей степени как объект социологии и педагогики, и была направлена на изучение взаимосвязи профессиональных навыков личности и трудового сообщества. Но эта проблема давно переросла в компетенцию психологии личности, и изучается теперь как взаимозависимость личностных характеристик человека и его профессионального, творческого личностного успехов.

Сегодня самореализация рассматривается не только как субъективное ощущение человеком успеха в профессиональной и креативной среде, но и также и как способность гармонично сочетать как профессиональную и креативную деятельность с реализацией в личной жизни, в личностном развитии, обучении.

Способность человека к многофокусной, целостной самореализации, и связь личностных характеристик с феноменом целостной самореализации, требуют подробного исследования, подбора подходящих методов диагностики и анализа.

Понятие «самореализация» используется в науке в на-

чала прошлого столетия и был впервые сформулирован в словаре по философии в 1902 [1], и рассматривалось как способность к целеустремленности, достижательству в профессии, стремлению к творческим успехам, способности к самомотивации.

В настоящее время феномен самореализации раскрылся не только как проблема творческого и профессионального развития человека, но и как задача, целостного, разностороннего развития личности.

Современные условия стремительного развития искусственного интеллекта, увеличения дистанционных рабочих мест, а также скоростное инновационное развитие, минимизация «живого» общения, являются стрессобразующими факторами, и отразились на психических особенностях личности, что заставило пересмотреть отношение людей к самореализации, к самомотивации, с целью найти новые личностные ресурсы и мотивационные факторы, дающие возможность самореализовываться в современных условиях.

В связи с этим, сформировались следующие задачи в

исследовании целостной самореализации личности.

1. Действительно ли мотивация является важным влияющим фактором целостной самореализации в современных условиях.
2. Какая мотивация, а именно мотивация к успеху, или мотивация избегания неудач способствуют самореализации в условиях цифровизации.

Одной из наиболее значимых теорий связи мотивации и самореализации является теория иерархий потребностей А. Маслоу, «Теория мотивации человека», 1943 год [2], в которой автор исследует связь мотивации с потребностями и выделяет пять видов уровней потребностей, которые, в свою очередь, мотивируют развиваться на более высоком уровне иерархии, как только более нижние уровни будут закрыты. В пять уровней потребностей входят «физиологические потребности, безопасность, принадлежность, уважение и обновление». На более высокий уровень мотивации, исследователь поставил потребность в самореализации.

Другая теория, в которой Херцберг Ф., Майнер М. связывают мотивацию с удовлетворенностью и производственной самореализацией как результат удовлетворенности успехом в труде. Автор исследует влияние мотивирующих факторов, таких как признание заслуг, оплата труда, отношения в коллективе, удобства рабочего места на стремление к развитию, инновациям, инициативе [3].

Исследователей сегодняшнего времени также интересует тема связи мотивирующих факторов и самореализации и сам феномен мотивации и его детерминант.

В своем исследовании Кашапов М.М., Лейбина А.В., предполагают факт значительного усиления мотивации при перемене ситуативного мышления, - мотивации безопасности, жизнеобеспечения, в надситуативное, мотивацию быть полезным, творчески реализованным [4].

По исследованию Михайловой О.В. 2015, ценностно – мотивационная деятельность является фундаментом профессиональной самореализации [5].

Связь мотивации познания с мотивацией реализации знаний и навыков – мотивацией достижения, саморазвития, исследуется в работе Беньковой О.А., Артюховой Т.Ю., Шелкуновой Т.В. [6]

Так же и в исследовании Зиминной Е.В., выявляется значительная связь между трудовой мотивацией и потребностью в профессиональной самореализации, что, в свою очередь, также, оказывает влияние на мотивацию профессионального обучения, и усиливает значимость процесса обучения и труда [7].

Одна из ведущих концепций высокой мотивированности людей – мотивация избегания неудач, так сказать, «отрицательная» мотивация, в которой, мотивирующим фактором является отрицательное, стрессовое состояние человека.

Пример такой теории, – теория К. Халла, 1943, о стремлении к максимальному удовлетворению потребностей путем «нарушения» гомеостаза. Согласно исследованию К. Халла, человек способен к новым достижениям, только в тех случаях, когда в его жизни происходят стрессовые события, и нарушается состояние удовлетворенности жизнью человеком и у него возникает мотивация выйти из этого стрессового состояния и изменить что-то в жизни. Автор теории различает первичную и вторичную мотивацию. Первичная-удовлетворение естественных влечений- голод, секс, сон, и вторичные – косвенное удовлетворение естественных влечений [8].

В исследованиях М. Лью, и В.Л. Куинт Ога-Балдуин, 2022, также подтверждается роль негативных эмоций в обучении, в большей степени, когда речь шла о необходимом, более важном предмете обучения. В то время как на обучение второстепенным предметам, более сильное влияние оказывала положительная мотивация [9].

Так же, концепция когнитивного диссонанса Фестингера Л., подтверждает влияние стрессовых ситуаций на мотивацию. Глубокий дискомфорт, который испытывает человек во время несоответствия мыслей, убеждений и действий, максимально усиливает мотивацию действовать, пока не устранится причина дискомфорта состояния [10].

Авторы теории возбуждения, Стэнли Шехтер и Джером Э. Сингер 1962 г., предлагают идею зависимости мотивации от состояния бдительности, которая, в свою очередь, переходит в возбуждение, что создает прилив дофамина и состояние удовольствия от решения задач [11].

Другой детерминант мотивации выдвигает темпоральная теория, привязки мотивации к ограничению во времени [12].

Другой важный детерминант мотивации – стремление к успеху, положительная мотивация.

В своей работе, Зверева Р.Г., выявлены базовые психологические факторы мотивации достижения успеха, такие как самоуважение, самореализация, саморукводство, саморазвитие, целеполагание. Из чего можно предположить, что не только мотивация может иметь связь с самореализацией, но и самореализация может влиять на мотивацию, являясь мотивирующим фактором [13].

Наиболее часто в современных исследованиях

встречаются темы связи личной мотивации с идеологией, помощи более «слабому», идеи глобальной принадлежности личности к чему-то глобальному, несущему смысл улучшения жизни других людей. Тут уже в большей исследуется роль акмео-мотивации в целостной самореализации.

В работе Кейт Е. Фозергил, Маргарет Е. Энсмингер, и др., 2011г, исследуется сила влияния участия женщин в женских социальных общественных движениях на самооценку, мотивацию развиваться лично и профессионально [14].

В работе Казанцевой Д.Б., Тарасова С.В. исследуются условия создания пространства для наибольшей самоактуализации, путем мотивирования идеологической подготовкой – проблемными лекциями, дидактическими играми и т.д. [15].

Работа Михайловой О.В., также подтверждает положительное влияние ценностной мотивации на саморазвитие, профессиональный успех, удовлетворение жизнью [16].

Особое место в современных исследованиях занимает изучение роли религиозной, волонтерско-помогающей деятельности в мотивации и ощущению собственной самореализации

К, примеру, работа Поцци М., Марта Е., и др., в которой авторы исследуют взаимосвязь религиозной идеологии и ответственности за помощь нуждающимся с удовлетворенностью жизнью, и реализации себя, а также влияние всего этого на дальнейшую мотивацию двигаться дальше в этих направлениях [17].

Или, работа Кристофера Д. Ейнофа, о роли религии в самоидентификации, и, как мотивирующего фактора в саморазвитии и реализации себя [18].

Как было указано в моей прошлой статье, «На особенности самореализации личности влияет огромное количество внешних и внутренних, способствующих и препятствующих реализации, факторов. Общая закономерность состоит в том, что в каждом человеке природой заложен внутренний потенциал, особенности реализации которого, в течение жизненного пути, зависит от реакции человека на внешнее воздействие. К потенциалу и особенностям личности, можно перечислить следующие характеристики: Направленность личности – мотивы и потребности в творчества (мотивы самоактуализации) и ценностных ориентаций личности». [19].

Поэтому целью данной работы является исследование, какая из видов мотиваций влияет на целостную самореализацию наиболее существенно, мотивация к

успеху, или мотивация избегания неудач, проанализировать силу связи этой мотивации и самореализации.

Методы. Задача исследования.

1. Определение внутренних психических субъективных механизмов человека, влияющих на максимальную целостную самореализацию в современных стрессовых условиях.
2. В этой части исследования, показать взаимосвязь уровня мотивации, ее направленности с внутренней оценкой самореализации участников, учитывая такие стрессовые факторы как переход на дистанционную работу, цифровизацию.

Исследование проводилось с помощью метода опроса: путем интервьюирования и тестирования участников. Обработка информации производилась в программе SPSS Statistic 26, при помощи коэффициента ранговой корреляции Ч. Спирмена.

Исследование проходило в несколько этапов:

1. Интервью, в котором женщины оценивали уровень удовлетворенности собственной самореализацией в разных сферах жизни: профессиональной, креативной, семейной, сфере личностного и духовного развития, по шкале от 0 до 10, В исследовании используется средний бал удовлетворенности женщинами своей реализацией в разных сферах жизни.

2. Определение уровня мотивации, и ведущей мотивации респондентов с помощью теста Р.С. Немова «Измерение мотивации достижения успехов и избегания неудач».

- 2.1. Респондентам было предложено составить мини рассказ по четырем картинкам, в котором они описывали сюжеты картинок. Мини рассказ предлагалось составить по следующему плану: кто изображен на картинке, что делают герои, что чувствуют, что произошло с ними, о чем думают, какие у них желания и что произойдет с ними потом.

- 2.2. Далее производился содержательный анализ текста рассказа, на предмет выявления выраженности стремлений к достижению успеха, или избегания неудач, с целью разделения рассказов на три группы.

Группа А — состоит из рассказов с выраженным в их содержании стремлением героев к достижению успехов.

Группа Б — это рассказы, со средней выраженностью стремлений к успехам.

Группа В — описания, в которых нет идеи каких-ли

бо стремлений персонажа к успеху, желанию заниматься полезной деятельностью.

Группам А и Б присваивается 1 балл.

2.3. Исследование текстов группы А, с целью нахождения признаков мотивированности по нижеперечисленным признакам. За каждый признак ориентации на удачу, начисляется 1 балл, за каждый признак ожидания провала начисляется -1 балл.

Признаки: желания добиться успеха, ожидание успеха, эмоциональные переживания в ожидании успеха, опасения неудачи, отрицательные эмоциональные переживания, наличие у героя действий для получения успеха, ожидание препятствий на пути к успеху, ожидание чьей-то помощи со стороны на пути к успеху, наличие доминирующего мета-мотива.

Общая сумма отрицательных и положительных баллов, полученных по всем рассказам респондента, составляют общий показатель уровня мотивации достижения успехов, при стремлении к снижению мотива к успехам показывает преобладания мотивации избегания неудач.

3. Статистическая обработка полученной информации.

Участники. В данной части общего исследования, принимали участие 47 женщин, возрастная группа: от 35 до 46 лет, работающих дистанционно, или частично дистанционно,

Основная Гипотеза: Мотивация стремления к успеху не влияет на уровень целостной самореализации.

По результатам расчетов, наблюдается положительная высокая двусторонняя теснота связи между уровнем целостной самореализации и мотивацией достижения успеха, коэффициент Спирмена $r=0,782$.

Обсуждение. Рассмотрим примеры этапа содержа-

тельного анализа теста ответов на тест Немова Р.С., на основании каких фраз респондентов, делался вывод о направленности мотивации.

Пример 1 Наличие желания добиться успеха (мотив достижения успехов). Примеры выдержек из описаний: «продуктивный видимо прошел диалог», «они успешны и открыты друг другу»

Пример 2 Наличии опасения неудачи. (мотив избегания неудачи): «хотят разорвать сотрудничество», пример 3 «похоже один обманет другого».

Пример 3 Наличии положительных эмоциональных переживаний в связи с ожидаемым успехом (мотив достижения успеха): «они довольны проведенными переговорами», «будет тепло, радость».

Исследуя взаимосвязь особенностей мотивации личности и ее целостной самореализованности, именно мотивация к успеху имеет высокую положительную связь, так как целостная самореализация является близкой по значению к понятию удовлетворенности жизнью, но если брать ту же профессиональную самореализацию, опираясь на вышеизложенный теоретический материал, большая вероятность того, что именно мотивация избегания неудач будет основным фактором положительного влияния на профессиональную самореализацию. Но так как целостная самореализация в большей степени связана с состоянием положительных эмоций, а именно, насколько «я хорошо себя чувствую», насколько меня «радуют» успехи в жизни целом, объединяя профессиональные достижения, успехи в личной жизни, в личностном развитии, в креативной составляющей жизни и т.д. то вполне обоснован результат влияния мотивации достижения успехов.

Вывод: есть высокая положительная связь между целостной самореализацией и мотивацией достижения успехов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Коростылева, 1997. Психологические проблемы самореализации личности. Сборник / Под ред. А.А. Крылова, Л.А. Коростелевой. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997.
2. Maslow AH (1968) *Toward a Psychology of Being*, 2nd edn. New York: Van Nostrand-Reinhold.
3. Херцберг Ф., Майнер М. У. Побуждение к труду и производственная мотивация // Социологические исследования. 1990. № 1. С. 128–129.
4. Kashapov M.M., Leybina A.V. (2009). Motivation of Professional Creative Thinking. *Psychology in Russia: State of the Art*, 2, 585–602 DOI: 10.11621/pir.2009.0029
5. Mikhailova O.V. (2015). The value-motivational structure of the innovativeness of young students. *Psychology in Russia: State of the Art*, 8(1), 112–124.
6. Бенькова О.А., Артюхова Т.Ю., Шелкунова Т.В. Связь учебной мотивации и мотивации к будущей профессиональной деятельности у студентов - первокурсников // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. – 2021. – №08. – С. 21–26 DOI 10.37882/2500-3682.2021.08.01
7. Зимица, Е.В. Трудовая мотивация как условие профессиональной самореализации специалистов социальной работы: диссертация кандидата социологических наук : 22.00.04. – Иркутск, 2009. – 190 с.
8. Халл Кларк Леонард // История психологии в лицах: персоналии / Под ред. А.В. Петровского, Л.А. Карпенко. — М.: ПЕР СЭ, 2005. — 784 с. — ISBN 5-9292-0136-6

9. Meng Liu, W.L. Quint Oga-Baldwin, Motivational profiles of learners of multiple foreign languages: A self-determination theory perspective, *System*, Volume 106, 2022, <https://doi.org/10.1016/j.system.2022.102762>.
10. Фестингер Л. Введение в теорию диссонанса. // Фестингер Л. Теория когнитивного диссонанса. [1] — СПб.: Ювента, 1999. — С. 15—52.
11. Schachter, S., & Singer, J. (1962). Cognitive, Social, and Physiological Determinants of Emotional State. *Psychological Review*, 69, pp. 379–399
12. Шмидт А., Долис К.М., Толли А.П. (2009). «Вопрос времени: индивидуальные различия, контекстуальная динамика и влияние достижения цели на многозадачную саморегуляцию». *Журнал прикладной психологии*. 94 (3): 692–709. doi:10.1037/a0015012. PMID 19450007
13. Зверева, Р.Г. Психологические детерминанты развития мотивации достижения успеха у студентов: автореферат дис. ... кандидата психологических наук : 19.00.07 - Пятигорск, 2010. - 20 с.
14. Kate E. Fothergill, Margaret E. Ensminger, Judy Robertson, Kerry M. Green, Roland J. Thorpe, Hee-Soon Juon, Effects of social integration on health: A prospective study of community engagement among African American women *Social Science & Medicine*, Volume 72, Issue 2, 2011, Pages 291-298, <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2010.10.024>
15. Казанцева Д.Б., Тарасов С.В. Активные методы обучения для самореализации духовно-нравственного потенциала личности несовершеннолетних // *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание*. -2021. -№11. -С. 21-24 DOI 10.37882/2500-3682.2021.11.04
16. Mikhailova O.V. (2015). The value-motivational structure of the innovativeness of young students. *Psychology in Russia: State of the Art*, 8(1), 112-124.
17. Pozzi, M., Marta, E., Marzana, D., Gozzoli, C., & Ruggieri, R.A. (2014). The Effect of the Psychological Sense of Community on the Psychological Well-Being in Older Volunteers. *Europe's Journal of Psychology*, 10(4), 598-612. <https://doi.org/10.5964/ejop.v10i4.773>
18. Christopher J. Einolf, The Link Between Religion and Helping Others: The Role of Values, Ideas, and Language, *Sociology of Religion*, Volume 72, Issue 4, Winter 2011, Pages 435–455, <https://doi.org/10.1093/socrel/srr017>
19. Шматова Е.В. Концептуально-теоретическое определение самореализации // *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание*. -2020. -№08. -С. 79-81 DOI 10.37882/2500-3682.2020.08.22

© Шматова Елена Викторовна (helenavic@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Московский институт психоанализа

МЭТОД ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ ДЕСЕНСИБИЛИЗАЦИИ АЛЛЕРГИИ И ПРИЧИН ИХ ВОЗНИКНОВЕНИЯ: ДОКАЗАТЕЛЬНОСТЬ

Янчиков Владимир Николаевич

клинический психолог, руководитель, Институт доказательной психосоматики «ЭВИРА», г. Москва
emoallergy@yandex.ru

METHOD OF EMOTIONAL DESENSITIZATION OF ALLERGIES AND THEIR CAUSES: EVIDENCE

V. Yanchikov

Summary: Over the past decades, statistics have noted a significant increase in the incidence of allergies, including immediate allergic reactions.

Allergy is a hereditary reaction of all mammals. At the same time, there is evidence that about 85% of human allergies confirmed by analyzes do not have an immune trigger mechanism, and, therefore, something else "triggers" them. As a result of research, it was revealed that these 85% of «non-immune» allergies are of a psychosomatic nature, i.e. in fact, they are emotional allergies, and, as a result, the object of the work of psychologists.

The purpose of this article is to substantiate the evidence-based of the author's Method of Emotional Desensitization of Allergies and Their Causes (MEDAC).

The methods of observation, diagnostics, analysis, synthesis, induction, deduction, as well as the biographical and experimental methods serve as the methodological basis of the study.

As a result of the work carried out, the theoretical and practical foundations of the Method of emotional desensitization of allergies and the causes of their occurrence were considered and studied, the evidence-based of this technique was substantiated.

Since it was found that the use of this Method makes it possible to predict the results of psychosomatic correction already at the initial stage of therapy, as well as to ensure the client's effective deliverance from critical manifestations of psychosomatic reactions (which is confirmed by client reviews and comparison of test results before and after therapy), it is reasonable to conclude that and expediency of using MEDAC by psychologists working with psychosomatics.

Keywords: allergy, psychosomatics, evidence-based psychosomatics, evidence-based method, emotional allergen, psychosomatic correction, emotional allergy.

Аннотация: В течение последних десятилетий статистика отмечает значительный прирост уровня заболеваемости аллергией, в том числе, аллергическими реакциями немедленного типа [5].

Аллергия - наследственная реакция всех млекопитающих [3]. При этом имеются данные, согласно которым около 85% подтвержденных анализами аллергий человека не имеют иммунного механизма запуска, а, следовательно, «запускает» их что-то другое [6]. В результате исследований было выявлено, что эти 85% «неиммунных» аллергий имеют психосоматическую природу, т.е. по сути являются эмоциональными аллергиями, и, как следствие, объектом работы психологов.

Целью настоящей статьи является обоснование доказательности авторского Метода эмоциональной десенсибилизации аллергий и причин их возникновения (МЭДАП).

В качестве **методологической базы** исследования выступают методы наблюдения, диагностики, анализа, синтеза, индукции, дедукции, а также биографический и экспериментальный метод.

В результате проведенной работы были рассмотрены и изучены теоретико-практические основы Метода эмоциональной десенсибилизации аллергий и причин их возникновения, обоснована доказательность данной методики.

Поскольку было выявлено, что использование данного Метода позволяет спрогнозировать результаты психосоматической коррекции уже на начальном этапе терапии, а также обеспечить эффективное избавление клиента от критических проявлений психосоматических реакций (что подтверждается отзывами клиентов и сравнением результатов анализов до и после терапии), обоснованным является **вывод** о возможности и целесообразности применения МЭДАП психологами, работающими с психосоматикой.

Ключевые слова: аллергия, психосоматика, доказательная психосоматика, доказательный метод, эмоциональный аллерген, психосоматическая коррекция, эмоциональная аллергия.

Сложившаяся на сегодняшний день статистика показывает, что уровень заболеваемости аллергией в последние годы значительно возрос. При этом, проведенные исследования показывают, что большая часть аллергических реакций в целом обладает психосоматической природой (иными словами, аллергическая реакция является ответом организма на физиологическом уровне на требующее корректировки психоэмоциональное состояние человека), из чего следует невозможность полного излечения подобных ал-

лергий исключительно медикаментозными средствами без применения психокорректирующей терапии.

С учетом вышесказанного, а также учитывая ужесточение выдвигаемых обществом требований к человеку на фоне снижения уровня и качества жизни в текущих социально-экономических условиях, логичным будет утверждать, что текущий подъем уровня заболеваемости аллергией вызван именно усилением стрессовой нагрузки на человеческий организм [1, С.37].

Соответственно, первостепенными мерами по решению данной проблемы является оказание подобным эмоциональным аллергикам квалифицированной психологической помощи, так как именно работа с психоэмоциональным состоянием аллергика позволит нейтрализовать действие первопричин психосоматической реакции, проявляющейся в форме разного рода аллергии [2, С.179].

Таким образом, особую актуальность сегодня приобретает поиск эффективного, воспроизводимого метода диагностики и коррекции психосоматических реакций, проявляющихся в форме эмоциональной аллергии.

Методом психосоматической коррекции эмоциональной аллергии, рассматриваемым в данной статье, является авторский Метод эмоциональной десенсибилизации аллергий и причин их возникновения (МЭДАП) клинического психолога В.Н. Янчикова [7].

Основным объектом, при работе с которым данный Метод показывает наибольшую степень эффективности, являются аллергические реакции немедленного типа, то есть те, которые проявляются у клиента в промежутке от нескольких секунд до 20 минут после контакта с аллергеном [7]. При этом аллергические реакции медленного типа (когда реакция проявляется в течение трех суток) также могут служить объектом воздействия Метода В.Н. Янчикова, однако оценка эффективности Метода в данном случае значительно затруднена в силу усложнения отслеживания взаимозависимости действий психолога и физических проявлений эмоциональной аллергии.

Руководящим принципом МЭДАП является принцип доказательности, базирующийся, в свою очередь, на трех критериях воспроизводимости результатов применения Метода.

Следует также отдельно отметить, что, несмотря на факт признания экспертами ряда заболеваний психосоматическими (знаменитая «чикагская семерка») [4], понятие доказательности относительно психосоматики в науке до создания МЭДАП в целом не применялось, так как отсутствовала статистически значимая воспроизводимость результатов экспериментов по работе с психосоматическими реакциями. Это в свою очередь, позволяет говорить о закономерном появлении в науке, в результате разработки МЭДАП, нового синтетического практикоориентированного направления - «Доказательная психосоматика».

В связи со всем вышесказанным, необходимо более подробно раскрыть сущность и содержание принципа доказательности в рамках Метода эмоциональной десенсибилизации аллергий и причин их возникновения.

Как уже отмечалось ранее, принцип доказательности в случае с МЭДАП состоит из трех критериев воспроизводимости результатов применения Метода. Рассмотрим каждый из них подробнее.

Первым критерием является техническая воспроизводимость Метода.

Техническая воспроизводимость Метода представляет собой статистическую схожесть результатов психокорректирующей терапии, проводимой разными специалистами, в клинически схожих случаях. Под «разными специалистами», в свою очередь, понимаются три поколения психологов, применяющих МЭДАП: первое поколение – автор Метода, второе поколение – ученики автора Метода, третье поколение – ученики учеников автора Метода.

При правильном использовании техник и методик, предлагаемых МЭДАП, указанная выше преемственность поколений соблюдается, что позволяет говорить о практически полном отсутствии влияния фактора личности психолога на результаты психокорректирующей терапии. Поскольку данный факт обосновывает универсальность Метода относительно возможности его использования любым специалистом, изучившим содержание, а также правила и особенности применения Метода, то логичным будет вывод о научной и практической ценности МЭДАП с точки зрения необходимости формирования в психологии единого подхода к терапии психосоматических реакций.

Вторым критерием воспроизводимости результатов применения Метода выступает логическая воспроизводимость МЭДАП.

Суть данного критерия заключается в том, что при каждом новом случае применения Метода через модальные характеристики подтверждается наличие четкой логической взаимосвязи между аллергической реакцией и психоэмоциональным состоянием клиента, вызываемым внешним триггером, который организм клиента ассоциирует с психологической травмой определенного вида [8].

Данная взаимосвязь может быть выявлена специальными тестами, проводимыми в групповом (экспресс-тест) или индивидуальном порядке (диагностическая сессия).

Основным требованием для эффективного проведения любого типа тестов в любом случае является наличие логической взаимосвязи, проявляющейся через модальные характеристики, между аллергией и явным (!) физическим аллергеном.

Групповое тестирование представляет собой

двадцатиминутное моделирование ситуации, провоцирующей проявление эмоциональной аллергии на физиологическом уровне. Усредненная статистика по результатам подобного тестирования выглядит следующим образом: у около 40% участников тестирования наглядно проявляются внешние симптомы аллергии, еще у 40% тестируемых наглядные проявления аллергической реакции отсутствуют, но сами участники тестирования свидетельствуют их наличие (при этом психолог без применения специальных методов калибровки не может выяснить, соответствуют ли истине это утверждение), у оставшихся же 20% тестируемых внешние симптомы аллергии и внутреннее самоощущение их проявления отсутствуют в целом.

Таким образом, при групповом тестировании искомая логическая взаимосвязь между аллергической реакцией и психоэмоциональным состоянием клиента подтверждается примерно у 80% участников теста.

Необходимо также дополнительно отметить, что групповое тестирование на эмоциональную аллергию является скорее демонстрационным, направленным на визуализацию обоснования существования психосоматики аллергии процессом, который одновременно позволяет собрать приблизительную статистику соотношения эмоциональной и исключительно физиологической аллергий.

Второй тип тестирования (индивидуальное тестирование) проводится в рамках диагностической сессии – первого приема клиента психологом. В течение полуторачасовой консультации специалист, используя Лист диагностики МЭДАП, выявляет количество ситуаций-триггеров, спровоцировавших аллергическую реакцию, и делает вывод о наличии либо отсутствии причинно-следственной связи между восприятием клиентом данных ситуаций в качестве психотравмирующих и возникновением у него психосоматической реакции в форме аллергии.

Количество тестируемых, наглядно показывающих наличие симптомов эмоциональной аллергии, при индивидуальном тестировании колеблется от 85 до 90%.

Стоит отметить, что определенные отличия между результатами группового и индивидуального тестирования легко объясняются наличием практически в любой группе категории «полярных ответчиков» – людей, у которых либо автоматическая первая реакция психики на любую психодиагностику – отрицание (причем это реакция возникает независимо от наличия/отсутствия желания самого человека), либо слишком развита автоматика реакции диссоциации (такие люди фактически как бы наблюдают со стороны, как живет их тело, и поэтому не чувствуют взаимозависимости между своей физиологией и психологическим состоянием), либо имеющиеся аллергические реакции принадлежат к замедленному

типу. При индивидуальном же тестировании у специалиста есть возможность более глубокого исследования психологического состояния клиента и, в случае обнаружения принадлежности последнего к категории «полярных ответчиков», психолог, используя определенные техники, может преодолеть первоначальное сопротивление психики клиента диагностике и вывести его на ассоциированное состояние, что позволит с достоверностью убедиться в наличии или отсутствии искомой логической взаимосвязи между аллергической реакцией и психоэмоциональным состоянием клиента [7].

Таким образом, можно сделать вывод об обоснованности использования критерия логической воспроизводимости МЭДАП в качестве составляющей характеристики принципа доказательности Метода.

Третьим критерием воспроизводимости результатов Метода является диагностическая воспроизводимость.

После выявления логической взаимосвязи между эмоциональным состоянием и наличием у клиента аллергической реакции, психолог устанавливает сущность эмоционального аллергена (специфическое эмоциональное состояние, которое находится выше порога эмоциональной адаптации индивидуума и переживание которого запускает физиологическую реакцию аллергии), относя его к тому или иному классу причин эмоциональной аллергии по внутренней классификации, предлагаемой МЭДАП [8].

Установив, к какому именно классу причин относится выявленный эмоциональный аллерген, психолог, исходя из этого, прогнозирует необходимое количество сеансов психокоррекции и описывает ожидаемые результаты терапии, которые, в свою очередь, будут подтверждаться результатами сравнения анализов клиента до и после терапии.

Именно в этом прогнозировании, вернее, в возможности такого прогнозирования и заключается суть критерия диагностической воспроизводимости МЭДАП. При четком следовании правилам МЭДАП при проведении диагностической сессии специалист правильно распознает класс причины эмоциональной аллергии и может с 95% вероятностью предсказать продолжительность и результат терапии.

Резюмируя вышесказанное, можно сделать несколько выводов:

1. авторский Метод эмоциональной десенсибилизации аллергий и причин их возникновения – это универсальный метод работы с эмоциональной аллергией, доказательность которого обуславливается тремя критериями воспроизводимости результатов применения Метода;

2. психосоматика аллергии существует [6]; обоснованием данного вывода служат как результаты упомянутых в статье исследований, так и практическая доказательность МЭДАП;
3. поскольку до разработки МЭДАП в целом отсутствовала статистически значимая воспроизводимость результатов экспериментов по работе с психосоматическими реакциями, закономерным будет вывод о том, что МЭДАП является методологической основой нового синтетического практикоориентированного направления в науке - «Доказательная психосоматика».

Таким образом, исходя из всего вышеперечисленного, можно утверждать, что цель настоящей статьи достигнута, доказательность авторского Метода эмоциональной десенсибилизации аллергий и причин их возникновения обоснована.

Кроме того, с учетом универсальности, практической эффективности и доказательности МЭДАП, логичным будет признать возможность и целесообразность применения данного Метода в работе специалистов, осуществляющих психосоматическую коррекцию клиентов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адо А.Д. Антигены как чрезвычайные раздражители нервной системы [Текст] / Акад. мед. наук СССР. - Москва : Изд-во Акад. мед. наук СССР, 1952. - 204с.
2. Адо А.Д. Общая аллергология: (Руководство для врачей). — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Медицина, 1978. — 468с.
3. Безредка А.М. О значении раздражителей в инфекции и иммунитете // Журнал экспериментальной биологии и медицины. 1927. № 18.
4. Кувшинова Н.Ю., Мостовая Л.И. Современные представления о психосоматических расстройствах // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2011. №2 (3). С.602-605.
5. Либерман М. Аллергическая тенденция [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3313997> (дата обращения 28.03.2022).
6. Лусс Л.В. Аллергия и псевдоаллергия в клинике // Врач. 1997. №6. С.7-9.
7. Янчиков В.Н., Янчикова С.А. Психологическая модель возникновения и развития аллергических реакций немедленного типа // Актуальные проблемы современной науки. 2006. №5 (32). С.72–79.
8. Янчиков В.Н. Психологическая травма как причина возникновения аллергии // «Вестник НЛП», 2014.

© Янчиков Владимир Николаевич (emoallergy@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИДЕЯ «ЯЗЫКОВЫХ ИГР»: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ИСТОКИ И ЭВОЛЮЦИЯ

Арутюнян Маргарита Павловна

Д.ф.н., профессор, Тихоокеанский государственный университет, г. Хабаровск

Подольская Оксана Симоновна

*К.ф.н., преподаватель, Тихоокеанский государственный университет, г. Хабаровск
oxanav2702@mail.ru*

THE IDEA OF "LANGUAGE GAMES": METHODOLOGICAL ORIGINS AND EVOLUTION

**M. Arutyunyan
O. Podolskaya**

Summary: The article deals with the methodological idea of «language games» and the origins of its formation in L. Wittgenstein's works. Using the methodology of historical, philosophical and phenomenological research, the authors explore the evolution of the meanings of language game idea from its origins, stated by L. Wittgenstein while overcoming the logocentrism of the positivist interpretation of language (in particular – recognition of the exclusivity of meanings of its semantic and syntactic interpretation) – to the potential of the functioning of language games in the linguistic reality of humanitarian cognition.

The authors refer to the most important "methodological turns" of the XX century philosophy: linguistic, anthropological, existential-phenomenological, in the contexts of which you can see development and substantiation of the methodological potential of the idea of "language games" in the philosophy and methodology of humanitarian cognition.

The phenomenon of metaphor is analyzed as the most important element of the language reality and the logic of the linguistic games in the conditions of modernity. The authors reveal the complex ontological nature of the language (in its essential purpose - to unite the integrity of the "Man" - "World" in existence), draw a general conclusion about the deep ontological nature of the "language games", their architectonics and functional purposes. Language games are intended to register not only the logical-semantic constants and linguistic features of the language, but also its capacious communicative and existential potential of linguistic reality.

Keywords: language, language game, language reality, Wittgenstein, the logic of positivism, the methodology of humanitarian knowledge, worldview, metaphor.

Аннотация: В статье анализируется методологическая идея «языковых игр»; характеризуются истоки её становления в творчестве Л. Виттгенштейна. Используя методологию историко-философского и феноменологического исследования, авторы обращаются к эволюции смыслов идеи языковых игр от её истоков, заявленных Л. Виттгенштейном в ходе преодоления логоцентризма позитивистской трактовки языка (в частности – признания исключительности значений его семантической и синтаксической трактовки) – к потенциалу функционирования языковых игр в языковой реальности гуманитарного познания. Контекстуально обращаются авторы и к важнейшим «методологическим поворотам» философии XX столетия: лингвистическому, антропологическому, экзистенциально-феноменологическому, в контекстах которых происходит дальнейшее углубление и обоснование методологического потенциала идеи «языковых игр» в философии и методологии гуманитарного познания. В этом плане в статье акцентируется внимание на феномене метафоры – важнейшего элемента языковой реальности и логики языковых игр в условиях современности. Характеризуя сложную онтологическую природу языка (в его сущностном назначении – соединять в экзистенции воедино целостности «Человек» – «Мир»), делают общий вывод относительно глубинной онтологической природы «языковых игр»; их архитектоники и функционального назначения. Языковые игры призваны фиксировать не только логико-семантические константы и лингвистические особенности языка, но и не менее значимый для самой языковой реальности – её ёмкий коммуникативный и экзистенциальный потенциал.

Ключевые слова: язык, языковая игра, языковая реальность, Л. Виттгенштейн, логика позитивизма, методология гуманитарного познания, мировоззрение, метафора.

Исследовательский интерес к феномену «языковых игр» и методологическому дискурсу его понятия имеет свою историю. Заявленный еще в ранних работах Л. Виттгенштейна, этот интерес не затихает поныне, актуализируясь как в философско-методологическом, так и в специализированных лингвистических дискурсах. Введение лексемы «языковая игра» в методологический аппарат науки стало своеобразной «реперной точкой» его переосмысления, – признания ограниченности исследовательского потенциала логического позитивизма, в том числе, – позиции исключительности значений семантической и синтаксической трактовки языка. Сторонником этой позиции был и «ранний Виттгенштейн». Уязвимость логического позитивизма обнаружилась в решении ключевой методологической

проблемы «эмпирического значения», в поисках универсального языкового формата, соответствующего исходным установкам логического эмпиризма, а также в устремленности данной методологии к построению «идеального языка», способного быть свободным от недостатков естественного словоупотребления. Вместе с тем ключевой вопрос сквозной для данного дискурса темы «истины и значения» перманентно оставался «слепым пятном семантики» в динамике дискурсов позитивизма [6, с. 28-48]. Очевидной становится необходимость принципиального переосмысления исходных оснований методологической позиций науки в контекстах рефлексивного анализа языка.

Логика противостояния традиционным позитивист-

ским установкам и заинтересованность в дальнейших поисках их преодоления обращают Л. Виттгенштейна к различным аспектам *прагматики языка*, к аналитике потенциала *его коммуникативных ресурсов*. Истоки становление критической позиции мыслителя в адрес позитивистской трактовки языковой реальности заявлены уже в его Логико-философском трактате. Известный афоризм, завершающий трактат: «О чем нельзя сказать, о том нужно молчать», фиксирует его несомненный интерес (пусть пока рефлексивно не оформленный) к необходимости перехода к иным, отличным от догматов логоцентризма, форматам анализа языка; им задаются эволюционирующие далее в методологическом дискурсе векторы *этической* и *экзистенциальной* проблематики языковой реальности.

Показательно, что, обращаясь к феномену «речевых практик», и критикуя «ментальные состояния как значения», – отмечает Б.В. Марков, – Виттгенштейн фиксирует сложность установления значимости речевых актов на основании исключительно внутренних состояний и переживаний говорящего субъекта и обращает внимание на необходимость отыскивать основания их значения не в сознании, а в иных – внешних инстанциях, стоящих за высказываниями. И ссылки на *знание и понимание* он ассоциирует с общепринятыми нормами употребления языка [6, с. 63; 56]. Да и основной замысел работы «Логико-философский трактат» (несмотря на доминантную приверженность «раннего Виттгенштейна», как мы видели, методологическим установкам логического позитивизма), мыслитель видел не в построении развитой теории предложения как образа мира, а в создании, как отмечается в исследованиях «особой этической позиции, целью которой является демонстрация того тезиса, что решение научных проблем мало что дает для решения экзистенциальных проблем человека»..., констатация постоянного стремления «выхода за границу языка» [8, с. 125]. Уже здесь встает вопрос о «границах науки» и экзистенциальных мерах её языка.

Таковы истоки неявно заявленной в «Логико-философском трактате» (1921г.) и развернутой в «Философских исследованиях», опубликованных в 1953г. лексемы Л. Виттгенштейна «языковая игра». По существу, идея языковых игр означает не просто динамику языка, но с необходимостью проецируется в экзистенциально-мировоззренческие контексты, оказываясь важнейшим «компонентом деятельности» человека и «формой жизни». Миро-восприятие, миро-понимание, миро-отношение, миро-созидание, миро-преобразование... и другие «онтийные» «функционалы мировоззрения» (М.П. Арутюнян) экзистенциально наполняют и репрезентируют языковые игры. Переводя посредством речи социокультурную реальность в игровую плоскость, языковые игры, своеобразно очерчивают горизонт возможных миров индивидуального и социокультурного опыта – как не совпадающих с наличными – ибо, с одной стороны, в

выборе правил языка, как и в выборе набора игровых правил, человек ничем извне не ограничен. А с другой – соблюдение требования интерпретируемости модельной семантики, как отмечает М.А. Можейко, заложено в самой основе конституирующей игру языка» [7, с. 1344].

В этой связи словоупотребление, по Виттгенштейну, вообще не может быть неправильным, оно лишь отражает динамику самой жизни. Тем самым рефлексия языка мыслится погружаемой в контексты многогранных жизненных миров человека, объективно востребующих от аналитики языковой реальности иной, «информальной логики» (И.Н. Грифцова) [2]. – логики интерпретации, смыслового восприятия и понимания. Соответственно, в тезаурусы рефлексии языка и языковой реальности, ознаменовавшейся «Лингвистическим поворотом» в философии XX века, постепенно включаются традиции *герменевтики* (аналитически связывающие язык, знание, речь, понимание), установки *феноменологии* (раскрывающей «сущее в существовании» языковых форм; связь речевых актов с интенциональными состояниями. Так идея «языковых игр» обретает многомерную методологическую интерпретацию, проясняющую её глубокое сущностное содержание и рефлексивный потенциал.

В работе «О природе интенциональных состояний» Дж. Серль пытается скоррелировать речевые акты с интенциональными состояниями (по существу, – экзистенциалами), – такими как: надежда, желание, любовь, ненависть, симпатия, неприязнь, сомнение, удивление, удовольствие, восторг, уныние, гордость, раскаяние, скорбь, огорчение, виновность, наслаждение, раздражение, замешательство, одобрение, прощение, враждебность, привязанность, ожидание, гнев, восхищение, презрение, уважение, негодование [9, с. 61].

В векторах исследовательских традиций *экзистенциальной философии, феноменологии и психологии* действительно расширяется и углубляется потенциал языковых игр. Язык «узнаёт себя» и анализируется как «событие» и «со-бытие» жизненных миров; исследуется воплощенность языка в экзистенциалах; его экзистенциальный, образовательный, воспитательный потенциал; анализируются проблемы суггестивности языка, в том числе – возможности воздействия на человека звуком, речью, голосом, масс-медиа, и т.д.

Своеобразие тональностей аналитики языковых игр сегодня задают многомерные аналитические дискурсы. В разных контекстах и направлениях методологической рефлексии, с одной стороны, все более углубляется изначально заданный логикой прагматизма праксеологический аспект рефлексии языка, выводящий через модели «языковых игр» (в преодолении ограничений логики сциентизма и логоцентризма) на возможности осуществлять аналитику социальной, культурно-исторической, повседневной, виртуальной, и др. реальностей, на дей-

ствительность личностных миров человека. При этом оказывается возможным, на наш взгляд, осуществить значимый для рефлексивного анализа самого языка, сущностный и аутентичный его собственной природе, экзистенциально-феноменологический анализ, рефлексию «языковых игр» – как его ведущего экзистенциала. Именно здесь задаются установки аналитики онтологической размерности и экзистенциальной прагматики языка, векторы концептуализации «языковых игр» в контекстах сложных полей аналитики гуманитарного познания. Аналитические модели рефлексии языка в данных контекстах пронизывают философско-методологические учения ведущих мыслителей двадцатого столетия – М. Хайдеггера, Х.Г. Гадамера, Ж. Дерриды, М. Фуко, и др. В них, при различиях деталей в оценке природы и онтологии научного разума, прежде всего преодолеваются исходные установки сциентистских просвещенческих надежд на возможности выстраивания культуры и рефлексии её динамики исключительно в основаниях научного разума.

В условиях осложнения самой социальной реальности актуализируются столь же сложные и динамичные формы ее рефлексии. Языковая игра обретает обновляющийся аналитический потенциал; обнаруживаются новые приемы и скрытые механизмы этого потенциала. В том числе характерно востребованной становится метафора – один из ключевых приемов создания и функционирования языковых игр. Не случайно именно в XX веке заговорили о метафоре как о познавательном процессе, сопровождающем самые разные грани бытия человека в мире.

С одной стороны, метафора, по мнению П. Рикера, способна раскрыть подлинный смысл нашего пребывания в мире, будучи связанной с глубинными структурами реальности, с творческими возможностями человека. А, с другой стороны, исследователи усматривают в метафоре скрытый механизм воздействия социума на человека, один из способов осуществления власти..., отмечают возможные риски для человека самих «метафорических переносов» смыслов понятия, когда человек может стать своеобразной жертвой метафоры.

Турбейн, к примеру, (Turbaun) определяя метафору как «представление фактов одной категории в идиомах, соответствующих другой» и называя периодически категории «видами», а метафору «видовым скрещиванием», отмечает, что «используя метафоры, мы пересекаем категории» (включая ментальные, морские, архитектурные, геометрические, металлургические и многие другие); и взывает к необходимости понимания метафоры, дабы не стать её жертвой. Быть жертвой метафоры, полагает Турбейн, – значит воспринимать ее буквально, как факт – в качестве описания объективной истины, вместо того, чтобы рассматривать её как «образный язык» [15].

На сложность метафоры в функционирования языковой реальности, также как и её аналитики в контекстах языковых игр, обращают внимание многие авторы. Дж. Р. Серль, к примеру, отмечает, что «проблема метафоры затрагивает отношения между значением слова и предложением, с одной стороны, и значением высказывания или значением говорящего, с другой» [9, с. 308]. На роль метафор в успешной организации информации в текстах обращают внимание исследователи Д. Аллбригтон, Д. Маккун, Р. Герриг (Albritton D.W., Mc.Koon G., Gerrig R.). По их мнению, в основе так называемых «концептуальных карт», или «схем» лежат метафоры. По его мнению, подобные схемы, являющиеся частью знаний о мире в какой-либо предметной области, в процесс понимания текста привносятся сами читатели [11, р. 615-625].

Д. Дэвидсон со своей стороны обосновывает, что не существует строгих правил для определения того, какие именно выражения в языке должны считаться метафорическими. Значение метафор, по его мнению, исходит из буквального понимания сказанного, и последующего перехода к особому использованию слов, понятым таким образом (то есть в языковой игре – М.А., О.П.). По его утверждению метафоры должны быть узнаваемы по их характерному «эффекту» на слушателя (по тому, что они заставляют его «замечать») в процессе понимания текста, а не как отдельное когнитивное содержание). Это также объясняет, по его словам, наши нередкие трудности с перифразированием метафорического смысла (значения) в буквальный контекст разговора [12, р.31-47].

Дж. Лакофф обращает внимание на особую роль метафоры в организации концептуальных знаний при взаимодействии и пересечении двух различных областей – как важнейший способ создания и функционирования языковой картины мира. Подобные «концептуальные метафоры», по его мнению, могут рассматриваться в качестве глубинных оснований, формирующих представления человека о действительности в целом [14].

Приведенные образы метафоры, мысли и аргументы демонстрирующие необходимость и особенности её функционирования в контекстах языковой картины мира (наряду с другими важными элементами этой картины) демонстрируют сложный характер архитектуры «языковых игр», их со-размерности самой идеи «языковой игры» сложной онтологической природе языка, призванной связать воедино в экзистенции – целостности «Человек» – «Мир» через осмысление и понимание человеком мира посредством Языка. Языка, бытующего, как мы пытались показать, в динамике «языковых игр». А своеобразной «реперной точкой», отмеченной методологическим поворотом интереса к исходной аналитике идеи языковых игр, и дальнейшей расширяющейся панораме их аналитики, стало творчество Л. Виттгенштейна.

ЛИТЕРАТУРА

1. Витгенштейн Л. Философские работы. Часть I / Л. Витгенштейн / пер. с нем. М.С. Козловой и Ю.А. Асеева. – М.: Изд-во «Гнозис», 1994. – 612 с.
2. Грифцова И.Н. Логика как теоретическая и практическая дисциплина. К вопросу о соотношении формальной и неформальной логики. – М., 1998.
3. Козлова М.С. Идея «языковых игр» / М.С. Козлова // Философские идеи Людвига Витгенштейна. – М.: ИФРАН, 1996.
4. Козлова М.С. Философия как деятельность: мысли Л. Витгенштейна / М.С. Козлова // Современная аналитическая философия: сборник обзоров. Выпуск 3. (серия «Сознание и деятельность»). – М., 1991. С. 32–43.
5. Марков Б.В. Знаки бытия / Б.В. Марков. – СПб: «Наука», 2001. 566 с. – (Сер. «Слово о сущем»).
6. Марков Б.В. Люди и знаки: антропология межличностной коммуникации / Б.В. Марков. – СПб: «Наука», 2011. 667 с. – (Сер. «Слово о сущем»).
7. Можейко М.А. Языковые игры // История философии: Энциклопедия. – Мн., 2002. С. 1344.
8. Постмодернизм. Энциклопедия. – Мн. Интерпрессервис; Книжный Дом, 2001. – С. 125.
9. Серль Дж. О природе интенциональных состояний // Философия. Логика. Язык. М. 1987.
10. Хиттинка Я. О Витгенштейне / Хиттинка Я. Из «лекций» и «заметок» / Л. Витгенштейн / Составление и редакция В.А. Суровцева. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2013. – 272 с.
11. Allbritton D.W., Mc. Koon G., Gerrig R. Metaphor-based schemas and text representation // J. of experimental psychology Charlton, 1995, vol. 21, 2, p.615–625.
12. Davidson D. What metaphor mean // Critical inquiry — Chicago, 1978, vol. 5, 1, p.31–47.
13. Farb P. Word Play: What Happens When People Talk. N.Y., 1976. – 421 p.
14. Lakoff G. and Johnson M. Metaphors We Live by Chicago: University of Chicago Press, 1980.
15. Turbayn, C. The Myth of metaphor. – Col., 1975.

© Арутюнян Маргарита Павловна, Подольская Оксана Симоновна (oxanav2702@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Тихоокеанский государственный университет

СИМВОЛЫ И ОБРАЗЫ КИНОИСКУССТВА КАК ИНСТРУМЕНТЫ ТРАНСГУМАНИЗМА В КОНСТРУИРОВАНИИ БУДУЩЕГО

SYMBOLS AND IMAGES OF CINEMA AS TOOLS OF TRANSHUMANISM IN DESIGNING THE FUTURE

N. Latysheva

Summary: Modern global reality forms other norms and models of human behavior; shows examples of a new understanding of the old, established, values and meanings. Among the trends in the development of the modern global world, transhumanism stands out, which generates its own image of the future in which the existing world and man are denied the right to exist. In this generation of the future, the ideologists and beneficiaries of transhumanism actively use modern types of fine arts, social networks and platforms, virtual reality technologies through which images and symbols of the transhumanist future are distributed. At the same time, in presenting the image of the future, the transhumanist imperative is the principle of "no other way is given" both in the format of utopia and in the format of dystopia. This is especially evident in modern cinema.

Keywords: transhumanism, ideologists of transhumanism, beneficiaries of transhumanism, tools of transhumanism, future, construction of the future, symbols of the future, images of the future.

Латышева Наталия Александровна

*К.ф.н., доцент, Российский университет транспорта (МИИТ)
nalat59@mail.ru*

Аннотация: Современная глобальная реальность формирует другие нормы и модели человеческого поведения; показывает примеры нового понимания прежних, сложившихся, ценностей и смыслов. Среди тенденций развития современного глобального мира выделяется трансгуманизм, который генерирует свой образ будущего, в котором существующему миру и человеку отказывается в праве на существование. В этой генерации будущего идеологи и бенефициары трансгуманизма активно используют современные виды изобразительного искусства, социальные сети и платформы, технологии виртуальной реальности посредством которых распространяются образы и символы трансгуманистического будущего. При этом в подаче образа будущего трансгуманистическим императивом является принцип «иного не дано» как в формате утопии, так и в формате антиутопии. Особенно наглядно это в современном киноискусстве.

Ключевые слова: трансгуманизм, идеологи трансгуманизма, бенефициары трансгуманизма, инструменты трансгуманизма, будущее, конструирование будущего, символы будущего, образы будущего.

*Ложь многократно повторенная
воспринимается как истина*

В диалоге «Горгий» Платон раскрывается типология риторики и красноречия с учетом социальных последствий и целевой установки раторов. Горгий утверждает, что риторика или красноречие «составляет благо и даёт как свободу, так равно и власть над другими людьми, каждому в своём роде» и далее Горгий раскрывает своё понимание красноречия:

«Способность убеждать словом и судей в суде, и советников в Совете, и народ в Народном собрании, да и во всяком ином собрании граждан. Владея такую силой, ты и врача будешь держать в рабстве, и учителя гимнастики, а что до нашего дельца, окажется, что он не для себя наживает деньги, а для другого – для тебя, владеющего словом и умением убеждать толпу». [11, С. 484.]

На что Сократ замечает: «Вот сейчас ты, Горгий, по моему, ближе всего показал, что ты понимаешь под красноречием, какого рода это искусство; если я не ошибаюсь, ты утверждаешь, что оно – мастер убеждения: в этом вся его суть и вся забота. Или ты можешь сказать,

что красноречие способно на что-то большее, чем вселять убеждение в души слушателей?». [11, С. 484.]

В ходе дальнейшей дискуссии выясняется, что есть два типа красноречия: красноречие на основе знания и красноречие на основе убеждения-веры. [11, С. 487.] Горгий – сторонник последнего типа красноречия в котором: «...Оратор в судах и других сборищах не поучает, чтосправедливо, а что нет, но лишь внушает веру, и только. Ну конечно, ведь толпа не могла бы постигнуть столь важные вещи за такое малое время» [11, С. 487.] и что оратор «в любом деле приобретает доверие толпы не наставлением, а доверием». [11, С. 491.] И даже в сравнении со знатоками и специалистами в каком-то деле (в диалоге в качестве примера используется профессия врача) оратор оказывается сильнее специалиста, не будучи специалистом, то есть будучи невеждой. Стоит привести фрагмент диалога:

«Сократ. ... Ты утверждаешь, что способен сделать оратором всякого, кто пожелает у тебя учиться?

Горгий. Да.

Сократ. Но конечно, так, что в любом деле он приобретет доверие толпы не наставлением, а убеждением?

Горгий. Совершенно верно.

Сократ. Ты утверждал только сейчас, что и в делах, касающихся здоровья, оратор приобретет больше доверия, чем врач.

Горгий. Да, у толпы.

Сократ. Но «у толпы» – это, конечно, значит у невежд? Потому что у знатоков едва ли он найдет больше доверия, нежели врач.

Горгий. Ты прав.

Сократ. Если он встретит большее доверие, чем врач, это значит – большее, чем знаток своего дела?

Горгий. Разумеется.

Сократ. Не будучи при этом врачом, так?

Горгий. Да.

Сократ. А не врач, понятно, не знает того, что знает врач.

Горгий. Очевидно.

Сократ. Стало быть, невежда найдет среди невежд больше доверия, чем знаток: ведь оратор найдет больше доверия, чем врач. Так выходит или как-нибудь по-иному?

Горгий. Выходит так – в этом случае.

Сократ. Но и в остальных случаях перед любым иным искусством оратор и ораторское искусство пользуются таким же преимуществом. Знать существо дела красноречию нет никакой нужды, надо только отыскать какое-то средство убеждения, чтобы казаться невеждам большим знатоком, чем истинные знатоки.

Горгий. Не правда ли, Сократ, какое замечательное удобство: из всех искусств изучаешь одно только это и, однако ж, нисколько не уступаешь мастерам любого дела!». [11, С. 491-492.]

При таком подходе такой ритор «будет казаться знающим, будет казаться добрым, не заключая в себе добра». [11, С. 492.]

Сюжет и ситуация, представленная Платоном в «Горгии», напрямую перекликаются с позицией С. Лема в работе «Сумма технологии»: «Но что есть знание? Знание – это ожидание определенного события после того, как произошли некоторые другие события. Кто не знает ничего, может ожидать всего. Кто знает что-то, тот считает, что может произойти не все, а лишь некоторые явления, иные же не произойдут. Следовательно, знание – это ограничение разнообразия, и оно тем больше, чем меньше неуверенность ожидающего». [7, С. 262.]

Софистическая парадигма красноречия базируется на невежестве толпы, которая «может ожидать всего» и для которой существенную роль играет убеждение, внушение. О сущности внушения и его роли в общественной жизни писал В. Бехтерев, [1] который показал, что внушение сопряжено через гипноз, убеждение и веру.

Один из идеологов трансгуманизма О. Хаксли в работе «О дивный новый мир» формирование человека-раба осуществлял через технологию гипнопедии – способ этогенеза без применения насилия. [12, С. 73.] Гипнопедия сопряжена с внушением, гипнозом, специфической музыкой, образами и наркотиками. Антиутопия О. Хаксли сопрягает его с софистом Горгием и оба они являются примером позиции, в которой один человек доминирует над другим посредством красноречия в котором преобладает внушение, а внушаемый человек рассматривается как орудие, как объект, как раб, над которым своим искусством властвует оратор и его воля.

Понятие «трансгуманизм» ввел в оборот биолог Джулиан Хаксли в 1957 в статье «Трансгуманизм». [2, С. 229.] Слово «transhumanism» означает преодоление человека, выход за пределы его существующей данности, которая рассматривается как несовершенная. Если христианство утверждает идею преобразования человека через соблюдение заповедей Божиих и практику богообщения во Христе, то трансгуманизм реализует иную парадигму преодоления человека: помимо его воли, через внешнее изменение посредством технологий воздействия как на сознание, так и на тело. [4, Р. 60.]

Среди подготовительных технологий воздействующих на сознание человечества является современное киноискусство, которое своими образами и символами убеждает человечество в неизбежности трансгуманизма как нового этапа прогресса и социальной эволюции. Голливуд уже давно стал фабрикой грез и инструментом стратегического когнитивного воздействия. [13]

Отрадно то, что на излете советского киноискусства был снят фильм «Человек с бульвара Капуцинов», советский комедийный вестерн Аллы Суриковой по сценарию Эдуарда Аكوпова. Премьера фильма состоялась в 23 июня 1987 года в московском кинотеатре «Мир». В фильме показаны две парадигмы киноискусства и его сторонников. Первая представлена мистером Джонни Фэст (англ. first – первый), который является истинным и нравственным миссионером от кино. Его мечта – нравственное преобразование человека и общества через возможности киноискусства. Он показывает фильмы с высокими нравственными образцами, высокими манерами, милосердием, взаимопомощью. Но со временем у него появляется конкурент – делец мистер Секонд (англ. second – второй), который приезжает с противоположным по содержанию комплектом кинолент с целью наживы от проката фильмов. Он показывает зрителям низкопробные боевики и фильмы ужасов, изобилующие насилием и кровью, и аудитория быстро погружается обратно в атмосферу драк, разврата и пьянства, поддерживаемую теперь с помощью кино, которому ковбой привыкли доверять. Оценивая современный кинопрокат зарубежного и отечественного производства, можно

с уверенность сделать вывод: доминирует Секонд и его комплект кинолент. Только теперь, когда трансгуманизм становится доминирующей тенденцией в процессах глобализации «Секонды» своим прокатом убеждают человека в том, что он неудачная, преходящая, отживающая и вредная форма жизни на земле.

Например, в британском художественном фильме 2014 года «Kingsman: Секретная служба» (англ. Kingsman: The Secret Service) снятым режиссёром Мэттью Вонем по мотивам комикса «The Secret Service» издательства Icon Comics, утверждается тезис о том, что человек является вирусом на Земле, и сейчас ситуация сложилась так, что либо вирус убьёт Землю, либо Земля убьёт вирус, то есть человека. А чтобы этого избежать надо организовать «прополку» человечества по стандартам Т. Мальтуса – [8,9] английского ученого, демографа и экономиста, автора теории, согласно, которой, рост народонаселения приводит к снижению, благосостояния и массовому голоду. При этом вмешательство государства в распределение доходов между богатыми и бедными ничего не дает, так как господствующий класс незначителен в сравнении с огромной массой бедняков, и попытки перераспределения богатств господствующего класса в пользу бедных не решают проблему бедности. Отсюда Т. Мальтус считал войны и эпидемии подлинным благом для человечества, поскольку они помогают сократить количество народа на Земле, чтобы оставшиеся жили лучше.

Цели и задачи сторонников Т. Мальтуса воплощены в архитектурном комплексе «Скрижали Джорджии» (англ. Georgia Guidestones). Он представляет собой гранитный монумент, расположенный в округе Элберт в штате Джорджия, США. Он состоит из шести гранитных плит высотой около 6 метров и весом 119 тонн, сооружен в 1980 году местной фирмой Elbert on Granite Finishing по заказу анонимного клиента. На нем на восьми современных языках, включая русский, и четырех древних представлены новые 10 «заповедей» – прямая отсылка к декалогу Моисея и оппозиция заповедям Бога (плодитесь и размножайтесь [5]) так как первая заповедь «Скрижалей» гласит: «Пусть земное население никогда не превышает 500 000 000, пребывая в постоянном равновесии с природой». А десятая – «Не будьте раком для Земли, природе тоже оставьте место!».

И архитектурный комплекс «Скрижали Джорджии» и фильм «Kingsman: Секретная служба» воплощают одну и ту же идею и свидетельствуют о наличии социальных субъектов, которые противопоставляют себя библейской картине мира и её образу человека и, определив самостоятельно себя в судьи ставят задачу кардинального изменения образа человека и облика планеты. К этим субъектам примыкают и идеологи, и бенефициары трансгуманизма.

Представления трансгуманистов к человеку сопрягаются с образом сверхчеловека Ф. Ницше. Последний писал, что «Человек есть нечто, что должно превзойти». [10, С. 8.] Он сравнивает человека с обезьяной и сверхчеловеком с позиций эволюционной концепции Ч. Дарвина: «Что такое обезьяна в отношении человека? Посмешище или мучительный позор. И тем же самым должен быть человек для сверхчеловека: посмешищем или мучительным позором». [10, С. 8.] Примером является российский фантастический телесериал о роботах-андроидах «Лучше, чем люди». Его премьера состоялась на видеосервисе START и онлайн-кинотеатре Первого канала 23 ноября 2018 года, а телепремьера – на российском Первом канале 22 апреля 2019 года. В сериале супербот Ариса представлена более выгодно и с эстетической и этической сторон по сравнению с человеком. Необходимо заметить, что во многих видах кинопродукции антропы рассматриваются как новая и более совершенная форма эволюции на земле.

В 2009 году вышел в прокат американский фантастический боевик «Суррогаты» (англ. Surrogates), снятый по одноимённому комиксу режиссёром Джонатаном Мостоу с Брюсом Уиллисом в главной роли. Слоган фильма – «Реален только ты». В них показана технология дистанционных социальных связей человека посредством своих технологических двойников – суррогатов: сами люди лежат в специальных креслах в своих примитивных квартирах и действуют во внешнем мире посредством механических двойников. Ценность фильма заключается в том, что в конечном итоге главные персонажи фильма приходят к выводу, что нет ничего дороже чем непосредственное живое человеческое участие и общение не смотря на несовершенство человека.

В 2009 году выходит американский научно-фантастический фильм сценариста и режиссёра Джеймса Кэмерона «Аватар» (англ. Avatar) с Сэмом Уорингтоном и Зои Салданой в главных ролях.

Аватары – это генетически спроектированные тела-гибриды на’ви (туземцы планеты Пандора куда вторглись земные корпорации) и людей. Аватары используются для изучения планеты и взаимодействия с туземными жителями Пандоры. Красной линией фильма проходит идея о том. Что люди выродились нравственно, а те, кто из них сохранил нравственные качества отказываются от человеческого образа в пользу существования в теле аватара. Здесь мы имеем дело с технологической версией перевоплощения человека, столь характерного для языческой традиции по всему миру.

В 2014 году выходит в прокат научно-фантастический фильм «Превосходство» (англ. Transcendence) – режиссёрский дебют оператора Уолли Пфистера по сценарию Джека Паглена. В фильме показаны последствия техно-

логической сингулярности – технологии клонирования человека. Фактически в этом фильме проводятся параллели с чудесами Христа в Новом завете: исцеление больных и увечных, воскрешение мертвых. И опять живущее человечество, и человек как таковой выставляются в образе маргиналов, которые стоят на пути благ формируемых технологическим прогрессом. При этом внутренняя нравственная работа человека над собой фактически игнорируется и не нужна. Источник совершенства человека – технологии.

В 2018 году вышел в прокат американо-австралийский научно-фантастический триллер «Апгрейд» (англ. Upgrade, улучшение) режиссёра и сценариста Ли Уоннелла. Главная идея фильма – искусственный интеллект захватывает тело человека ломая его волю и погружая его сознание в иллюзорное состояние блаженного анабиоза.

Количество фильмов данного формата только растёт. Можно привести лишь небольшой перечень:

Фильмы из цикла «Терминатор»: «Терминатор» (англ. The Terminator) фантастический художественный фильм, США, 1984 г., режиссёр – Дж. Кэмерон; «Терминатор 2: Судный день» (англ. Terminator 2: Judgment Day) 1991 г, режиссёр – Дж. Кэмерон; «Терминатор 3: Восстание машин» (англ. Terminator 3: Rise of the machines) фильм снят в США в 2003 режиссером Дж. Мостоу. «Терминатор: Да придёт спаситель» (англ. Terminator Salvation) — четвёртый фильм киносериала, США, 2009 г, снят Дж. Макджинти Николо (Макджи); «Терминатор: Генезис» (англ. Terminator Genisys) – пятый фильм киносериала, США, 2015 год, режиссер–А.Тейлор; «Терминатор: Тёмные судьбы» (англ. Terminator: DarkFate) – шестой фильм киносериала, США, 2019 г., режиссёр – Т. Миллер.

Фильмы из цикла «Матрица»: «Матрица» американский научно-фантастический боевик 1999 года, снятый Эндрю и Лоуренсом Вачовски; «Матрица: Перезагрузка» (2003), «Матрица: Революция» (2003), «Матрица: Воскрешение» (2021).

«Чёрное зёркало» (англ. Black Mirror) – британский научно-фантастический телесериал-антология. Он создан Ч. Брукером с целью показать характер и направ-

ленность влияния современных технологий на человеческие отношения и характер развития. Практически во всех фильмах показана негативная роль указанных технологий.

В 2019 году вышел российский телесериал «Проект „Анна Николаевна“» режиссёра Максима Пежемского, в котором на смену полицейским приходит женщина-андроид – капитан полиции Анна Николаевна Королькевич.

Общим для всех фильмов данного направления являются образы и символы, в которых человек представлен уходящей деструктивной формой жизни, на смену которой идет нечто искусственно созданное – постчеловеческое как нечеловеческое и античеловеческое.

В августе 2020 года в рамках форума «Армия – 2020» состоялся круглый стол на тему «Психологическая оборона. Борьба за историю – борьба за будущее» [6] в ходе которого выступил президент Национального исследовательского центра «Курчатовский институт» Михаил Ковальчук, который отметил, что в рамках технологий трансгуманизма (НБИКС) наука вторглась в область, которая ранее считалась уделом Бога и что человечество подошло к возможности создания искусственного «служебного человека». Было отмечено, что эти технологии представляют угрозу национальной безопасности и развитию России. Технологии НБИКС – это технологии современного порабощения. Из слов М. Ковальчука следует, что эти угрозы стали глобальными, а соответственно нужен и глобальный ответ на них. Идеологи трансгуманизма генерируют свой проект будущего, в котором существующему миру и человеку отказывается в праве на существование. В этой генерации будущего идеологи и бенефициары трансгуманизма активно используют современные виды изобразительного искусства, социальные сети и платформы, технологии виртуальной реальности посредством которых распространяются образы и символы трансгуманистического будущего. Для блокировки данных угроз необходимо осознание этого типа угроз. Жажда и воля к власти генетически уходит в глубь веков. О чем и свидетельствуют диалоги Платона о типах красноречия. Но в нашем веке эта жажда многократно усилена технологиями, которые на поверку могут оказать вторжением инфернального в наш мир.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бехтерев В. Внушение и его роль в общественной жизни. М.: Академический проект, 2018. 257 с.
2. Белялетдинов Р.Р. Человек трансгуманистического периода: новые концепции человека в эпоху биотехнологий // Глобальное будущее 2045. Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистическая эволюция. Под ред. проф. Д.И. Дубровского. М.: ООО «Издательство МБА», 2013. С. 228-236.
3. Болдырев А.В., Магнитов С.Н. Голливуд: оружие массового поражения. М.: Книжный мир, 2019. 416 с.
4. Klerkx G. The transhumanists as tribe // Better Humans? The politics of human enhancement and life extension. L., 2006.
5. Книга «Бытие» Глава 1, стих 28./ <https://azbyka.ru/biblija/?Gen.1:28>

6. Круглый стол на тему «Психологическая оборона. Борьба за историю - борьба за будущее»: полная версия // <https://tvzvezda.ru/news/20201071528-omcD0.html>
7. Лем С. Сумма технологии: Пер. с польского. / С. Лем. М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб.: TerraFantastica, 2004. 668 с.
8. Мальтус Т., Печчеи А. «Слишком тесно». О пользе войн и эпидемий. М.: Родина, 2021. 288 с.
9. Мальтус Т. Войны и эпидемии. Благо для человечества? / Т. Мальтус. М.: Родина, 2022. 224 с.
10. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого. // Ницше Ф. Сочинения в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1990. 829 с.
11. Платон. Горгий // Платон. Собрание сочинений в 4 т.: Т. I/Общ. ред. А.Ф. Loseва и др.; Авт. вступит. статьи А.Ф. Loseв; Примеч. А.А. Тахо-Годи; Пер. с древнегреч. М.: Мысль, 1990. С.477-574.
12. Хаксли О. О дивный новый мир: [роман] / Олдос Хаксли; [пер. с англ. О. Сороки]. М.: Издательство АСТ, 2018. 350 с.
13. Юсев А. Кинополитика: Скрытые смыслы современных голливудских фильмов. М.: Альпина Паблшер, 2017. 300 с.

© Латышева Наталия Александровна (nalat59@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Российский университет транспорта

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ ОБЪЕКТИВНОГО ВРЕМЕНИ: ЕГО ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ОБОСНОВАНИЕ

DEFINITION OF THE CONCEPT OF OBJECTIVE TIME: ITS THEORETICAL AND EXPERIMENTAL JUSTIFICATION

**T. Lolaev
A. Mouravov**

Summary: The article formulates and substantiates the definition of the concept of objective, functional time, according to which each object, as a result of a successive change of its qualitatively new states, forms an actual duration, a specific reflection of which is the duration of objective time.

Time, formed by an object, exists from its inception to the incarnation of its material content into a subsequent object or subsequent objects.

Objective time is non-substantial, is not a physical entity, does not pass from object to object, and therefore objects, in which the material content of previous objects is embodied, also begin to form their own objective times.

Due to the fact that each object exists in its own time, and time does not exist outside objects, objective time is always present.

Since objective time is always present, past and future times do not have the status of reality.

In this regard, objective time does not flow from the past through the present to the future, but from the present to the next present.

Own objective, functional time, formed by a specific object, can be measured in hours, but taking into account its rhythm and duration, that is, on how often its states arise and how long it lasts.

Objective time is non-substantial, is not a physical entity, and therefore does not have its own properties, but only specifically reflects the properties of the object that forms it, the process. Therefore, time is a function of the process, and not the process is a function of time.

The mechanism of communication of objective time with movement as a qualitative change is revealed, which explains the nature of time and serves as the basis for the scientific definition of the concept of time.

When moving as a simple movement, time arises and exists only in the mind of a person, an observer. And therefore is subjective time.

The paper also considers the possibilities of using the concept of objective, functional time in theory and practice.

Keywords: time, objective time; functional time; present time; subjective time; non-substantial time: qualitative changes; quantitative changes; irreversible time; slowdown of time.

Лолаев Тотраз Петрович

*Д.ф.н., Профессор, Северо-Кавказский горно-металлургический институт (государственный технологический университет), г. Владикавказ
lolaev.tp@gmail.com*

Моуравов Алан Лазаревич

К.ф.н., директор, ГАПОУ «Северо-Кавказский аграрно-технологический колледж», г. Ардон

Аннотация: В статье сформулировано и обосновано определение понятия объективного, функционального времени, согласно которому каждый объект, в результате последовательной смены его качественно новых состояний, образует фактическую длительность, специфическим отражением которой является длительность объективного времени.

Время, образуется объектом, существует с возникновения и до воплощения его материального содержания в последующий объект или последующие объекты. Объективное время несубстанционально, не является физической сущностью, не переходит от объекта к объекту, а потому объекты, в которые воплощается материальное содержание предыдущих объектов, начинают также образовывать свои собственные объективные времена.

В связи с тем, что каждый объект существует в своем собственном времени, а вне объектов время не существует, объективное время всегда настоящее. Поскольку объективное время всегда настоящее, прошлое и будущее времени статуса реальности не имеют.

В этой связи, объективное время течет не от прошлого через настоящее к будущему, а от настоящего к последующему настоящему.

Собственное объективное, функциональное время, образуемое конкретным объектом, можно измерять часами, но с учетом его ритма и длительностей, то есть, от того, как часто возникают и как долго длятся его состояния.

Объективное время несубстанционально, не является физической сущностью, а потому не имеет собственных свойств, а только специфически отражает свойства образующего его объекта, процесса. Следовательно, время является функцией процесса, а не процесс функцией времени.

Раскрыт механизм связи объективного времени с движением как качественным изменением, который объясняет природу времени и служит основанием для научного определения понятия времени.

При движении как простом перемещении, время возникает и существует лишь в сознании человека, наблюдателя. И поэтому является субъективным временем.

В работе также рассматриваются возможности использования понятия объективного, функционального времени в теории и на практике.

Ключевые слова: время, объективное время, функциональное время, настоящее время, субъективное время, несубстанциональное время, качественные изменения, количественные изменения, необратимое время, замедление времени.

Прежде всего, подчеркнем, что объективным или функциональным временем [1], мы считаем время, возникающее и существующее в природе. Поскольку объективное, функциональное время возникает

и существует в природе, оно не зависит от человека, его сознания.

В этой связи в данной главе рассматривается про-

блема объективного, функционального времени, формулируется и обосновывается теоретически и экспериментально определение объективного времени. В ней, опираясь на труды Аристотеля, касающиеся объективности времени и результаты анализа научной литературы, посвященной проблеме времени, мы теоретически и экспериментально обосновали, что объективное время возникает и существует в природе, поскольку оно порождается движением как качественным изменением.

Мысль о связи времени с материальным движением выдвигалась в истории философии от Аристотеля до Гегеля и основоположников диалектического материализма. Однако, по мнению известного российского философа, специалиста по проблеме объективности времени В.Н. Зимы ответ на вопрос «Что представляет собой объективное время?» остается открытым [2].

С нашей точки зрения, анализ отношений понятия времени и движения, проведенный Аристотелем, имеет непреходящее философское и естественнонаучное значение для определения понятия объективного времени.

Аристотель усматривал различие между субъективным и объективным временами. А главное, он считал, что объективное время существует независимо от «души», от сознания человека [3].

Имея в виду высказывание Аристотеля, Т.Ю. Денисова подчеркивает: «Время воспринимается «считается» душой, но душа при этом не является его исходным вместилищем» [4].

Следует согласиться с Т.Ю. Денисовой, поскольку «исходным вместилищем» объективного времени, по Аристотелю является природа.

По поводу толкования понятия объективного времени Аристотелем, Т.Ю. Денисова далее пишет: «Время, существуя объективно, осознается в «опыте души». Хотя, обладая объективной природой, время не редуцируется к этому субъективному опыту, оно может быть обнаружено и познано с его помощью» [4].

И с нашей точки зрения, время объективно, поскольку оно возникает и существует в природе независимо от человека, его сознания, но обнаруживается и познается человеком, его сознанием.

Академик АН СССР В.И. Вернадский был убежден в объективном существовании времени. Он писал: «Время есть одно из основных проявлений вещества, неотделимое от него его содержание» [5].

Вопреки сказанному, внутри самой физической теории понятие времени не определяется. Оно вводится в

теорию либо постпредством абстрактных математических структур, либо с помощью соответствующих операциональных определений длительности. Но для понимания роли и места понятия времени в самой физической теории этого явно недостаточно. Последнее требует выхода за пределы данной теории и обращения к философии, к методологическим проблемам.

Именно в настоящий период развития науки такой философский анализ особенно важен, поскольку в теоретической физике назревает осознание необходимости нового подхода к пространственно-временным представлениям, которые возможно приведут к столь же радикальным изменениям, как и те, которые привели к созданию теории относительности [6].

По нашему мнению, сказанное обусловлено тем обстоятельством, что в философии и естествознании существуют трудности, связанные с определением понятия времени.

Например, исследователи пытаются определить понятие времени без учета того, что времен два: объективное и субъективное. В этой связи следует определять понятия указанных времен, не связывая их, так как между ними существуют коренные различия. В этой связи мы определили понятие объективного времени отдельно.

Другая трудность связана с тем, что, согласно научным представлениям, настоящее время существует мгновение и не поддается измерению. А то, что не поддается измерению, не может быть объектом науки.

Согласно же функциональной концепции, объективное время всегда настоящее и его можно измерять.

Следующая трудность связана с тем, что в науке принято считать, что время имеет три вида, модуса: прошлое, настоящее и будущее, а такого времени в природе нет, поскольку объективное время, согласно функциональной концепции, всегда настоящее. Следовательно, и указанная трудность не мешает объективному определению понятия объективного времени.

По мнению исследователей, все попытки определить понятие времени оказывались тщетными в том смысле, что приводили к логическому кругу: время определялось через понятия, в явной или неявной форме включавшие в себя временные представления.

Однако при определении понятия объективного времени, логический круг не возникает, так как исследователи пытались определить понятие времени, которое в природе не существует.

Определение понятия объективного времени фор-

мулируется нами следующим образом: **Объективное время – это специфическое отражение реальной длительности, образуемой последовательно сменяющимися качественно новыми состояниями объекта, процесса (выделено нами).**

Из сказанного следует, что в определении понятия объективного времени центральное место занимает идея связи времени с движением, принадлежащая Аристотелю.

Аристотель подчеркивал, что «время не есть движение, но и не существует без движения...» [3].

И, по мнению отечественного философа, известного специалиста по проблеме времени, Ю.Б. Молчанова, вывод Аристотеля о том, что «время не есть движение, но и не существует без движения...», «сохраняет свое значение и в настоящее время» [7].

Имея в виду аристотелевскую идею связи времени с движением, В.А. Канке пишет: «Несмотря на то, что правильная мысль о характере субординатных связей движения и времени не получили у него достаточно строгого доказательства, ее диалектический характер не приходится отрицать» [8].

Из сформулированного нами определения времени, прежде всего, следует, что объективное время образуется в результате движения как качественного изменения. Каждый объект любого уровня структурной организации материи с возникновением и до воплощения в другой объект или в другие объекты в результате реализации заложенных в нем потенциальных возможностей и его взаимодействия с окружающей средой, образует свое собственное объективное настоящее время, не зависящее от человека и его сознания.

Аристотель усматривал различие между субъективным и объективным временами. А главное, он считал, что объективное время существует независимо от «души», от сознания человека [3].

Имея в виду высказывание Аристотеля, Т.Ю. Денисова подчеркивает: «Время воспринимается «считается» душой, но душа при этом не является его исходным вместилищем» [4].

Следует согласиться с Т.Ю. Денисовой, поскольку «исходным вместилищем» объективного времени, по Аристотелю является природа.

«Так как время, скорее всего, представляется каким-то движением и изменением, — писал Аристотель, — то это и следует рассмотреть. Изменение и движение каждого (тела) происходит только в нем самом или там, где случится быть самому движущемуся и изменяющемуся;

время же равно-мерно везде и при всем» [3].

На наш взгляд, движение и изменения могут происходить лишь в объектах, имеющих материальное содержание, а несубстанциональное время само не может испытывать движение и изменение, а поэтому «равно-мерно везде».

Г. Лейбниц также указывал на неразрывную связь времени с конкретными объектами. Он писал, что «время без вещей является лишь чисто идеальной возможностью» [9].

Еще более определенно о связи времени с объектами высказался Г. Гегель: «Вещи исчезают не потому, что они находятся во времени, а потому, что сами они представляют собой временное... Процесс самих действительных вещей, составляет, следовательно, время» [10].

Объективное время специфически отражает ритм и длительности последовательно сменяющихся качественно новых состояний объекта, процесса в связи с тем, что оно несубстанционально (не является ни веществом, ни полем, ни особой субстанциональной сущностью).

Еще Аристотель обращал внимание на специфическую связь времени с движением, когда писал: «И как движение всегда иное и иное, так и время» [3].

В этой связи Т.Ю. Денисова отмечает: «Указывая на связь между движением и временем, Аристотель вскользь отмечает еще одну важную характеристику времени – его специфичность в отношении каждого конкретного объекта...» [4].

Как известно, независимо от того перемещается объект перед зеркалом или находится в состоянии относительно покоя, его облик в зеркале отражается одинаково.

Когда же процесс протекает в конкретном объекте, объективное время отражает постоянные изменения ритма и длительностей его последовательно сменяющихся качественно новых состояний.

При движении как простом перемещении объекта, возникает лишь длительность субъективного времени. Сказанное обусловлено тем, что факт движения как простого перемещение можно определить только благодаря наличию других объектов в окружающей его среде.

О справедливости сказанного свидетельствует следующий пример: в ночном небе можно наблюдать, как движется Международная космическая станция, находящаяся на своей обычной орбите, а если поднять МКС на стационарную орбиту, она будет казаться неподвижной с точки зрения наблюдателя.

В этой связи мы считаем, что при движении как простом перемещении образуется длительность лишь субъективного времени в сознании наблюдателя.

Длительность объективного времени образуется в природе в результате движения как качественного изменения независимо от того, где находится объект. Вместе с тем следует иметь в виду, что в самом объекте всегда, если даже он находится в состоянии относительного покоя, происходит последовательная смена качественно новых состояний, образующая реальную, фактическую длительность.

Объективное время возникает и существует лишь в объектах, а вне объектов оно не существует. Как уже было сказано, когда материальное содержание одного объекта воплощается в последующий объект или в последующие объекты, они начинают образовывать свои собственные времена. В этой связи время вне объектов не существует. Следовательно, каждый конкретный объект всегда образует свое собственное настоящее время [11].

В.И. Вернадский также обращал внимание на необходимость связывать длительность времени с конкретными объектами и процессами. Имея в виду связь времени с материальным движением, с конкретными объектами, В.И. Вернадский писал: «Дление характерно и ярко проявляется в нашем сознании, но его же, по-видимому, мы должны переносить и ко всему времени жизни и к брэнности атома» [12].

По мнению американского физика-теоретика Р. Мюллера: «То, что течет, движется, — это наше понимание сейчас. Сейчас движется, изменяется и продвигается во времени» [23].

Иными словами, по Р. Мюллеру, время всегда настоящее, но представляет собой «сейчас» момент настоящего времени, который движется, изменяется и продвигается во времени, но моментов настоящего времени «сейчас», «теперь», согласно функциональной концепции в природе нет.

Согласно функциональной концепции, все объекты и явления, составляющие мир, Вселенную существуют в своем собственном настоящем времени, ни прошлого, ни будущего времени в природе нет. Как уже подчеркивалось, статусом реальности обладает лишь настоящее время.

Молчанов Ю.Б. о степени научной значимости сказанного писал: «Центральным, наиболее важным и наименее изученным в комплексе вопросов, составляющих проблему времени, является вопрос о соотношении между прошлым, настоящим и будущим. Можно прямо сказать, что если мы найдем решение всех вопросов, со-

ставляющих проблему времени, но не сможем ответить на вопрос, чем физическое бытие событий настоящего отличается от бытия событий прошлого, проблема времени так и останется проблемой... Но если физические теории и законы действительно не в состоянии предложить объективного критерия для выбора момента настоящего времени, то это не означает, что требование указать объективные критерии для его выделения лишено оснований» [14].

На наш взгляд, во-первых, неправомерно ставить вопрос о том, чем физическое бытие событий настоящего отличается от бытия событий прошлого, поскольку все реальные события происходят в собственном настоящем времени. А так называемые события прошлого, ранее также происходили в своем настоящем времени.

Во-вторых, мы предлагаем объективный критерий, но не для момента настоящего времени - моментов настоящего нет, а для объектов, существующих в своем настоящем времени с возникновения и до воплощения их материального содержания, в последующие объекты, которые образуют также свои собственные настоящие времена.

В-третьих, как было уже сказано, последовательная смена качественно новых состояний и присущий им ритм образуют реальную длительность, адекватным отражением которых является объективное время.

Следует только иметь в виду, что речь идет о последовательной смене качественно новых состояний в объекте как в едином целом, поскольку все составляющие его элементарные частицы, атомы и молекулы, в результате происходящих в них процессов образуют также свои собственные времена.

Однако, время объекта как единого целого - это не сумма времен, образуемых элементарными частицами, атомами и молекулами, а время, образуемое всем комплексом процессов, происходящих в объекте как в едином целом.

Из всего сказанного выше также следует, что время - результат функционирования процесса. В этой связи время является функцией процесса, а не процесс - функцией времени [15].

Следовательно, время не всеобщая форма бытия материи, а функция конкретных материальных объектов, процессов [3].

Когда речь идет о движении как качественном изменении, в результате которого порождается объективное, функциональное время, имеется в виду не любой процесс. Например, в процессе переливания нефти из

цистерны в баррель, имеет место движение как простое перемещение, а в сознании наблюдателя возникает лишь субъективное время. Только при протекании процесса с последовательной сменой качественно новых состояний, образуется объективное время, в том числе и в нефти.

Поскольку лишь качественные изменения являются субстанциональными, физическими сущностями, а чистые количественные изменения несубстанциональны и в этой связи в новое качество не переходят.

Так, круги на стволе дерева называют годичными кольцами или следами времени. Однако годичные кольца – не являются «следами» несубстанционального времени и результатом перехода чистого количества (365 дней) в новое качество (новое кольцо на стволе дерева).

Как известно, годичные кольца вызваны сезонной периодичностью деятельности камбия в результате смены теплого и холодного времен года.

Чистое количество не переходит в новое качество. На наш взгляд, не количественные изменения переходят в качественные различия, а определенное количество качественных изменений переходят в качественные различия.

Например, гора, в которой содержатся тонны урановой руды, независимо от происходящих в ней количественных изменений, никогда не взорвется. Но если сложить два полушария обогащенного урана, вес которых составляет несколько килограммов, произойдет ядерный взрыв.

Чистое количество не переходит в новое качество и, тем не менее, К. Маркс утверждал: «Здесь, как и в естествознании подтверждается правильность того закона... что чисто количественные изменения на известной ступени переходят в качественные различия» [17].

На наш взгляд, не количественные изменения переходят в качественные различия, а определенное количество качественных изменений переходят в качественные различия.

Например, гора, в которой содержатся тонны урановой руды, независимо от происходящих в ней количественных изменений, никогда не взорвется. Но, если сложить два полушария обогащенного урана, вес которых составляет несколько килограммов, произойдет ядерный взрыв.

Можно согласиться с Ф. Энгельсом, который, имея в виду тот же закон, писал: «Качественные изменения – точно определенным для каждого отдельного случая

способом – могут происходить лишь путем количественного прибавления либо количественного убавления материи или движения (так называемой энергии)» [18].

Например, при кипячении воды, когда она скачкообразно переходит в пар путем прибавления энергии, т.е. качества, происходит не переход чистого количества в новое качество, а увеличившегося количества качества в новое качество.

В этой связи, как нам представляется, указанный закон сформулирован некорректно.

Следует также подчеркнуть, что чистые количественные изменения не могут образовать объективное время, поскольку это – функция исключительно качественных изменений.

Термин функциональная концепция времени введен в научный оборот в конце 70-ых годов прошлого столетия. Однако концепциями, принятыми наукой, по-прежнему, считаются следующие четыре концепции времени: субстанциональная, реляционная, статическая и динамическая. В физике, они еще называются и теориями времени. Между ними и функциональной концепцией имеются сходства и различия.

Статическая концепция или теория времени утверждает, что время – это иллюзия.

Согласно же функциональной концепции, время существует объективно, поскольку образуется реальными объектами, процессами.

Статическая концепция времени отрицает объективность становления, объективность течения времени.

А, согласно функциональной концепции, время возникает и существует в результате становления как качественного изменения.

Еще Г. Гегель утверждал: «Во времени, говорят, все возникает и преходит... Но не во времени все возникает и преходит, а само время есть это становление, есть возникновение и прехождение» [10].

В этой связи мы не можем согласиться с мнением А.М. Анисова, согласно которому: «Попытка описать становление или течение времени к ряду логических трудностей. Одна из таких трудностей состоит в проблеме сменяемости моментов настоящего. Нет проблемы в том, чтобы на любой временной шкале указать некоторый момент и назвать его настоящим. Проблема в том, как одно настоящее сменяется другим. Например, на любой исторической шкале имеется не произвольный, а однозначно выделяемый момент настоящего данной

шкалы. Но как осуществляется переход к другому настоящему? В рамках любой заданной шкалы никак» [19].

Согласно функциональной концепции, объективное время не является моментом настоящего времени. Настоящее время функциональной концепции длится с возникновения объекта и до воплощения его материального содержания в последующий объект или последующие объекты. В этой связи экспликация нами понятия течения объективного времени от настоящего к последующему настоящему, никаких логических трудностей не встречает [20].

В динамической концепции, как и в функциональной, существует только настоящее. Однако настоящее динамической концепции существует мгновение, которое исследователи не могут выделить как настоящее. Настоящее же время функциональной концепции, как уже подчеркивалось, существует с возникновения и до воплощения материального содержания объекта, образующего свое собственное время, в последующий или последующие объекты, которые начинают образовывать свои собственные настоящие времена. Поскольку материальный объект не переходит в прошлое время и не возникает из будущего времени, нет ни прошлого, ни будущего времени.

В связи с тем, что настоящее время динамической концепции существует мгновение, еще Р. Пуанкаре подчеркивал: «То, что недоступно измерению, не может быть объектом науки» [21].

С ним можно согласиться. Однако согласно функциональной концепции, свое собственное настоящее время образуют конкретные объекты, пока они существуют как таковые. И это обстоятельство позволяет понятию объективного времени стать объектом науки.

В.И. Вернадский считал, что «измерение времени есть один из основных элементов научного познания окружающего... Измерение не есть механический акт; это есть исследование, научное творчество, неизбежно приводящее к углублению в свойство того явления, которое подлежит измерению. Особенно это имеет место, когда вопрос идет об основных принципах измерения. Одним из основных условий научного измерения времени является исключить из него влияние личности и органов чувств... При таком характере измерения совершенно неизбежно проявляются некоторые стороны самого времени, некоторые его свойства... подлежащие изучению испытателями природы» [22].

Концепция «реального времени» В.И. Вернадского может быть положена в основание нового подхода к пониманию времени – не как формально-теоретического параметра, символизирующего технику изме-

рения, а как реального процессионального качества, необходимого для моделирования процессов любого рода, проектирования их изменения и оптимального управления ими [23].

В субстанциональной концепции, как известно, время является особой сущностью, которая существует сама по себе, независимо от наличия или отсутствия материальных объектов.

Объективное время функциональной концепции возникает и существует с воплощением их материального содержания в последующие объекты. Объект и время неразрывно связаны, но объект имеет субстанциональное содержание и в этой связи является первичным понятием, а время – не является физической сущностью, а потому оно – понятие вторичное и производное.

По мнению В.А. Канке: «Аристотелевский анализ проблемы времени, насыщенный диалектическими идеями и догадками, во многом сохранил свое значение до наших дней. Прежде всего, отметим, что Аристотель совершенно справедливо рассматривает время вслед за движением и в связи с ним, отмечает, что природа есть начало движения, а за движением следует время» [8].

Реляционная концепция связывает время с объектами и придает ему физическое значение. Однако, как и времена других концепций, время реляционной концепции возникает в сознании человека и является субъективным временем, тогда как объективное, функциональное время возникает в природе и в этой связи приобретает физическое значение.

Время, поскольку оно несубстанционально, не является физической сущностью, как нам представляется, не может замедляться [24]. Согласно функциональной концепции времени, замедляться могут лишь процессы, имеющие материальное содержание.

Результаты экспериментов, якобы доказывающие факт замедления времени, на наш взгляд, необходимо пересмотреть, поскольку при их интерпретации происходит подмена понятий: замедление субстанциональных процессов, принимается за замедление несубстанционального времени.

В этой связи, часы на движущихся объектах идут медленнее, чем на неподвижных, не по причине замедления времени, а в связи с замедлением механизма часов независимо от вида часов. Следовательно, эффект замедления времени не может подтвердиться и в часах GPS-навигации, движущихся с большой скоростью по орбите спутника, на котором находятся.

Еще Аристотель указывал на то, что время не может

замедляться. Он писал: «... изменение может идти быстрее или медленнее, время же не может, так как медленное и быстрое определяется временем: быстрое есть далеко продвигающееся в течение малого времени, медленное же – мало (продвигающееся) в течение большого времени; время же не определяется временем ни в отношении количества, ни качества» [3].

Как известно, большинство физиков считают, что время – это иллюзия. Нам же представляется, что время существует объективно и имеет такое научное и практическое значение, которое трудно переоценить. Об этом убедительно свидетельствуют высказывания выдающихся физиков лауреатов Нобелевской премии И. Пригожина, Р. Пенроуза и Ли Смолина (см. в главе 1).

По мнению физика В.Д. Захарова, в связи со сменой представлений о времени и пространстве сменяется и парадигма физики. Так, указав на то, что со сменой представлений о пространстве, произошел переход к парадигме Ньютона, он пишет: «Такая же смена мировоззрения привела к тому, что в основе сегодняшней парадигмы лежит уже новая, неньютоновская парадигма сознания. Она отрицает ньютоновские постулаты об абсолютно пространстве и времени: свойства времен и пространства относительны – зависят от движения наблюдателя, а также от расположения тел и их движения» [25].

Пользоваться на практике понятием объективного, функционального времени следует, когда исследуются конкретные процессы, поскольку временем можно управлять лишь через образующие его процессы. Управлять несубстанциональным временем непосредственно не представляется возможным.

Таким образом, объективное время возникает и существует в результате последовательной смены качественно новых состояний каждого объекта, процесса. В этой связи источником времени является движение как качественное изменение.

Раскрыт механизм связи объективного времени с движением как качественным изменением, который объясняет природу времени и служит основанием для

научного определения понятия времени.

Сформулировано определение понятия объективного времени, названы наиболее существенные его признаки.

Собственное объективное, функциональное время, образуемое конкретным объектом, можно измерять любыми часами, но с учетом его ритма и длительностей, то есть, от того, как часто возникают и как долго длятся его состояния.

При движении как простом перемещении, время возникает и существует лишь в сознании человека, наблюдателя.

Чисто количественные изменения, по причине своей несубстанциональности не могут переходить в субстанциональные качественные изменения. В качественные изменения переходит определенное количество качества в результате его увеличения или уменьшения, прибавления или убавления.

Закон перехода количественных изменений в качественные сформулирован некорректно и в этой связи его название целесообразно уточнить.

Поскольку каждый объект существует в собственном настоящем времени, в природе нет прошлого и будущего времен.

Каждый объект образует всегда собственное настоящее время, которое течет от настоящего к последующему настоящему, а не от прошлого через настоящее к будущему.

Время несубстанционально, не является физической сущностью, оно не имеет собственных свойств, а только своеобразно отражает свойства образующего его объекта.

Оперируя понятием объективного, функционального времени, при исследовании конкретных объектов, процессов, можно выявлять ранее неизвестные закономерности, и использовать их на практике.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лолаев Т.П. Функциональная концепция времени: Диссертация докт. филос. наук - М., 1993. – 273; он же: «Природа времени или время в природе: Теоретическое и экспериментальное обоснование объективного существования времени». М.: Ленанд. 2015 и др.
2. Зима В.Н. Проблема объективности времени в философии. М.: Прометей, 2019. С. 323-324.
3. Аристотель. Соч. в 4-х т. Т. 3. М.: Наука, 1981. С. 148.
4. Денисова Т.Ю. Аватары времени: Образы и концепции времени в истории человеческой мысли. М.: Ленанд, 2019. С. 100.
5. Вернадский В.И. Проблема времени в современной науке // философские мысли натуралиста. М., Наука, 1988. С. 229.
6. Габараев А.Д. Концептуальное содержание проблемы времени. Цхинвал. 2021. С. 6.
7. Молчанов Ю.Б. Четыре концепции времени в философии и физике. М.: Наука. 1977. С. 15.

8. Канке В.А. *Формы времени*. М.: «Либроком», 2011. С. 20.
9. Лейбниц Г. *Переписка с Кларком* // *Сочинения*, М.: Наука Т. 1. С. 484.
10. Гегель Г. *Энциклопедия философских наук*. Т. 2. М.: Наука 1975. С. 50.
11. Лолаев Т.П., Дряев А.Г. Почему время в природе и обществе всегда настоящее // *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики*. Серия «Познание», №1, 2021, -с. 74-79
12. Вернадский В.И. О состоянии пространства в геологических явлениях. На фоне роста науки XX столетия // *Проблемы биогеохимии*. Труды Биогеохимической лаборатории. Т. XVI. М., 1980. С. 163.
13. Мюллер Р. «Сейчас. Физика времени», Москва.: «Манн, Иванов и Фербер», 2017. С. 18.
14. Молчанов Ю. Проблема времени в современной науке. М.: Наука 1990. С. 118.
15. Лолаев Т.П. Функциональное время – адекватное отражение объективно-реального времени // *Материалы IV Российского философского конгресса*. М., 2005. Т. 1. С. 589.
16. Lolaev Totraz. Time is not a Universal Form of Material Being // *Twentieth World Congress of Philosophy*. Boston, USA. 10-16 August, 1998, p. 123.
17. Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., Москва.: Госполитиздат, 1960. Т. 23. С. 318.
18. Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., Москва.: Госполитиздат, 1954. Т. 20, С. 385.
19. Анисов А.М. «Феномен времени сквозь призму современной науки: Возможность нового понимания. Проблема времени в физике XXI». М.: Ленанд. 2021. С. 99.
20. Лолаев Т.П. О «механизме» течения времени // *Вопросы философии*. 1996, №1.
21. Пуанкаре Р. *О науке*. М.: Наука. 1990. С. 736.
22. Вернадский В.И. О жизненном (биологическом) времени // Вернадский В.И. *Философские мысли натуралиста*. М.: Наука, 1988. С. 332.
23. Моуравов А.Л. «Время ноосферы». Концепция «реального времени» В.И. Вернадского и ее значение для современной науки. Владикавказ.: Изд-во СОГУ, 2015. С. 18.
24. Лолаев Т.П. Почему время не может ни замедляться, ни останавливаться // *Материалы III Российского философского конгресса*. Ростов-на-Дону, 2002. Т. 1. С. 57.
25. Захаров В.Д. *Физика или философия природы: Метафизика числа и пространства. Метафизика причинности и времени*. М.: Издательство ЛКИ. 20020. С. 13.

© Лолаев Тотраз Петрович (lolaev.tp@gmail.com), Моуравов Алан Лазаревич.
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Северо-Кавказский горно-металлургический институт
(государственный технологический университет)

ПОЧЕМУ ТРУДНОСТИ, СВЯЗАННЫЕ С ОПРЕДЕЛЕНИЕМ ВРЕМЕНИ НЕ ПРЕПЯТСТВУЮТ АДЕКВАТНОЙ ДЕФИНИЦИИ ОБЪЕКТИВНОГО ВРЕМЕНИ

WHY DIFFICULTIES ASSOCIATED WITH THE DETERMINATION OF TIME DO NOT OBSTRUCT THE ADEQUATE DEFINITION OF OBJECTIVE TIME

*T. Lolaev
A. Mouravov*

Summary: The work is devoted to the difficulties associated with the definition of the concept of time. These difficulties caused the concept of time to be considered in science as an indefinable concept.

As the authors believe, attempts by researchers to define the concept of time did not give positive results, since they operated with general ideas about some unified time, which does not exist. There are two tenses: objective and subjective. Moreover, subjective time arises and exists in the mind of the observer, while objective time exists in nature, and there are fundamental differences between them. Therefore, the concept of each of the two times must be considered separately.

The authors formulated the concept of objective time, which, according to the functional concept, is formed as a result of a successive change of qualitatively new states of each object, process (each object is a process). Objective time from the appearance of an object to the embodiment of its material content in the subsequent object or subsequent objects is the present time, there are no past and future times in nature.

According to modern ideas about time, the present is an instant that cannot be measured, and therefore it cannot be an object of science. This paradox has become another difficulty associated with the definition of time.

The authors, relying on the functional concept, believe that the present time can be measured, since it lasts from the appearance of an object until its disappearance as such.

The next reason that has become an obstacle to the definition of time is the fact that, according to scientific ideas, time has three modes: past, present and future, while, according to the functional concept, time is always present and flows from the present to the next present. Past and future times do not have the status of reality. In this regard, according to the authors, this difficulty is overcome.

According to researchers, all attempts to define the concept of time turned out to be futile, because they led to a logical circle: time was defined through concepts that explicitly or implicitly included temporal representations.

However, this difficulty, when defining the concept of objective time, also does not arise.

Keywords: objective time, functional time, subjective time, difficulties in determining the time, present time, past time, future.

Лолаев Тотраз Петрович

*Д.ф.н., Профессор, Северо-Кавказский
горно-металлургический институт (государственный
технологический университет), г. Владикавказ
lolaev.tp@gmail.com*

Моуравов Алан Лазаревич

*К.ф.н., директор, ГАПОУ «Северо-Кавказский аграрно-
технологический колледж», г. Ардон*

Аннотация: Работа посвящена трудностям, связанным с определением понятия времени. Эти трудности стали причиной того, что понятие времени стало считаться в науке неопределяемым понятием.

Как полагают авторы, попытки исследователей определить понятие времени положительных результатов не дали, поскольку они оперировали общими представлениями о некотором едином времени, которого нет. Существуют два времени: объективное и субъективное. Причем, субъективное время возникает и существует в сознании наблюдателя, а объективное – в природе, и между ними существуют коренные различия. Следовательно, понятие каждого из двух времен необходимо рассматривать отдельно.

Авторы сформулировали понятие объективного времени, которое, согласно функциональной концепции, образуется в результате последовательной смены качественно новых состояний каждого объекта, процесса (каждый объект – процесс). Объективное время с возникновения объекта до воплощения его материального содержания в последующий объект или последующие объекты, является настоящим временем, прошлого и будущего времен в природе нет.

Согласно современным представлениям о времени, настоящее существует мгновение, которое нельзя измерить, и поэтому оно не может быть объектом науки. Этот парадокс стал еще одной трудностью, связанной с определением времени.

Авторы, опираясь на функциональную концепцию, полагают, что настоящее время можно измерить, так как оно длится с возникновения объекта и до его исчезновения как такового.

Следующей причиной, ставшей препятствием к определению времени считают то обстоятельство, что согласно научным представлениям время имеет три модуса: прошлое, настоящее и будущее, тогда как, согласно функциональной концепции, время всегда настоящее и течет от настоящего к последующему настоящему. Прошлое и будущее времена статуса реальности не имеют. В этой связи, по мнению авторов, указанная трудность преодолевается.

По мнению исследователей, все попытки определения понятия времени оказывались тщетными, ибо приводили к логическому кругу: время определялось через понятия, в явной или неявной форме включавшие в себя временные представления.

Однако данная трудность, при определении понятия объективного времени, также не возникает.

Ключевые слова: объективное время, функциональное время, субъективное время, трудности определения времени, настоящее время, прошлое время, будущее время.

Предметом данного исследования стали трудности, связанные с определением понятия времени, которые не позволили мыслителям древности и исследователям последующих эпох определить понятие времени. Именно в этой связи понятие времени принято считать в науке неопределяемым понятием.

На наш взгляд, указанные трудности, прежде всего, были обусловлены тем обстоятельством, что исследователи обычно оперировали общими представлениями о некотором едином времени, которое фактически состоит из двух времен: объективного и субъективного. Следовательно, необходимо определять каждое время отдельно.

В этой связи в функциональной концепции времени понятие объективного времени сформулировано отдельно: **Объективное время – это специфическое отражение реальной длительности, образуемой последовательно сменяющимися качественно новыми состояниями объекта.**

Иными словами, при протекании конкретного процесса в природе образуется фактическая длительность, а объективное время является своеобразным ее отражением.

Из сформулированного нами определения следует, что объективное время образуется в результате движения как качественного изменения. Каждый объект любого уровня структурной организации материи с возникновения и до воплощения в другой объект или в другие объекты в результате реализации заложенных в нем потенциальных возможностей и его взаимодействия с окружающей средой, образует свое собственное объективное время, не зависящее от наблюдателя.

На связь времени с объектами указывал Г. Гегель: «Вещи исчезают, - отмечал он, - не потому, что они находятся во времени, а потому, что сами они представляют собой временное... Процесс самих действительных вещей составляет, следовательно, время» [2, с. 50].

Объективное время, в отличие от объекта, процесса, не субстанционально, не является физической сущностью и, по этой причине, своих собственных свойств не имеет. Оно лишь своеобразно отражает свойства образующего его объекта, процесса (каждый объект – процесс). Объективное время отражает, например, такие изменения в протекании процесса как его ускорение или замедление, частота ритма и т.д.

Согласно функциональной концепции времени, объективное время существует с возникновения объекта и до воплощения его материального содержания в последующий объект или объекты. Однако время не является

физической сущностью и поэтому не переходит от одного объекта к другому. Следовательно, каждый объект образует свое собственное время.

В связи с тем, что объективное время образуется конкретными объектами с возникновения и до воплощения их в другие объекты, а вне объектов не существует, оно всегда является настоящим. Поскольку объекты, процессы, которые образуют время, в прошлое не переходят и не возникают из будущего, - прошлого и будущего времен в природе нет.

Таким образом, время течет от настоящего, образуемого одними состояниями объекта к настоящему, образуемому последующими его состояниями, а также от настоящего, образуемого одними объектами, к настоящему, образуемому последующими объектами, а не от прошлого через настоящее к будущему [8, с. 75].

Время считается в науке неопределяемым понятием также в связи с тем, что настоящее, является якобы мгновением, которое измерению не поддается.

Еще Анри Пуанкаре, по поводу мгновенного настоящего, писал: «... я имею в виду не время, как его понимают ученики Бергсона, не ту длительность, которая является чистым количеством, лишенным всякого качества, но которая является, так сказать, самим качеством, длительность, различные части которой взаимно проникая друг в друга, качественно друг от друга отличаются. Эта длительность не могла бы быть инструментом ученого: она смогла бы стать им, лишь подвергнувшись коренному преобразованию, лишь «опространтившись», как говорит Бергсон. Действительно необходимо, чтобы она стала измеримой: то, что недоступно измерению, не может и объектом науки» [10, С. 736].

Как было уже сказано, согласно функциональной концепции, объективное время всегда настоящее, а прошлого и будущего времен в природе нет. Следовательно, настоящее, образуемое каждым процессом можно измерить, но измерять его надо с учетом ритма и длительностей, образуемых последовательно сменяющимися качественно новыми состояниями данного процесса, специфическим отражением которого является объективное, функциональное время. По этой причине, определение следует давать понятию объективного времени, которое является специфическим отражением конкретного, реального процесса.

На специфическую связь времени и движением обратил внимание еще Аристотель. По этому поводу Т.Ю. Денисова пишет: «Указывая на связь между движением и временем, Аристотель вскользь отмечает еще одну важную характеристику времени – его специфичность в отношении каждого конкретного объекта...» [3, с. 96].

Как писал Аристотель: «Мы не только измеряем движение временем, но и время движением вследствие того, что они определяются друг другом, ибо время определяет движение, будучи его числом, а движение – время» [5].

Исследователи согласны с тем, что временем можно измерять движение, процессы. Однако в философской и естественнонаучной литературе примеры измерения движением времени не встречались. Лишь согласно функциональной концепции, при измерении длительностей последовательно сменяющихся качественно новых состояний процесса, ими образуются идентичные по длительности и количеству временные длительности. Другими словами, движение измеряется временем, а время движением.

Как известно, в науке принято считать, что время имеет три вида: прошлое, настоящее и будущее. Согласно же функциональной концепции, объективное время всегда настоящее, а прошлое и будущее времени статуса реальности не имеют. В этой связи нельзя в принципе дать определение времени, которое состоит из трех видов или модусов, поскольку такого времени нет в природе. Следовательно, и данная трудность, не мешает определению понятия объективного.

Имея в виду способы изучения времени В.Э. Терехович пишет: «Первый способ сводится к попыткам понять время, исходя из его определения. Приведем лишь некоторые возможные определения. Время — это то, что измеряют часы. Время – это мера продолжительности процессов и интервалов между событиями. Время – это мера последовательности событий. Время – это мера движения объектов. Время - это существование объектов, направленное из прошлого через настоящее в будущее. Время – это ощущение продолжительности, последовательности, изменений и движений. Время – это объективный способ синхронизации событий и т.д. Проблема в том, что определений много, и каждое будет отражать лишь одно значение времени. Непонятно, каким может быть принцип, следуя которому, одному из значений следует отдать предпочтение, и как эти определения времени можно объединить между собой» [11, с. 160-161].

Во-первых, все перечисленные определения времени относятся к субъективному времени, а предметом нашего исследования является объективное время.

Во-вторых, каждое время отражает лишь одно значение времени и не всегда адекватно природе времени. В этой связи, скажем так, механическое их объединение между собой не приблизит исследователей к определению понятия, в данном случае, субъективного времени.

Известный специалист по проблеме объективного времени В.Н. Зима пишет: Любое понятие, которое используется в философии или науке, должно иметь свое определение, и это требование представляется вполне очевидным, да и просто необходимым... в отношении времени по разным причинам это сделать довольно затруднительно, если вообще возможно несмотря на то, что такие попытки мыслителями предпринимались издавна и продолжают по сию пору. Неоднозначная ситуация складывается и в современном знании. Часто исследователи склонны проявлять большую осторожность, когда речь идет о попытках сказать, что такое время. С другой стороны, очевидно, что без того, что бы попытаться дать какое-то «рабочее» определение, тоже не обойтись» [4, с. 158].

Сказанное В.Н. Зима считает первой трудностью, которая препятствует определению понятия времени. Речь идет о возможности дать определение времени современной науки, имеющего три вида: прошлое, настоящее и будущее. Однако прошлое и будущее времени нельзя измерить. Не поддается измерению и настоящее время, представляющее собой мгновение. Такое время не может быть объектом науки. В этой связи наука не занимается определением его понятия.

Имея в виду трудности, связанные с определением времени В.Н. Зима также пишет: «Вторая трудность касается вопросов о том, почему определение времени действительно оказывается очень сложной задачей, и может ли она быть решена в принципе? Оценивая различные попытки дать дефиницию времени (у Платона, Аристотеля и Августина Блаженного), В.П. Казарян, например, настроена весьма пессимистично в целом, коль скоро не считает приемлемой ни одну из тех попыток, которые она рассматривает, и, в частности, указывает на одну из причин трудностей определения времени: «все попытки оказывались тщетными в том смысле, что приводили к логическому кругу: время определялось через понятия, в явной или неявной форме включавшие в себя временные представления» [5, с. 158].

В.П. Казарян справедливо указывает «на одну из причин трудностей определения времени, которые приводили к логическому кругу», поскольку исследователи пытались определить понятие единого времени, которое состоит из трех видов: прошлого, настоящего и будущего.

По указанным причинам, трудности, связанные с определением времени, в том числе и с возникновением логического круга, не действуют при определении понятия объективного времени.

Имея в виду мнение В.П. Казарян, В.Н. Зима далее пишет: «Сходную точку зрения высказывает У. Крейг, приво-

дя еще ряд примеров, которые наглядно демонстрируют указанный логический круг. Если сказать, например, что время - это длительность, тогда мы захотим узнать, что такое длительность, но длительность сама оказывается некоторым интервалом времени» [5, с. 159-160].

Автор не оговаривает - длительность какого из времени оказывается интервалом - субъективного или объективного? Ведь, как уже было сказано, существуют лишь два разных времени: субъективное и объективное, а У. Крейг оперирует понятием некоторого единого времени.

О существовании двух времен: субъективного и объективного ведет речь и профессор МГУ имени М.В. Ломоносова В.П. Казарян, когда отмечает: «Для человечества, пока оно существует, есть «настоящее», а вместе с ним и «прошлое» и «будущее». Другое дело, что речь идет о сфере человеческой жизни, а не о мире, где нет человека. В мире без человечества, возможно, нет «настоящего, прошедшего и будущего», но есть временной порядок «раньше, позже, одновременно»... вопрос о существовании или несуществовании временного становления, или, другими словами, «настоящего», т.е. течения времени, временного потока, справедливо решить положительно для жизни человечества» [6, с. 43].

Мы в целом согласны со сказанным. Вместе с тем, с нашей точки зрения, временной порядок «раньше, позже, одновременно» существует не в мире без человечества, а в сознании человека и к объективному времени, которое возникает в природе, не имеет отношения.

Что касается мира без человечества, согласно функциональной концепции времени в нем существует исключительно объективное время, которое всегда настоящее и, как было уже сказано, течет от настоящего к последующему настоящему.

Во-вторых, поскольку мы ведем речь об объективном времени, подчеркнем еще раз, что вне объекта, процесса, оно не существует, так как не является особой субстанциональной реальностью или физической сущностью и в этой связи собственной длительности не имеет. Длительность объективного времени является специфическим отражением процесса, образующего свое собственное настоящее время.

В связи со сказанным значительный интерес представляет мнение А. Конт-Спонвиля: «Нетрудно заметить, что всякая действительная длительность существует в настоящем времени (поскольку прошлого уже нет, а будущего еще нет), следовательно, она неделима (разве можно расчленивать настоящее?)... Длительность - это и есть само настоящее, пока оно продолжается. Длительность - это вечное предъявление природы. Следовательно, это

и есть реальное время как время бытия, время быть в бытии или, как я это называю, время-бытие» [7, с. 157].

По нашему убеждению, А. Конт-Спонвиль справедливо утверждает, что «Длительность - это и есть само настоящее, пока оно продолжается». Пока материальное содержание объекта не воплотилось в другой объект или в другие объекты, пока в нем идут процессы, образующие собственную реальную длительность, объективное время своеобразно отражает ее.

Следует согласиться и с тем, что «Длительность - это вечное предъявление природы», поскольку все изменения, происходящие в несотворимой и неуничтожимой, вечно существующей Вселенной необходимо образуют длительности настоящего времени.

Как известно, термин «бытие-время» был введен в научный оборот М. Хайдеггером. Однако тот же термин «время-бытие», повторно, но с новым в принципе значением, введенный в научный оборот А. Конт-Спонвилем, на наш взгляд, можно считать ключом к адекватному определению понятия объективного времени, имеющему большое научное и практическое значение.

О научном и практическом значении понятия объективного времени, лауреат Нобелевской премии И. Пригожин, в одном из своих интервью, сказал: «Главное сейчас в науке - переоткрытие понятия времени, выход его на первый план... если ввести новое понятие времени в уравнения динамики, можно будет начать новый этап научно-технической революции [9, с. 7].

Из сказанного выше, как нам представляется, следует, что мыслителям древности и исследователям последующих эпох не удалось определить понятие времени, прежде всего, в связи с тем, что они оперировали общими представлениями о некотором едином времени, тогда как существуют два времени: субъективное и объективное.

В этой связи мы дали определение понятию объективного времени отдельно.

Следующей причиной, ставшей непреодолимым препятствием к определению времени, считают тот факт, что, согласно научным представлениям, время состоит из трех видов: прошлое, настоящее и будущее, тогда как, согласно функциональной концепции, время всегда настоящее и течет от настоящего к последующему настоящему. Прошлое и будущее времена статуса реальности не имеют. В этой связи, по мнению авторов, указанная трудность отсутствует.

Согласно научным представлениям о времени, настоящее существует мгновение и его нельзя измерить,

а потому не может быть объектом науки. Этот парадокс стал еще одной причиной объявления понятия времени неопределяемым понятием.

Согласно функциональной концепции, настоящее, образуемое объектами, процессами существует в природе, пока объекты существуют как таковые и его можно измерить, но с учетом ритма и длительностей их последовательно сменяющихся качественно новых состояний. Следовательно, трудность, связанная с мгновенным настоящим, при определении понятия объективного

времени, преодолевается.

По мнению исследователей, все попытки определения понятия времени оказывались тщетными, ибо приводили к логическому кругу: время определялось через понятия, в явной или неявной форме включавшие в себя временные представления.

По указанным причинам, при определении понятия объективного, функционального времени, логический круг не возникает.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аристотель. Соч. в 4-х т. Т. 3.
2. Гегель Г. Энциклопедия философских наук. Т. 2. М.: Наука 1975. С. 50.
3. Денисова Т.Ю. Аватары времени: Образы и концепции времени в истории человеческой мысли. М.: Ленанд, 2019.
4. Зима В.Н. Проблема объективности времени в философии. М.: Прометей, 2019.
5. Зима В.Н. Указ. Соч.
6. Казарян В.П. К истолкованию природы динамического времени // Вестник МГУ. Серия 7. Философия, №2.
7. Конт-Спонвиль А.. Философский словарь. М.: Этерна, 2012.
8. Лолаев Т.П. О механизме течения времени // Вопросы философии, 1996, №1. С. 75.
9. Пригожин И. «Поиск», 1993 г., 5-10 марта, №10.
10. Пуанкаре Р. О науке. М.: Наука. 1990.
11. Терехович В.Э. Два времени в физических теориях: время метрическое и время развития // Феномен времени сквозь призму современной науки: Возможность нового понимания. Проблема времени в физике XXI века. М.: Ленанд, 2021.

© Лолаев Тотраз Петрович (lolaev.tp@gmail.com), Моуравов Алан Лазаревич.

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Северо-Кавказский горно-металлургический институт
(государственный технологический университет)

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПЦИИ ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

CONTEMPORARY PROBLEMS OF THE IMPLEMENTATION OF THE CONCEPT OF STATE-CONFESSIONAL RELATIONS IN THE RUSSIAN FEDERATION

V. Mladenov
Yu. Gavrilova

Summary: The article analyzes the influence that modern religions have on contemporary Russian reality. The authors argue that in the confessional space of the country there are different types of religious associations, which have a multidirectional impact on society, due to the origins of some in the globalizing culture and others with a long history of development on the territory of Russia. The aim of the article is to show the specifics of the Russian confessional space, in which a battle for confessional influence is taking place that goes beyond secularization and takes a form that actualizes the contradiction between traditional religions as a bastion of social security and non-traditional religions as a threat to the foundations of Russian society. The authors carry out the task of explaining the policy of the authorities of the Russian Federation, who direct the society to organize opposition to the activity of non-traditional religious associations, which is understood as a threat to traditional social foundations. The significance of the article is determined by the recommendation to protect the rights of all believers, including members of non-traditional religious associations, to freely practice their chosen religion.

Keywords: religious threats, religious associations, globalization, traditional religions, non-traditional religions, social security, freedom of religion.

Младенов Василий Иванович
соискатель, ФГБОУ ВО «Забайкальский
государственный университет»
mladenov.v@mail.ru

Гаврилова Юлия Викторовна
К.ф.н., доцент, Московский государственный технический
университет имени Н.Э. Баумана (Национальный
исследовательский университет)
gavrilova.yv@bmstu.ru

Аннотация: Статья посвящена анализу влияния, которое оказывают современные религии на современную российскую реальность. Авторы доказывают, что на конфессиональном пространстве страны имеют распространение разные типы религиозных объединений, оказывающих разнонаправленное воздействие на социум, обусловленное происхождением одних в рамках глобализирующейся культуры, других, имеющих длительное развитие на территории России. Целью статьи является стремление показать особенности российского конфессионального пространства, в котором происходит борьба за конфессиональное влияние, вышедшая за рамки секуляризации и принявшая форму, в которой актуализировано противоречие между традиционными религиями, как оплотом социальной безопасности и нетрадиционными религиями, как угрозой устоям российского общества. Авторы выполняют задачу объяснения политики властных структур, Российской Федерации, направляющих общество на организацию противостояния активности нетрадиционных религиозных объединений, которая понимается, как угроза традиционным социальным устоям. Значение статьи определяется рекомендацией необходимости защиты прав всех верующих, включая членов нетрадиционных религиозных объединений, свободно исповедовать выбранную им религию.

Ключевые слова: религиозные угрозы, религиозные объединения, глобализация, традиционные религии, нетрадиционные религии, социальная безопасность, свобода вероисповедания.

Актуальность исследования. В современной России проблема религиозных угроз возникла в 90-е гг. XX в. в связи с распадом Советского Союза и ростом настроений, ознаменовавших процесс освобождения от диктата коммунистической партии и атеизма, а также последующим появлением религиозных организаций как зарубежного, так и российского происхождения. Успех «религиозного возрождения» был определен такими факторами, как рост проблем и рисков системного характера, разрушающих существующую стабильность общества, а также тенденциями десоциализации, деморализации и криминализации общества [7, с. 329].

В то же время российские религии выстраивали свою политику, основываясь на убеждении, согласно

которому каждая из них является представителем Бога и олицетворением высших истин, что предполагало восприятие иных религий, как противников, представляющих угрозу обществу. Это делало существующие конфессии потенциально опасными друг для друга. Однако их возможное противостояние было ограничено нормами действующего на тот момент либерального законодательства.

При этом успехи нетрадиционных религий, стремительно набиравших новых членов, внушали обеспокоенность тем религиям, которые считали себя традиционными на конфессиональном поле России. Их представители сформировали лобби, поставившее своей задачей распространение информации о том, что

вместе с нетрадиционными религиями в Россию приходят угрозы связанные с влиянием, которое было выгодно международным картелям, нацеленным на принесение ущерба интересам российского народа, духовным ценностям общества, что предполагало необходимость поверить в осуществляемую новыми религиями идеологическую экспансию [11, с. 78]. В связи с этим возник вопрос о том, как определить критерии религиозной угрозы нетрадиционных религий.

Разработанность темы связана с тем, что в исследованиях общества и религии не существует единого взгляда на сущность социальной безопасности и религиозной угрозы, причиной чего являются противоречия между представителями религиозного либерализма и «антикультового направления». на актуализации темы религиозных угроз безопасности российского общества с позиций антикультизма (А.Л. Дворкин, Н.В. Кривельская, Р.А. Силантьев, В.А. Мартинович, А.И. Хвыля-Олинтер, И.А. Тарасевич). С критикой антикультистской концепции выступают исследователи государственно-конфессионального взаимодействия (И.Я. Кантеров, П.Н. Костылев, А.П. Забияко, Р.Н. Лункин, Н.С. Гордиенко, С.И. Иваненко, Е.С. Элбакян), отстаивающие права верующих. Существующее противоречие доказывает необходимость проведения исследований проблемы религиозной угрозы социальной безопасности.

Объектом исследования является социальный дискурс безопасности в Российской Федерации. Предметом исследования являются религиозные угрозы в дискурсе социальной безопасности на территории Российской Федерации. Цель исследования – выявление сущности религиозных угроз социальной безопасности. Теоретическая основа исследования задана теорией социальной безопасности, теорией социальной эволюции и адаптации религии. Методологической основой исследования являются исторический и системный подход, используемый при анализе современного религиозного воздействия на сознание верующих. В работе использованы структурно-функциональный анализ, сравнения, проблематизация, анализа, синтеза. В работе использован комплекс философских методов, включающий в качестве основы метод структурно-функционального анализа, дополненный научными методами истории, социологии, этнографии, лингвистики, а также общенаучных методов, таких как сравнение, концептуализация, проблематизация, моделирование, анализ, синтез, дедукция, индукция, абстрагирование, восхождение от абстрактного к конкретному.

Результаты исследования

Противоречие между глобализационными и противостоящими им автономистскими устремлениями привело к тому, что на территории Российской Федерации сформировалась ситуация, которая напрямую связана со стремлени-

ем защитить религиозную традицию, в контексте которого влияние религиозной новации рассматривалось априори в качестве угрозы обществу. Поэтому в России сосуществуют разнообразные традиционные и нетрадиционные, альтернативные конфессии, которые, находясь во взаимоотношениях между собой, могут пониматься как представляющие угрозу для человека, общества и для традиционной православной религии. Ведущим фактором этой ситуации является стратегия взаимодействия российского государства с религиозными объединениями, где государство занимается протекцией православных интересов. Это служит поводом для распространения опасений о состоянии духовного здоровья людей, принимающих конкурентные религии, которые объявляются «нетрадиционными», опасными и неприемлемыми для общества.

Среди религий, опасных для общества выделяются те, которые совершили преступления и отнесены к экстремистским в связи с оценкой их деятельности. Эти организации запрещены в России и в других странах не в связи с тем, что их учение не соответствовало общепринятым нормам, а в связи с преступлениями, которые совершены членами этих организаций. Негативные примеры деятельности этих религиозных объединений стали поводом для того, чтобы остальные нетрадиционные религиозные организации начали оцениваться только в связи с содержанием вероучения, которое понимается как экстремистское, деструктивное и тоталитарное. Однако в силу того, что в обществе до сих пор отсутствуют признаваемые всеми его членами критерии, отделяющие традиционность и не - традиционность, каждое религиозное объединение самостоятельно доказывает свою социальную безопасность, вступая в дискурсивные отношения с Министерством юстиции РФ, позицию которого определяет методология преследований иноверцев, которая разрабатывается представителями Экспертного Совета по проведению государственной религиоведческой экспертизы.

Государственная стратегия, направленная на контроль и ограничение деятельности нетрадиционных религиозных объединений, включает принятие концепции национальной безопасности, предусматривающей априорное разделение религий на «традиционные» и «нетрадиционные», использование религиоведческой экспертизы, привлекаемой для оценки деятельности нетрадиционных религий, а также подготовки судов, направленных на ограничение их деятельности либо запрещение. При этом применение названных процедур подвергается социальной критике, так как на практике отсутствуют критерии, благодаря которым можно достоверно обосновать наличие опасности, исходящей от тех религиозных объединений, которые не ведут противоправную деятельность.

Обсуждение результатов

В 90-е гг. XX в. Российская Федерация являлась по-

ликонфессиональным государством, религиозная жизнь которого регулировалась в рамках либеральных отношений личности, различных конфессий и государства. Взаимодействие между этими институтами осуществлялось на основании принципа равенства между всеми субъектами, в состав которых входила православная церковь, объединения мусульман, буддистов, иудеев и протестантов, а также вновь появившихся нетрадиционных течений, признаваемых равными перед законом. При этом не только принципы законодательства, но и участники религиозных движений в большинстве утверждали принципы законопослушности, морального совершенствования, выступали против насилия [5, с. 175].

Здесь важно указать, что среди нетрадиционных религий, на тот момент распространенных на территории Российской Федерации, были те, кто представлял и те, кто не представлял для общества несомненную угрозу безопасности. К последним принадлежали организации исламского радикального фундаментализма и деструктивные религиозные движения, которые прямо оправдывали насилие и жестокость. Они основывали свою социальную деятельность на принципах религиозной нетерпимости, экстремизма и практиковали терроризм. В частности известность получили, признанные экстремистскими «Великое белое братство», группы сатанистов, которые совершали преступления, наказания за которые предусматривались уголовным законодательством. Озабоченность вызывали группы, связанные с возрождением мусульманства в северокавказском регионе России и регионах бывших республиках Советского Союза. Однако деятельность этих организаций была быстро запрещена на основании оценки их преступлений, носивших нерелигиозный и антиобщественный характер.

Однако, помимо уже упомянутых существовал еще один тип религиозных организаций, в отношении которых в обществе оказался распространенным ярлык экстремизма. Эти общины верующих, представленные Свидетелями Иеговы, саентологами, мунистами, пятидесятниками и др., которые не совершали уголовно-наказуемых деяний и не вели деятельности, нарушавшей законодательство РФ. Их вина состояла в том, что, несмотря на нетрадиционное содержание вероучения, они были очень успешны в ведении проповеди и наборе неофитов. Это стало причиной недовольства традиционных конфессий и правоохранительных органов, которые заявляли, что эти организации вели экстремистскую прозелитическую деятельность. Термин «прозелитизм» был использован в случаях, когда речь шла о неправомерном воздействии на людей, манипуляции их сознанием [8]. Важно учесть, что несмотря на то, что факты манипуляции сознанием не были доказаны в суде, прозелитизм нетрадиционных религий вызывал протест православия, выражавшего недовольство проповедни-

ческой деятельностью нетрадиционных конфессий, куда включались католические, протестантские и иные религиозные объединения. Однако проблему представляло то, что на тот момент в стране отсутствовала правовая база, позволяющая ограничить деятельность нетрадиционных религиозных объединений, ведущих активную проповедническую работу [1, с. 164].

В связи с этим во властных и церковных кругах возник вопрос о том, как определить такие критерии религиозной угрозы социальной безопасности нетрадиционных религий, которые бы доказывали, что они были опасны. В качестве критериев были выбраны параметры личностного мироощущения и психического здоровья приверженцев нетрадиционных религий, которые якобы страдали при вовлечении этих людей в религиозную деятельность. Краеугольным камнем критики антикультулизма стало понятие «свободы совести», которым пользовались вступающие в ряды нетрадиционных объединений, и которого они, как утверждали противники нетрадиционной религиозности лишались. По их утверждению, лидеры «нетрадиционных религий» изолировали их от семьи, общества, традиционной культуры и духовности [10]. Однако доказать, что такие религиозные организации, как «Церковь Христа», «Церковь Объединения», «Свидетели Иеговы», «Сайентология» и др. несмотря на жесткую структуру и дисциплину, устанавливаемую среди принимаемых в ряды организации членов, не удалось. Было очевидно, что эти религиозные организации пользуются ограниченным набором действий, признаваемых легитимными на территории большинства стран мира.

Тем не менее, политика их преследования была продолжена. Начался поиск нового обоснования их опасности для российского общества и личности, в результате которого нетрадиционные религиозные организации стали рассматриваться как один из инструментов «мягкой силы» с помощью которого зарубежные государства пытаются оказать воздействие на массовое сознание и трансформацию культурных, социальных и экономических ценностей народов России. В результате антикультуровой кампании и ряду судебных процессов против таких групп, как Белое Братство, Свидетели Иеговы Саентология, неопятидесятники, Церковь Объединения и др., в 1997 г. представители патриархального лобби добились, чтобы в законодательстве страны было принято положение, согласно которому религии разделялись на обладающих статусом защищаемых государством и статусом, благодаря которым они подвергаются преследованиям. Наиболее высокую и приближенную к государству ступень этой иерархии занимала православная церковь, вслед за нею расположились мусульманская, буддийская и иудейская религии. Другие организации были признаны «нетрадиционными» и стали рассматриваться, как источник потенциальных угроз, включая попытки набора неофитов, ведение финансовой деятельности,

управленческой деятельности на уровне организаций. Особое место заняла угроза распространения печатных текстов, содержание которых также оценивалось как угроза духовности и социальным порядкам [9, с. 8].

Вместе с этим существующая в российском обществе сложность в отношении критериев религиозной угрозы, которая определяется содержанием законов «О свободе совести...» и «О противодействии экстремистской деятельности», служит основанием для распространения ситуативного, подхода связанного господством дискурсивных практик, как основания для выявления конкретных угроз, источником которых могут стать религиозные объединения. При этом субъективность этой практики часто служит основанием отказа от принципа равенства для конфессий и ведет к тому, что приговоры и обвинения в отношении представителей религиозных объединений ставятся в зависимость от субъективных мировоззренческих ориентиров правоприменителей. Для доказательства данного тезиса достаточно указать на то, что в вероучительных текстах этих религий, как правило есть прямые указания на исключительность своей веры и превосходство своих последователей по признаку «религиозной принадлежности или отношения к религии» [12].

Поэтому в настоящее время представители «религиозных меньшинств» обеспокоены угрозой стать предметом преследований, причиной которых является негласный социальный заказ, целью которого является не только борьба с террором, но и ликвидация религиозного инакомыслия. Эти опасения поддерживаются и самими правоприменителями, создавшими в 2009 г. при Министерстве юстиции РФ Экспертный совет по проведению государственной религиозно-экспертной экспертизы, целью которого было стремление придать законный характер антирелигиозной активности. Основным вопросом, поднимаемым экспертами, входившими в состав Совета, стало обнаружение экстремистских форм преступной деятельности в религиозной сфере. Однако, как выяснилось, такие религиозные направления, как адвентизм, баптизм, бахаизм, католицизм, кришнаизм, новоапостольская церковь не вели экстремистской деятельности и поэтому не вызывали противостояния в обществе [3]. Поэтому в вину им стали вменять содержание доктринальных религиозных текстов, нетрадиционность которых должна была указать на их социальную опасность. Знаменательной стала публикация Министерством юстиции Федерального списка экстремистских печатных материалов, с помощью которого осуществлялось давление на религиозные организации. Это многочисленные издания мусульман, Свидетелей Иеговы, саентологов, которые никому не нанесли того вреда, который можно было хоть как-то зафиксировать. Вина этих организаций состоит в том, что они обладают неправославным вероучением [6, с. 118].

С этой точки зрения, носители нетрадиционной религиозности характеризуются как люди, ориентированные на собственные, отличающиеся от традиционных духовно-нравственных ценностей, представления об устоях личной и общественной жизни, которые не участвуют в процессе ретрансляции традиционной культуры. Одним из ярких случаев этой практики является преследование Саентологической Церкви, детальное исследование обстоятельств которого позволило Р. Сулейменову доказать, что многие религиоведы, так или иначе выполняют социальный заказ, поэтому независимая экспертная оценка религии в нашей стране отсутствует. Это ставит вопрос о необходимости выработки четких критериев, связанных с определением угрозы, исходящей от религий объединений. Важно, чтобы в последующем эти критерии были увязаны с действующим законодательством, юридическими и конституционными нормами [7].

Очередной виток судебных разбирательств по поводу установления религиозных угроз, источником которых была признана религиозная организация, пришелся на 2016-2017 гг., когда ответчиком по делу о религиозном экстремизме стала организация «Свидетелей Иеговы». В качестве обвинения против иеговистов Министерство юстиции выдвинуло тезис об экстремистском характере вероучения этой организации, которое было зафиксировано в используемых ими публикациях книг и журналов. На основании данных экспертов Верховный Суд РФ признал «Свидетелей Иеговы» экстремистской организацией и постановил решение о запрете и ликвидации всех региональных подразделений иеговистов, управлявшихся «Управленческим Центром свидетелей Иеговы России» [2].

Дискурс о судьбе «Свидетелей Иеговы» в современной России приобрел большой резонанс. На эту тему высказались многие эксперты и юристы, по общему мнению, которых проведение религиозно-экспертной экспертизы над иеговистами после регистрации их религиозной организации нарушает статью 8 ФЗ «О свободе совести и религиозных объединениях» [4]. На практике эти действия ведут к нарушению положений Конституции о свободе вероисповедания, а также способствуют разжиганию межконфессиональной напряженности. Это приводит к протестам со стороны верующих, общественности и научного мира, что способствует снижению престижа России. При этом большинство случаев незаконного преследования религиозных организаций в дальнейшем опротестовывается в судах высшей инстанции, в частности в Европейском суде по правам человека, и таким образом, оборачивается бессмысленной тратой времени и средств на уровне Российской Федерации в целом [10, с. 175].

В этой ситуации неизбежным является вопрос о том, что же можно считать реальной религиозной угрозой, и какие меры предпринимать для сохранения религиоз-

ной безопасности личности и общества на территории Российской Федерации. На наш взгляд, очень важным является фиксация того естественного разграничения между религиозными организациями, которые совершили преступления против общества и личности и организациями, которые не совершили таких преступлений. Не менее важным является необходимость осознания того, что за многие преступления, совершенные членами религиозных организаций сами религиозные организации ответственности не могут нести [13].

Важным аспектом, говорящим о сложности работы религиозоведческой экспертизы является необходимость выявления элементов вероучения, которые признаны недопустимыми к распространению на уровне норм права, распространенных в стране и в мире. Такими элементами признаются фашизм, шовинизм, идеологии, оправдывающие уничтожение людей по любым признакам и причинам и т.д. Однако наряду с учетом этих положений, важно помнить о том, что сутью любого религиозного учения является вера в исключительность собственного пути спасения, которая отражена в текстах всех религий, включая и мировые религии. На территории современной России такие религиозные объединения не имеют возможности существовать и должны ликвидироваться уже при их зарождении. В отношении же религиозных организаций, которые уже зарегистрированы, мы можем уверенно заявить, что подобных эле-

ментов вероучения их доктрины не содержат.

Выводы:

В целом, рассмотрение содержания вероучений действующих религиозных организаций на предмет содержания в них элементов экстремизма показывает, что далеко не во всех случаях эти тексты являются реальной причиной экстремистских действий и непримиримого противостояния. Дело в том, что идея исключительности, имеющаяся в вероучениях большинства религий, не является подлинной причиной религиозной конфронтации, так как все они в течение длительного времени участвуют в проведении межконфессионального диалога и осуществляют программы сотрудничества, опираясь на значительный миротворческий потенциал, представляющий значительные возможности для достижения общественного согласия. Например, в российской истории православная, мусульманская, иудейская, буддийская, протестантская и др. конфессии, несмотря на значительное расхождение в содержании доктрин, имеющих радикальное содержание, мирно сосуществуют на одной территории. Таким образом, критерием религиозного экстремизма является не фундаменталистское вероучение, которое не ведет напрямую к действиям, а разрушительная деятельность приверженцев экстремистских организаций, стремящихся к захвату власти, демонстрации силы, разрушению и убийствам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Васьков Е.В. Куракина О.И. Политический экстрим: миф или особый путь, ведущий к катастрофе // Вестник Пермского университета. 2014. № 3. С. 164-168.
2. Верховный суд запретил деятельность «Свидетелей Иеговы» в России [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ria.ru/incidents/20170420/1492720045.html> (Дата обращения: 06.03.2020).
3. Гильдия экспертов по религии и праву выступила с заявлением по поводу Совета по религиозоведческой экспертизе при Минюсте РФ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.sova-center.ru/religion/news/authorities/religion-general/2011/11/d23042/> (Дата обращения: 06.03.2020).
4. Ершов Ю. Необъявленная война. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://religiopolis.org/publications/6672-neobjavlennaja-vojna.html> (Дата обращения: 06.03.2020).
5. Красилов Д.В. Международно-правовая природа справедливой компенсации, присуждаемой Европейским судом по правам человека // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Право. 2012. Т. 8. № 2. С. 175-179
6. Лебедев С.Д., Сухоруков В.В. Тесный путь не туда? // Социологические исследования. 2013. № 1. С. 118.
7. Лункин Р. Новые религиозные движения в России: христианство и постхристианство в зеркале новых богов и пророков // Двадцать лет религиозной свободы в России. М.: РОСПЭН. 2009. С. 329-394.
8. Маркус Дж.С. Межрелигиозный диалог в России: современное состояние и перспективы [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://dumrf.ru/islam/dialog/1806/> (Дата обращения: 08.03.2020).
9. Митько А.Е. Миссионерство и прозелитизм // Научные ведомости Белгородского государственного университета. 2017. № 10. (259). С. 177-185.
10. Путин запретил проверять Библию и Коран на экстремизм [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://lenta.ru/news/2015/11/23/extremism/> (Дата обращения: 06.03.2020).
11. Семенова В.И. Способы влияния деструктивных религиозных организаций на молодежь в современной России // Власть. 2013. № 4. С. 75-78.
12. Сопова А. Патриарх Кирилл: против Церкви ведется информационная война [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.izvestia.ru/news/520710> (Дата обращения: 03.03.2020)
13. Zhukov A.V. Theology, Christology and anthropology of contemporary Jehovahism // State, Religion and Church in Russia and Worldwide. 2010. N. 28. № 1. S. 165-172.

© Младенов Василий Иванович (mladenov.v@mail.ru), Гаврилова Юлия Викторовна (gavrilova.yv@bmstu.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КУЛЬТУРНЫЙ РЕЛЯТИВИЗМ КАК ВАЖНАЯ ДЕТЕРМИНАНТА МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

CULTURAL RELATIVISM AS AN IMPORTANT DETERMINANT OF INTERCULTURAL COMMUNICATION

V. Puhir

Summary: The article reveals the mechanisms and stages of the transition from ethnocentrism to ethnorelativism through a change of paradigms – from absolutism to relativism. A range of issues and problems arising in the process of intercultural communication is presented. Culture is considered as a communicative system. The article uses theoretical and methodological materials on intercultural communication. It is proved that multiculturalism should become an important human and social value.

Keywords: cultural values, determinant, cultural relativism, ethnocentrism, ethnorelativism, multiculturalism.

Пухир Валентина Михайловна

К.ф.н., доцент, Российский государственный университет
им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)
va-lenta@bk.ru

Аннотация: В статье раскрываются механизмы и этапы перехода от этноцентризма к этнорелятивизму через смену парадигм – от абсолютизма к релятивизму. Представлен круг вопросов и проблем, возникающих в процессе межкультурного общения. Культура рассматривается как коммуникативная система. В статье используются теоретические и методические материалы по межкультурной коммуникации. Доказывается, что мультикультурность должна стать важной человеческой и социальной ценностью.

Ключевые слова: культурные ценности, детерминанта, культурный релятивизм, этноцентризм, этнорелятивизм, мультикультурность.

Одним из главных достижений современной культурной антропологии является критика этноцентризма и осознание относительности культуры. Этноцентризм считается радикальным мировоззрением, он обосновывает мнимое превосходство и исключительность определенного народа или нации. Многие сторонники крайнего этноцентризма считают другие народы «отсталыми», их искусство «грубым», а культуру – «примитивной». Свою же нацию они называют «избранной», а культуру – «истинной». Однако этноцентризм имеет также и положительные стороны: он способствует проявлению патриотизма и национального самосознания, групповой лояльности, сплочению людей. В любом случае здесь должна соблюдаться мера: предпочтение обычаев и традиций своей культуры и одновременно признание нравов и ценностей других культур, которые могут быть лучше или не хуже своих.

Переход от этноцентризма к этнорелятивизму осуществляется посредством *смены парадигм* – от абсолютизма к релятивизму. Релятивизм представлен в качестве системы взглядов и действий, которые позволяют оценить достижения других культур и народов. Основой этнорелятивизма является утверждение, что поведение человека можно понять только исходя из конкретной культурной ситуации, что у культурного поведения нет абсолютного образца правильности. Культурные различия не следует трактовать с точки зрения их позитивности или негативности, – их надо просто признать. Все культуры эквивалентны и равноценны. Ни одна из них не

может рассматриваться как более высокая. А различные типы поведения должны рассматриваться как приемлемые или неприемлемые в зависимости от конкретных социокультурных условий. Для понимания чужой культуры необходимо просто связать свойственные ей черты с историческими особенностями ее развития. Одни элементы культурной системы определенного народа являются общепризнанными и правильными потому, что именно в данном историческом контексте проявили себя позитивно. Другие же считаются неприемлемыми по той причине, что их применение спровоцировало бы конфликтные ситуации в обществе. В практике реального бытия прогрессивное развитие культуры всего человечества, на наш взгляд, возможно лишь в том случае, если будут диалектически сочетаться черты и этноцентризма, и культурного релятивизма. Подавляющее большинство людей признают необходимость совместной жизни в мультикультурном обществе, поэтому они готовы уважать культуру других народов и требовать уважения к собственной культуре.

Культурный релятивизм начинается с принятия культурных различий, проходит через этапы адаптации и интеграции и может завершиться формированием *мультикультурной личности*. Один из крупнейших специалистов по межкультурной коммуникации, американский культуролог *Малькольм Беннет* считает, что «прежде всего необходимо развить у человека *межкультурную чуткость* (чувствительность) – чувственное восприятие и толкование культурных различий»

[7, с.57]. Люди должны осознать не столько сходство между собой, сколько различия, т.к. все сложности межкультурной коммуникации возникают именно из незнания межкультурной разницы.

Начальным этапом развития межкультурной чуткости является этап признания (одобрения), когда существование многообразия других культур признается как естественное явление. Вначале признаются различия в поведении, затем – в культурных ценностях, морали, философии.

Самое очевидное различие в поведении представителей иных культур – это *язык*. Люди в процессе общения с представителями различных культур, начинают осознавать, что языки – это не разные коды общения, которые выражают сходные идеи. Языки – средство формирования *картины мира*. Согласно гипотезе американских мыслителей XX в. Э. Сепира-Б. Уорфа, наше видение мира во многом определяется тем, как мы говорим. Язык и образ мышления народа взаимосвязаны. Овладев языком, его носители осваивают и определенное отношение к миру, принимают мир как поток впечатлений, отраженный в родном языке. Грамматические категории языка способны управлять мыслительной деятельностью человека. Люди, говорящие на разных языках, имеют разные представления о мире. Отношение к таким фундаментальным категориям, как бытие, движение, пространство, время, жизнь, смерть, бессмертие зависит прежде всего от родного языка человека. Соответственно, окружающий мир по-разному воспринимают и оценивают носители разных языков. Например, если буддист оперирует такими главными концептами родного языка, как дхарма (элемент, закон), карма (действие), сансара (круговорот перерождений), нирвана (состояние просветления), ниदानа (колесо причинно-следственных связей), то его мир представляется ему бесконечным сочетанием, «волнением» дхарм, своего рода вспышек жизненной энергии. Освобождение достигается прекращением этого «волнения», то есть уничтожением желаний, чувств, страстей, мыслей. Нирвана есть состояние абсолютного спокойствия, «прекрасного ничто». Из этих понятий и речевых конструкций формируется и система ценностей, и жизненная цель, и поведение буддиста – избавиться от страданий воплощенного бытия. А это возможно только путем выхода из круговорота постоянных перевоплощений и достижения состояния просветления (нирваны).

Сторонники гипотезы Сепира-Уорфа полагают, что если человек знает два или более языка, он способен мыслить разными способами. Приведу пример собственного мировосприятия. Мой родной язык – украинский, он хранит в себе, как и все языки, определенную систему ценностей, особенно песенный язык. В современной очень грустной песне «Плакала» есть такие слова: «Зотліла ніч, зранку все стало сіре, знайти нові кольо-

ри мушу я» («Истлела ночь, утром все стало серым. Найти новые цвета должна я»). На мой взгляд, ни один язык мира не передаст так сильно и точно те эмоции, которые испытала покинутая молодая женщина! А ведь надо найти новые краски дня, во что бы то ни стало! Не только для себя, но и для влюбленной (очевидно, безответно) доченьки. Приходится прилагать много интеллектуальных, эмоциональных усилий, творческой энергии, чтобы найти те самые краски, о которых поется в песне. И ведь находишь эти новые, возможно даже более яркие, чем предыдущие, «кольори»!

Когда мне несколько лет назад захотелось изучить английский язык, я поставила себе целью – научиться мыслить на этом языке. И это у меня частично получилось! В частности, важнейшим жизненным кредо для меня стали слова американского специалиста в области межличностных коммуникаций *Альберта Грея*: «Do what you need to do first! Lucky people tend to do what losers do not like to do. They also do not necessarily like to do it, but he subordinates his feelings to his task». («Сначала делай то, что необходимо делать с н а ч а л а! Удачливые люди имеют обыкновение делать то, что неудачники делать не любят. Им тоже совсем необязательно нравится это делать, но они *подчиняют свои чувства своей задаче!*» [1, с.24].

Параллельно с познанием языковых различий происходит знакомство с особенностями невербального поведения. А оно нередко бывает очень неожиданным для неподготовленного человека (например, язык жестов). Этот этап подготавливает людей к признанию различий в системах *культурных ценностей* – основного элемента в воспитании межкультурной чуткости. Люди различных культур по-разному воспринимают одни и те же ценности. Но существуют ценности, имеющие общечеловеческий характер, основанные на всеобщих свойствах социального взаимодействия. Они помогают людям отделить хорошее и плохое, истину и заблуждение, идеальное и иллюзорное, прекрасное и безобразное, справедливое и несправедливое. Таким образом, культурные ценности должны рассматриваться как проявление чисто человеческой способности освоения мира. Люди должны принимать разные взгляды на мир, являющиеся фундаментом культурных поведенческих вариаций. Если нам удастся зафиксировать культурные ценности и они станут чем-то устойчивым и неизменным (вещью), то они могут начать свое собственное бытие и даже вернуть нас к этноцентризму.

На следующем этапе – *адаптации* – происходит углубление культурного релятивизма, осознание того, что культура не есть неизменное, застывшее образование, а процесс. Поэтому правильнее будет говорить не о том, что «люди имеют культуру», а о том, что они вовлечены в нее. Адаптация людей к окружающим культурным значениям происходит на всех этапах социализации. Для

успешной адаптации необходимо соблюдение следующих условий: активное общение с новым окружением, знание иностранного языка, положительный настрой, свободный доступ к СМИ, участие в различных культурных мероприятиях. В результате всего этого должна сформироваться т.н. «*межкультурная идентичность*» – особое психологическое состояние человека, отличающее его от представителей новой культурной среды.

Адаптация также предполагает развитие альтернативных коммуникативных умений и моделей поведения. Люди должны научиться раздвигать культурные рамки, - только тогда они смогут общаться с позиций культурного релятивизма. Здесь уместно обратиться к словам известного американского антрополога XX в. *Мелвиллу Херсковичу*, который значительно расширяет принцип культурного релятивизма. Мыслитель называет данное направление *моральной теорией*, в которой все суждения основываются на опыте, который каждый человек воспринимает сквозь призму его собственных взглядов. Херскович пишет, что «все традиции, обычаи и нравы очень гибкие, поэтому любая культура претерпевает некоторые изменения» [5, с.157]. Например, нормы приемлемого поведения могут преобразоваться, если изменится моральная основа. Приведем самый обычный пример: раньше во многих культурах было принято родителям выдавать дочь за избранного ими жениха. Затем, с течением времени, это стало неприемлемым, поскольку утвердилась совсем другая этическая основа – свобода выбора.

Адаптация к иной культуре начинается с *эмпатии* (сочувствия) и завершается формированием *плюрализма* (межкультурно компетентной личности). Эмпатия означает, что человек может испытывать различные ощущения в процессе общения на основе своих представлений о потребностях и интересах другого человека. Очень близки по содержанию понятия «сочувствие» и «сопереживание», однако их не следует путать. Сопереживание (сострадание) является этноцентристским понятием, так как основано на предположении о том, что все люди одинаковы и, следовательно, должны всегда чувствовать одно и то же в сходных обстоятельствах. Сострадание можно отличить от сочувствия. Если мы говорим: «Я бы на вашем месте сделал так...», это значит, что мы проявляем сострадание. А вот если мы по-другому формулируем фразу: «Я начинаю думать об этом по-другому, когда представляю вашу точку зрения» - это значит, что мы проявляем сочувствие.

Развитие эмпатического чувства основывается на новых знаниях о других культурах, повышении чувствительности к разным межкультурным проблемам, изучения иностранных языков, понимания разнообразных стилей общения. Чувство эмпатии развивается у людей на протяжении многих лет, но оно имеет ограниченный

характер. Более глубокая адаптация к иной культуре связана с *плюрализмом*, который предполагает не просто осознания различия культур, но и глубокое понимание этого различия в конкретных культурных ситуациях. Это возможно лишь в тех случаях, когда человек полностью погружается в чужую культуру, живя в определенной стране. Как правило, на это уходит не менее, чем два года. Люди начинают осознавать культурные различия как части самого себя, собственной идентичности. Эти люди, уважая различия в культурах, тем самым проявляют уважение к самим себе. Этим плюрализм отличается от эмпатии, при которой человек все еще не способен полностью погрузиться в другую культуру. Практически результатом плюрализма является *бикультурализм* или *мультикультурализм*. Таким образом, согласно Беннету, плюрализм является более высоким уровнем межкультурной чуткости.

Следующим этапом перехода от этноцентризма к этнорелятивизму является *интеграция* – полное приобщение человека к традициям, ценностям, моделям мышления и нормам поведения, свойственных для данной культуры. Это происходит в процессе взаимодействия между человеком и чужой культурой, которая начинает ощущаться как «своя». На этом этапе уже можно вести речь о *мультикультурной личности*, идентичность которой включает в себя и другой опыт жизни, а не только ее личный. Такой человек психологически и социально полностью готов понять и принять множество реальностей, жизненных принципов, способен к рациональному выбору в нестандартных ситуациях. Иногда такую личность называют «*межкультурная*», «*интернациональная*», «*универсальная*».

Начальной фазой интеграции является *контекстуальная оценка*. Она раскрывает механизм, который позволяет человеку анализировать и оценивать конкретную ситуацию, при которой возможно несколько вариантов культурного поведения. Находясь на уровне адаптации к чужой культуре, человек может все альтернативные способы поведения принять как вполне приемлемые. Но ведь необходимо все-таки выбрать наилучшую модель поведения! В этом случае поможет именно контекстуальная оценка конкретной ситуации: где-то поступить по-французски, где-то – по-японски и т.п. Эта форма интеграции, полагает М. Беннет, является вершиной развития межкультурной чуткости для подавляющего большинства людей. Дальнейшее развитие межкультурной чуткости для непрофессионалов просто не имеет смысла.

Тем не менее некоторые люди способны овладеть т.н. *конструктивной маргинальностью*. Они имеют способность подняться на метауровень анализа различных культурных ситуаций. Для таких людей не существует естественной культурной идентичности, как нет и абсо-

лютных правил поведения. Они как бы освобождаются от оков какой бы то ни было культуры и открывают для себя множество способов быть «добрыми», «хорошими», «честными», «умными».

На этом этапе культурного релятивизма можно рассматривать культуры как объективно, так и субъективно, включать разные лингвистические и кодовые системы, свободно использовать особенности тех или иных культур. Здесь уже не важно, представителем какой культуры и какого народа считают индивида другие люди. Такой человек ощущает полную свободу и на когнитивном, и на эмоциональном уровнях.

Конечно, межкультурно компетентная личность, т.н. *мультикультурный человек*, – это идеал.

Процесс интеллектуального и психического роста от монокультурного человека к мультикультурному очень сложен. Он может быть связан со стрессом и напряжением из-за необходимости противостояния давлению окружающей среды, а нередко – приспособления к ней. Некоторые люди не выдерживают такого давления, у них происходят резкие изменения в психике – т.н. расщепление сознания. Но, несмотря на все это, многие современные культурологи считают, что мультикультурность должна стать важной человеческой и социальной ценностью. Соответственно, межкультурная коммуникация должна предстать как особая форма общения, требующая глубоких знаний и умений, исполнительского таланта, незаурядных способностей и постоянного желания совершенствовать свои знания в этой области.

ЛИТЕРАТУРА

1. Альберт Э.М. Грей. Общий знаменатель успеха (The common Denominator of success). // URL: <http://log in.ru/books> . 2017
2. Верховенская Ж.А. Межкультурная коммуникация: проблемы и противоречия. М.: Инфра-М, 2016, 275 с.
3. Корсак, М.В. Межкультурная коммуникация в поле медиасферы: потенциал конфликтогенности / М.В. Корсак // Культура в фокусе научных парадигм. – 2020. – № 10/11. – С. 28–34. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42847822>
4. Леонтович О.А. Введение в межкультурную коммуникацию -М.: Гнозис, 2022, 368 с.
5. Херсковиц М. Культурный релятивизм и культурные ценности. //ru.Wikipedia.org. Архивировано 20 февраля 2011 г., 218с.
6. Янкина Н.В. Введение в теорию и практику межкультурной коммуникации. Оренбург, 2006, 284 с.
7. Bennet M. Basic Concepts of Intercultural Communication. Selected Readings. Yarmouth, 1998

© Пухир Валентина Михайловна (va-lenta@bk.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ДИНАМИЧНОСТЬ СУБЪЕКТА В КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ВОЗЗРЕНИЯХ ЛОККА: ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

Скопа Виталий Александрович

Д.и.н., профессор, Алтайский государственный педагогический университет (г. Барнаул)
sverhtitan@rambler.ru

DYNAMISM OF THE SUBJECT IN THE CONCEPTUAL VIEWS OF LOCKE: HISTORICAL AND PHILOSOPHICAL ANALYSIS

V. Skopa

Summary: The article deals with Locke's conceptual ideas concerning the dynamism of the subject. From the point of view of the usual theory of knowledge, the concept of "power" in the philosophical concept of Locke is a figurative expression that appeared by chance, which in essence does not reflect any serious content. For Locke, the question of the sources of ideas was fundamentally important, which, in his opinion, there were two: the object of sensation is one source of ideas, the activity of our mind is their other source. The philosopher, proceeding even from the kinetic worldview, deduces the necessity of the activity of the subject, at the same time affirming and developing the Aristotelian approach to the activity of the form. Making human activity the object of cognition, Locke gives a justification from the standpoint of dynamism. Reflecting on his own activity, he argues that it is also based on the concept of "power".

Keywords: history of philosophy, Locke, Western philosophy, dynamism, activity of the subject.

Аннотация: В статье рассматриваются концептуальные идеи Локка, касающиеся динамичности субъекта. С точки зрения привычной теории познания понятие «сила» в философской концепции Локка является случайно появившимся образным выражением, по сути своей не отражающим какого-либо серьезного содержания. Для Локка принципиально важным был вопрос об источниках идей, которых, по его мнению, было два: объект ощущения – один источник идей, деятельность нашего ума – другой их источник. Философ, исходя даже из кинетического мировоззрения, выводит необходимость активности субъекта, одновременно утверждая и развивая аристотелевский подход к активности формы. Делая объектом познания активность человека, Локк дает обоснование с позиций динамизма. Размышляя над своей собственной деятельностью, он утверждает, что в основе ее также лежит понятие «силы».

Ключевые слова: история философии, Локк, западная философия, динамизм, активность субъекта.

Современное развитие науки, интеграция научных областей все больше и больше тяготит к переосмыслению устоявшихся постулатов, точек зрения, что способствует формированию и развитию новых концептуальных идей и суждений, которые в последствии находят свое отражение в той или иной научной теории. В этой связи научный интерес вызывают воззрения представителей эпохи Нового времени, к числу которых можно отнести Локка. Его философские взгляды оказали существенное влияние на процесс познания, а вместе с тем во многом определили дальнейший вектор его развития.

XVII-XVIII века были временем перехода от аристотелевской формы как принципа активности к принципу силы. Понятие «сила» не отменяло понятия «форма», а, будучи более гибким, постепенно его заменяло. Оно, с одной стороны, обеспечивало более тонкое, дифференцированное объяснение принципа активности, с другой – выступало одновременно, всеобщим инвариантным основанием активности. Такой переход начинался и долгое время продолжался в определенной, специфической для того времени форме – в переосмыслении роли первопричины (бога) в постоянном взаимодействии тел

после того, как они были сотворены [8]. Иначе говоря, в этих условиях появилась актуальная проблема: как первопричина реализуется в природном механизме всего сотворенного.

С точки зрения привычной теории познания понятие «сила» в философской концепции Локка является чем-то несущественным, случайно появившимся образным выражением, по сути своей не отражающим какого-либо серьезного содержания. Но как часто бывает, это кажущееся случайное неожиданно затем предстает в виде мощного нового содержания, бескомпромиссно ломающего устоявшиеся представления. Несомненно, это относится и к понятию «сила» в философии Локка, если посмотреть на эту концепцию сквозь призму конкретной ситуации и проблем той эпохи. И оказывается, что это понятие было в центре научных дискуссий того времени.

Так, Декарт следующим образом формулирует эту проблему: «...раз Бог при сотворении материи наделил ее части различными движениями и сохраняет их все тем же образом и на основании тех самых законов, по каким их создал, то он и далее непрерывно сохраняет в материи равное количество движения» [1]. Такое ут-

верждение действительно дает объяснение появлению силы, ибо она есть в этом случае результат движения и проявляется в каждом конкретном случае взаимодействия тел. А раз Богом обеспечивается постоянство этого движения, то тем самым обеспечивается и общее количество силы, которое может убывать только в одном месте и возрождаться в равной степени в другом [1]. В природе поэтому происходят только количественные изменения. Важно еще и то, что, наряду с сохранением постоянства движения, бог обеспечивает и направленность всеобщего движения. Это позволило позже Лейбницу, критикуя картезианцев (характерны скептицизм, рационализм, критика предшествующей схоластической философской традиции), утверждать, что они, «...превращая сотворенные вещи в простые модификации Единой Божественной субстанции, делают вместе со Спинозой из бога саму природу вещей» [4]. Бог становится тождественным природе, и таким образом утверждается один источник совершенства природы – сам бог.

Другое направление – «динамизм» - ведет свое начало от Ньютона и Лейбница, причем наибольшую степень обоснования получает у последнего, который прямо указывает, что «...понятие силы, или, объяснению которого я предназначил особую науку - динамику, проливает яркий свет на истинное понятие субстанции» [4]. Рассуждения Лейбница по поводу активного начала, выявления их природы подводят и к необходимости различения внутри монад: нельзя отождествлять разумные души и простые монады – первые «...высшего порядка и обладают несравнимо большим совершенством, чем формы, погруженные в материю» [4]. Одно из главных отличий высшего типа монад – разумных душ, - обладание свойством восприятия. Испытывая на себе изменения в мире, они некоторым образом приспособлены к таким изменениям, потому что «...восприятия и есть не что иное, как само это воспроизведение внешней изменчивости во внутренней» [4].

Локк был современником Ньютона, Лейбница, следовательно, он не мог не отразить в своих рассуждениях эту проблему. Его философская концепция интересна тем, что она свидетельствует о начальном этапе разработки этой проблемы. Локк еще не выступает чистым «динамистом», а соединяет два упомянутых направления, попеременно отдавая им дань уважения, хотя все же предпочтение отдает динамизму.

Для Локка принципиально важным был вопрос, как известно, об источниках идей, которых, по его мнению, было два: объект ощущения – один источник идей, «...деятельность нашего ума - другой их источник» [6]. В первом случае он выступает как кинетист, во втором - как динамист.

Локк здесь исходит из идеи толчка как единственно

возможного способа «представить себе воздействие тел». Этот принцип работает и в применении к человеку – воздействие внешнего мира на него реализуется в рецептивности. В связи с этим важно еще раз проанализировать его размышления о трех видах качеств в телах, в основе которых лежит понятие «силы». Основной вид у него носит название первичных или реальных качеств, к которым относится объем, число, расположение и движение или покой их плотных частиц [7].

Такого рода восприятия представляют собой готовые формы, в которых воздействующая сила находит свое воплощение. Иначе говоря, внешнее воздействие реализуется в этом случае автоматически через один-единственный, адекватный ей путь, сила как бы отливается без препятствий полностью в уже готовой для нее форме.

Воздействие на человека на уровне первичных качеств Локк относит к сфере созерцания. К этой же сфере принадлежат и идеи, они, как уже апробированные средства упорядочивания содержательного материала, выполняют ту же функцию – выступают в статусе готовых форм реализации силы [2]. Вот почему «...иметь идеи и воспринимать – одно и то же», отмечает Локк. В связи с этим возникает проблема деления состояний человека на два вида: пассивное и активное, выделение которых осуществляется у него с помощью рефлексии. Так, сферу созерцания он относит к первому виду: активность человека в этом случае приближается к нулю. Причина возникновения состояния активности видна уже на втором виде качества, при котором жесткая заданность на однозначную реализацию силы внешнего воздействия несколько ослабевает. Цвет, запах зависят в определенной степени от индивида, само качество как форма несет в себе момент некоторой неопределенности. Появившаяся в этом случае некоторая степень состояния активности определяется природным устройством индивида.

Состояние активности индивида усиливается при переходе к третьему виду качества, когда сила «...действует на наши чувства не так, как прежде». Иначе говоря, в данном случае нет сходства, нет адекватной формы, в которой бы отлилась сила. Внешнее воздействие обладает бытием в возможности. В этом случае нет прямого автоматизма действия, который осуществляется в случае первичных качеств. Такой ход мысли позволяет Локку сделать вывод: «Первичные качества есть подобия; вторичные считаются, но не бывают подобиями; третьи не считаются и не бывают» [6]. Сила не может быть реализована, пока не найдена форма реализации. В отличие от вторичных качеств, когда выбор формы определялся природным устройством индивида, в последнем случае на поиск новой формы задействуется уже мышление.

Философ, исходя даже из кинетического мировоз-

зрения, выводит необходимость активности субъекта, одновременно утверждая и развивая аристотелевский подход к активности формы. Бытие человека в его сущностном значении характеризуется именно такой активностью, формотворчеством, когда сила и форма составляют неразрывное единство.

Делая объектом познания активность человека, Локк дает обоснование с позиций динамизма. Размышляя над своей собственной деятельностью, он утверждает, что в основе ее также лежит понятие «силы». Так, исследуя проблему начала движения в нас самих, выявляя условия, при которых мы получаем эту идею, он пишет, что последняя появляется только в результате «...рефлексии над тем, что происходит в нас самих» [5]. Разделяя силу на пассивную – кинетическую и активную – динамическую, являющуюся основной сущностной для человека, Локк замечает, что последняя «...есть более точное значение слова «сила».

Сосредоточивая в дальнейшем свое внимание на процессе создания форм, или иначе, процессе производства сложных идей, наблюдая действие производящей силы, он вполне логично, в контексте всей своей концепции утверждает, что «...наиболее ясная идея активной силы получается от духа». Идя дальше, он отождествляет понятие «сила» с понятием «способности», тем самым перенося действие принципа «силы» как бы внутрь человека, что вполне соответствует позиции динамизма. Такое отождествление не является для Локка случайным, а носит принципиальный характер.

Он продолжает и развивает традиции Аристотеля, который уже в определенной степени отождествлял понятия «способность», «возможность». Причем последний различал способности разных уровней, но первая способность – это «...начало изменения вещи». Способность выступает в функции возможности создания формы, задавая естественное изменение вещи (вещей). Вот почему и у Локка способность являет собой возможность нахождения формы, в которой реализуется сила. Вот почему форма через отождествление с идеей и силой как бы растворяется в способности. Большое количество внешних воздействий второго и особенно третьего вида качеств перегружают разум, вызывают необходимость ослабления их интенсивного воздействия, а это осуществимо при определенном изменении воздействующих вещей [8].

В гносеологическом смысле это означает, что восприятия только «скользят» по поверхности внешнего мира, не проникая к инвариантным основаниям самих воздействующих предметов до тех пор, пока не включится мышление и не создаст адекватную форму их объединения. Ум и становится активным, осуществляя определенную обработку полученных им воздействий, тем самым

выступая в статусе обратно направленной силы. Локк четко выделяет активное состояние ума, когда тот «...занимается приобретенными им идеями». Осуществляя поиск формы, ум одновременно с упорядочением имеющегося в нем материала реализует и свою силу, и тем самым – возможность ума проникать в сущность более глубокого порядка [7].

В своей теоретико-познавательной концепции Локк выступает, тем самым, против упрощенного представления о процессе познания как зеркальном отражении внешнего мира, и признает возможность изменения, перестройки таких воздействий [3, 6]. Так понимаемая активность позволяет объяснить процесс рождения новых идей, которые каждый раз обеспечивают оформление содержания на новом уровне. По сути дела, он сосредоточивает внимание не только на проблеме активности человека, но, и вместе с тем, на процессе развития, пытаясь объяснить, как этот процесс проявляется в специфике состояний человека.

Локк указывает на существование двух сил, которые воспринимаются рефлексией как простые идеи – сила желания и сила мышления. Выделяя эти две идеи, философ продолжает развивать и конкретизировать аристотелевский принцип: с точки зрения познания актуальное предшествует потенциальному. Причем конкретизация доказательств и обоснование этого принципа осуществляются с платформы динамизма.

Важным моментом также является введение фактора произвольности. При нейтральных восприятиях работа рецепторов произвольна и даже в определенной степени хаотична. Активность же возникает в условиях, когда производится отбор восприятий – одни становятся нужными, другие же нет. Возникает произвольность, подчиненность действий какой-либо определенной цели. Вот почему Локк исходит из специфического соотношения в уме двух способностей (сил), где первичная роль принадлежит силе желания. Именно эта способность создает состояние актуализации, предшествуя и создавая условия развертыванию потенциальной мощи мышления. Желание задает произвольность – целевое отношение к миру воздействующих предметов, соответствующего отбора их и перестройки. Только в этом случае включается способность мышления. Смысл такой роли желания заключается в том, что в данный момент отсутствует однозначный путь реализации силы, есть препятствие для осуществления способности [7].

Из соподчинения двух видов способностей вырастает вера, рассуждение. Иначе говоря, актуальное создает условия, задает начальный этап и развертывает возможности потенциального. Такова общая направленность рассуждений Локка о переносе активности с формы на силу.

Локк помимо чистой логики рассуждений указывает и на реальные механизмы, имеющиеся в человеке и обеспечивающие реализацию силы. Философ исходит из принципа, что душа не сознает других идей.

Принцип динамизма как основание локковской философской концепции наиболее полно как раз и раскрывается в принципе работы эмоциональной сферы, которая имеет статус мотивирующего, субъективного фактора. Сами по себе способности находятся только в состоянии «готовности», а вывести их из этого состояния могут два момента – удовольствие и страдание, которые и включают мышление для поиска оптимального пути реализации способностей [7]. Важную роль здесь играет психологический вектор.

Локк обращает внимание и подчеркивает два противоположных момента в субъективной оценке действия. Удовольствие есть оценка успешного продолжения найденного действия, когда оно еще не исчерпало себя и процесс реализации силы продолжается. Противоположной субъективной оценкой ему выступает неудовольствие (страдание). Если удовольствие определяет процесс реализации силы в адекватной ей форме, процесс «скатывания» по склону достигаемого, то неудовольствие, наоборот, отражает появление препятствия в реализации силы, а, следовательно, и необходимость изменения формы и эмоционального состояния.

Локк высоко оценивает феномен неудовольствия (страдания), придавая ему статус «великого мотива» в творчестве нового. Он признает его большую значимость по сравнению с удовольствием, показывая, что оно лежит в основании активности, переделывания вещей, ибо самым непосредственным образом

связано с волей. Этот психологический феномен выражает необходимость начала нового действия, а не просто продолжения уже имеющегося. Обосновывая это утверждение, он все время обращает внимание на момент произвольности, подчеркивая, что этим определяется применение в этом случае мышления. Неудовольствие и заставляет мышление включиться в поиск пути оптимального выполнения действия. Положительный результат и обеспечивает переход неудовольствия в удовольствие.

Несколько иначе активность мышления появляется в условиях нестабильности – в условиях множества возможностей, когда из этого множества надо выбрать одну. Переход неудовольствия в удовольствие означает одновременно реализацию такой возможности, неопределенность превращается в определенность.

Итак, Локк сумел выделить и в определенной степени исследовать своеобразную сферу – динамическую сторону активности субъекта, показать ее ведущий характер. Действие этого фактора отражается эмоциональной сферой. В этих условиях и начинает работать собственная сила мышления, наиболее полно проявляется активность человека. Такой срез рассмотрения активных действий позволяет расширить объемность философского понимания человека, исключает сведение его сущности только к плоскости мыслительного процесса.

Такие рассуждения Локка представляют одну из первых попыток в истории человеческой мысли проанализировать специфику, особенности и многослойность внутреннего мира человека. Причем это делается в своеобразной для того времени форме – с необходимой опорой на зарождающееся естествознание.

ЛИТЕРАТУРА

1. Декарт Р. Сочинения в 2 т.-Т. 1. М.: Мысль, 1989. – 654 с.
2. Зайченко Г.А. Локк. Очерк творчества. – М., 1973. – 256 с.
3. Коменский Я.А., Локк Д., Руссо Ж-Ж., Песталоцци И.Г.: педагогическое наследие: переводы. – М., 1988. – 416 с.
4. Лейбниц Г.-В. Сочинения в четырех томах: Т. I. – М.: Мысль, 1982.
5. Локк Дж. Мысли о воспитании. – М., 1913. – 238 с.
6. Локк Дж. Соч. В 3-х томах. Т. 1. – М., 1985. – 358 с.
7. Нарский И.С. Философия Дж. Локка. – М., 1960. – 327 с.
8. Реале Д., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. – М. 1997. – 386 с.

© Скопа Виталий Александрович (sverhtitan@rambler.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ РАЗУМ В КОНТЕКСТЕ ЕГО МЕТАФИЗИЧЕСКИХ ДЕТЕРМИНАЦИЙ (ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ)

Торубарова Татьяна Викторовна

Д.ф.н., профессор, Курский государственный университет
 ttorubarova@rambler.ru

IDEOLOGICAL MIND IN THE CONTEXT OF ITS METAPHYSICAL DETERMINATIONS (HISTORICAL AND PHILOSOPHICAL ASPECT)

T. Torubarova

Summary: The article reveals the essence and specifics of the ideological mind. The metaphysical context of the constitution of the ideological dimension of consciousness is exploited, determined by the understanding of being as a will, which receives its expression in the metaphysics of the will of the class of K. Marx, the will to power of F. Nietzsche, the dominance of the instinctive component of human life in psychoanalysis. Problematic is shown that determines the specifics of this kind of mind situation in the context of the thoughts of Hegel and S. Kierkegaard. Mechanisms of action of ideological consciousness are analyzed.

Keywords: ideological mind, metaphysics, illusion, functionality, systematization, will, ideals, social structures.

Аннотация: В статье раскрывается сущность и специфика идеологического разума. Эксплицируется метафизический контекст конституирования идеологического измерения сознания, детерминированного пониманием бытия как воли, получающего свое выражение в метафизике воли класса К. Маркса, воли к власти Ф. Ницше, господстве инстинктивной составляющей жизни человека в психоанализе. Проявлена проблематичность, определяющая специфику такого рода ситуации разума в контексте мысли Гегеля и С. Кьеркегора. Анализируются механизмы действия идеологического сознания.

Ключевые слова: идеологический разум, метафизика, иллюзия, функциональность, систематизация, воля, идеалы, социальные структуры.

Социальная жизнь порождает саму себя, и вместе с ней она порождает в нас стремления, идеалы и мечтания. В аморфных социальных структурах идеологический элемент в обществе обретает тенденцию становиться всеобщим и самодовлеющим в своём характере. Мало того он начинает осуществлять претензию быть единственным элементом сознания, не терпящим рядом с собой ни науку, ни философию, ни даже искусство, ни тем более религию. Все это идеология стремится использовать и контролировать.

Обратимся к ситуации разума, идеологическое измерение которого становится его сущностной компонентой. Речь идет о такого рода духовном состоянии общества, в котором утверждаются связи и отношения, становящиеся предметом специальной организации и регулирования. Способ регуляции задается путем обработки сознания и стандартизации мышления от имени истинного замысла, знания лиц, вверенных в истинный план подлинной структуры общества. Эта посылка продиктована «благими намерениями» раскрыть и реализовать истинные тенденции устройства человеческого общежития и на благо всего человечества. Такого рода сознательные акты, претендующие на универсальность и устанавливающиеся на их основе связи и отноше-

ния, являются идеологическим в той мере, в какой они способны быть действенными и эффективными в продуцировании социальной действительности как некоей управляемой и контролируемой структуры. Идеологический разум конституирует социальную ткань через организацию социальных структур и управления общественным сознанием.

Будучи продуктом эпохи Просвещения, идеологический разум во всеоружии собственных идей и идеалов стремится конституировать себя во всевластии идей и ценностных установок, заранее знаемой праведности. Этот разум образует пространство собственной распорядительности в континууме властных отношений, пренебрегая и подчиняя себе все, что не соответствует его провиденциальному плану, идеям и идеалам как критериям устанавливаемой им справедливости. Как писал М. Хайдеггер: «... наступила эпоха не постижения истины, а установления «справедливости» и утверждения заранее знаемой «праведности...» [10, с. 188]. Решение этой задачи в истине как таковой не нуждается, а лишь в представлениях, которые должны выполнять определённую функцию, то есть регулировать человеческие связи и отношения в плане их воспроизводимости и эффективности. Они должны быть прежде всего действительно эф-

фективными, коль скоро фундаментальным измерением такого разума оказывается воля.

Воля в политико-экономической реальности самоутверждает себя в ранге высшей инстанции, задающей ключевые проекты человеческого существования. Тогда уже разумность как таковая уходит на второй план, а все отдается на откуп господству и властвованию, стремящейся к собственному обеспечению воли. Разум на службе воли реализует свою сущность в стремлении подчинять себе все сущее, включая человека и властвовать, уполномочивая себя говорить от имени Истины. Такая привилегированная позиция обеспечивает ему гарантии утверждать себя в своих идеях и осуществлять их в действительности. Обольщаясь светом собственных идеалов, этот разум призван вносить «сознание» во все то, что является для него ценным материалом. Появляются вожди, облеченные властью и осуществляющие свою историческую миссию - нести свет в массы, устанавливать справедливость и повсеместно утверждать заранее знаемую праведность.

Идеологический разум выполняет функцию социализации людей как субъектов определенных общественных отношений. М.К. Мамардашвили разъясняет: «Идеологией является такая совокупность представлений, которая служит для того, чтобы соединять людей вместе в те или иные социальные структуры. Иными словами, идеология есть как бы клей социальных структур, способ гомогенизации, или делания однородными, социальных структур» [5, с. 64].

Идеология постигалась К. Марксом через понятие ложного или иллюзорного сознания.

Иллюзорность определяется через такую совокупность представлений, которые являются общественно необходимыми, то есть предзаданными и конституируемыми самим общественным процессом. Речь идёт об универсальных образованиях сознания, призванных функционально обеспечивать слаженную работу социальных структур. Универсальные функции иллюзорного сознания заключаются в придании стихийным общественным представлениям видимости; систематизации их в качестве необходимых элементов жизнеобеспечения конкретных социальных отношений. Другими словами, стихийные общественные представления получают духовную санкцию или идеологическое освящение.

Это сознание считает себя самодостаточным, конечной и самодовлеющей инстанцией; полагает себя представляющим интересы «униженных и оскорбленных», эксплуатируемых и обездоленных. Оно есть, как бы «чистое» сознание, в котором прозрачно проявляются интересы и чаяния громадного большинства всего человечества. В обществе стихийно возникают различные

представления, а идеология осуществляет их систематизацию. Стихийно складывается тот или иной элемент сознательной жизни, а затем этот элемент, например мораль или здравый смысл, ставится под вопрос, оказывается подозрительным, рассматривается как иллюзия и заблуждение, и важно придать этому заблуждению какое-то основание, - и вся эта работа освещения имеет идеологический характер. Как пишет К. Маркс: «Представления, которые создают себе ... индивиды, суть представления либо об их отношении к природе, либо об их отношениях между собой, либо о том, что такое они сами... Если сознательное выражение действительных отношений этих индивидов иллюзорно, если они в своих представлениях ставят свою действительность на голову, то это опять-таки следствие ограниченности их материальной деятельности и их, вытекающих отсюда, ограниченных общественных отношений» [7, с. 19].

Обычная, казалось бы, активность разума оказывается во многом схожей с идеологической работой. До сих пор разум, по определению, призван постигать истину, устанавливать во всём постигаемом сущем рациональные связи и отношения. Все то, что ранее существовало стихийно, рождалось общественными процессами для обеспечения жизни и сохранения социального порядка, все это становится теперь делом идеологии, которая обретает характер секуляризированной религии. Это своего рода работа, призванная задним числом оправдать существующий порядок вещей, который проистекает якобы из глубочайших оснований познания. Допущение, что разум может быть не поиском истины, а систематизацией человеческих притязаний к обществу, к жизни и к миру в целом, такого рода разум обретает уже идеологическое измерение. Он по своей сути является уже изначально прозревающим, и наряду с его преобладанием возникает «эпоха подозрения». Ведущей установкой разума является уже не столько сомнение, сколько подозрение, причем даже по отношению к мысли и сознанию. Ясно, что люди лгут, а идеологию квалифицируют как ложное сознание. Но если кто-то намеренно говорит ложь, значит он знает истину. Однако, в компетенцию философии не входят ни намерения, ни мотивы или способности, то есть психологические вопросы такого рода, включая и сознательную ложь. А здесь речь идет уже не о таком разуме, который обретает решимость ставить все под сомнение ради поиска несомненного и абсолютно достоверного основания, но о разуме, который готов ставить все под подозрение. Это и есть идеологический разум, устанавливающий для себя позицию подозрения, разум, подозревающий все то, что он не способен и не в силах контролировать. Подозревающий разум, будучи изначально «подмигивающим», стремится все контролировать и удержать в поле своей распорядительности. Многое может случиться в мысли и в сознании, но, если оно не контролируемо, то, в силу уже только этого обстоятельства, должно подлежать подозрению. Такой разум:

«... являет себя в проектах воли, освобождения и влaствования, подчинения и господства. Иных измерений, разум, подчинённый воли к освобождению и властвованию, уже просто-напросто не знает. Вот из чего происходит его «хитрость» в истории (Гегель), идеологическая обреченность (Маркс), инструментальность, которая обеспечивает волю к господству и властвованию (Ницше). И разум... подчиняющий себе все сущее, оказывается после Ницше — и господствующей до сих пор в наше время, в конце XX в., - мстительно-завистливым, стремящимся подчинить себе весь мир... такой разум, обременённый интенциями мстительности и зависти, в своем стремлении всё и вся подчинять и контролировать, оказывается лишенным мира как такового» [9, с. 23].

Понятие идеологии предполагает, что в самой нашей мысли, которая входит в сферу чистого, так сказать, сознания, внутри самой нашей мысли могут иметь место ею же неконтролируемые процессы, связи и разного рода допущения. В силу наличия всего этого в сфере сознания возникает психоанализ, которому все это как раз и подлeжит. В самом мышлении, которое, казалось бы, само себя знает, могут случаться такие вещи, о которых оно не ведаёт и о существовании их оно даже и не подозревает. Сознание может заключать в себе косвенные мысли и стремления. Косвенные процедуры имеют место и в самом языке. В период Нового времени язык понимается как инструмент непосредственного выражения аналитически ясного содержания мысли как таковой. Однако, и сам язык содержит в себе косвенные вещи, неизвестные мыслящему и говорящему человеку. В языке и в самом мышлении существуют весьма действенные механизмы и процессы, которые не контролируются инстанцией самосознания.

Такого рода механизмы и процессы могут выявляться с помощью психоанализа и классового анализа. Уже в философии Просвещения, скажем в мышлении Вольтера, Дидро и Руссо работал неизвестный этим мыслителям механизм классовых отношений. В сфере сознания появляется нечто сходное с разумом, но не являющееся разумом и не имеющее никакого отношения к разумности как таковой. В политико-экономической реальности возникают личностные и даже творческие элементы, которые блокируют саму возможность самостоятельного и независимого мышления. В 1889 году появилась книга Ф. Ницше с весьма характерным названием: «Сумерки идолов, или как философствуют молотом». Он уже год до выхода в печати этой книги находился в психиатрической клинике, из которой он уже никогда не вышел. Вот есть языческие идолы божков, сделанные из камня или золота, и мы их простукиваем молоточком, выясняя есть ли в них пустота или они цельные, не имеющие внутри никаких пустот. «Сумерки идолов» — это «Закат богов» или «Гибель богов». На заре новоевропейской философии Ф. Бэкон вводит слово «идол», который характеризует

навязчивые идеи, устраняющие возможность существования свободной исследовательской мысли. Это есть «идолы пещеры», «идолы театра» и т.д. Очищение разума от всех этих идолов становится одной из основных тем новоевропейской философии. И в конце XIX столетия Ницше ставит перед собой ту же самую задачу, то есть очищение сознания от разного рода идолов. Но основным идиолом в философии, согласно Ницше, оказывается сам разум, то есть вся совокупность рациональных представлений, включая саму науку, которая делает разум усредненным и стандартизированным. Сама истина, говорит Ницше, есть вечный идол «усредненного» разума, оправдавшее себя в практике человеческой жизни заблуждение. А это уже есть полное предвосхищение прагматизма, - единственное философское направление, которое прижилось на американской почве и основателями которого считают У. Джемса и Дж. Дьюи. Прижился ещё психоанализ, но это уже другой вопрос. Понятие истины в прагматизме, впрочем, как и психоанализе, стало рассматриваться безотносительно к проблеме познания мира самого по себе. Истина в прагматизме есть условное образование, призванное служить нашим практическим целям, причем безотносительно к тому, какой весь мир сам по себе. Эта тема намечена ещё К. Марксом, но более артистично она высказана Ницше.

Для Ницше фигура интеллектуала и учёного есть уже типичная фигура стандартной и усреднённой личности. Учёный есть просто обычный и банальный инструмент измерения мира и вещей в мире, коль скоро наука стала массовой деятельностью. Учёный стал типичным представителем усреднённой массы. В классической философии поиск истины есть личностный акт, когда в системе общественных отношений я занимаю независимую позицию, то есть, реализуя свободу своего ума, свою личностную свободу в самом акте исследования. После Ф. Бэкона тема очищения сознания стала основной в новоевропейской философии. Одним из основных становится стремление избавиться сознание от всех архаических и традиционно- религиозных элементов. Тема «идолов» вплетена в общий метафизический контекст и рассуждений К. Маркса. Как отмечает А.Б. Баллаев: «Это - отчуждённые «сущности» или «идолы» для поклонения и подчинения, и, следовательно, то, что Маркс обозначил общим термином «идеология»» [1, с. 60]. Человек, живущий привычным образом в обществе, не дан самому себе в своей подлинной самости, поэтому он во многом, в эмпирически прилегающих к нему обстоятельствах, есть недействительный, иллюзорный человек. У Ницше тема очищения разума выступает парадоксальным образом, коль скоро основным идиолом для него оказывается сам человек. Речь идет о внутренне пустом человеке, не способном вбирать в себя всю сложность мира как такового; массовым человеку как феномене современного мира. Это есть тот «естественный» человек, который желает жить в обществе, не прилагая при этом никакого

усилия работы над самим собой, усилия, которое Декарт и другие мыслители называли вторым рождением.

Весьма велик соблазн безответственности, соблазн безответственности и рабской природы, а свобода требует постоянного и непрерывного усилия. Мысль Ницше считают негуманной, и это действительно так, если под гуманизмом понимать возвеличивание человека как такового, в приписывании ему всевозможных добродетелей и высоких качеств, которыми он якобы обладает сам по себе; то есть только потому, что он есть человекообразное в своем естественном рождении существо. Отсюда и фраза Ницше: человеческое слишком человеческое! Вот такой придуманный гуманизм человек, если его простукать как идол, он оказывается внутренне совершенно полым, ничем подлинно человеческим незаполненным, то есть ни ответственностью, ни надлежащим личным усилием. Необходимо сверхчеловеческое, чтобы преодолеть такое «естественное» и «слишком человеческое». За кулисами такой сцены «слишком человеческого» является датский мыслитель С. Кьеркегор.

Религиозная вера согласно Кьеркегору, каждый раз воспроизводится как личная вера, как личная мысль и жизнь со страхом и трепетом. Он оказывается одним из первых критиков классической рациональности, если игнорировать романтизм как в некотором смысле побочное явление. Он обратил внимание на то, что метафизика как система не вмещает в себя феномен индивидуального переживания и личности как таковой [3]. Гегелевская философия истолковывает историю как шествие мирового духа, который проходит разные ступени и степени осознания свободы, и в этом поступательном шествии он пользуется индивидами и народами, нациями и государствами как инструментами своего развития и осуществления. «Поэтому действительная история разворачивается у Гегеля так, что она имеет абстрактного, мистифицированного, воображаемого носителя, который, конечно, может творить лишь абстрактную, мистифицированную, воображаемую историю» [4, с. 601]. А для Кьеркегора человеческая индивидуальность — это по сути дела всё. Новоевропейская классическая философия предполагает существование некоторого трансцендентного мира, который содержит в себе провиденциальный план всех последующих событий. И каждый отдельный человек, как абсолютная и духовная монада, способен воспроизводить в себе все сложность простираемого вне его мира. Философ у Гегеля есть предельный образ человека, то есть такого микрокосма, которые воспроизводят в себе всю сложность макрокосма. При этом допускалась гармония мира, заключающаяся в себе провиденциальный план, благостно ориентированный на человека, направленный на пользу человеку. Но в жизни каждого отдельного человека бывают такие поступки, которые не опосредуются обращением к такого рода плану мироздания, к разгадыванию тайн мира.

Имеется здесь в виду вопрос о непосредственной достоверности. Речь идёт о бытии мыслителя, который не нуждается в том, чтобы строить метафизику как систему. Скажем еще так, что если бы я не мыслил таким вот образом, то меня быть может и не было именно таким, каким я сейчас есть. Если, например, человек полагает, что имеет место неразрушимая этическая субстанция, которая является одним из важнейших условий человеческого существования, то это есть один человек; а тот, который кто это отрицает или вообще об этом не думает, тогда это уже другой человек. Кьеркегор говорит, что философия классического рационализма забывает о человеческой экзистенции. Между тем как «с человечеством, замечает **Кьеркегор**, что-то произошло. В нем как бы не хватает главного» [2, с. 139]. Есть простые правила общежития, предполагающее обычные моральные поступки, которые не нуждаются в сложнейших интеллектуальных построениях. Важна сама возможность и необходимость таких поступков, не требующих оправдания и тем более идеократического контекста, который в России часто имел определяющее значение. Философия есть нечто не профессиональное, то есть не религиозное. Обращение к бытию Бога есть, как бы сказал Кант, постулат практической веры, призванный организовывать нашу жизнь. При отсутствии этого постулата наша жизнь была бы другой. Когда мы говорим, например, о бессмертии души, то мы мыслим прежде всего о бытии, а не о существовании. Это метафизическое, то есть не проверяемое на опыте утверждение. Если такие мысли есть, тогда в мире появляется один человек; если их нет, тогда будет уже другой человек [11]. Мы говорим ещё о пустом человеке, лишённом всякого внутреннего усилия. Отсутствует соотношение себя с некоторыми символами и смыслами, с переживаниями этого отношения на уровне ответственности и риска в своей собственной жизни. Просто так что-то думается, во что-то вообще верится и больше ничего. Это и есть полый и массовый человек, требующий гуманистической и прочей опеки. Это и есть человеческое, по словам Ницше, слишком человеческое. «Вопрос о сущности человека, о том, применимо ли к человеку само понятие сущности, вновь был поставлен Ницше» [6, с. 96].) Тут у него появляется тема воли к власти. Это одновременно есть тема и сверхчеловека. Воля к власти — это непрерывно повторяющиеся и постоянно практикуемое отталкивание от самого себя. Любой человек в потенции должен стремиться превзойти самого себя. Подлинно человеческое достигается лишь в той мере, в какой оно стремится сверхчеловеческому. Не было бы человеческого, не будь стремления к сверхчеловеческому. Здесь имеет место предельная ситуация мысли как таковой. Философ всегда строит какую-то условную ситуацию, которая требует предельного понимания. Важно довести мыслимую ситуацию до максимально возможного вида. Когда Ницше говорил о воле к власти, то речь вовсе не идет о господстве и подчинении. Нужно преодолеть самого себя, превзойти самого себя, поэтому Ницше кри-

тикует разум с его стандартными рассуждениями и с присущим ему стремлением все объективировать. Такой разум постоянно сковывает волю «если под волей понимать некую способность человека самоопределиться в чем-то впервые, здесь, сейчас, без каких-то помимо самой воли оснований».

... Своеволие – это нечто, что является основанием самого себя, это то, исходной инстанцией, оправданием чего является сама воля» [5, с. 91–92].

Подлинный творческий акт в каждый отдельный момент связан с преодолением наличных границ, существующих рационализаций и объективаций, стандартных мыслей и привычных навыков мышления. Используя блестящие метафоры и сравнения, Ницше пытается разрушить существующие в языке синтаксические и смысловые связи, неспособные выражать уникальные переживания. Он говорит, что разум есть просто усреднение мысли. В «Сумерках идолов, или как философствуют молотом» Ницше пишет, что «мы видим ровно настолько, насколько предрассудок разума принуждает нас применять единство, идентичность, постоянство, субстанцию, причину, вещьность, бытие, некоторым образом впутывает нас в заблуждение, *приневоливает* к заблуждению...» [8, с. 570]. Одно из основных заблуждений заключается в утверждении, что «мы должны были быть божественными, ибо мы имеем разум». «В самом деле, ничто до сих пор не имело более наивной силы убеждения, нежели заблуждение о бытии, как оно сформулировано, например, элеатами: ведь за него говорит каждое слово, каждое изрекаемое нами предложение! – Также и противники элеатов подчинялись обольщению их понятием бытия: в числе других и Демокрит, когда он измыслил свой *атом*... «Разум» в языке – о, что это за старый обманщик! Я боюсь, что мы не освободимся от Бога, потому что ещё верим в грамматику...» [8, с. 570–571]. Выразительные средства языка неприемлемы для постижения становления. Мы пребываем в грубом мире преходящих вещей, которые ускользает от выражения, и в силу этого обстоятельства, язык умолкает. Язык с грамматической точки зрения — это выражение сущего, выражение порядка бытия, а не становления. «Язык, по его возникновению, относятся ко времени рудиментарнейшей формы психологии: мы впадаем в грубый фетишизм, если вводим в наше сознание основные предположения метафизики языка, по-немецки: *разума*» [8, с. 570].

Речь идет о работе человеческого сознания, о способности людей реагировать на некую устойчиво сложившуюся и определившуюся ситуацию рациональности, являющуюся выражением универсальной духовной культуры. В такого рода интеллектуальной атмосфере, с присущи ей набором символического инструментария, например - поиском истины и вопросом о бытии, мы оказываемся в плену правил, обусловленных самим этим интеллектуальным действием, метафизикой действия разума. Именно так ведут себя ученые, оправдывая свое невежество, тем, что действуют, руководствуясь высшими принципами, а на самом деле реализуют свое чувство мести. Этот механизм действия оказывается сродни идеологическому деянию, где всякий призыв к разуму оборачивается реализацией установки на предание некоей духовной санкции представлениям, претендующим на универсальность, но являющимися не более, чем симптомом подозрительности, гневной страсти и презрения.

Феномен идеологического разума обусловлен единым метафизическим контекстом детерминированным пониманием бытия как воли, будь то воля класса, классовой солидарности К. Маркса, воля к жизни, пропитанная волей к власти мысль Ф. Ницше или господство инстинктивной составляющей жизни человека в психоанализе. В любом случае, мысль получающее свое место в такого рода метафизическом измерении строится уже не на ответственном внимании, а реализует себя в определенной программе действия, направленной на внушение и разоблачение. Теперь все зависит от способности программировать и зомбировать, внушать те или оценки и суждения. Стремление направлять и руководить сознанием, навязывать собственные интересы и потребности определяет ключевую направленность сознания, развертывающегося в идеологическом измерении. Базовым компонентом идеологического разума становится его функциональность. Вот почему вопросы, об истине или о бытии, то есть собственно конститутивные вопросы фундаментальной философской мысли уходят на второй план, а эффективность, функциональность и действенность становятся его ключевыми атрибутами. Такая ситуация рациональности подчинена только одному – идеологической систематизации неконтролируемых ей самой процессов и связей. Именно о такого рода процессах говорит и К. Маркс и Ф. Ницше и вся психоаналитическая традиция.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баллаев А.Б. Проблема идеологии в творчестве Карла Маркса // История философии. №3. М., 1998. С. 55–75.
2. Бибихин В.В. История современной философии (Единство философской мысли). СПб.: Владимир Даль, 2014. 398 с.
3. Лёвит К. От Гегеля к Ницше: революционный перелом в мышлении XIX века.: Маркс и Кьеркегор. СПб: Владимир Даль, 2002. 679 с.
4. Лукач Д. Молодой Гегель и проблемы капиталистического общества. М.: Наука, 1987. 616 с.

5. Мамардашвили М.К. Очерк современной европейской философии. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. 608 с.
6. Марков Б.В. Человек, государство и Бог в философии Ницше. СПб.: Владимир Даль, 2005. 788 с.
7. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. – М.: Политиздат, 1988. XVI, 574 с.
8. Ницше Ф. Сумерках идолов, или как философствуют молотом // Сочинения в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1990. С. 556–630.
9. Сергеев К.А. Философия Канта и новоевропейская метафизическая позиция // Очерки истории классического немецкого идеализма / Ю.В. Перов, К.А. Сергеев, Я.А. Слинин. СПб.: Наука, 2000. С. 8–153.
10. Хайдеггер М. Преодоление метафизики // Время и бытие: Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. С. 177–192.
11. Hermeneutik und Ideologiekritik / Mit Beitr. von Karl-Otto Apel et al. - Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1971. 316 s.

© Торубарова Татьяна Викторовна (ttorubarova@rambler.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Курский государственный университет

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ: ТОПИКА САМОИДЕНТИЧНОСТИ

Чернышева Марина Михайловна

К.ф.н., доцент, Морской Государственный Университет

Г.И. Невельского

chermarina@yandex.ru

EXISTENTIAL PSYCHOLOGY: THE TOPIC OF SELF-IDENTITY

M. Chernysheva

Summary: This article discusses the foundations of existential psychology. The essence of this doctrine is highlighted, including from the point of view of existential psychologists, which include L. Binswanger, M. Bos, I. Yalom and others. The general ideas expressed in the teachings of these psychologists are generalized, their minuses and pluses are revealed. The features of human self-identity are studied through the prism of these teachings. As a result, the conclusion is formulated that L. Binswanger discussed the topic of self-identity in the most detail.

Keywords: existentialism, psychology, man, doctrine, world, processes.

Аннотация: В представленной статье рассматриваются основы экзистенциальной психологии. Освещается суть данного учения, в том числе, с точки зрения экзистенциальных психологов, в частности, Л. Бинсвангера. Обобщаются общие идеи, высказанные в учениях данного психолога, выявляются минусы и плюсы. Изучаются особенности самоидентичности человека через призму данного учения. В результате формулируется вывод о том, что Бинсвангер уделял самоидентичности человека особое внимание.

Ключевые слова: экзистенциализм, психология, человек, учение, мир, процессы.

Экзистенциальная психология исходит из того, что люди различаются не только особенностями протекания различных психофизиологических процессов, но и различиями, обусловленными целостностью человека, который существует в мире. Но при этом экзистенциальные психологи (Л. Бинсвангер, М. Босс, И. Ялом, Р. Лейнг, Р. Мэй, В. Франкл и др.) признают, что в отличие от гуманистической психологии, экзистенциальный подход больше говорит не о развитии потенциала человека, а об ограничениях; не о пиковых переживаниях и глубинной целостности, а о тревоге; не о самоактуализации, а о смысле жизни; не о встрече с другим, а о «заброшенности» человека. Экзистенциальный взгляд видит человека не как субъекта, воспринимающего внешнюю реальность, но как сознание, участвующее в построении реальности.

Экзистенциальная психология, имеющая основания в идеях М. Хайдеггера и др., в основном использует словарь именно этого философского направления. Экзистенциальному подходу свойственно недостаточное прояснение семантического поля конструктов в рамках их методологической общности; отход от детерминизма и экспериментальных методов. Принцип становления является наиболее важным в экзистенциальной психологии и конкретизируется через конструкты: порядка (Л. Бинсвангер), онтологической защищенности/незащищенности (Р. Лейнг), ответственности (Р. Мэй, И. Ялом и др.), спонтанности и открытости (М. Босс и др.). Методы, используемые экзистенциалистами, построены по существу на самоотчете, экзистенциальное исследование подчинено цели найти проект или фундаментальные отношения, к

которым сводятся все поведенческие проявления [8].

Основным принципом в концепции Л. Бинсвангера является принцип порядка, который раскрывается им с помощью понятий «согласованность опыта», «омирение», «трансцендентальный горизонт», «проект мира». Принято считать, что Л. Бинсвангер в Daseinanalyse философскую позицию М. Хайдеггера перенес на конкретное человеческое существование, сделав фундаментальную онтологию совершенно земной и осязаемой (конкретной). Для нас это означает, что рассуждения автора о человеке касаются его включенности в мир на онтическом уровне (месте) существования (не на уровне умения быть, а на уровне умения жить).

Л. Бинсвангер считает, что структура, которая превращает хаос Ничто в порядок – это Dasein как опытное существование. Согласованность естественного (непосредственного) опыта удерживает человека от «омирения», позволяя миру быть таким, как он есть сам по себе: «Непосредственность этого пребывания среди «вещей» или «обстоятельств» проявляется в нашем позволении сущим – всем сущим – быть как они есть в себе».

«Омирение», говорит Л. Бинсвангер, возникает в результате несогласованности между «высотой» и «шириной». При этом «высота» – это мир его возможного опыта (мир возможностей), а «ширина» – мир действительного опыта. Как видим, специфика «омирения», по Л. Бинсвангеру, состоит в несогласованности между освоенным опытом (то, что человек переживает как знакомое, как то, что он умеет) и миром его возможностей. Несогласованность опыта переживается как антиномическое напря-

жение (или- или). Иными словами, возникает конфликт между действительным и потенциально возможным.

Таким образом, человек Л. Бинсвангера, в случае «омирения» утратил отношение к миру (настроенность на мир) как знакомому («подручному»), что делает его существование неукорененным, шатким и в силу того, что человек не понимает мира как близкого ему, «свойского» [2].

Особую роль в концепции Л. Бинсвангера играет понятие смысловой матрицы («трансцендентального горизонта»). Трансцендентальный горизонт как предел опыта – граница, смысловой контекст (способ включенности человека в мир), ответствен за согласованность опыта и осуществление человека. Узкая смысловая матрица (узкий горизонт понимания и возможностей) приводит к несогласованности опыта, рождая «проект мира», направленный на защиту от Ужасного Ничто.

В этой несоразмерности усматривается, что Л. Бинсвангер, в сущности, описывая горизонт онтического модуса (места) бытия человека (горизонт возможных значений), отмечает возможность его еще большего ограничения планом, который психотерапевт называет «проектом мира» (жестко *ограниченный* круг представления человеком мира - образ мира).

Таким образом, в некотором приближении, в результате несогласованности опыта перед нами две «неприсутствиеразмерные» вещи («наличное» существование и «наличный» мир), которые не могут войти в круг понимания. А значит, если в данном случае человек Л. Бинсвангера лишен понимания, то он радикально закрыт и не способен проявить себя как «могущее бытие», т. е. «заботиться» о других и быть ради себя. Человек и мир никак экзистенциально не соприкасаются, т. к. человек не «расположен» к «бытию-в-мире» как целому значению.

При этом Ужасное Ничто человек Л. Бинсвангера переживает как онтический модус Ужаса, как страх перед внезапным и незнакомым (не получившим значения), т.е. как страх перед неизвестным, неосвоенным миром вещей и людей. Человек оказывается «заброшенным» в глубину сущего. В случае «омирения» человек тратит много сил на создание «проекта мира» (по сути, подстраивая мир под свои *пред – ставления, значения*), оставаясь пассивным в своем осуществлении себя, в само-стоянии [9].

Понятно поэтому, что понятие «проект мира» Л. Бинсвангер использует в том числе и для того, чтобы обозначить отказ Dasein от самого себя, от своего предназначения быть самим собой, быть целостным (жестко ограниченный проект мира, в свою очередь, ограничивает возможности человека суть дефектный круг суще-

ствования). По Л. Бинсвангеру, у человека не остается сил находиться в двойственном модусе существования, нет мужества и решимости, т. к. вся сила ушла на создание «проекта мира» (жестких обозначенных границ). По сути, потребность в заботе и потребность заботиться не получают удовлетворения.

В этом случае «проект мира» начинает руководить личностью и, как следствие, человек предан, отдан в руки «проекту мира», ему жутко снова обрести себя. Он не способен *стать* активным (умелым), мужественным, решительным, взять ответственность на себя за свое становление.

«Проект мира» создает идею мира (это близко к тому, что И. Кант называет идеями разума), говорит Л. Бинсвангер, цель которой защитить человека от Ужаса и паники перед Ничто (страха перед неизвестным). Идея становится основой идеала («Я-идеальное»).

Вероятно идеал – это запрет миру быть таким как он есть сам по себе (переделывание мира под свои представления), когда мир объясняется, а не понимается. Но так как «проект мира» несвободен, узок, однозначен (однообразен), а идеал – не имеет полного, конкретного, адекватного воплощения в опыте, поэтому пустоты (отсутствие значений) оставленные «проектом мира» рождают экзистенциальную тревогу как переживание угрозы. Но как угрозы исходящей от внешнего мира, т. к. Dasein перестает доверять себе и не может осознать, что Ужас в нем, внутри. Чем сильнее, жестче идеал-запрет (идеал-объяснение), тем сильнее экзистенциальная тревога прорывается в пустоты Dasein, как его понимает Л. Бинсвангер [2].

Таким образом, т.к. Dasein всегда со-существование, как бытие-в-мире среди вещей и людей, а в случае «омирения», как сосуществование среди «наличных» вещей и людей. В этом случае человек не имеет места «обитания» и «пребывания». Идеал мира является своеобразным его дублем (идеальным, но не реальным), который закрывает мир как он есть сам по себе, не оставляя места его реальным значениям.

Несоразмерность Dasein (как его понимает Л. Бинсвангер), приводит человека к крайнему аутизму, человек сокращает свои связи с миром людей и отказывается от сосуществования, от открытости, от доверия себе (как «мере» всех вещей) и миру, (который утратил, как видно, такие характеристики как знакомость и «свойскость»). Человек теряет основания в мире и уверенность в себе. Предавая себя миру, Dasein обретает позицию «Я слабое – мир сильный».

Согласованность Dasein (согласованность опыта как многообразие значений) позволяет человеку «стоять на

земле» обеими ногами, без опоры, полагаться на себя, озаботиться собой (быть активно-умелым).

В этом случае человек, как можно понять, «настроен» на «бытие-в-мире» как знакомое («подручное», имеющее значение) бытие, с которым человек «имеет дело». Еще раз отметим, что «омирение» приводит к дефективным модусам «озабочения» и «кровом» становится внешний мир, который в этом случае захватывает человека и он перестает понимать себя и мир.

Критически оценивая становление объяснительного идеала как идеального способа существования и защитной границы от Ужаса перед неизвестным (страх рождает жесткие границы-запреты, а не наоборот), Л. Бинсвангер полагает, что идеал - это попытка человека договориться со своим страхом, упрямить его не причинять ему вреда (ограничить его), т.к. Dasein не верит в себя и его «подстерегает все что угодно». Человек теряет свое местоположение, т. к. утрачено основание и ему, собственно говоря, негде стоять, у него нет своего места в жизни, существование *закрывается* для самого себя, Dasein становится «бытием-носимым-из-стороны-в-сторону», таким бытием, где «...границы пространства, внутри которых движется Dasein, чрезвычайно изменчивы». Крайний аутизм, изоляция и неуверенность приводят к утрате существования как умения жить.

По сути, в мире вещей и людей, несмотря на свое непонимание и недоверие ему, человек Л. Бинсвангера ищет защиты (мир вещей и людей является исходным, а не конечным пунктом познания). Субъект становится все более зависимым от него (мира) и все более *запутывается*, т.к. несоразмерность «высоты» («могу» как горизонт возможностей) и «ширины» («могу» как действительная возможность в мире вещей и людей) прерывает равномерное круговое движение и восхождение к истине. Такие важные экзистенциалы как вина, совесть, стыд отсутствуют, т.к. идеал защищает (закрывает) от них. Все вопросы направлены не к себе, а к миру (не к внутреннему контексту, но к внешнему). Когда экзистенциальная тревога все же прорывается, мир уничтожается. Dasein, как его понимает Бинсвангер, утрачивает основание в мире и человек не находит причин для своей тревоги.

Так как «из-за чего» тревоги – из Ничто, из-за необходимости существования перед лицом Ничто (перед неизвестным миром вещей и людей). «Для чего» тревоги, по Бинсвангеру, – это беспокойство тревоги о стоянии Dasein перед неизвестным, это возможность восхождения (от *могшего* существования к *собственному*), если только Ничто *не объективируется* (не *означивается*), как ужасная реальная (*внешняя*) сила, а экзистенциально переживается, понимается и человек «...проходит сквозь нее».

«Проект мира» (мои представления о мире), в силу

своей узости, ограниченности и отсутствия места для самостояния, делает существование человека элементарным (по сути, раздробленным на элементы), отмечает Л. Бинсвангер. Слабое, бесполезное Dasein трансформируется в предметность, в «омирение», т.к. Dasein «...отказалось от самого себя и предалось в руки мира». Человек полностью снимает с себя ответственность за свою жизнь и перекладывает ее на других. Тогда Ужас перед неизвестным персонифицируется во врагов. Таким иллюзорным способом человек пытается структурировать простое и таинственное, а потому ужасающее неизвестное.

Вероятно Ужас перед неизвестным миром, лишая человека своего местоположения в мире, приводит к конфликту между желанием полагаться на других и невозможностью этого из-за недоверия и враждебности. Такой человек истово желает переложить ответственность на других, получить от них защиту, но из-за своей враждебности и недоверия это желание неосуществимо. Он тратит много энергии, чтобы укрепить уверенность в себе, но чем сильнее экзистенциальная тревожность, тем основательнее идеал-запрет («Я-идеальное»), обедняющий существование. Базовая тревога означает эмоциональную изоляцию человека в сочетании с чувством внутренней слабости Dasein. Ужас перед неизвестным продолжает существовать, даже если в наличной ситуации нет никакого специального его возбудителя, нет причин для него, «из-за чего» тревоги все равно есть, Ужас исходит отовсюду.

Ужасное как страх неизвестного и незнакомого, переживается как чувство собственной незначительности, беспомощности, покинутости, подверженности опасности со стороны «наличного» мира, в котором есть обман, обиды, оскорбления, предательство, зависть. «Я» практически перестает существовать, человек превращается в машину-автомат, которая исполняет чужие приказы. «Я» *не отличает* внутренний мир от внешнего, внутренний мир становится внешним миром. Убежденность, что мир опасен, является на самом деле, зеркальным отражением своей собственной враждебности. Возникает иллюзия, что все происходит снаружи, а внутри ничего.

«Иметь свое место в мире», Л. Бинсвангер толкует исходя из феноменолого-герменевтического взгляда на человеческое существование, – это делать усилие, чтобы жить и быть активным. Если этого усилия нет, то тогда Dasein придумывает (представляет) мир и перестает заботиться о себе в виде активного, мужественного, решительного действия. Как следствие «свет» (смысл) исчезает, но выступает хаос Ничто (хаос незнакомого) и пространство для жизни становится очень ограниченным. Dasein (существование), чтобы не провоцировать Ужас перед неизвестным, ограничивает само себя, но переживает свои запреты самому себе как запреты мира (З. Фрейд называет такой механизм проекцией) и тогда че-

ловеку ничего нельзя - невозможно: «...важно заметить, что язык вещей ограничивается приказыванием или запрещением и что сама пациентка видит свое «спасение» в строжайшем повиновении запрещениям или приказам этих плодов ее собственной фантазии».

В итоге, (если принять во внимание укорененность взглядов Л. Бинсвангера в философию М. Хайдеггера) с одной стороны, незнакомое, человеком Л. Бинсвангера, объективируется и дробится на врагов во внешнем мире, а с другой стороны - расширяется и захватывает его, т.к. вместо того, чтобы мужественно переживать экзистенциальную тревогу, Dasein вытесняет ее и объективирует (делает ее «наличной»), создавая эффект «парового котла», который взрываясь расщепляет человека, в силу того, что «наличное» бытие потеряло силы на выстраивание защиты от тревоги в виде запретов. В этом случае между человеком и миром нет созвучия, нет соразмерности.

Л. Бинсвангер считает, что любовь и дружба – те экзистенциалы, которые охраняют Dasein от несоразмерности по «ширине» и «высоте». Когда человек полностью отдает себя любви и дружбе (по сути, когда другой имеет значение сам по себе, бескорыстно, без переделывания другого под свои представления), тогда он имеет свое место в жизни, он «дома».

Можно понять, что в случае истинной любви и дружбы человеку удастся попасть в «просвет бытия» и понять смысл существования, хотя онтологические основы любви и дружбы самим Л. Бинсвангером не проясняются.

Обсуждая вопрос о несоразмерности между человеком и миром, Л. Бинсвангер отмечает, что результатом такой несоразмерности может стать или «экстравагантность» или маниакальная «скачка идей». «Экстравагантность» проявляется в превосходстве «высоты» над «шириной». Такой человек не имеет конкретного опыта во внешнем мире и шагнув вверх, «...на одну определенную ступеньку, он застревает на этом уровне».

Положение человека неустойчивое (как на «пике Победы»), взросление (становление) не осуществляется, т.к. очень узок его «трансцендентальный горизонт» как мир его возможного и действительного опыта. Переживание экзистенциальной тревоги истощает Dasein, т.к. заставляет изобретать каждый раз все более жесткую и изощренную защиту, тогда-то человек и начинает обвинять внешний мир в том, что у него что-то не получилось. Свой внутренний мир не понимается и с себя ответственность снимается, в результате возникает зависимость от внешнего мира. Но так как подъем был, «что-то» уже человек умеет, тогда это «что-то» в силу фиксированности и абсолютизации приобретает навязчивый характер, круг возможностей становится узким, рождая однозначный

«проект мира» и фикс-идею. Dasein становится «экстравагантным». Л. Бинсвангер пишет, что «экстравагантность» – это «...абсолютизирование отдельного решения» [3].

По сути, это несвободное, «заброшенное» существование, т.к. Dasein не заботится о самом себе и фиксирует только один способ существования в мире. В некотором приближении это то, о чем М. Хайдеггер пишет: «Средняя повседневность становится слепа к возможностям и успокаивается одним «действительным».

В случае «скачки идей», проблема несоразмерного существования исследуется Л. Бинсвангером как преобладание «ширины» над «высотой – глубиной». Вместо того, чтобы размеренно шагать вперед и делать усилие, поднимаясь вверх, человек выпрыгивает в бесконечное, а подъем подчиняется желаниям и фантазиям, а не сознательному выбору. Познание в этом случае неглубокое, т.к. не хватает мудрости. Dasein носит маниакальный характер, его растягивает из стороны в сторону, это шаткое бытие, которое не умеет совершать усилие, принимать решения.

Dasein, в понимании Л. Бинсвангера, как «заброшенное» существование ограничено обязательствами перед внешним миром и со стороны внешнего мира. И в этом его достоинство, чтобы состояться (как было отмечено) надо преодолевать и делать усилия. Dasein должно принимать свою «заброшенность», безосновность и тогда существование человека будет зависеть от его силы жить. Л. Бинсвангер, вслед за М. Хайдеггером, отмечает, что Dasein как человеческое существование, никогда не достигает полной власти над своим основанием – Бытием. Но как реальное существование (как «Я»), оно должно стать самим собой и круг, в границах которого мир для человека понимаем, должен быть достаточно широким и глубоким.

Отсюда понятно, что сила жить, в концепции Л. Бинсвангера, возникает из «трансцендентального горизонта», а «омирение» (представление о мире) ограничивает свободу и силу Dasein. «Озабочение» существования о самом себе рождает сильное «Я». Психическая болезнь – это нарушение целостности Dasein, как совокупности всех его онтических возможностей. Если событие внешнего мира не ассимилировано внутренним миром (не понято), то оно остается за «трансцендентальным горизонтом» и воспринимается как «Ужасное» и «Внезапное». «Я» не признает его, поэтому, сколько бы не повторялось событие, экзистенциальная тревога не позволит его ассимилировать, сделать своим, пережить как «Я» [4].

Таким образом, фокусировка собственной топики в концепции Л. Бинсвангера связана с «силой жить» и осмысливается через сопряжение «трансцендентального горизонта» (открытости) и «омирения».

ЛИТЕРАТУРА

1. Аралова Е.В. Философские основы духовности: монография. – М.: Инфра-М, 2021 – 262
2. Бинсвангер Л. Бытие – в мире. – М.: КСП; СПб.: Ювента, 1999. – 300 с.
3. Бинсвангер Л. Феноменология и психопатология // Логос. – 1992. – № 3. С 125 – 135.
4. Бинсвангер Л. Экзистенциально – аналитическая школа мысли // Экзистенциальная психология. – М.: Апрель – Прель, ЭКСМО – Пресс, 2001. – С. 308 – 333.
5. Захарова Е.Ю. Виртуальные практики в структуре бытия человека // Евразийский юридический журнал. 2019. № 9(136). С.417-418.
6. Прологомены к системно-антропологической теории мышления // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т.21. № 1(77). С.112-120.
7. Равочкин Н.Н. Экзистенциальная психология как вариант психологии индивидуальности // Вестник магистратуры. 2014. № 12(4). С.90-92.
8. Спектор Д.М. От психологии смысла к смыслу психологии. Экзистенциальные архетипы // Психология и психотехника. 2015. № 1. С.22-32.
9. Чумаков А.Н. Путь в философию. Работы разных лет: монография. – М.: Проспект, 2021 – 608 с.

© Чернышева Марина Михайловна (chermarina@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Морской Государственный Университет Г.И. Невельского

ПРОБЛЕМА СТАНОВЛЕНИЯ ДЕМОКРАТИИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФИЛОСОФИИ НАЧАЛА 20 ВЕКА

Чугунов Сергей Владимирович

к.ф.н., доцент, ФГАОУ ВО «Севастопольский
государственный университет»
serzh.chugunov.62@mail.ru

THE PROBLEM OF FORMATION OF DEMOCRACY IN RUSSIAN PHILOSOPHY OF THE EARLY 20TH CENTURY

S. Chugunov

Summary: The article is devoted to the study of the problem of the formation of democracy in the domestic philosophy of the early 20th century. Particular emphasis in the process of research is made on the study of approaches to the semantic content of the concept of «democracy». The main conditions for the formation of democracy are also determined. More attention in the article is paid to the analysis of the positions of denying the need for democratic reforms. In addition, the distinctive features of the assessment of the spiritual side of the development of democracy are considered.

Keywords: democracy, state, politics, self-consciousness, law.

Аннотация: Статья посвящена исследованию проблемы становления демократии в отечественной философии начала 20 века. Особый акцент в процессе исследования сделан на изучении подходов к смысловому содержанию понятия «демократия». Также определены основные условия становления демократии. Более пристальное внимание в статье уделено анализу позиций отрицания необходимости демократических преобразований. Кроме того, рассмотрены отличительные черты оценки духовной стороны развития демократии.

Ключевые слова: демократия, государство, политика, самосознание, право.

Демократия, ее основы и условия становления, сильные и слабые стороны – это, одна из центральных тем анализа в отечественной философии начала двадцатого века. Для большинства русских философов, демократия, это, не только власть большинства, а, скорее, сознательное стремление широких народных масс к управлению государством и активному участию в решении политических вопросов.

Иван Александрович Ильин отмечал, что одной из необходимых предпосылок становления демократии является уровень общественного самосознания, основу которого составляет определенная степень развития культуры и образования граждан. Подъем общественного самосознания способствует, по мнению философа, верному пониманию государственного хозяйства и ощущению политических польз и нужд. Только, в этом случае, народ может считаться свободным субъектом управления государством. Философ подчеркивал: «Свободный народ сам знает свои права, сам держит себя в пределах чести и закона; он знает, для чего ему дается свобода; он наполняет ее творческой инициативой – в религии, в самоуправлении, в хозяйстве, в общении, в науке и в искусстве». [1, с.34] Народ, лишенный свободы, в результате утрачивает внутренний «импульс» к развитию и, может стать объектом двух политических опасностей: анархии и деспотизма.

Управлять государством, означает взять на себя ответственность за политические решения и действия,

соответствующие задачам и интересам граждан. В этой связи, важную роль философ отводил праву. Если народ не чтит закон и не признает необходимость его соблюдения, то, в конечном итоге, он не уважает свое государство, а любое правонарушение может стать нормой его жизни. Высокий уровень правосознания требует от каждого человека добровольного признания главенства закона и борьбы за улучшение уже действующего законодательства. Признавать закон, как утверждал Ильин, означало поддерживать правопорядок, при этом оставаясь свободным субъектом выполнения своего личного долга по отношению к своей стране. В этом заключается свободная лояльность и честность по отношению, как самому себе, так и к другим. Философ отмечал, что урок истории показал истинность утверждения, что лучше малая, но чтимая свобода, чем большая, ни кем не соблюдаемая. В этом случае, право как основа становления демократии будет динамичным и творческим. Демократия это, не только совокупность правовых механизмов, но и система «демократических процедур», требующая от граждан сознательного понимания и анализа.

Особое место, философ отводил, такому условию становления демократии, как хозяйственная самостоятельность гражданина. Под ней он понимал возможность участия человека в процессе общественного труда. С одной стороны, хозяйственная самостоятельность является основой правильного понимания экономической политики государства, с другой стороны, возможной причиной активизации гражданской позиции личности.

Вне зависимости от того, является ли человек частным предпринимателем или государственным служащим, он остается, относительно независимым и имеет возможность активно проявлять и защищать свои взгляды и интересы. Человек, не способный к участию в честном труде, по мнению философа, не редко становится нарушителем правопорядка.

Сущность государства заключается в признании всеми гражданами наличия общей цели или интереса, лежащей в основе решения политических вопросов. Учитывая, что характерной чертой демократического строя является многопартийность, поэтому, по мнению русского философа, каждая партия обязана строить свою политическую программу на основе учета требований сверхклассовой солидарности и всенародной справедливости. Расхождение во взглядах партий возможно, но только в плане понимания, какие интересы или цели являются общими или всенародными. Только, в этом случае, государственное и политическое обновление приведет к укреплению общественного строя, а не к его формализации.

Утрату общественным строем своих основ развития, Ильин назвал формализацией социальных отношений. Этот процесс характерен и для демократии. Основу политической формализации составляет «механическое» понимание цели развития государства и политики. При этом сущность демократии определяется, как равноправие всех в их борьбе за власть, ради собственных интересов, прикрываемых стремлением к достижению общей пользы. Каждому гражданину предоставляются определенные права, но, в целом, они не являются гарантированными, ни со стороны государства, ни со стороны правительства. Граждане, как свободные субъекты управления государством, превращаются политической властью в «сумму голосов», чьи интересы учитываются, только, в период выборов.

Демократия не обязательно должна быть целью политического преобразования государства, она, скорее способ. Формы демократии многообразны, но они, могут не затрагивать все стороны общественной жизни. Русский философ подчеркивал, что ценность демократического строя зависит от цели государственного развития, т.е. в какой степени она способствует осуществлению политических задач, права и возможности народовластия.

Николай Александрович Бердяев, не был явным сторонником демократического строя. Слабая сторона демократии, по его мнению, заключалась в отсутствии единой идеи, которая могла бы стать основой духовного развития общества. В результате, как отмечал философ: «Демократия носит формальный характер, она сама не знает своего содержания и в пределах утверждаемого ею принципа не имеет никакого содержания». [2, с.607]

Бердяев, также как и Ильин, предупреждал об опасности «бездумного увлечения» демократическими лозунгами. Общественный строй не может развиваться, если он не учитывает волю народа. Демократия, по мнению русского философа, возникает тогда, когда «атомизируется» общество, разрушаются народные верования, объединяющие народ в единое целое. Для современных форм демократии, характерной чертой является утрата связи с основами исторической культуры народа, духовностью и религией. Вне этой связи духовная сторона развития общества не является единой и не может рассматриваться, как органическая воля народа.

Демократия, вне духовной основы и единой цели, представляет собой вечное переходное состояние, лишённое устойчивости. По определению Бердяева, демократия – это арена борьбы, столкновение мнений, позиций и интересов партий, социальных классов групп. В результате борьбы зарождается политическая власть, как орган диктатуры политических партий. Признавая суверенное право народа, эта власть, как утверждал философ, не знает народа, что, в конечном итоге, приводит к отрицанию исторической связи между поколениями.

Народ – это историческое целое, соборное единство, как живых, так и умерших. Одно поколение не в состоянии претендовать на право считаться субъектами исторической воли народа. Поэтому, для демократии характерен процесс разрыва между прошлым, настоящим и будущим, отрицание вечности, что как считал философ, является причиной «коренной лжи» демократии.

Духовные истоки демократии, по мнению Бердяева, были заложены Ж.-Ж. Руссо, его представлениями о сущности человеческой природы. Природа человека лишена зла, все люди, в одинаковой степени равны и свободны. Поэтому, новое общество должно строиться на признании и защите имущественных прав и свобод граждан, а верховная власть не должна быть изолированной от общей воли народа. Но, в результате как отмечал русский философ, последователи Руссо, провозглашая свободу, истребили ее в период Французской буржуазной революции. Утверждая многообразные формы свобод и прав человека, сторонники демократии не осознают их действительное, содержательное значение. Свободолюбие, как условие становления демократического строя, формировалось в отрыве от уважения к духовным качествам личности и человеческой индивидуальности. Не смотря на то, что по своей природе, демократия индивидуалистична, по своей сути она способствует развитию антииндивидуализма. Тогда, как гармоничное развитие индивидуальных особенностей личности является важным фактором становления любого общественного строя.

Анализируя отличие социализма от демократии, Бердяев, отмечал, что социалистическое общество носит

материально – содержательный характер и опирается на цель, которой является народная воля. Правда, как обратил внимание философ, не каждая народная воля признается и становится предметом осуществления. Если демократическое государство равнодушно к вере, то социалистическое носит сакральный характер. Духовная основа социализма – социалистическое вероисповедание, истина, которую должны признать все.

Русский философ признавал, что духовной основы нет, ни в социализме, ни в демократии. Он считал: «Современные демократии явно вырождаются и ни кого уже не вдохновляют. Веры в спасительность демократии уже нет. Демократы – это те, про которых сказано, что они не холодны и не горячи и поэтому будут извергнуты». [2, с.625] Демократия провозглашает выбор свободы, но, необходимо не призывать к ней, а действовать. Многообразие форм демократии не является ее преимуществом, так как важно не количество, а качественная сторона реализации демократических реформ.

Семен Людвигович Франк, не был согласен с точкой зрения Бердяева о том, что демократия «изжила» себя. Любой общественный строй, утверждал философ, имеет право на существование, если отвечает убеждениям и интересам граждан.

Демократия обладает четырьмя характерными качествами. Прежде всего, она способствует развитию различных форм народовластия, охватывающих различные стороны жизнедеятельности общества. Народ – это главный субъект власти. Не допустимы никакие сословные и национальные привилегии, никакие преимущества и отличия, так как человек не должен выступать орудием подчинения для другого человека. Русский философ утверждал: «С другой стороны, все люди, в силу их свойства как носителей духовного и общественного идеала, имеют право на равное участие в политическом творчестве, в образовании государственной власти. Власть может принадлежать только всему народу и всем его членам в одинаковой мере». [3, с.70] В этой связи необходимо развивать систему равного избирательного права, уровень политической культуры и образования, повышать степень ответственности власти перед народом.

Второй основой становления демократии является свобода, не только в политическом отношении, но и в области экономических и социальных отношений. Поэтому, как подчеркивал Франк, истинная свобода возможна, только тогда, когда личность рассматривается, как несомненная ценность, стоящая выше государства. Различные формы проявления политической и экономической свободы являются проявлением права народа на самоопределение и свободное развитие. Лозунги освобождения человека и демократизации общества не могут оставаться, только призывами, а должны под-

крепляться реальными действиями власти, на основе правового законодательства.

В тоже время философ обратил внимание, что свобода человека не может быть абсолютным правом, потому, что таких прав не существует. Свобода это обязанность, основа исполнения каждым гражданином общества своих обязанностей в различных областях социальной жизни. Не случайно, поэтому, свобода определялась философом, как онтологическая основа общественной жизни, одно из центральных начал духовности общества. В независимости от того какие формы контроля, принуждения или даже диктата существуют в государстве, свобода была и остается основой общественного единства, формирования духа и воли народа. Духовность и народная воля, в свою очередь, по мнению Франка, являются необходимым условием активных действий, стремления к социальным преобразованиям и реформам, формирования базы для свободного, общественного развития. Не следует, также забывать, что общественная свобода и народная воля являются преградой, ограничивающей интересы отдельных людей, ведущих к «разложению общества».

Третьим условием становления демократии является развитие основ справедливой иерархии власти, опирающейся на принцип «Демократия – это не власть большинства, а ответственность и служение всех». Беда большинства государств, в независимости от реализуемых принципов, заключается в том, что в них меньшинство управляет большинством. Таким образом, как указывал философ, реализуется отвлеченная доктрина демократии. Над народной волей властвует парламент, которым управляет партия, а ей, в свою очередь руководят политические вожди. В результате, складывается политическая ситуация, при которой граждане государства в своём выборе фактически ограничены немногими кандидатами, уже избранными реально правящим меньшинством.

Общество, как объяснял Франк, имеет сходство с живым организмом, где все, составляющие его части выполняют определенную функцию. Но такая функциональная система не может действовать существовать вне иерархического начала власти и подчинения. Она должна управляться центральным органом, который распадается на отдельные части, выполняющие разнообразные функции. Чем сложнее строение государства, тем, как подчеркивал русский философ, сложнее и длиннее цепь звеньев, связывающих высшие ступени власти с низшими структурами. Философ писал: «Упрощение этой иерархии равносильно упадку общества, ее уничтожение равносильно разложению общества, превращение его в неорганическую массу». [4, с.249] Нарушение справедливости и честности в построении вертикали власти приводит к бунтам, народным восстаниям, революциям и, как итог, анархии или деспотизму.

Таким образом, сделал вывод философ, справедливая иерархия, как основа общественной жизни не является политическим «злом» для демократии. Это начало способствует развитию авторитета власти, принципов демократизма, позитивной форме развития принципов «служения», контроля и управления. При этом, граждане государства, распределенные по разным ступеням общественной лестницы, выполняя разнообразные функции, участвуют в строительстве государства, реализуя общие цели и задачи. Власть, как отмечал Франк, это власть от Бога, власть идущая сверху. Поэтому, выбирая граждане государства должны иметь возможность, отдать свой голос, за самого достойного представителя власти.

Любая форма общественного строя, в том числе и демократия, в качестве своей основы включает в себя разнообразные элементы «гражданского общества». Формируясь спонтанно, на основе разнообразных договорных соглашений «гражданское общество» представляет собой общественное единство граждан, охватывающее различные стороны жизни общества. По мнению философа, это начало общественной жизни является необходимой формой социального сотрудничества, формой служения, выражающей свободное взаимодействие отдельных частей общества, как элементов единого целого.

«Гражданское общество» способствует развитию таких духовных основ государства, как культура, образование, воспитание, религия, наука и т.п. Вступая в разнообразные организации и объединения, граждане государства, проявляют свою независимость, свободную волю, но, в тоже время, являются субъектами единой связи, общественной солидарности и права отстаивать свои интересы. В этой связи, демократия представляет собой, сложную по структуре систему отношений между государственной властью и общественными интересами, личной свободой прав.

Позиция Льва Платоновича Карсавина была близка точке зрения Бердяева о том, что демократия начала двадцатого века переживала «острый» кризис. Причина – отсутствие духовного единства и, как результат политическая нестабильность. В независимости от характера государственного строя, характерными чертами демократии стали: политическое противоборство партий, стремление выдать личные интересы лидеров за общественные стремления граждан, отрицание ряда духовных, в частности религиозных ценностей и норм.

Тремя основными элементами, или, как утверждал философ, феноменами государства являются территория, власть и население. Если территория, как природный индивид организуется и развивается в пространстве и во времени, то народ и власть, по своей сути,

это результат деятельности истории. Народ отличает общность происхождения, языка, культуры и истории. Русский философ писал: «Власть, родившаяся из народа или ставшая народной, способна управлять им, организует его. Такая власть столь же соответствует народу и краю, как и край соответствует народу. Без власти не может проявляться ни воля народа, ни его самосознание». [5, с. 224] Власть может возникнуть как следствие проявления политической силы, так и как результат общественного договора, но, в сущности, как считал Карсавин, она «живет» в человеке, правда не всегда им осознается.

С целью объективного анализа сильных и слабых сторон демократического строя, философ призывал отличать идеальное демократическое государство от реальной демократии. Конкретное государство не всегда становится демократическим несмотря на то, что стремится проявлять принципы демократии, соответствовать ее идеалам. В качестве примера, Карсавин использовал Францию.

Конститутивным моментом государственной власти является воля народа, а его выбор, условием зарождения высшего органа демократического государства – народного собрания. В этом, по мнению философа, и есть преимущество демократии. Воля народа способствует рождению власти, государства и самосознания. Проявляя волю, народ организуется в общество, формирует свою историю, культуру и т.п. Но, как указывал русский философ, проблема заключается в том, что избиратель, практически не знает, кого он выбирает и как избранный, будет управлять страной. Избирателям пытаются помочь представители различных партий, предлагая свои программы и кандидатуры своих руководителей. Однако, весь выбор заключается в том, что избиратель выбирает фамилию из списка кандидатов. В итоге, сделал вывод Карсавин, народ не управляет в демократическом государстве, а, только, выбирает, подчиняя себя на несколько лет неизвестным людям.

Также как и Франк, Карсавин придерживался точки зрения, что и парламент не всегда способен управлять государством. Да, соглашался философ, парламент принимает законы, выбирает и, даже может отстранить президента, но, в целом, партийное противоборство ослабляет его возможности.

Не управляет государством и кабинет министров, зависимый от противостояния партий, так как выбирается, или отстраняется парламентом. Кабинет министров предлагает парламенту проекты законов, дополняя, или исправляя их, поэтому, его деятельность связана с бюрократией исполнительного аппарата. Бюрократия – это ядро демократии, но сама не является демократичной. В результате, сделал вывод философ, демократический

строй является анархичным, а постоянным элементом власти в нем выступает бюрократия. А государство, таким образом, существует только потому, что не может считаться демократическим.

Любая социальная группа, внутри государства имеет своего руководителя, а если она многочисленна, то

руководящий слой. Так, или иначе, как утверждал философ, руководящий слой рождается в народе и должен опираться на него, учитывать его интересы и способствовать реализации его воли. Если, руководящий слой сотрудничает с народом, организуя его, то власть, действительно приобретает реальную силу, а государство становится все более совершенным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ильин И.А. Почему мы верим в Россию: Сочинения / И.А. Ильин – М.: Эксмо, 2007. – 912с.
2. Бердяев Н.А. Царство духа и царство кесаря. / Н.А. Бердяев – М.: Республика, 1995. – 383 с.
3. Франк С.Л. Избранные произведения / С.Л. Франк. - М.: Правда, 1990. – 608 с.
4. Франк С.Л. Духовные основы общества / С.Л. Франк. - Нью – йорк: Посев, 1988. – 316 с.
5. Карсавин Л.П. Избранные произведения / Л.П. Карсавин. - Харьков: Фолио, 2007. – 510 с.

© Чугунов Сергей Владимирович (serzh.chugunov.62@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Севастопольский государственный университет

Наши авторы

Our authors

Aliyeva S. – PhD in Cultural Studies, Associate Professor, Azerbaijan State University of Culture and Art (Baku)

An S. – Doctor of Philosophy, Professor, Altai State Pedagogical University, Barnaul

Arefyev M. – Dr. of Philosophy, Professor, St. Petersburg State Agrarian University (Saint Petersburg)

Arutyunyan M. – Doctor of philosophy, Professor, Pacific National University

Chernysheva M. – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Maritime State University G.I. Nevelskiy

Chugunov S. – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Sevastopol State University

Dybova A. – Pacific National University

Fedyai D. – PhD in Philosophy, Assistant Professor, SII APE "Saratov Regional Institute of Education Development", Saratov

Gavrilova Yu. – Candidate of Philosophy, Associate Professor, Moscow State Technical University named after N.E. Bauman (National Research University)

Gusentsova N. – Eastern European Institute of Psychoanalysis; Practicing psychologist, Director of the online psychological center

Kashlatova L. – candidate of cultural studies, BU "Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development", pqt Beryezovo

Kayasheva O. – Associate Professor, Moscow State Regional University

Kholov R. – Graduate student, Moscow Information Technology University - Moscow Institute of Architecture and Civil Engineering (MITU-MASI), MO Ivanteevka

Kostrigin A. – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Kosygin Russian State University (Technology. Design. Art) (Moscow)

Kozlova L. – Kosygin Russian State University (Technology. Design. Art) (Moscow)

Kravchenko P. – Postgraduate student, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Latysheva N. – cand. Philosophy, Associate Professor, Russian University of Transport (MIIT)

Lolaev T. – Doctor of philosophical science, Professor, North Caucasian Mining and Metallurgical Institute (State technological university), Vladikavkaz

Markman E. – Graduate student, Russian Christian Humanitarian Academy

Mladenov V. – Competitor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Transbaikalian State University"

Mouravov A. – Director, State Autonomous Vocational Educational Institution «North Caucasian Agrarian and Technological College»

Nabiullina M. – post-graduate student, Volgograd State University, Volgograd

Papysheva E. – Southern University (IUBiP), Rostov-on-Don

Petrov I. – Academy of marketing and socially-information technologies, Krasnodar

Petrova S. – Academy of marketing and socially-information technologies, Krasnodar

Pirlik Yu. – psychologist-practitioner, expert member of inter-regional social organization "Psychological Aid Development", Moscow

Platonova Z. – candidate of psychological sciences, associate professor, Northeastern Federal University, Yakutsk

Plotnova S. – Senior Teacher, Privolzhsky Research Medical University

Podolskaya O. – Candidate of Philosophical Sciences, Pacific National University

Puhir V. – PhD (Philosophy), Associate Professor, Russian State University named after A.N. Kosygin (Technology. Design. Art.)

Ragulina M. – PhD in Psychological sciences, Associate Professor, Pacific National University

Shevtsova Yu. – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Privolzhsky Research Medical University

Shmatova E. – Graduate student, Moscow Institute of psychoanalysis

Shoshina V. – Assistant, SII APE «Saratov Regional Institute of Education Development», Saratov

Simakova T. – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Leading Researcher, Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan

Skopa V. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Altai State Pedagogical University (Barnaul)

Sofiyev Kh. – PhD in culturology, Assos.Prof., Azerbaijan State University of Culture and Arts (Baku)

Torubarova T. – Doctor of Philosophy, Professor, Kursk State University

Varshaver N. – Senior Teacher, Privolzhsky Research Medical University

Yanchikov V. – clinical psychologist, head of the Institute of Evidence-based Psychosomatics «EVIRA», Moscow

Zekeryaev R. – Candidate of Sciences in Psychology, Lecturer, State Budgetary Educational Institution of Higher Education of the Republic of Crimea "Crimean Engineering and Pedagogical University" (Simferopol)

Zharuk I. – Postgraduate student of Pushkin Leningrad State University; Researcher of the FSBI "H. Turner National Medical Research Center for Children`s Orthopedics and Trauma Surgery" of the Ministry of Health of Russian Federation

Zykin A. – Doctor of Cultural Studies, Associate Professor, St. Petersburg State Agrarian University

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат».

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением “.doc”, или “.rtf”, шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускается.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Список литературы составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные - 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).